Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 10

Киров 2015

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

- **В. В. Блажеев**, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);
- **И. Р. Гафуров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);
- **Н. И. Егорова**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);
- **В. В. Лаптев**, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
- **А. А. Махнев**, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);
- Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);
- **Е. И. Пивовар**, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);
- **Н. Д. Светозарова**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
- **E. Protassova**, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);
- H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);
- D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

- **Н. М. Валеев**, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);
- П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);
- **В. М. Лавров**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва):
- М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);
- Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);
- О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);
- **В. Я. Перминов**, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
- В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);
- О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);
- Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);
- Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);
- М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент (г. Киров);
- С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);
- Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26, тел. (8332) 208-964 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы О. И. Коробкова, Т. Н. Котельникова

Компьютерная верстка: К. А. Ашихмина

Дизайн обложки: А. Ю. Чепурных

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент) Редактор выпускающий **М. А. Харунжева** (кандидат философских наук)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций) ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Внутских А. Ю. О точках бифуркации как элементарных единицах	
процесса развития и «ценности прошлого»	6
Тимшин В. А. Творение природы и творчество человека в философских работах К. Циолковского	13
исторические науки и археология	
Гагиева А. К., Кызьюров Л. А. Борьба за власть в Коми крае.	
Октябрь 1917 г. – июль 1918 г	
<i>Чемоданов И. В.</i> Стахановское движение в сельском хозяйстве Кировского региона во второй половине 1930-х гг	
<i>Ершов Б. А.</i> Пастырское служение Русской православной церкви	
в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг	31
<i>Чемоданов П. А.</i> Роль комсомольских организаций в развертывании	
стахановского движения в Кировском крае (Кировской области) в 1935–1941 гг <i>Улыбин Е. Н.</i> Пропагандистская деятельность органов НКВД-МГБ	38
среди японских военнопленных в 1945–1956 гг. (на примере Приморского края)	42
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Ахметова Л. А. Семантика удаления в русском, немецком и татарском языках.	
На материале производных глаголов движения	47
Сибгатуллина А. А. Выражение категории модальности в русском,	
немецком и татарском языках	53
Кузьменко Н. В. О меронимических связях в лексической системе языка	
(на материале наименований частей тела современного английского языка)	58
Фатхутдинова В. Г. Словообразовательная детерминация лексемы «ветер»	
в русском и испанском языках: этнолингвистический аспект	64
Баринова И. А. К вопросу о соотношении смысла и содержания текста	
при переводе	69
Ситдикова Ф. Б., Сабирова Р. Н. Вывод импликатуры	
как условие успешного акта коммуникации	
<i>Должич Е. А.</i> Научный текст как поле пересечения различных дискурсов	77
Процукович Е. А. Особенности реализации согласных в неродной речи билингвов	
(на материале русской речи селемджинских эвенков)	80
Обухова О. Н., Байкова О. В., Байкова А. В. Языковая вариативность	
российских немцев Глазова (фонетический уровень)	85
<i>Елканов К. Р.</i> Художественно-философское осмысление проблем человека	
в осетинском романе	
Решетов В. Г. «Иродиада» Гюстава Флобера: замысел	92

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Домрачев Д. Г. О некоторых вопросах совершенствования	
административного контроля (надзора) в Российской Федерации	0.0
(по материалам межрегиональной научно-практической конференции)	98
Ситникова М. П. К вопросу квалификации преступлений	
с экстремистским мотивом как отягчающим ответственность обстоятельством	102
Сучкова Т. Е., Сучков А. В. К вопросу об административно-правовом характере	
профессиональной деятельности врача	109
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бобков О. Б. Военно-профессиональное развитие личности курсантов	
в условиях военного вуза	116
Кагуй Н. В. Теоретические основы раннего билингвального образования:	
факторы мотивации и проблемы	124
Куртеева О. В. Квалиметрическая оценка развития тезауруса личности	
при реализации воспитательного проекта	131
Голованова Л. Н., Панкратова Е. Н. Некоторые основы развития	
лингвокреативности в обучении иностранным языкам	136
Птицына Е. В., Останина С. А. Особенности использования	
педагогических технологий в системе высшего образования	141
 Ананин П. В. Исследовательская компетентность бакалавров социальной работы:	
этапы формирования	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	153
INFORMATION AROUT AUTHORS	156

CONTENTS

Vnutskikh A. Y. About bifurcations as elementary units process of development and «value of the past» *ILyin A. N.* Ontology of female craziness

Timshin V. A. Creation of nature and creativity of man in the philosophical writings of K. Tsiolkovsky

Gagieva A. K., Kazurou L. A. The struggle for power in the Komi region. October 1917 – July 1918.

Chemodanov I. V. Stakhanov movement in agriculture of Kirov region in the second half of the 1930-s

Ershov B. A. Vicarial service of the Russian Orthodox Church in the period of the Great Patriotic War of 1941–1945.

Chemodanov P. A. The role of the komsomol organizations in the deployment of the stakhanovite movement in the kirov region in 1935–1941

Ulybin E. N. Propaganda activity of bodies of NKVD-MGB among Japanese prisoners of war in 1945–1956 (on the example of Primorsky Krai)

Akhmetova L. A. Semantics of remove in Russian, German and Tatar languages (on a material of the derived verbs of motion)

Sibgatullina A. A. Category of mood expression in the russian, german and tatar languages

Kuzmenko N. V. About meronymic relations in lexical system (based on body part terms in modern English)

Fatkhutdinova V. G. Word-forming determination of lexeme "wind" in the Russian and Spanish languages: ethno-linguistic aspect

Barinova I. A. On relation between sense and content in text translating

Sitdikova F. B., Sabirova R. N. Drawing the Implicature of an Utterance as the Condition of a Successful Speech Act

Dolzhich E. A. Scientific text as crossroads between various discourses

Protsukovich E. A. Peculiarities of realization of consonants in speech of bilinguals (based on the material of Russian speech of Selemdzha evenks)

*Obukhova O. N., Baikova O. V., Baikova A. V.*Linguales diversity of the Russian Germans in Glazov (phonetical level)

Elkanov K. R. Artistic and Philosophical Interpretation of Problems of a Man in the Ossetic Novel *ReshetovV. G.* GustaveFlaubert's "Herodias": Intention

Domrachev D. G. On some issues of improvement of administrative control (supervision) in the Russian Federation (on materials of the scientific-practical conference)

Sitnikova M. P. To question the qualification of crimes with an extremist motive as an aggravating responsibility circumstance

Suchkova T. Y., Suchkov A. V. On the question of administrative and legal nature of the professional activities of doctor

Bobkov O. B. Military-professional development of cadets' individuality in a military university

Kaguy N. V. Theoretical backgrounds of early bilingual education: factors of motivation and problem areas

Kurteeva O. V. The qualimetrical estimation of the development of thesaurus of personality through the realization of the educational project

Golovanova L. N., Pankratova E. N. Some aspects of lingvocreativity development in foreign language teaching

Ptitsyna E. V., Ostanina S. A. Features of the use of educational technology in higher education *Ananin P. V.* Research competence of bachelors of social work: stages of formation

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 116

А. Ю. Внутских

О точках бифуркации как элементарных единицах процесса развития и «ценности прошлого»

Исследуется проблема «кванта развития», функционирование которого должно объяснять постоянное воспроизведение основной структуры мирового процесса: магистрали и двух подчиненных направлений (включенного и невключенного низшего). В качестве «квантов развития» выступают случайные по форме, но необходимые по содержанию точки бифуркации магистрали мирового процесса, которые постоянно дифференцируют ее полипотентный материал на «стволовую часть», продолжающую магистраль, и условия.

Делается попытка оценить уровень разнообразия элементов, необходимый для полноценного функционирования «элементарной единицы» развития. Показывается, что сохранение более простого является необходимым условием для простого продолжения мирового процесса, а сохранение более сложного является гарантией, предохраняющей от движения к деградации.

The problem of «elementary unit», «cell» or «quantum» of development is discussed in the article. Author means that functioning of this «quantum» have to explain continuous reproduction of the main structure of the process of development: appearance of main line of development and two subordinates lines (line of evolution included primitive elements and line evolution of non-included primitive elements). Actually, «points of bifurcation» of the of main line of development of world process constantly differentiate its totipotencial material on the «stem part», or continuing main line of development, and conditions of main line. Author attempts to estimate variety of «quantum» of development's elements for its normal functioning on the basis of the fundamental law of «cenology». Author suggests that preservation of «primitive» elements is a necessary condition for continuation of world process because only normal functioning of these elements protects the main line of development from degradation.

Ключевые слова: «квант развития»; единый закономерный мировой процесс; основной закон «ценологии»; оптимальная мера разнообразия; «ценность прошлого».

Keywords: «quantum of development»; integrated regular world process; a main law of «cenology»; optimal measure of diversity; «value of the past».

Как известно, идея эволюции имеет долгую историю в философии и науке. Эта идея, начавшись с гениальных догадок мыслителей Античности (Анаксимандра, Гераклита и др.), обогатилась представлениями о ее необратимом (Августин Аврелий) и прогрессивном характере (просветители XVIII в.), затем получила замечательные конкретно-научные выражения в XIX в. (эволюционная геология Ч. Лайеля, эволюционная биология Ж. Ламарка и Ч. Дарвина) и, наконец, обрела формы системообразующей для современной научной картины мира концепции глобального или универсального эволюционизма (Э. Янч, Н. Н. Моисеев), имеющей и собственно философский эквивалент – концепцию единого закономерного мирового процесса [1].

Судьба этой идеи непроста. Р. Нисбет указывает, что после почти двухсотлетнего господства важный элемент идеи эволюции – принцип прогресса – в условиях постмодернистского «надлома» общественного сознания был в существенной мере ослаблен из-за эрозии пяти его базовых предпосылок: веры в ценность прошлого; убежденности в превосходстве западной цивилизации; высокой ценности экономического и технологического развития; веры в разум и науку; убежденности в ценности жизни [2]. Однако указанные предпосылки-ценности, на наш взгляд, в конечном счете разрушаются не потому, что сам прогресс на поверку оказался фикцией, а в силу исчерпанности способа развития той самой «западной цивилизации», а потому и исчерпанности «социального оптимизма», столь свойственного эпохе Просвещения и модерна.

Филологические науки

Оказывается, идея прогресса была близка ряду крупных античных мыслителей I в. до н. э. – I в. н. э., в том числе Цицерону, Лукрецию Кару, Сенеке [3]. Однако в условиях приближающегося кризиса господствующей силы античного мира – Римской империи (II–III вв. н. э.) идея прогресса не могла оформиться в качестве целостной теории и завоевать широкое признание. Это произошло много позже, когда крепнущий капитализм сформировал соответствующие социально-экономические предпосылки для интерпретации уже известных и вновь открытых фактов прогрессивно направленного развития. Параллели между мировоззрением эпохи заката античного общества и мировоззрением эпохи постмодерна, которые в равной степени оказываются невосприимчивыми к представлениям о прогрессе в силу кризисного состояния экономической и политической сферы общества, на наш взгляд, напрашиваются сами собой.

Однако основным предметом данной статьи является не исследование предпосылок и возможного будущего идеи прогрессивно направленного развития как таковой. Как известно, существенным (хотя, безусловно, не исчерпывающим) элементом научной методологии является анализ, «редукция» сложного явления до простейших составляющих. Невозможно адекватно понять сложное, не имея представления о его простых частях. И мы предлагаем задаться вопросом – а что собой представляет элементарная единица, так сказать квант развития? При этом хотелось бы подчеркнуть: очень важно, чтобы теоретическое воспроизведение функционирования этой единицы обеспечивало «выведение» сложных явлений из простых.

В свое время В. И. Ленин утверждал, что «в любом предложении можно (и должно), как в "ячейке" ("клеточке"), вскрыть зачатки всех элементов диалектики...» [4]. Ленин подразумевал в данном фрагменте единство и разделение противоположностей – диалектическую связь единичного и общего, случайного и необходимого в любом элементарном высказывании. Однако если продолжить материалистическую логику Ленина, очевидно, что, во-первых, элементы языка («предложения») можно рассматривать как «клеточки развития» именно потому, что язык в какой-то мере отражает некие объективно существующие элементарные «кванты» мирового процесса. Во-вторых, рассматриваемый Лениным абстрактно-всеобщий уровень диалектики, будучи необходимой основой для суждения о развитии, не является самодостаточным. Если философия претендует на оказание действенной помощи частным наукам в постановке и решении их фундаментальных проблем (а она должна это делать, коль скоро в число ее функций входят гносеологическая, методологическая и прогностическая), необходимо вводить в диалектическую картину сжатое описание особенного. Иными словами, абстрактно-всеобщая диалектика должна быть дополнена диалектикой конкретно-всеобщей [5], которая способна содержательно определить не только всеобщие черты развития, но и его конкретные результаты и направления.

Основой для суждения об элементарной единице эволюционного процесса, на наш взгляд, может служить концепция *единого закономерного мирового процесса* (ЕЗМП). Основные ее положения, обоснованные системой фактов современных частных наук, в аспекте вопроса можно сформулировать следующим образом.

- 1. Прогресс отнюдь не является линейным и «фронтальным» для всех объектов, он осуществляется как весьма избирательный процесс, как рост «диапазона сложности» объектов; следовательно, ЕЗМП имеет сложную структуру.
- 2. Структура ЕЗМП включает три направления магистраль, т. е. последовательность основных форм материи (пока известны четыре физическая, химическая, биологическая, социальная), в рамках которой прогресс выражен наиболее четко; направление развития включенного низшего, формирующее простые основы сложных явлений, т. е. «внутренние условия» продолжения магистрали (например, физико-химические основы жизнедеятельности клетки); направление развития невключенного низшего, формирующее среду, т. е. «внешние условия» продолжения магистрали (например, физико-химические условия развития биологических видов). На двух последних (подчиненных) направлениях развития прогресс выражен в меньшей степени.
- 3. Подчиненные направления развития в итоге генерируются на магистрали и выполняют в отношении ее «сервисные» функции, обусловливают ее продолжение; таким образом, в каждой точке магистрали происходит бифуркация, дифференциация ее материала (объектов) на обусловленное (магистраль) и обусловливающее (подчиненные направления), благодаря чему мировой процесс выступает как «самосовершающийся», обладающий «прогрессивной направленностью» в целом.
- 4. В полном соответствии с синергетическим подходом исход бифуркации для каждого единичного объекта объективно случаен: окажется ли данный объект на магистрали или на подчиненном направлении развития не предопределено; однако синергетикой, на наш взгляд, недооценивается предопределенность самого порождения все новых бифуркаций на магистрали, а следовательно, закономерное продолжение роста «диапазона сложности» объектов в ходе ЕЗМП.

Если исходить из указанных положений, станет очевидным, что элементарные единицы, «кванты» эволюции следует искать на магистрали, причем именно в обозначенных выше точках бифуркации, которые каждый раз «в миниатюре», как своеобразный «микрокосм», воспроизводят всю структуру ЕЗМП. А именно – продолжение прогресса в лице некоторых объектов, выходящих на магистраль ценой «консервации» на достигнутом уровне сложности остальных объектов, необходимых в качестве условий для продолжения магистрали. В каждой такой «клеточке развития» осуществляется определенный селективный процесс, что позволяет определить происходящие в ней процессы как *«элементарный акт отбора»* [6]: изначально сходные мультипотентные объекты дифференцируются в ходе конкурентных взаимодействий, и по мере нарастания их различий начинают дополнять друг друга в ходе подбора (объекты подчиненных направлений развития обусловливают магистраль, магистраль в определенной мере «доразвивает» объекты подчиненных направлений).

Возможно ли количественно оценить *уровень разнообразия элементов*, необходимый для полноценного функционирования «клеточки развития», т. е. для продуцирования на ее основе магистрали и подчиненных направлений?

Возможно, определенный вклад в выявление таких закономерностей может внести *«це-нологический подход»*, разрабатываемый школой Б. И. Кудрина. «Ценология» в их понимании – это универсальный подход, применимый к любым (неживым, биологическим, социальным, техническим) системам слабосвязанных конкурирующих элементов. Основной закон ценологии фактически характеризует *меру оптимального разнообразия* нормально развивающихся систем и формулируется следующим образом: *количественно-видовое распределение элементов в ценозе стремится к гиперболическому Н-распределению* [7].

В качестве ряда эмпирических закономерностей эта тенденция была ранее выявлена для систем самой различной природы (от частот встречаемости слов в литературных произведениях и распределения экономического влияния до распределения видов по численности в экосистемах и галактик по массе) в работах Дж. Ципфа, В. Парето, С. Бредфорда, А. Лотки и др. Оказывается, что устойчивой и нормально развивающейся системой может быть только система, в которой 40–60% всех «видов» имеют малое количество «особей» и образуют т. н. «ноеву касту» (5–10% всех «особей»), а 40–60% всех «особей» образуют «саранчовую касту» (5–10% всех «видов»). То есть для функционирования данной системы в качестве «клеточки развития» она должна обладать вполне определенным уровнем многообразия.

Так, следствием основного закона ценологии является то, что системы, состоящие только из уникальных или только из одинаковых «особей», неустойчивы и нормально развиваться не могут, подобно тому как не может нормально функционировать школьный класс, состоящий из одних отличников или одних троечников. Одна из формулировок закона Парето гласит, что 20% усилий обеспечивают 80% результата. Едва ли его можно рассматривать как непреложный закон с конкретно заданными числовыми параметрами, но в качестве общего правила, говорящего о необходимом для полноценной реализации эволюционного процесса разнообразии, он, по-видимому, применим.

На наш взгляд, основной закон ценологии можно соотнести с конкретно-всеобщей закономерностью конвергенции – сложное (способное стать сложным путем выхода на магистраль) распространено существенно меньше, нежели простое. Важно, однако, подчеркнуть, что и простое (остающееся простым) совершенно необходимо для продолжения развития. И в этом смысле едва ли «80% усилий» в законе Парето, как часто утверждается, оказываются «бесполезными». Почему? Во-первых, как уже отмечалось, простое, оставаясь простым, формирует условия, необходимые для продолжения магистрали. Во-вторых, для продолжения магистрали должно быть достигнуто некоторое «оптимальное многообразие» более простого. Все основные возможности предшествующего этапа развития должны быть реализованы, исчерпаны.

Например, для того, чтобы биосфера могла породить человека, в ходе ее эволюции должно было сформироваться определенное многообразие биоты. Смысл этого, на наш взгляд, в том, что реализация всего спектра основных возможностей развития более простого закрывает для более сложного, выходящего на магистраль, «путь назад»: возникает ситуация, при которой открыты только те «ниши», которые можно освоить лишь на пути усложнения. Таким образом, гармоничное взаимодействие более сложного с более простым, «вера в ценность прошлого», его сохранение и доразвитие приобретают фундаментальное значение: только при этом условии магистральное направление гарантирует себя от провала, только на этом пути более сложное уходит от возможности деградации. Думается, что актуальность этого тезиса для понимания и решения актуальных проблем современности – от экологической до социально-экономических и политических – не вызывает сомнений.

Филологические науки

Примечания

- 1. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3.
- 2. Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007.
- 3. Рахманин А. А. Зарождение идеи прогресса: Античность или Новое время? // Гуманитарный вектор. Сер.: Педагогика, психология. 2009. № 2. С. 46–49.
- 4. Ленин В. И. К вопросу о диалектике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1963. Т. 29. С. 318.
 - 5. *Орлов В. В.* Указ. соч.
- 6. Внутских А. Ю. Отбор в природе и отбор в обществе: опыт конкретно-всеобщей теории. Пермы: Изд-во Перм. ун-та, 2006. С. 147–148.
 - 7. Кудрин Б. И. Введение в технетику. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1991. С. 21.

Notes

- 1. Orlov V. V. *Istoriya chelovecheskogo intellekta*[History of the human intellect]. Perm. Publishing house of Perm University. 1999. Part 3.
 - 2. R. Nisbet *Progress: istoriya idei* [Progress: the history of an idea]. M. IRISEN. 2007.
- 3. Rakhmanin A. *Zarozhdenie idei progressa: Antichnost' ili Novoe vremya?* [Emergence of the idea of progress: Antique or New time?] // *Gumanitarnyj vektor. Ser.: Pedagogika, psihologiya* Humanitarian vector. Ser.: Education, psychology. 2009, No. 2, pp. 46-49.
- 4. Lenin V. I. *K voprosu o dialektike* [To the question of dialectics] // Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij* Complete works. M. Gospolitizdat. 1963. Vol. 29. P. 318.
 - 5. Orlov V. V. Op. cit.
- 6. Vnutskikh A. Y. *Otbor v prirode i otbor v obshchestve: opyt konkretno-vseobshchej teorii* [Selection in nature and selection in society: the experience of the specific-universal theory]. Perm. Publishing house of Perm University. 2006. Pp. 147-148.
- 7. Kudrin B. I. *Vvedenie v tekhnetiku* [Introduction to technetic]. Tomsk. Publ. of Tomsk State University. 1991. P. 21.

УДК 1/14

А. Н. Ильин

Онтология женского юродства

В статье рассматривается онтология женского юродства. Проанализированы специфические особенности данного явления. Рассмотрен характер присутствия женского юродства в бытии. На примере Блаженной Ксении Петербургской и юродивых Дивеевского монастыря рассмотрены онтологические принципы женского юродства. Если юродивый-мужчина буйно протестует против существующего устройства мира, грехов, постоянно совершаемых людьми, то женское юродство носит ярко выраженный характер молитвенной аскезы. Если юродивого-мужчину можно всегда увидеть в гуще людей проповедующим и взывающим к людям, то юродивая-женщина – это всегда странная по своему поведению женщина, постоянно молящаяся, проводящая свою жизнь в постоянном посте и аскезе. Сделан вывод о том, что присутствие женского юродства в бытии имеет ряд отличительных черт по сравнению с проявлением мужского юродства.

In article the ontology of female craziness is considered. Specific features of this phenomenon are analysed. Nature of presence of female craziness at life is considered. On the example of Blessed Ksenia Peterburg-skaya and foolishes of the Diveevsky monastery the ontologic principles of female craziness are considered. If the male foolish violently protests against the existing peace arrangement, sins which are constantly made by people, female craziness has pronounced character of a prayful ascesis. If the male foolish can always be seen in the thick of people, preaching and appealing to people, the female foolish is always the woman, strange on the behavior who is constantly praying, carrying out the life in a constant post and an ascesis. The conclusion that presence of female craziness at life has a number of distinctive features in comparison with manifestation of male craziness is drawn.

Ключевые слова: юродство, святость, аскеза, вера, онтология, бытие.

Keywords: yurodstvo, sanctity, ascesis, belief, ontology, life.

Юродство является особым аскетическим образом жизни. Со времени установления христианства мы наблюдаем данное явление во всей его многоплановости. В истории религии присутствует множество свидетельств о таком проявлении служения Господу Богу. За несколько ве-

© Ильин А. Н., 2015

ков, в течение которых мы наблюдаем юродивых, количество странностей их жизни представлено очень многообразно (подробнее о юродстве см.: [1]). Несомненно, нам нужно проанализировать юродство с точки зрения половой принадлежности. Конечно, юродивых-мужчин в истории несоизмеримое большинство по сравнению с юродивыми-женщинами. Но те женщины-юродивые, которые вошли в сонм святых подвижниц Христовой веры, являются ярчайшими представительницами юродства. В своей статье мы рассматриваем феномен женского юродства. Для этого мы проанализируем жизнь и аскезу таких юродивых, как Ксения Петербургская, Пелагия Ивановна Серебренникова, Паша Саровская, Мария Ивановна.

Для анализа особенностей юродства необходимо проследить весь путь жизни святых подвижниц. Но здесь есть определённые трудности. Свиде-тельств биографического характера, касающихся периода жизни до начала юродствования, у них, как правило, не существует. Присутствует только ряд скудных сведений их общего положения в обществе: из какого сословия, чем занимались в профессиональном смысле. Мы можем лишь видеть контуры, приведшие их к юродствованию.

Подробного жизнеописания святая блаженная Ксения Петербургская (в миру Ксения Григорьевна Петрова) не имеет. Она является русской православной святой, Иисуса Христа ради юродивой. Родилась между 1719 и 1730 гг. и несла подвиг добровольного безумия в течение 45 лет. Скончалась в Санкт-Петербурге не позднее 1806 г. Как мы видим, даже год смерти официально не обозначен. Это говорит о том, что сами сотворённые чудеса приобретали легендарный характер, передавались из уст в уста, и многие считали, что их покровительница жива.

Любые документальные сведения и свидетельства о её жизни отсутствуют, первые публикации народных преданий о ней относятся к 1840-м гг. Это действительно народные предания. Согласно этим повествованиям, она была женой придворного певчего Андрея Петрова, имевшего чин полковника. После внезапной смерти мужа 26-летняя Ксения и избрала тяжёлый путь юродства во Христе. Она пожертвовала свой дом в приходе Матфеевской церкви и имущество одной из своих знакомых, облачилась в одежды мужа и говорила, что он жив, а сама Ксения умерла. По другим сведениям, после смерти мужа Ксения находилась в каком-то полуобморочном состоянии и никак не могла из него выйти. Она стала раздавать направо и налево своё имущество всем окружающим её людям. За это её посчитали сумасшедшей. Родственники пресекли раздачу имущества. Тогда Ксения и переоделась в одежду мужа и принялась юродствовать. Мы не знаем, что именно послужило толчком к избранию нелёгкого пути. Смерть мужа была настолько сильным потрясением, что после этого события Ксения стала совершенно другим человеком.

Ксения неистово молилась о людях по нескольку часов, не чувствуя усталости и несмотря на непогоду. Молилась по ночам, когда её никто не видит, скрывая от окружающих свою цель – цель Святого служения людям. В отличие от мужского юродства, когда юродивый проклинает правителей, буйствует, провоцирует окружающих на своё порицание, ведёт себя вызывающе, не обращая никакого внимания на общественную мораль, женское юродство пронизано любовью к ближнему.

После многолетнего искреннего народного почитания блаженная Ксения Петербургская была причислена к лику святых в 1988 г. на Поместном соборе Русской православной церкви. Память по ней празднуется 6 февраля (по новому стилю) / 24 января (по старому стилю).

Сведения о Ксении доносят до нас свидетельства о сотворённых ею чудесах. Вот одно из них. Однажды Ксения Петербургская зашла к своей знакомой Параскеве Антоновой, у которой не было и не могло быть детей, и сказала ей: «Ты сидишь, чулки свои штопаешь, а не знаешь, что Господь Бог тебе сына послал». Ксения велела ей бросить все дела и идти на кладбище. «Идти на кладбище за сыном?» – Параскева, недоумевая, отправилась туда. Около кладбища мимо проходила молодая беременная женщина. На глазах у Параскевы она попала под лошадь. Женщина сразу умерла, родив ребёнка прямо на мостовой. Параскева забрала посланного ей мальчика себе на воспитание.

Несмотря на то, что Ксения Петербургская юродствовала в мужской одежде, на иконах она всегда изображается в юбке с платком на плечах и платком на голове, опирающейся левой рукой на клюку. На заднем плане представляют Смоленскую церковь и часовню Ксении Блаженной на Смоленском кладбище.

После её похорон на Смоленском кладбище в 1902 г. люди растащили по горсточке весь насыпанный холм земли. Пришлось возвести холм заново, и снова он весь был разобран. Считалось, что растворённая в воде земля исцеляет от многих болезней. Власти предприняли ещё одну попытку возвести холм. Всё повторилось заново... Тогда на могилу была положена плита. И её люди разобрали. Позже на её могиле по проекту архитектора А. А. Всеславина была построена камен-

Филологические науки

ная часовня, которая и по сегодняшний день служит одной из святынь Санкт-Петербурга и привлекает многочисленных паломников.

Народное почитание Ксении носит разнообразный характер. Храм Блаженной Ксении Петербургской был построен в селе Арское Ульяновской области по проекту отца Алексея всего за один год. В апреле 2002 г. настоятель отец Алексей Кормишин (в миру по профессии архитектор) приступил к разработке проекта нового храма рядом со старым храмом Богоявления.

В июле этого же года силами прихода начато его строительство, которое велось «во Славу Божию», без целевого стабильного финансирования. Храм был освящён иерейским чином 17 апреля 2003 г. по благословению владыки Симбирского и Мелекесского Прокла. Если во имя человека возводятся храмы, то это говорит о великом признании заслуг подвижника перед Богом и людьми. Женское юродство обладает теми отличительными особенностями, что несёт людям божественную любовь и смирение. Почитание Ксении Петербургской является прямым свидетельством этого утверждения.

Чтобы подробно рассмотреть подвиг женского юродства и определить характер присутствия женского юродства в бытии, необходимо проанализировать феномен Дивеевской обители. В ней присутствовали и присутствуют юродивые-женщины. Эта обитель олицетворяет подвиг великих женщин – юродивых Христа ради. Участвовал в основании обители Святой Серафим Саровский. Он заранее знал особое предназначение монастыря. Он чувствовал, что в нём особым образом проявятся Святые черты женского юродства. И действительно, в Дивеевской обители присутствует особое женское «династическое» юродство.

Христа ради юродивые в своей жизни шли путём истины, добра, свободы от накопившихся в обществе дурных привычек, пристрастий и подобострастия. Это объясняет тот факт, что их так любили во все времена простые верующие люди, что чувствовали близость юродивых с Богом.

По предсказанию преподобного Серафима Саровского, Дивеевский монастырь всегда был и будет местом присутствия духовных стариц, блаженных, юродивых Христа ради. Блаженные Христа ради юродивые подвижницы сохраняли свою Святую обитель великим подвигом юродства. А сами жили по своим высшим законам, так непонятным простым людям.

Женское юродство проявилось здесь как никогда. Сейчас в обители прославлены в лике святых подвижниц три дивеевские женщины-юродивые, сменявшие друг друга на этом тернистом пути. Все они упокоены своими святыми мощами в Преображенском соборе. Сохранились многочисленные свидетельства очевидцев о чудесных событиях и исцелениях, происходивших и продолжающих происходить в наши дни по молитвам блаженных стариц.

Как отмечается в религиозной литературе, Серафим Саровский сказал о будущей блаженной старице Пелагии Ивановне Серебренниковой следующее: «Эта женщина будет великий светильник!» Серафим Саровский чувствовал, что она станет великой юродивой и будет олицетворять Святую обитель своим служением. Нам необходимо проанализировать, каким образом Пелагия Ивановна пришла к юродству. Её жизнеописание сохранилось, и мы можем сделать обоснованный вывод о том, что именно Серафим Саровский определил путь её служения. Жизнеописание сообщает нам, что вскоре после вынужденного замужества Пелагия Ивановна побывала у преподобного Серафима в Сарове и после беседы с ним духовный путь её чётко определился. Она положила на себя лик мнимого безумия. Пелагия Ивановна стала несуразно одеваться и очень странно вести себя, вызывая пересуды людей и явные оскорбления и унижения. Она жила на улице, юродствовала днём, бегала по городу и безумствовала, а ночи проводила в молитве на паперти церкви. Муж, не понимавший великого пути жены, избивал её, морил голодом, сажал на цепь. Эти страдания окончательно подготовили Пелагию Ивановну к переходу в Дивеевскую обитель в 1837 г. С молодости Пелагия Ивановна обладала дарами прозрения и прозорливости, открывая людям будущее. В Дивеево данные способности приобрели особый смысл. Эти духовные дары стали привлекать к ней множество людей, разных по званию, сословию и состоянию. Пелагия Ивановна утешала, исцеляла, наставляла, обличала несправедливость. Многих людей юродивая направила по пути спасения и веры в Иисуса Христа. За святость жизни Пелагию Ивановну и сегодня называют «второй Серафим».

Вторая блаженная Дивеевской обители – Параскева, более известная как Паша Саровская. Её жизнь также хорошо нам известна. Необходимо отметить вехи её жизни и определить, каким образом она стала юродствовать. Параскева в миру была экономкой и пострадала от ложного обвинения в краже. Не выдержав несправедливости, она бежала в Киев и там приняла тайный постриг в великую схиму с именем Параскевы, после чего стала называть себя Пашей. По свидетельству монашествующих обители, преподобный Серафим ещё при жизни благословил Прасковью Ивановну на юродскую жизнь в лесах, прилегающих к Сарову и Дивеево.

Образ жизни юродивой Паши Саровской был очень странен. Годы её жизни были годами одиночества. Родных, друзей у неё не было. И заменяли ей семью несколько кукол, которые она всегда носила с собой. Она постоянно играла с ними. Монашеский чин Паша знала очень плохо: Богородицу наивно называла «маленькая за стёклышком», но почитала её как самого близкого человека. По свидетельствам очевидцев, Паша во время молитвы могла приподниматься над землёй.

Именно к ней в 1903 г. после канонизации преподобного Серафима Саровского приехали император Николай II и императрица Александра Фёдоровна. Настоятельница-игуменья изо всех сил уговаривала Пашу убраться в келье. Но она встретила первых лиц как обыкновенных гостей: самоваром чая и сковородой картошки. «Везде меня встречают как царя, и только здесь как человека», - сказал Николай II. По некоторым данным, блаженная предсказала надвигавшуюся на Россию катастрофу: рождение и болезнь наследника, гибель династии Романовых, гонения на Церковь и море крови. Сейчас в Дивеево ещё одним местом паломничества стала келья блаженной Паши Саровской. Она жила в домике у монастырских ворот. С утра до вечера Паша принимала приходивших к ней людей, кого-то обличая в тайных грехах, кому-то в точности предсказывая их будущее. Именно Паша предсказала последнему русскому императору Николаю ІІ рождение цесаревича. И именно она утверждала, что «этот царь будет выше всех других царей». Наверное, она чувствовала, что Николай Второй и его семья будут причислены к святым как мученики. Перед своей собственной кончиной она поцеловала портрет Николая II со словами: «Миленький уже при конце». Сама она скончалась 5 октября 1915 г. в возрасте примерно 120 лет после тяжёлой болезни. В келье Паши со дня её смерти почти ничего не изменилось. Прикоснуться к её вещам многие верующие считают большой благодатью.

Перед своей смертью блаженная Параскева благословила жить в Дивеевской обители свою преемницу – блаженную Марию Ивановну. Как отмечают свидетельства, Мария Захаровна Федина родилась в крестьянской семье. Впоследствии она стала называть себя Ивановной, говоря, что «все блаженные Ивановны – по Иоанну Предтече». С детства Мария отличалась многими своими странностями, любила уединение и молитву. Осиротев в 14 лет, она скиталась между Дивеево и Саровом голодная, полунагая, гонимая всеми, пока не поселилась в Дивеевском монастыре (подробнее о наготе юродивых см.: [2]). Мария Ивановна говорила очень быстро и много, иногда стихами (подробнее о глоссолалии юродивых см.: [3]). Временами сильно ругалась, особенно после революции 1917 г., но под её словами скрывались прозорливые обличения. Она исцеляла страждущих, о чём сохранились многочисленные свидетельства очевидцев. В годы тяжёлых революционных испытаний очень увеличился поток нуждающихся в наставлении и молитвенной помощи. Её пророчества и предсказания помогали людям избежать опасности и гибели. Мария Ивановна, провидя будущие испытания лагерями, ссылками и годами безбожия, укрепляла сестёр обители, предсказывая возрождение Серафимо-Дивеевского монастыря. Дивеевские блаженные Пелагея, Параскева и Мария были причислены к лику местночтимых святых в 2003 г.

Подводя итог нашему исследованию, можно констатировать, что феномен женского юродства коренным образом отличается от юродства мужского. Если юродивый-мужчина буйно протестует против существующего устройства мира, грехов, совершаемых людьми, то женское юродство носит ярко выраженный характер молитвенной аскезы. Если юродивого-мужчину можно всегда увидеть в гуще людей, проповедующего и взывающего к людям, то юродивая-женщина – это всегда странная по своему поведению женщина, постоянно молящаяся, проводящая свою жизнь в постоянном посте и аскезе. Целью её поступков является любовь. Спасение людей происходит через обретение божественной благодати. Люди это чувствуют, и в России всегда будут почитаться великие женщины-юродивые, внесшие огромный вклад в совершенствование человеческого духа.

Примечания

1. Ильин А. Н. Онтологический смысл юродства: монография / под ред. О. И. Кирикова. М.: Наука-Информ; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2013. 298 с.; Он же. Юродство как российский феномен // Религия и общество: традиции, особенности и генезис духовных и культурных ценностей: кол. монография: кн. 3 / под общ. ред. О. И. Кирикова. М.: Наука-Информ; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2012. С. 104–122; Он же. Онтологическая сущность юродства // Религия и общество: традиции, особенности и генезис духовных и культурных ценностей. С. 85–103; Он же. Анализ критического взгляда на юродство (по материалам книги Н. Баркова 1864 года: «Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дуръ и дураковъ») // Научные исследования: информация, анализ, прогноз: кол. монография: кн. 4 / под общ. ред. О. И. Кирикова. М.: Наука-Информ; Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2013. С. 92–109; Он же. Феномен изменённого состояния сознания // Материалы международной научной конференции «Философия, педагогика и социология в XXI веке» / под общ. ред. О. И. Кирикова. М.: Наука-Информ; Воронеж: Изд-во Во-

Филологические науки

ронеж. гос. пед. ун-та, 2013. С. 46-67; Он же. Феноменология юродства // Казанская наука. 2014. № 1. Январь. С. 106-108; Он же. Юродство как протест против мшелоимства // Казанская наука. 2014. № 2. Февраль. С. 118–121; Он же. Юродство как самотрансценденция // Казанская наука. 2014. № 3. Март. С. 117–119.

- 2. Ильин А. Н. Юродство как нагоходство // Казанская наука. 2014. № 4. Апрель. С. 125–127.
- 3. Глоссолалия как признак юродства // Казанская наука. 2014. № 5. Май. С. 71–73.

Notes

- 1. Ilyin A. N. Ontologicheskij smysl yurodstva: monografiya [The ontological meaning of Holy foolishness: monograph] / ed. by O. I. Kirikov. M. Nauka-inform; Voronezh. Publishing house of Voronezh State Ped. University. 2013. 298 p.; Also him. YUrodstvo kak rossijskij fenomen [Holy foolishness as a Russian phenomenon] // Religiya i obshchestvo: tradicii, osobennosti i genezis duhovnyh i kul'turnyh cennostej: kol. Monografiya - Religion and society: traditions, characteristics and genesis of the spiritual and cultural values: monograph: 3d book / ed. by O. I. Kirikov. M. Nauka-inform; Voronezh. Publishing house of Voronezh State Ped. University. 2012. Pp. 104-122. Also him. Ontologicheskaya sushchnost' yurodstva [The ontological essence of the Holy foolishness] // Religiya i obshchestvo: tradicii, osobennosti i genezis duhovnyh i kul'turnyh cennostej - Religion and society: traditions, characteristics and genesis of the spiritual and cultural values. Pp. 85-103. Also him. Analiz kriticheskogo vzglyada na yurodstvo (po materialam knigi N. Barkova 1864 goda: «Dvadcat' shest' moskovskih lzhe-prorokov, lzhe-yurodivyh, dur" i durakov"») [Analysis of critical look at the Holy foolishness (based on the book of N. Barkov of 1864: "Twenty-six Moscow false prophets, false Holy fools and fools")] // Nauchnye issledovaniya: informaciya, analiz, prognoz: kol. Monografiya -Scientific research: information, analysis, and prediction: monograph: 4th book / ed. by O. I. Kirikov. M. Nauka-inform; Voronezh. Publishing house of Voronezh State Ped. University. 2013. Pp. 92-109. Also him. Fenomen izmenyonnogo sostoyaniya soznaniya [The phenomenon of altered states of consciousness] // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Filosofiya, pedagogika i sociologiya v XXI veke» – Proceedings of international scientific conference "Philosophy, pedagogy and sociology in the XXI century" / ed. by O. I. Kirikov. M. Nauka-inform; Voronezh. Publishing house of Voronezh State Ped. University. 2013. Pp. 46-67. Also him. Fenomenologiya yurodstva [Phenomenology of the Holy foolishness] // Kazanskaya nauka - Kazan science. 2014, No. 1, Jan., pp. 106-108. Also him. YUrodstvo kak protest protiv msheloimstva [Holy foolishness as a protest against selaimesta] // Kazanskaya nauka - Kazan science. 2014, No. 2, Feb., pp. 118-121. Also him. [Holy foolishness as semitransparency] // Kazan science. 2014, No. 3, March, pp. 117-119.
- 2. Ilyin A. N. YUrodstvo kak nagohodstvo [Holy foolishness as nikodemo] // Kazanskaya nauka Kazan science. 2014, No. 4, April, pp. 125-127.
- 3. Glossolaliya kak priznak yurodstva The glossolalia as a sign of foolishness // Kazanskaya nauka Kazan science. 2014, No. 5, May, pp. 71-73.

УДК 1(091):123

В. А. Тимшин

Творение природы и творчество человека в философских работах К. Циолковского

По мнению К. Циолковского, главным источником нового знания является Вселенная. Чувственно созерцая и разумно анализируя воспринятое, отбросив ложные авторитеты и сомнительные знания, человек познает творения Первопричины.

Творчество человека соотносится с творением природы так же, как работа искусного мастера с поделкой ребенка. Тем не менее, обладая волей, человек способен к творческой, созидательной деятельности. Наиболее ярко этот процесс реализуют гении, судьба которых не всегда завидна. Обладая развитым воображением и создавая необычные образы, они становятся непонятными окружающим и часто преследуемыми. Но именно благодаря их идеям общество движется вперед и имеет многократные материальные выгоды. Поэтому человечество должно всячески поддерживать творческих людей и отдавать им не менее трети своих доходов.

В будущем произойдет объединение всех народов Земли и всей Вселенной, что значительно усилит творческий потенциал и приведет к невиданным до сегодняшнего дня открытиям. Подобное уже осуществлено внеземными цивилизациями.

According to Tsiolkovsky, the main source of new knowledge is the universe. With the help of the senses and the mind, rejecting the view of famous people and inaccurate knowledge, man knows the root cause of creation.

Human creativity is related to the creation of nature as the work of an experienced master of crafts with the work of children. However, having a will, a person can exercise creativity and creative activity. Most vividly this

process realize the genius. Thanks to these ideas society is moving forward and has a number of tangible benefits. Therefore, humanity must fully support the creative people and give them at least a third of its revenue.

In the future there will be the union of all the peoples of the earth and the universe. This will greatly enhance creativity and lead to unprecedented discoveries to date. This has already been accomplished by extraterrestrial.

Ключевые слова: К. Циолковский, познание, рациональное, чувственное, творчество, воображение, гений.

Keywords: Konstantin Tsiolkovsky, cognition, rational, sensible, creativity, imagination, genius.

Изучая теоретические труды Циолковского, его космическую философию, интересно, прежде всего, рассмотреть метод, которым пользовался исследователь для разработки своих мыслительных конструкций.

В одной из работ Циолковский описывает избранный им подход, который можно сформулировать так: необходимо отказаться от всех авторитетов, имеющих в настоящий момент силу. Они часто противоречат друг другу, поэтому в вопросах познания лучше прислушиваться к собственному разуму, выше которого ничего нет. Именно разум и может вести исследователя в его работе. Такой подход Циолковский называет себялюбием, так как в основе практически всех поступков человека, как бы он это ни скрывал, лежит именно любовь к самому себе и именно это для него кажется важнее всего. При этом главным источником нового знания является Вселенная, и только она может послужить основой для расширения границ познания человека [1].

Все науки Циолковский разделяет на точные и сомнительные (неточные). К точным наукам он относит геометрию, механику, физику, химию, биологию, радиологию, математику, логику, а также прикладные и описательные науки: технологию, географию, зоологию, ботанику, геологию, астрономию, минералогию, физиологию. Сомнительные науки – это исторические, философские и религиозные науки. Они не менее важны, чем точные, поскольку делают попытку решить проблемы, важные для человека. Так как результаты у разных мыслителей отличаются друг от друга, поэтому сказать, являются ли эти результаты верными или неверными, невозможно. Поэтому гуманитарная сфера и получила название неточных наук. Тем не менее Циолковский считает, что резких границ между точными и неточными науками нет. «С одной стороны, высшие границы точных наук колеблются, с другой – основы социальных наук близки к точности» [2]. Для изучения Вселенной Циолковский выбирает для себя следующий путь: использовать результаты точных наук, откинув все сомнительное. Из гуманитарных и философских наук взять то, что согласуется с выводами из несомненных знаний.

Гносеологические аспекты своей философии Циолковский относит, как он говорит, к «идеалистическому эмпиризму». Согласно такому подходу познание основывается на чувствах и разуме, которые у каждого живого существа различаются и зависят от строения и степени совершенства его тела и мозга. Поэтому, несмотря на то что мир (Вселенная, Космос) реально существует и постоянен, наше представление о нем неточно и искажено, точно так же, как разные зеркала дают разные отражения одного и того же предмета.

Процесс познания складывается, по мнению мыслителя, следующим образом. Созерцая природу (чувства) и анализируя воспринятое с помощью разума (ум), человек приобретает знания. Именно так, из жизненного опыта человеком было получено первичное знание. Оно пополнялось благодаря охоте, скотоводству, земледелию, развитию ремесел, торговли, искусства. На основе этих знаний появились технологии и наука. Научные знания каждый человек проверяет, по возможности, также с помощью чувств и ума и принимает только то, что не противоречит «его разумению». Остальное им отвергается. «Таким образом, от математиков, геометров, механиков я беру все; от натуралистов почти все; от философов – многое. Проверка может быть только частичная, потому что полная проверка всех уже приобретенных знаний потребовала бы от человека времени большего, чем его жизнь, и неестественного, невозможного напряжения сил» [3], – пишет Циолковский.

При этом мыслитель считает, что в процессе познания не стоит отдавать предпочтение чему-то одному: «...опыт и разум одинаково важны в приобретении познаний» [4]. И резюмирует: «Все же двойственность (дуализм) выше множественности основ (полиизм)» [5].

Именно поэтому он говорит, что хотя математика и есть точное суждение, но оно может быть выражено и без использования математических формул. Поклоняться формуле не стоит, она не может быть выше ума. «Гениальный человек и при незнании математики есть математик в высшем смысле этого слова. И обратно, знатоки математики часто нелогичны во всем остальном. Это не истинные математики» [6]. Отсюда понятно и отрицательное отношение Циолков-

Филологические науки

ского к теории относительности Эйнштейна: «Пространство, время и множество других величин беспредельны. Почему же скорость ограничена!.. Раз из отрицательного числа нельзя извлечь квадратный корень, то это еще не повод принимать подобные выводы» [7].

По отношению к гуманитарной сфере такую амбивалентность Циолковский иллюстрирует на примере Августина, который довольно ярко описал горести земной жизни. Но, возражает исследователь, «посчитайте и радости. Сумма последних тоже получится немалая, может быть, и равная сумме печалей и страданий» [8].

Жить с раздвоенным сознанием невозможно, и преодолеть существующий дуализм помогает вера, которая берет свое начало именно из наблюдения жизни, опыта и разума. Необходимость ее для человека подсказывает именно разум. В противном случае, для обладающего противоречивым знанием человека может наступить такой момент, когда он будет сомневаться. Такое колебание приводит к беспомощности и рождает бессилие. Разум не может допустить подобного и появляется вера, оправдывающая то или иное знание. Но все же Циолковский оговаривается, что доказать это полностью невозможно, так как нельзя найти такого человека, который бы непоколебимо верил.

По мнению Циолковского, любое творение во Вселенной не имеет ни начала ни конца, так как «Первопричина безначальна» [9]. Тем не менее Первопричина обладает волей, и Циолковский называет три ее проявления. Первое проявление следует из механистичного строения Вселенной. Второе проявление находит подтверждение в воле человека. И хотя эти две воли заранее предопределены, вторая воля, в силу ограниченности разума, кажется обладающей самостоятельностью и независимостью, чего на самом деле нет. Третья, высшая воля Первопричины когда-то вызвала к бытию весь Космос. Циолковский считает, что она может проявиться вновь вне зависимости от механистичности Вселенной и либо уничтожить ее, либо создать в том или ином виде, а также преобразовать ее законы. «Она может сделать то, чего мы даже представить себе не можем. Пока она не проявляется, и мир идет заранее предопределенным автоматическим порядком, как бесконечно сложный механизм» [10]. Но в любой момент Вселенная может вмешаться и исказить, нарушить волю одного разума.

Циолковский не видит различия между творением природы и предполагаемым творением человека. Однако природа создает совершенное, а человек лишь приближается к этому. Это можно проиллюстрировать на примере искусного мастера, который может сделать часы, а ребенок нет. Но благодаря воле (хотя и условной, ограниченной, под которой Циолковский понимает совпадение желаний и намерений человека с его поступками и результатами работы [11]) человек все же может преобразовывать природу и осуществлять задуманное. Если бы этого не было, то не было бы машин, дорог, домов, человек бы погиб от холода, голода, болезней и других невзгод. При этом одна воля без разума – ничто, а также и разум без воли – тоже ничто. «Каждое существо должно жить и думать так, как будто оно всегда может добиться (успеха) рано или поздно» [12]. Источником этой благодетельной воли является Вселенная. Именно ее волю и исполняет разумное существо.

Однако творческий акт не так просто дается человеку. Для того чтобы создать что-то новое, необходимо сконцентрироваться. Это приводит к сужению сосудов, и человек ощущает боли на физиологическом уровне. Такое сосредоточие мысли сопровождается некоторой мукой, которое и получило название «муки творчества».

В статье «Нирвана» Циолковский более подробно описывает этот процесс. Вот этот фрагмент: «Творчество требует сосредоточение на определенной группе идей. Остальные должны быть забыты. Поэтому чем уже пределы нашего творчества, чем они отвлеченнее, чем дальше от обыденной жизни, – тем сильнее муки этого процесса; хотя, с другой стороны, они вознаграждаются отчасти усиленной деятельностью частной группы мыслей. Наоборот, чем ближе к окружающей нас жизни наша работа, чем она ближе к земле, чем большую сумму обыденных мыслей захватывает, тем "муки" слабее и даже, во многих случаях, превращаются в радостное чувство. Творчество вообще свойственно человеку, и если оно совершается в обычной форме и в определенной количественной пропорции, то оно – радость. Уклонение – рождает большею частью отрицательное чувство. Высшее творчество почти всегда изнурительно, если не сопровождается достаточным отдыхом. Сколько людей погибло благодаря чрезмерному творчеству!» [13]

Таким образом, Циолковский не отказывает простому человеку в творческом акте. Более того, такое творчество вызывает чувство радости, если оно не связано с сильными напряжениями и как бы происходит само собой. Концентрация же на чем-то абстрактном (отвлеченном), не связанном с обыденной жизнью, приводит к большим перенапряжениям и сказывается на здоровье человека. Это свойственно тем, кто занимается научным и художественным творчеством.

Циолковский подчеркивает первостепенную роль гения в жизни других людей. Благодаря гению были изобретены орудия труда, машины, значительно облегчающие, улучшающие и ускоряющие труд человека, сделаны открытия в науке, позволяющие приоткрыть тайны природы. Велика роль гения и в гуманитарной сфере. Именно гений указал цель существования человека – «это познание, совершенствование, устранение зла и всякого страдания, распространение высшей жизни» [14]. Циолковский замечает: «Не было бы гениев, не было бы движения человечества вперед по пути истины – к прогрессу, единению, счастию, бессмертию и совершенствованию. И это еще начало, что будет дальше, что ожидает человечество – это трудно себе представить» [15].

Результат труда гения намного переживает своего творца и часто бывает бессмертным. Хотя творчество гения относится к духовной сфере, оно в конечном итоге сводится к материальной выгоде. Распространение книгопечатания, благодаря изобретению Гуттенберга, способствовало распространению идей, что повышало деятельность людей и в других отраслях труда и способствовало росту производительности. Обуздание страстей, взаимной бесплодной борьбы может быть направлено на повышение производительности народов, на улучшение их жизни и устранение нужды. «Благой совет так же материален, как и поданный голодному кусок хлеба. Надо только вдуматься в значение идей, чтобы понять это» [16]. Если человечество не поскупится и выделит на поддержку гениальных изобретателей, мыслителей и работников науки половину или хотя бы треть своих богатств, то оно многократно выиграет и увеличит свои силы в десятки, сотни и даже тысячи раз. Циолковский восклицает: «Мысль должна править человечеством, мысль должна почитаться, от мысли спасение, небо и победа истины» [17].

Для гения характерно сильно развитое воображение, которое является основой в создании нового. Циолковский описывает этот процесс. В момент размышления в мозгу человека рождаются мысли (идеи), то есть создаётся образная картина мира, подобие мира. У большинства обычных людей эти образы не так сильны по сравнению с действительностью, и они не обращают на них внимания. Циолковский объясняет такое действие природы опасностью для человека, так как это граничит с безумием. Известны случаи, когда люди сходили с ума и воображаемый мир принимали за реально существующий. Только для гениев характерно сильное воображение. Чем оно более развито, тем с большей долей вероятности возможно правильное предвидение будущего и верное описание прошедшего.

Все это дает основание гениям быть непонятыми, а отсюда вытекает их незавидная участь. Циолковский разделяет таких творческих людей на восемь групп. К первым трем группам он относит непризнанных гениев. Самые гениальные обычно погибают в молодом возрасте, но спустя сотни и даже тысячи лет их обожествляют; вторых забывают и их труды открывают вновь лишь спустя столетия; третьи имеют некоторую славу в конце жизни. Никто из них не оставляет потомства.

К четвертой группе относятся те, кто имеет успех в среднем возрасте. Они терпят разные притеснения, но с годами их слава растет. К пятой группе Циолковский относит тех, кто имеет быстрый успех в молодости и чьи труды ценятся после смерти, хотя и не живут больше ста лет. К шестой группе относятся те, чья оценка велика только при жизни, а после смерти значительно падает и достигает отрицательной величины. К седьмой группе относит тех, кто имеет не очень большой успех, но совершает полезные дела. После смерти часто забываются, но потомство оставляют. К восьмой группе Циолковский относит писателей, изобретателей, художников, ученых, тех, кто имеет мнимый успех. Современники разочаровываются в этой категории людей, и их слава меркнет еще при жизни.

Циолковский говорит, что в любом открытии или изобретении принимает участие несколько людей вне зависимости от времени и места. При этом каждый привносит что-то свое, так как все таланты редко присутствуют в одном человеке. Мыслитель выделяет, прежде всего, пылких людей, которые возбуждают мысль и желание ее реализовать. Это фантазеры, генераторы идей. Второй тип похож на первый, но с более умеренной фантазией. Это, например, писатели-фантасты: Ж. Верн, Г. Уэллс. Третий тип – это талантливые мыслители. Четвертый тип – это составители планов и рисунков предполагаемого изобретения. Пятый тип – изготовители моделей изобретения. Шестой – первые неудачные создатели устройства. И седьмой – те, кто создает желаемое изобретение [18].

В будущем, полагает Циолковский, обязательно произойдет объединение народов Земли и всей Вселенной, что значительно увеличит творческий потенциал. Свои рассуждения Циолковский обосновывает разумом: «Иначе и быть не может, так как этого требует разум» [19]. Именно разум требует объединения, анархия есть зло и несовершенство.

Всех людей, которые ведут человечество к счастью, радости и познанию, Циолковский называет двигателями прогресса. Это политики и управленцы, те, кто организует человечество в

Филологические науки

единое целое. Это изобретатели разного рода машин, облегчающих и ускоряющих труд человека и преобразующих силы природы. Это исследователи, открывающие способы усиленного размножения людей и совершенствования их породы, а также раскрывающие законы природы, тайны Вселенной, свойства материи и объясняющие Космос как сложный самопроизводящий свое совершенство механизм. Завершают список те, кто способен воспринимать великие открытия, сделанные другими, и передавать их всем остальным. Эта группа самая большая, и к ней Циолковский относит ученых-преподавателей, от которых не требуется «ни открытий, ни изобретений, а только знания установившейся науки» [20]. Хотя такие люди и обладают высокой способностью запоминать, подражать, сами обладают слабой творческой жилкой. Потратив всю свою энергию на усвоение наук, а оттого уставшие, они становятся невосприимчивыми ко всему новому и враждебно относятся ко всем великим открытиям и изобретениям и часто ошибочно судят о них.

Причину несправедливого отношения к гениям Циолковский видит и в человеческих слабостях. В их числе преклонение перед мнением авторитетного лица; консерватизм и связанное с ним нежелание отказаться от своей привычки; эгоизм, непонимание и игнорирование всеобщей выгоды; временные убытки со стороны государства и промышленников как аргумент неприятия нового изобретения. В результате даже самая блестящая идея погибает, не добившись признания и реализации. Все это приводит к большим потерям и совершенно невыгодно человечеству. Для изменения такой ситуации Циолковский предлагает изменить общественное устройство, сделать так, чтобы наиболее талантливые нашли себе место и признание.

Еще на один аспект обратим внимание. Циолковский иногда проговаривается и, словно оправдываясь, объясняет причины своих необычных фантазий, рассуждений и теоретических выводов. Он пишет: «Не было бы смысла распускать так наше воображение, если бы этого не требовала наличность явлений, которым я лично подвергнулся, как и некоторые другие» [21]. Что же это за явления, которые так сильно повлияли на автора? Что происходило в жизни мыслителя такого, что не могло быть описано научными методами и пришлось дать волю воображению?

Циолковский говорит, что дважды (в тридцатилетнем и семидесятилетнем возрасте) был свидетелем воздействия на себя (свой мозг) каких-то высших сил, проявлением и вмешательства в человеческие дела внеземных цивилизаций. Благодаря этому он убедился в правильности сво-их теоретических предположений «и сделался склонным верить и другим» людям, столкнувшимися с подобными проявлениями. Один из случаев он точно описывает и датирует его 31 мая 1928 г. На небе на закате солнца почти у самого горизонта из облаков было составлено и четко читалось слово «ЧАУ». Заменив буквы на латинские Циолковский прочитал слово «РАЙ». Он истолковал это следующим образом: «Я понял все это так: после смерти конец всем нашим мукам, т. е. то, что я доказывал в "Монизме". Таким образом, говоря высоким слогом, само небо подтвердило мои предположения» [22]. О втором случае, который произошел с Циолковским в тридцатилетнем возрасте и был им записан, он предпочел не говорить: «Сообщить пока не могу» [23].

Подводя итог, еще раз обозначим основные идеи Циолковского. Главным источником нового знания является Вселенная. Чувственно созерцая и разумно анализируя воспринятое, отбросив ложные авторитеты и сомнительные знания, человек познает творения Первопричины.

Творчество человека соотносится с творением природы так же, как работа искусного мастера с поделкой ребенка. Тем не менее, обладая волей, человек способен к творческой, созидательной деятельности. Наиболее ярко этот процесс реализуют гении, судьба которых не всегда завидна. Обладая развитым воображением и создавая необычные образы, они становятся непонятными окружающим и часто преследуемыми. Но именно благодаря их идеям общество движется вперед и имеет многократные материальные выгоды. Поэтому человечество должно всячески поддерживать творческих людей и отдавать им не менее трети своих доходов.

В будущем произойдет объединение всех народов Земли и всей Вселенной, что значительно усилит творческий потенциал и приведет к невиданным до сегодняшнего дня открытиям. Подобное уже осуществлено внеземными цивилизациями.

Примечания

- 1. Хотя Циолковский и не упоминает Гете, но в его работах можно найти параллели с идеями немецкого мыслителя: природа как источник знания, доверие не к авторитету, а к собственному разуму, идея полярности и др. О философии Гете см.: *Тимшин В. А.* Творчество познание свобода в философии Гете // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Философия и социология; культурология. 2012. № 4(4). С. 14–19.
- 2. *Циолковский К. Э.* Любовь к самому себе, или Истинное себялюбие // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 82.
- 3. *Циолковский К. Э.* Этика, или Естественные основы нравственности // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 117.

- 4. Там же. С. 109.
- 5. Циолковский К. Э. Любовь к самому себе, или Истинное себялюбие. С. 96.
- 6. Циолковский К. Э. Этика, или естественные основы нравственности. С. 118.
- 7. Там же. С. 114.
- 8. *Циолковский К. Э.* Первопричина // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 243.
 - 9. Там же. С. 241.
 - 10. Там же. С. 245, 246.
- 11. *Циолковский К. Э.* Неизвестные разумные силы // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 342.
- 12. *Циолковский К. Э.* Воля Вселенной // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 333.
- 13. *Циолковский К. Э.* Нирвана // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 185.
- 14. Циолковский К. Э. Гений среди людей // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 255.
 - 15. Там же. С. 255.
- 16. Циолковский К. Э. Воображение, или Цена мысли // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 275.
- 17. *Циолковский К. Э.* Мысль и изобретение // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 255.
- 18. *Циолковский К. Э.* Очерки о Вселенной // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 430.
 - 19. Циолковский К. Э. Воля Вселенной. С. 329.
- 20. Циолковский К. Э. Двигатели прогресса // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 328.
- 21. *Циолковский К. Э.* Животные космоса // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 364.
- 22. *Циолковский К. Э.* Существа разных периодов эволюции // Циолковский К. Э. Воля вселенной: Космическая философия. М.: Эксмо, 2015. С. 348.
 - 23. Циолковский К. Э. Воля Вселенной. С. 329.

Notes

- 1. Although Tsiolkovsky and does not mention Goethe, but in his works we can find parallels with the ideas of the German thinker: nature as a source of knowledge, trust not to the authority but to his own mind, the idea of polarity, etc. On the philosophy of Goethe see: V. A. Timshin *Tvorchestvo poznanie svoboda v filosofii Gete* [Creativity knowledge freedom in the philosophy of Goethe] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filosofiya i sociologiya; kul'turologiya* Herald of Vyatka State University of Humanities. Philosophy and sociology; cultural studies. 2012, No. 4(4), pp. 14-19.
- 2. K. E. Tsiolkovsky *Lyubov' k samomu sebe, ili Istinnoe sebyalyubie* [Love of self, or True self-love] // Tsiolkovsky K. E. Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 82.
- 3. Tsiolkovsky K. E. *EHtika, ili Estestvennye osnovy nravstvennosti* [Ethics or the Natural foundations of morality] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 117.
 - 4. Ibid. P. 109.
 - 5. K. E. Tsiolkovsky Lyubov' k samomu sebe, ili Istinnoe sebyalyubie [Love of self, or True self-love]. P. 96.
- 6. Tsiolkovsky K. E. *EHtika, ili estestvennye osnovy nravstvennosti* [Ethics or the Natural foundations of morality]. P. 118.
 - 7. Ibid. P. 114.
- 8. Tsiolkovsky K. E. *Pervoprichina* [Cause] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 243.
 - 9. Ibid. P. 241.
 - 10. Ibid. Pp. 245, 246.
- 11. Tsiolkovsky K. E. *Neizvestnye razumnye sily* [Unidentified intelligent force] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 342.
- 12. Tsiolkovsky K. E. *Volya Vselennoj* [Will of the Universe] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 333.
- 13. Tsiolkovsky K. E. *Nirvana* [Nirvana] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 185.
- 14. K. E. Tsiolkovsky *Genij sredi lyudej* [Genius among men] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 255.
 - 15. Ibid. P. 255.
- 16. Tsiolkovsky K. E. *Voobrazhenie, ili Cena mysli* [Imagination, or thoughts] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 275.

Филологические науки

- 17. K. E. Tsiolkovsky *Mysl' i izobretenie* [Thought and invention] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 255.
- 18. Tsiolkovsky K. E. *Ocherki o Vselennoj* [Essays on the Universe] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 430.
 - 19. Tsiolkovsky K. E. Volya Vselennoj [Will Of The Universe]. P. 329.
- 20. Tsiolkovsky K. E. *Dvigateli progressa* [Engines of progress] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 328.
- 21. Tsiolkovsky K. E. *ZHivotnye kosmosa* [Animals of the cosmos] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 364.
- 22. Tsiolkovsky K. E. *Sushchestva raznyh periodov ehvolyucii* [Creatures from different periods of evolution] // Tsiolkovsky K. E. *Volya vselennoj: Kosmicheskaya filosofiya* Will of the universe: Cosmic philosophy. M. Eksmo. 2015. P. 348.
 - 23. Tsiolkovsky K. E. Volya Vselennoj [Will Of The Universe]. P. 329.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94 (47)

А. К. Гагиева, Л. А. Кызьюров

Борьба за власть в Коми крае. Октябрь 1917 г. - июль 1918 г.

В статье рассматриваются революционный процесс и борьба за власть на территории Коми края в 1917 г. Впервые проанализированы причины победы большевиков, особенности прихода их к власти на изучаемой территории. На основе впервые вводимых в научный оборот исторических источников указывается на преобладание в революционном движении эсеров, что было характерно и для соседних с краем территорий. Обращается внимание на стихийность борьбы за власть в различных уездах края. Если в Яренском и Усть-Сысольском уездах большевики пришли к власти к концу 1918 г., то в Печорском уезде – намного позднее. Победа правящей партии обеспечивалась поддержкой вооруженных отрядов, за исключением Яренского уезда, где большевики захватили власть, совершив «мирный переворот».

The article analyzes the revolutionary process and the struggle for power on the territory of the Komi region in 1917. For the first time analyzed the reasons for the victory of the Bolsheviks, especially when they come to power in the study area. Based on the newly introduced into scientific use of historical sources, indicates a predominance in the revolutionary movement of the socialist party, which was typical for neighboring land areas. Attention is drawn to the spontaneity of the struggle for power in the various counties of the region. If Yarenskoy and Ust-Sysolsk, the Bolsheviks came to power towards the end of 1918., in the Pechora district – much later. The ruling party's victory ensured the support of armed groups, with the exception Yarenskoy County, where the Bolsheviks seized power, completing a "peaceful revolution".

Ключевые слова: борьба за власть, Коми, большевики.

Keywords: struggle for power, Komi region, Bolsheviks.

Изучение вопросов, связанных с историей борьбы за власть в отдельных регионах, после Октябрьской революции 1917 г. продолжает оставаться актуальным [1]. Данный сюжет слабо освещен в современной литературе, касающейся истории Республики Коми, хотя в той или иной степени он затрагивался в трудах либо общего характера, либо посвященных истории формирования партий на изучаемой территории [2]. Сегодня данная тема, как справедливо указывал В. И. Бакулин, «заслуживает отдельного разговора в современном российском обществе, вышедшем на второй (после периода 1917–1922 гг.) виток политического плюрализма» [3]. Хронологические рамки работы охватывают сложный период в истории Коми края – октябрь 1917 г. – июль 1918 г. Они выбраны не случайно. В октябре 1917 г. в Петрограде победила социалистическая революция, а к июлю 1918 г. власть большевиков была установлена на основной территории Коми края, исключая Печорский уезд.

Цель настоящей работы – рассмотреть борьбу политических группировок за власть на территории Коми края в октябре 1917 г. – июле 1918 г. Для ее достижения мы использовали впервые вводимые в научный оборот исторические источники, находящиеся в Национальном архиве Республики Коми [4].

К октябрю 1917 г. территория, условно называемая «Коми край», входила в состав Вологодской (Яренский и Усть-Сысольский уезды) и Архангельской (Печорский уезд) губерний. К началу XX в. в Усть-Сысольском уезде насчитывалось 75812 чел. (36514 мужчин, 3298 женщин), в Яренском – 40489 чел. (19624 мужчины и 20865 женщин), а в Печорском – 28955 чел. (13774 мужчины и 15181 женщина) [5]. По социальному составу население было однородным. К сельскому сословию принадлежало в Усть-Сысольском уезде 98,24%, в Яренском – 98,30%, а в Печорском – 87,72% [6]. Основными этносами, представленными на исследуемой территории, являлись коми (зыряне), русские и ненцы (самоеды). Зыряне проживали на территории всех уездов, русские – аналогично, но, как правило, в отдельных волостях, ненцы – только в Печорском уезде.

Исторические науки и археология

Политическая ситуация в России осенью 1917 г. характеризовалась отсутствием легитимной демократической власти. Временное правительство как переходный орган государственной власти не смогло установить порядок в стране, обеспечить четкое функционирование государственного аппарата, решить насущные проблемы большинства населения (заключение мира с Германией и передачу земли крестьянам), поэтому оно оказалось в политической изоляции. Следствием этого стал быстрый крах Временного правительства [7].

К октябрю 1917 г. в Коми крае были образованы структуры трех общероссийских партий: эсеров (Партия социалистов-революционеров), кадетов (Конституционно-демократическая партия народной свободы) и энесов (Трудовая народно-социалистическая партия). Наиболее популярной была первая. Это подтверждается выборами в Учредительное собрание. Так, в Усть-Сысольском уезде приняли участие в выборах 40389 избирателей, из них за эсеров проголосовали 33487 чел., или 83% избирателей, за большевиков – 2216 чел., или 5,5%, за трудовиков – 1613 чел., или 7%, и за меньшевиков – 225 чел., или всего 0,5% избирателей. В Яренском уезде за эсеров проголосовало 87,2%, а в Печорском – 56% избирателей [8]. Победа партии эсеров была обусловлена рядом причин: практически полное отсутствие промышленности и промышленного пролетариата – главной социальной опоры большевиков, преобладание крестьянства, нерешенность национального и земельного вопросов и др. Кроме этого нельзя не учитывать низкую политическую активность сельского населения и невысокий уровень образования.

После Октябрьской революции, а особенно после разгона Учредительного собрания, в регионах России ярко проявилось отсутствие единого представительного органа, избранного на основе единой избирательной системы. В результате переход власти от одной политической группы к другой носил спонтанный, явочный характер, без демократического учета мнения большинства населения. Власть организовывалась наиболее политически активными группами.

Известие о большевистском перевороте достигло Усть-Сысольского уезда 27–28 октября (по ст. ст.) 1917 г. Представители существовавших к этому времени органов власти продемонстрировали единодушный протест «против захвата власти большевиками». Например, волостной сход Читаевской волости Усть-Сысольского уезда постановил «устранить насильников большевиков и довольно им проливать кровь христианскую, а так как нам нужна тихая, спокойная, мирная и трудовая жизнь, то просим о немедленном открытии Учредительного собрания» [9].

Однако постепенно ситуация стала меняться. Этому способствовало ухудшение социальноэкономического положения. Не хватало продовольствия, росла инфляция, спекуляция достигла небывалых размеров. Так, в журналах заседаний Усть-Сысольской продовольственной управы от 8 ноября 1917 г. (ст. ст.) встречается следующее донесение: «Еженедельно управа осаждается огромной толпой... Недовольные люди приходят с криками и угрозами, требуют хлеба...» [10] Власти не могли решить продовольственную проблему, что, естественно, усиливало протестные настроения. В противовес им большевики говорили о скором мире с немцами, передаче собственности (земельной и финансовой) в руки народа, решении национального вопроса. Не последнюю роль сыграли и агитаторы-большевики, прибывшие в Усть-Сысольский уезд, а также демобилизованные солдаты [11].

Активизация большевистской пропагандистской работы среди населения привела к усилению борьбы за власть между различными группами. 19 декабря 1917 г. общее собрание демобилизованных солдат и рабочих (около 300 человек) заявило о поддержке коалиционного правительства большевиков и левых эсеров. Существовавшая в городе земская управа пыталась бороться с распространением большевизма. Так, 8 декабря С. О. Латкин, председатель земской управы, разослал по волостям предписание об уничтожении большевистской литературы «в виде брошюр, листовок, газет и т. п.» Уездные власти хотели обратиться в Вологду с просьбой присылки военных отрядов «на случай водворения в г. Усть-Сысольске и его уезде порядка, от могущих возникнуть волнений на почве большевистского движения» [12]. Однако этого сделано не было.

16 января 1918 г. в Усть-Сысольске открылись два мероприятия – 48-я сессия уездного земского собрания и Первый продовольственный съезд. Председатель земского собрания, открывая собрание, заметил: «Темные массы народа затеяли вражду между населением и нарушают всякое спокойствие в уезде, чего ранее в нашем уезде не замечалось... нет ни одной волости, где бы не была нарушена мирная жизнь...» [13]

Главным вопросом повестки дня Продовольственного съезда был вопрос снабжения уезда хлебом. Однако в числе делегатов были те, кто поддерживал большевистскую платформу и стоял за передачу власти в руки Усть-Сысольского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Именно они инициировали ряд совещаний, где решился вопрос перехода Усть-Сысольского гарнизона на сторону большевиков. Оставшись без вооруженной поддержки, деле-

гаты земского уездного собрания согласились на создание комиссии по организации Учредительного съезда, который бы сформировал «высшую власть в уезде».

17 января 1918 г. в Усть-Сысольске открылся Учредительный съезд Советов. Здесь присутствовали 204 делегата. Это – «члены земского собрания – 42 чел. и прод. съезда – 103 человека, солдат – 12, от крестьян – 16, от мещан – 9, от союза служащих – 15, от союза учащихся – 6, союза казначейства – 1» [14]. Представители антибольшевистских сил пытались на съезде возражать большевикам, утверждая, что «власть уже есть – земское и городское самоуправление» [15]. Но большинство делегатов признало Советскую власть и сформировало Усть-Сысольский Совет. По мнению В. И. Чупрова, «это был один из первых уездных съездов Вологодской губернии, признавший Советскую власть» [16]. В состав Совета (56 чел.) попали не только большевики. Как указывал М. В. Таскаев, здесь присутствовали «почти все общественно-политические объединения Усть-Сысольского уезда» [17]. При этом, несмотря на преобладании левых эсеров, официально Совет считался беспартийным. Земские и волостные управы, городская дума не упразднялись, а «являлись исполнителями распоряжений и постановлений Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов» [18].

23 (10) марта 1918 г. в г. Усть-Сысольске состоялся 1-й уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. На съезде присутствовал 81 делегат. Крестьян уезда представляли 52 делегата, т.е. 64,2% от общего количества делегатов съезда. Делегатов от мещан г. Усть-Сысольска было 14, от рабочих Кажимского, Нювчимского и Нючпасского заводов – 3, от Союза учащих и учащихся – 5, а также 7 представителей от других союзов [19]. Делегатов от всего уездного крестьянства, составлявшего около 90% населения, было менее 2/3 общего числа делегатов. Таким образом, принцип неравномерного представительства от жителей сельской местности и городов, позднее нашедший отражение в первой советской Конституции, не был изобретением большевиков. Можно говорить, что в значительной мере он стал результатом сложившейся избирательной практики на местах. Большевики только несколько смягчили принцип неравного представительства. В состав уездного исполкома были избраны семь (по другим сведениям шесть) человек, сочувствующих левым эсерам, три меньшевика-интернационалиста, один член РКП(б) и трое сочувствующих большевикам [20]. Иными словами, в состав высшего уездного органа советской власти вошли только представители партий, входивших в Российское коалиционное советское правительство. К маю были ликвидированы все земские организации, закрылась городская дума, сторонники земского движения были арестованы и расстреляны. На съезде был выбран исполком, который был, как и прежний, коалиционным.

Несмотря на эсеровское большинство, исполком выполнял решения партии большевиков и следовал «партийному курсу». Однако победившей власти этого было недостаточно, и в Усть-Сысольском уезде начинается большевизация Советов. Поводом стали события вокруг национализации поместья «Човью», о чем неоднократно говорилось в литературе [21].

5 июня 1918 г. на чрезвычайном заседании Усть-Сысольского горсовета с участием членов уездного исполкома было принято решение о недоверии президиуму исполкома и его реорганизации. Членами нового, реорганизованного президиума Усть-Сысольского уездного исполкома стали В. И. Сорвачев, Д. И. Розанов, М. М. Фролов, И. П. Андрианов (16 июня 1918 г. все они вошли в состав большевистской организации). Президиуму было поручено созвать уездный съезд Советов, который должен был произвести выбор нового состава исполкома [22]. Главную роль в этом перевороте сыграл прибывший из Архангельска для установления советской власти отряд С. Ларионова, обладавший единственной реальной вооруженной силой.

С 4 по 10 июля 1918 г. проходил II Усть-Сысольский уездный съезд Советов. В числе 99 делегатов: большевиков и сочувствующих – 31, левых эсеров и сочувствующих – 32, беспартийных – 34, представителей организации «Коми автономист чукер» – 11. Почти 2/3 делегатов составляли сторонники партий, входивших в состав советского правительства. Причем до 6 июля 1918 г. делегатский корпус формировался по партийному признаку, позднее, после установления политической диктатуры большевиков и однопартийной системы, состав делегатского корпуса изменился.

Несколько иначе обстояло дело в Яренском уезде. 28 ноября 1917 г. прибывший из Москвы большевик А. Старцев организовал работу по смещению уездного комиссара Временного правительства К. Добрякова и переименовал «Комитет по борьбе с большевизмом и анархией» в «Военно-революционный комитет». Однако деятельность этого комитета не оказала влияния на расклад политических сил и уже на 3-м Яренском уездном съезде крестьянских депутатов, проходившем с 5 по 14 марта 1918 г., представители партий эсеров и народных социалистов, имевшие большинство делегатских мандатов, выразили полное недоверие большевикам и Советам

Исторические науки и археология

рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Представители волостей, поддерживавшие большевиков и левых эсеров, лишались слова или исключались из числа представителей [23].

В июне 1918 г. состоялся IV Яренский уездный съезд Советов. Было принято решение о ликвидации земств. Большинством голосов одобрена резолюция об объединении «вокруг Советской власти» и создания Яренского исполнительного комитета [24]. Из тринадцати его членов четверо были левыми эсерами, остальные – представители правых эсеров, энесов и интернационалистов. Ни один большевик не был выбран. После июльских событий, несмотря на то что из центра поступали инструкции «об удалении из органов власти левых эсеров», некоммунистический состав Яренского исполкома продолжал проводить пробольшевистскую политику. Например, исполком активно участвовал в создании комитетов бедноты, несмотря на противодействие местного населения [25].

14–15 сентября 1918 г. произошла большевизация Советов Яренского уезда. Созданная в августе того же года организация РКП(б) официально обратилась в Северо-Двинский губком партии с просьбой «оказания помощи в налаживании партийной работы в уезде» [26]. 14 сентября из Котласа в Яренск прибыли представители ЧК под руководством Р. С. Землячки. Всех членов исполкома, не являвшихся коммунистами, арестовали и отправили в Котлас, а на освободившиеся места кооптировали коммунистов.

Позиция депутатов исполкомов двух уездов свидетельствовала об отсутствии у них твердых партийных убеждений. Практически все они меняли свои политические взгляды, сообразуясь с моментом. Возможно, это связано с боязнью перед насилием (большевизация Советов вооруженным путем), а возможно, здесь сыграли свою роль слабо выраженные партийные различия программ эсеров и большевиков, особенно в аграрном вопросе, на что неоднократно было указано в ряде работ [27].

В Печорском уезде волостные Советы стали возникать в январе – феврале 1918 г. Выборы проходили в бурных и продолжительных дискуссиях. Вот как описывал выборы Н. И. Зыков, руководитель Мохченского Совета: «...Советы избираются как попало: иногда на собраниях присутствует 30–40 крестьян из 5–6 сотен. Какие же это выборы? И какой возможен Совет, когда его выбрали 30 человек? Я понимаю, захват власти 30–40 людьми во имя свободы и блага народа. Но всегда ли можно рассчитывать на то, что захват произведен именно нами, а не "ими"? С другой стороны, сторонники всеобщего, равного, прямого и т. д. то и дело кричат, что Совет выбрала кучка людей. Все они ярые "земцы", кричат о выборах в Учредительное собрание» [28].

Практически все волостные Советы создавались вооруженным путем. Часть населения категорически отрицала приход новой власти и защищала свою собственность. Ситуацию не спас и отряд С. Ларионова, прибывший в июле 1918 г. на Печору для того, чтобы «очистить Советы... от кулаков и эсеров...» [29]. Однако свою миссию он не выполнил. После переворота в Архангельске отряд покинул Печорский уезд, а состоявшийся здесь в июле 1918 г. III Чрезвычайный съезд Советов признал белогвардейское правительство.

Таким образом, основными чертами борьбы за власть в Коми крае стали: полный отказ от всех прежних форм самоуправления, реализация насильственного, вооруженного захвата власти с последующими попытками придать ей легитимность, участие в формировании представительных институтов управления незначительной частью населения, отстранение политически неугодных представителей. Кроме того, отсутствие единой избирательной системы, отказ от пропорционального представительства разных социальных или политических групп в органах местной власти, также не способствовало организации демократического государственного управления и власти.

Примечания

- 1. *Бакулин В. И.* Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. 234 с.; Политические партии в России: история и современность. М., 2000. 267 с.; *Суслов А. Ю.* Социалистические партии в Советской России: отечественная историография. Казань, 2000. 239 с.; и др.
- 2. История Коми с древнейших времен до конца XX века: в 2 т. Т. 2. Сыктывкар, 2004. 704 с.; Коми область к 10-летию Октябрьской революции. Усть-Сысольск, 1927; Куклев П. Е., Зыкин В. Г. Октябрьская революция в Коми крае. Сыктывкар, 1957; Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, 1964; Таскаев М. В. Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917–1920 гг.). Сыктывкар, 2000. 120 с.; Чупров В. И. Коми край в трех русских революциях. Сыктывкар, 1985. 123 с.
- 3. Бакулин В. И. Многопартийность в Советской России: упущенный шанс // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. История и юридические науки. 2012. № 4(5). С. 60.
- 4. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. Ф.69. Оп. 1; Ф. 352. Оп. 1; Ф. 520. Оп. 1; Ф. 865. Оп. 1; Ф. 963, Оп. 1; Ф. 1010. Оп. 1.

- 5. Вишнякова Д. В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX начале XX в. Сыктывкар, 2012. С. 28.
 - 6. Там же. С. 38.
- 7. Гагиева А. К., Кондратова И. В. Организация государственных учреждений в России: история и современное состояние: учеб. пособие. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2010. 216 с.
 - 8. Чупров В. И. Указ. соч. С. 78.
 - 9. НАРК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 2. Л. 64.
 - 10. Там же. Ф. 963. Оп. 1. Д. 15. Л. 59.
 - 11. Чупров В. И. Указ. соч.
 - 12. НАРК. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 73. Л. 76.
 - 13. Таскаев М. В. Указ. соч. С. 27-28.
 - 14. Там же.
 - 15. Там же.
 - 16. Чупров В. И. Указ. соч. С. 110-111.
 - 17. Таскаев М. В. Указ. соч. С. 29.
 - 18. НАРК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л.14.
 - 19. Коми область к 10-летию Октябрьской революции. С. 13.
 - 20. НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 216. Л. 13.
 - 21. Чупров В. И. Указ. соч.
 - 22. НАРК. Ф. 963. Оп. 1. Д. 15. Л. 151.
 - 23. НАРК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 2805. Л. 916; Таскаев М. В. Указ. соч. С. 32.
 - 24. Таскаев М. В. Указ. соч. С. 33
 - 25. Там же. С. 33-34.
 - 26. Очерки истории Коми партийной организации. С. 33; Таскаев М. В. Указ. соч. С. 42.
 - 27. Бакулин В. И. Многопартийность в Советской России: упущенный шанс.
 - 28. НАРК. Ф. 352. Оп. 1. Д. 34. Л. 650.
 - 29. Куклев П. Е., Зыкин В. Г. Указ. соч. С. 57; Таскаев М. В. Указ. соч. С. 38.

Notes

- 1. Bakulin V. I. *Drama v dvuh aktah: Vyatskaya guberniya v 1917–1918 gg.* [Drama in two acts: Vyatka province in 1917-1918] Kirov. 2008. 234 p.; Political parties in Russia: history and modernity. M. 2000. 267 p.; Suslov A. Yu. *Socialisticheskie partii v Sovetskoj Rossii: otechestvennaya istoriografiya* [Socialist party in Soviet Russia: Russian historiography]. Kazan. 2000. 239 p.; etc.
- 2. Istoriya Komi s drevnejshih vremen do konca XX veka The history of Komi from ancient times to the late twentieth century: in 2 vol. Vol. 2. Syktyvkar. 2004. 704 p.; Komi oblast' k 10-letiyu Oktyabr'skoj revolyucii Komi region for the 10th anniversary of the October revolution. Ust-Sysolsk. 1927; Kuklev P. E., Zykin V. G. Oktyabr'skaya revolyuciya v Komi krae [October revolution in the Komi region]. Syktyvkar, 1957; Ocherki istorii Komi partijnoj organizacii Essays on the history of Komi party organization. Syktyvkar. 1964; Taskaev M. V. Nebol'shevistskie partii i Belaya armiya v Komi krae (1917–1920 gg.) [Non-Bolshevik parties and the White army in the Komi region (1917-1920)]. Syktyvkar. 2000. 120 p.; Chuprov V. I. Komi kraj v trekh russkih revolyuciyah [Komi region in the three Russian revolutions]. Syktyvkar. 1985. 123 p.
- 3. Bakulin V. I. *Mnogopartijnost' v Sovetskoj Rossii: upushchennyj shans* [Multi-party system in Soviet Russia: a missed opportunity] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Istoriya i yuridicheskie nauki* Herald of Vyatka State University of Humanities. The history and legal science. 2012, No. 4(5), p. 60.
- 4. The national archives of the Republic of Komi (NARK). F. 69. Sh. 1; F. 352. Sh. 1; F. 520. Sh. 1; F. 865. Sh. 1; F. 963, Sh. 1; F. 1010. Sh. 1.
- 5. Vishnyakova D. V. *EHtnodemograficheskie processy v Komi krae v XIX nachale XX v* [Ethno-demographic processes in the Komi region in the XIX early XX century] Syktyvkar. 2012. P. 28.
 - 6. Ibid. P. 38.
- 7. Gagieva K. A., Kondratov I. V. *Organizaciya gosudarstvennyh uchrezhdenij v Rossii: istoriya i sovremennoe sostoyanie: ucheb. posobie* [Organization of public institutions in Russia: history and current state: tutorial]. Syktyvkar. Krasio. 2010. 216 p.
 - 8. Chuprov V. I. Op. cit. P. 78.
 - 9. NARK. F. 865. Sh. 1. File 2. Sh. 64.
 - 10. Ibid. F. 963. Sh. 1. File 15. Sh. 59.
 - 11. Chuprov V. I. Op. cit.
 - 12. NARK. F. 1010. Sh. 1. File 73. Sh. 76.
 - 13. Taskaev M. V. Op. cit. Pp. 27-28.
 - 14. Ibid.
 - 15. Ibid.
 - 16. Chuprov V. I. Op. cit. Pp. 110-111.
 - 17. Taskaev M. V. Op. cit. P. 29.
 - 18. NARK. F. 69. Sh. 1. File 1. Sh. 14.
- 19. Komi oblast' k 10-letiyu Oktyabr'skoj revolyucii Komi region for the 10th anniversary of the October revolution. P.13.

Исторические науки и археология

- 20. NARK. F. 520. Sh. 1. File 216. Sh. 13.
- 21. Chuprov V. I. Op. cit.
- 22. NARK. F. 963. Sh. 1. File 15. Sh. 151.
- 23. NARK. F. 117. Sh. 1. File 2805. Sh. 916; Taskaev M. V. Op. cit. P. 32.
- 24. Taskaev M. V. Op. cit. P. 33
- 25. Ibid. Pp. 33-34.
- 26. Ocherki istorii Komi partijnoj organizacii Essays on the history of Komi of the party organization. P. 33; Taskaev M. V. Op. cit. P. 42.
- 27. Bakulin V. I. *Mnogopartijnost' v Sovetskoj Rossii: upushchennyj shans* [Multi-party system in Soviet Russia: a missed opportunity.]
 - 28. NARK. F. 352. Sh. 1. File 34. Sh. 650.
 - 29. Kuklev P. E., Zykin, V. G. Op. cit. P. 57; Taskaev M. V. Op. cit. P. 38.

УДК 947(470. 342) "19"

И.В. Чемоданов

Стахановское движение в сельском хозяйстве Кировского региона во второй половине 1930-х гг.

В статье рассматривается развитие стахановского движения в сельском хозяйстве Кировского региона во второй половине 1930-х гг. Раскрываются цели, этапы, основные направления, масштабы, результаты стахановского движения. Приводятся конкретные примеры трудовых достижений колхозов и отдельных колхозников-стахановцев. Освещается роль властных структур в деле стимулирования стахановского движения. Выявляются проблемы, с которыми сталкивалось развитие стахановского движения в колхозах. Определяется роль, которую сыграло стахановское движение в подъеме различных отраслей сельского хозяйства региона.

The article discusses the development of the Stakhanov movement in agriculture of the Kirov region in the second half of the 1930s. Disclosed goals, milestones, the main directions, the scale, the results of the Stakhanov movement. The concrete examples of the achievements of the collective farms and individual farmers-Stakhanovite. It highlights the role of authorities in promoting the Stakhanov movement. Identifies the problems facing the development of the Stakhanov movement in the collective farms. The role played by the Stakhanov movement in the rise of the various sectors of agriculture in the region.

Ключевые слова: стахановское движение, сельское хозяйство, Кировская область, колхозы, льноводство, животноводство, механизация, агротехника.

Keywords: Stakhanov movement, agriculture, Kirov region, collective farms, cultivation of flax, stock raising, mechanization, agricultural engineering.

Возникшее в 1935 г. стахановское движение в СССР в целом и в Кировском крае/области в частности имело в своей основе три ключевые идеи: 1) полное освоение новой, современной на тот момент, техники; 2) более продуктивная организация труда (рационализаторство) и 3) замена старых («буржуазных») инженерно-технических и управленческих кадров на новые («красные», советские) [1]. Стахановское движение охватывало не только промышленность, но и сельское хозяйство. Не являлась исключением и вятская деревня. Здесь начало стахановскому движению было положено еще зимой 1935-1936 гг., когда колхозницы-льноводки Е. О. Юферева, А. П. Смертина, Н. П. Куклина, Н. А. Куклина и А. Н. Щенникова взяли обязательство вырастить по 10 цент. льноволокна с гектара (заметим, что в подавляющем большинстве колхозов до этого собирали всего 1,5-2 цент. с га). Свое обязательство льноводки-стахановки выполнили, получив урожай 10-11 цент. с га. Почин был подхвачен другими льноводами области. Кировский регион стал одним из первых, где развернулось стахановское движение за достижение высоких результатов по выращиванию и переработке льна [2]. В феврале 1936 г. Кировским краевым земельным управлением было созвано совещание стахановцев-льноводов, взявших обязательство получить льноволокна по 8-12 цент. с га [3]. Инициаторами стахановского движения в вятской деревне стали комбайнер Г. Е. Васенев, доярка колхоза «Ленинская искра» Оричевского района депутат

[©] Чемоданов И. В., 2015

Верховного Совета орденоносец А. П. Дуркина, уже упомянутые звеньевая колхоза «Культиватор» Шарангского района Н. П. Куклина, орденоносец Е. О. Юферева, колхозницы А. П. Смертина, А. Н. Щенникова и др.

К развитию стахановского движения подключались районные власти. Так, в Яранском районе вопрос о развитии стахановского движения был обсужден президиумом райисполкома. Состоялись совещания актива колхозников, где были приняты конкретные обязательства, рассмотрено выполнение производственных планов. Были проведены районное совещание председателей сельсоветов и районный слет колхозников-ударников. Вопрос об участии в стахановском движении обсуждался также на общих собраниях колхозников. Все это дало свои плоды. Особенно хороших результатов в труде добились льноводы и животноводы.

Работа по развитию стахановского движения была развернута и в других районах. Так, Анна Филипповна Солянова из колхоза «Красная Поляна» (Малмыжский район), 18-летняя девушка, добилась на трех гектарах урожая картофеля по 348 цент. с га (при среднем урожае в колхозе 90 цент. с га) [4]. Льноводка Шабалинского района, лучшая стахановка колхоза «Якорь» Евдокия Осиповна Юферева установила всесоюзный рекорд на трепке льна. В Фаленском районе лучшими стахановками-льноводками были Ольга Чертищева, которая на трепке волокна при норме 8 кг давала 22 кг, Ольга Брагина, вырабатывавшая 23 кг, и др. В том же районе скотница Феклинья Пестова, образцово ухаживая за скотом, полностью сохранила молодняк; среднемесячный привес на теленка составил 15 кг. Свинарка Александра Яговкина добилась ежемесячного прироста поросят по 17–18 кг. Трактористка МТС Евдокия Князева выполнила план тракторных работ за сезон 1935 г. на 102,4%, сэкономила 213 кг керосина, 14,4 кг бензина и 20,9 кг смазочных веществ.

Наиболее отличившиеся стахановцы получали правительственные награды. В 1936 г. были награждены 52 стахановца, из них орденом Ленина – 12 человек, орденом Трудового Красного Знамени – 7 и орденом «Знак Почета» – 33. Награждение передовиков сельскохозяйственного производства подняло новую волну стахановского движения в колхозах и совхозах. В 1936 г. за высокий урожай льна боролись 1913 стахановских звеньев, а в 1937 г. – 2231 звено. Борьбу за высокий урожай зерновых в 1936 г. вели более 500 стахановских звеньев, в 1937 г. – 1472 звена. Проводились стахановские декады по удобрениям, поливке посевов и т. п. [5]

Стахановское движение охватило все отрасли сельского хозяйства. Уже в 1936 г. в нем участвовали в общей сложности около 10 тыс. чел. [6] Этот год в Кировском крае выдался засушливым. Однако, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, стахановское звено Е. О. Юферевой из колхоза «Якорь» Шабалинского района с помощью умелого применения минеральных удобрений, соблюдения агротехнических требований в отношении обработки почвы, посева, ухода и уборки льна добилось урожая льноволокна 11 цент. с га. Примечательно, что этот рекордный урожай был получен на супесчаных почвах, которые по заключению лаборатории Кировской областной опытной станции по растениеводству им. академика Н. В. Рудницкого были признаны «исключительно бедными питательными веществами» [7]. Еще более высокий урожай льноволокна (13,7 цент. с га) был получен стахановкой колхоза «Новый строй» А. П. Смертиной. В данном случае были предприняты своевременные меры по спасению урожая: когда посевы льна достигли высоты 25-30 см и стали вянуть от наступившей засухи (несмотря на регулярные поливы с помощью пожарной машины), была дополнительно привезена из райцентра и установлена у пруда моторная машина, которая позволила усилить полив и тем самым обеспечить рекордный урожай [8]. На всю страну стало известно имя стахановки-льноводки Натальи Павловны Куклиной из колхоза «Культиватор» Шарангского района, которая получила в 1937 г. 17,21 цент. с 1 га волокна, в 1938 г. – 19,05 цент., а в 1939 г. – 18,33 цент. с га [9]. Наиболее высокую производительность на трепке волокна продемонстрировали стахановки А. Сарпова из колхоза им. Кирова Черновского района (304 кг), А. П. Лаптева из колхоза «Ударник» Свечинского района (217 кг), М. А. Паршакова из колхоза им. Калинина Свечинского района и Н. Перминова из колхоза «Красный Передовик» Ярского района Удмуртской АССР (по 223 кг). При помощи льнотрепалок Антонова стахановцам ряда колхозов Кировского края удавалось натрепывать в день от 8 до 15,7 цент. волокна [10].

В 1937 г. в колхозе им. Степана Халтурина (Халтуринский район) был получен средний урожай зерновых в 19–20 цент. с га. Лучшие труженики полеводческой бригады перевыполняли нормы выработки на всех сельскохозяйственных работах: М. И. Шалагинов – до 200%, И. С. Баранов и П. И. Русаков – до 170%, А. В. Шалагинова – до 160% и т. д. Стахановцы и ударники животноводства за год добились надоя молока 2233 литра в среднем на фуражную корову по ферме. Стахановка-орденоноска Е. С. Ершова получила средний удой 3526,4 литра на корову, стахановка А. А. Демшина – 3132,2 литра, А. И. Батракова – 2784,9 литра, М. М. Позолотина – 2406 литров. Телятница Е. С. Пасынкова имела 100%-ное сохранение молодняка. По итогам своей работы в день

20-летия Красной армии (23 февраля 1938 г.) 22 стахановца и ударника получили денежные премии [11].

Отличились и механизаторы. В 1936 г. Кировская область по выработке на 15-сильный трактор стояла на первом месте среди краев и областей нечерноземной полосы СССР. Малмыжская МТС (директор В. И. Акулов) в 1936 г. выполнила план тракторных работ на 111,1%. Выработка на 15-сильный трактор составила 854,4 га, а экономия горючего – 99,2 тонны. Тракторист Чучкалов выработал на тракторе СТЗ в смену 616,7 га (при норме в 240 га), сэкономив 200 кг горючего. Трактористка А. Новокшенова выработала на тракторе У-2 в смену 589,5 га (при норме в 125 га), сэкономив 876 кг горючего. Комбайнер-орденоносец В. Я. Чипелев выработал за сезон на комбайне «Коммунар» 480 га (при норме в 220 га). Уржумская МТС (директор Зуев) выполнила план тракторных работ на 152,8%. Выработка на 15-сильный трактор составила 936,1 га, а экономия горючего - 4,2 тонны. Тракторист Я. В. Лямин вместе с подсменным Д. А. Михалевым выработали на тракторе ЧТЗ 3062 га (при норме в 1700 га). В бригаде Гневышева выработка на каждый трактор СТЗ составила 1000 га. По итогам 1936 г. лучшим трактористом стал работник Салобелякской МТС орденоносец Головин, выработавший на тракторе СТЗ 750 га (при норме в 240 га). Лучшими комбайнерами в 1936 г. стали Пономарев (Каракулинская МТС), который выработал на комбайне «Коммунар» 670 га (при норме в 225 га), и Васенев (Сердежская МТС), который выработал на таком же комбайне 512 га (при норме в 220 га). А лучшим машинистом на молотилке стал орденоносец Г. И. Зимин (Вятскополянская МТС), который в 1935 г. намолотил на молотилке ВДО-34 1100 тонн, а в 1936 г. дал высшую по СССР выработку в смену – 37 тонн [12].

Однако подлинно массовые масштабы в колхозах Кировского региона стахановское движение получило в 1938–1939 гг. Важным показателем роста стахановского движения служит количество передовиков-участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ), которых по области было утверждено 537 чел., колхозов по зерновым культурам – 395, по льну – 21, по кормовым культурам – 29, животноводческих ферм – 103. Всего участников выставки по области было утверждено 1510. За выдающиеся достижения в сельском хозяйстве получили ордена и медали 39 чел. [13]

Благодаря развертыванию стахановского движения в 1938 г. Кировская область быстрее, по сравнению с 1937 г., закончила весенний сев, полностью выполнив план его по основным культурам. Если к 1937 г. в области насчитывалось 220 стахановских колхозов, то в период весенней посевной 1938 г. число их достигло 1500 [14]. В 1936 г. в области числилось 2653 стахановских льноводческих звена, а в 1938 г. их стало уже 7500. И хотя закрепились из них далеко не все, однако передовые звенья вырастили от 4 до 9 цент. льна с каждого гектара, а стахановские звенья бригадиров Куклиной, Возжаевой, Смертиной получили по 11–13 цент. льноволокна с га [15]. Что касается зерновой отрасли, то в 1938 г. там насчитывалось 1879 стахановских звеньев. По зерну наивысшая урожайность в 1936 г. составляла 18–20 цент. с га, а в 1938 г. – 20–29 цент. с га (по ячменю – даже 32 цент. с га) [16]. В 1938 г. 15 колхозов получили в среднем от 20 до 29 цент. с га, 31 колхоз – от 18 до 20 цент., 118 колхозов – от 16 до 18, 157 колхозов – от 13 до 15 цент. И это – несмотря на чрезвычайно неблагоприятные метеорологические условия этого года (засуха) и стихийные бедствия (многочисленные пожары).

Продолжали радовать своими успехами механизаторы. В 1938 г. свыше 100 трактористов выработали тракторами СТЗ за сезон от 420 до 856 га в смену, а тракторами «Сталинец» – до 2405 га [17]. Рекордную выработку на тереблении льна в 1936 г. (190 гектаров) дал льнотеребильщик А. И. Петров. Четыре льнотеребильщика дали от 80 до 130 га при норме в 50 га за сезон. В 1938 г. А. И. Петров убрал лен с 251,5 га, поставив тем самым всесоюзный рекорд. Льнотеребильщики Селезенев и Бусыгин убрали по 203–204 га. 23 льнотеребильщика убрали от 100 до 160 га при норме 50 га, а в 1939 г. братьями Верхорубовыми (Черновская МТС) на льнотеребилке ЛТ-7 за 21 рабочий день был убран 301 га (при сезонной норме 48 га). Комбайнер Салобелякской МТС Г. Е. Васенев сцепом двух комбайнов «Коммунар» убрал в 1938 г. 1050 га, А. А. Панов одним комбайном убрал 620 га; 13 комбайнеров убрали по 400–600 га при норме 180 га, перевыполнив сезонное задание на 300%; 26 комбайнеров северными комбайнами убрали по 125–248 га при норме 80 га, перевыполнив сезонную норму на 150–300% [18].

Хорошие результаты демонстрировали стахановцы и в сфере животноводства. Так, в 1936 г. лучшей колхозной племенной фермой Кировского края была признана ферма колхоза «Ленинская искра» Оричевского района, где средний удой на корову составил 3093 литра. Доярка этой фермы А. П. Дуркина (орденоносец, депутат Верховного Совета и участник ВСХВ) добилась от коровы по кличке «Белуга» удоя в 4066 литров молока, а в 1938 г. эта же «Белуга» дала 8119 литров. В среднем в 1938 г. в этом колхозе было получено молока на каждую фуражную корову 3382 литра [19]. В совхозе им. Ворошилова стахановка-орденоноска Матанцева получила и

вырастила по 30 поросят от 12 свиноматок [20]. На коневодческой ферме колхоза им. Буденного Шурминского района в результате правильного воспитания, кормления, ухода и тренировки племенная продукция превышала установленный стандарт развития лошади. Отдельные лошади, выращенные на ферме, показали хорошую резвость. Так, например, кобыла «Логика» в 1935 г. на Московском ипподроме показала резвость 2 минуты 26 секунд. В 1936 г. на ферме было получено и сохранено 80% жеребят к числу имевшихся маток. Лучший конюх Ф. И. Григорьевых за 5 лет своей работы воспитал 52 жеребенка, причем у него не было ни одного случая падежа молодняка. На коневодческой ферме «Пятилетка» Вятскополянского района в 1935 г. от 23 маток было получено и сохранено 23 головы молодняка, а в 1936 г. от 30 маток получено и сохранено 25 жеребят (падежа не было). В районную племенную книгу были занесены 52 лошади этой фермы. В 1936 г. конюх-стахановец Санников от 8 прикрепленных маток сохранил 8 жеребят, а конюх-стахановец Ханжин от 10 маток сохранил 10 жеребят [21].

В результате развертывания стахановского движения в качестве участников ВСХВ были утверждены 21 колхоз и 64 звена, а колхоз «Культиватор» Шарангского района получил в награду за высокую урожайность льна (6,7 цент. с га) переходящее Красное знамя НКЗ СССР и целый набор сельскохозяйственных машин и орудий. По итогам соревнования льноводов Кировской области с Ярославской областью были премированы передовики льноводства. Котельничский район был награжден легковой машиной и переходящим Красным знаменем ВКП(б) и облисполкома. ЗЗ передовика льноводства (звеньевые, председатели колхозов, бригадиры, льнотеребильщики, трактористы) были премированы ценными подарками – часами, патефонами, швейными машинками, а 12 чел. – путевками на ВСХВ [22].

Однако развертывание стахановского движения в сельском хозяйстве Кировской области сталкивалось с рядом трудностей. Главными из них являлись следующие: недостаточно отлаженный механизм передачи опыта соревнующихся и лучших производственников, неудовлетворительное руководство стахановским движением со стороны местных партийных, комсомольских организаций, сельсоветов и земельных органов, отсутствие необходимой поддержки данного начинания. Так, в 1936 г. в Советском районе формально было организовано 51 звено за достижение высокого урожая, однако, ввиду отсутствия надлежащего руководства со стороны партийных, советских работников, райзо и МТС, эти стахановские звенья, в большинстве своем, так и остались на бумаге. Лишь незначительная часть звеньев показала свою жизнеспособность и, несмотря на засуху, сумела добиться хороших показателей. В колхозах Волохово, Васенево, Волынцево, им. 17-го партсъезда урожай достигал от 11 до 14 цент. с га. Колхозники там получили на трудодни от 1,2 до 2,6 кг зерна, а сами колхозы были обеспечены семенным и фуражным материалом. Стахановки-льноводки В. Калинина (колхоз Запруженье), Ф. Тарасова (колхоз Маркуши), Е. Злобина (колхоз Климено) достигли высокой и качественной обработки льноволокна. Однако отдельные успехи в стахановском движении так и не стали в 1936 г. толчком для развития массового стахановского движения в колхозах Советского района [23]. К концу 1930-х гг. учеба стахановцев в Кировской области так и не была налажена, вместо планируемых 10 стахановских школ были организованы лишь 2, агрономическое обслуживание их было поставлено скверно [24].

Стахановское движение в колхозах и совхозах способствовало обновлению и укреплению руководящих кадров. Стахановская бригада под руководством Князева (колхоз «Красная Талица» Шестаковского района) выполняла нормы выработки на 200%. Бригадир Князев, помимо организации собственно производственной деятельности, зарекомендовал себя хорошим массовиком-агитатором, регулярно проводил в своей бригаде беседы, читки, доклады. Бригадир производственной артели «Жеребок» Кормщиков в 1938 г. ежемесячно перевыполнял производственный план. Только за сентябрь план был перевыполнен на 25%. Массовую работу в своей бригаде Кормщиков направлял на дальнейшее развитие стахановского движения. В его бригаде, состоявшей из 42 чел., насчитывалось 30 стахановцев и 7 ударников. Председатель колхоза Колупаев (сочувствующий при Кстининской парторганизации) вел большую агитационную работу с колхозниками, благодаря чему руководимый им колхоз досрочно, без потерь провел сенокос и уборку хлеба, полностью выполнив свои обязательства перед государством по хлебопоставкам. Из среды сочувствующих стахановцев десятки людей были выдвинуты на руководящую работу. Например, Черемискин (один из лучших председателей колхозов Куменского района) был выдвинут заместителем заведующего Заготльна; колхозник Махнев был выдвинут заведующим Зуевским районным отделом социального обеспечения. Однако местные партийные организации не всегда проявляли должную заботу о выдвиженцах, мало помогали им на новой ответственной работе и уделяли недостаточное внимание вопросам организации технической и политической учебы стахановцев [25].

Отрицательно сказывались на развитии стахановского движения и эгалитарные установки, исповедуемые частью сельского населения (что неудивительно, учитывая прочность общинных традиций в среде вятского крестьянства). Весьма показателен случай, произошедший в Вахреневском колхозе Черновского района. З марта 1936 г. там дважды пыталась покончить жизнь самоубийством через повешение колхозница-стахановка М. А. Филатьева (оба раза она была спасена матерью). При расследовании обстоятельств дела было установлено, что в 1936 г. в колхозе было организовано стахановское звено, в котором М. А. Филатьева была выбрана звеньевой. Она взяла на себя ряд обязательств по повышению урожайности льна и обратилась на собрании к председателю колхоза С. Г. Филатьеву с просьбой дать ей лошадь для вывозки удобрения. Председатель на это ничего ей не ответил, вместо него выступил кладовщик П. В. Филатьев, который заявил: «Тебе привезти бочку с удобрениями, привязать на шею и ходить, вот и будешь стахановка». А единоличник Д. О. Филатьев добавил: «Пока тобой здесь не пахло, то все было хорошо, а теперь всех мутишь; ты добиваешься как бы получить только премию». Руководство колхоза посылало стахановку М. А. Филатьеву на самые тяжелые работы, отказывало в выдаче хлеба и всячески высмеивало ее, что, в конечном итоге, и послужило причиной попыток самоубийства. За травлю стахановки против председателя колхоза, кладовщика и единоличника Филатьевых было возбуждено уголовное дело [26].

В деревне Редкино (Тужинский район) председатель колхоза третировал единственную ударницу – Ефросинью Редкину, жену красноармейца. В колхозе им. Чапаева (тот же район) колхозница Н. П. Разумова хотела показать пример качественного выращивания льна. По ее инициативе было создано стахановское звено, но председатель колхоза Гагаринов перевел ее в конюхи. В упомянутых колхозах сохранялась трехпольная система, удобрений (кроме незначительного количества навоза) не вносилось, несмотря на имеющиеся запасы торфа. Агрономы в эти колхозы заглядывали очень редко. По впечатлению очевидца, «в некоторых сельсоветах Тужинского района чувствуется не 20-й год Великой Октябрьской революции, а тяжелый 1918 год» [27]. В Воткинском районе вопросы развития стахановского движения в связи с уборочной кампанией 1937 г. «прошли мимо районного комитета партии». В райкоме не могли назвать имени ни одного стахановца. И хотя в районе было немало колхозников, которые демонстрировали прекрасные результаты, однако поддержка им со стороны районных организаций, МТС и руководства колхозов не оказывалась, а их «прекрасные начинания попросту часто скрывались» [28].

Трудовой энтузиазм и рационализаторскую инициативу гасили уравниловка и обезличка. В 1937 г. в целом ряде колхозов Лебяжского района («Память Ильича», «Трудовик», «Зеленый Бор» и др.) высокие результаты работы стахановских звеньев и отдельных стахановцев при обмолоте зерна были слиты с общеколхозными показателями. В колхозе «Юпитер» Мысовского сельсовета создание стахановских звеньев и бригад дало основание его руководству объявить стахановским весь колхоз, хотя далеко не все колхозники взяли на себя стахановские обязательства. Однако районная власть по выявленным фактам надлежащих мер не приняла, а местная пресса не сочла нужным осветить эти отрицательные явления и дать им соответствующую оценку [29]. Во многих сельсоветах Макарьевского района стахановские звенья, формально организованные весной 1937 г., фактически распались еще до начала уборочной [30].

Не был усыпан розами профессиональный путь трактористки-стахановки Ольги Федоровны Козловой. Будучи неграмотной, она окончила ликбез, и, после того как в 1935 г. в ее родном Санчурском районе была организована МТС, Ольга стала первой из девушек, кто пошел учиться на трактористку. Однако инициатива молодой колхозницы встретила жесткое сопротивление со стороны ее близких и односельчан. В ход шли следующие аргументы: «ты умом тронулась: пошла учиться на трактористку, ведь ты проработаешься, дому твоего не хватит, и последнюю корову уведут», «ты избалуешься, тебя и замуж никто не возьмет». Пытались оказывать влияние и на отца девушки, дабы тот запретил ей продолжать учебу. Однако Ольга проявила настойчивость и, вопреки отцовским увещеваниям, продолжала совмещать учебу и работу на тракторе в Санчурской МТС, вступила в комсомол. И результаты ее стараний оказались поистине впечатляющими. Проработав лето, О. Ф. Козлова стала ударницей. Райком премировал ее шерстяным платьем, она заработала очень много хлеба и денег. По словам девушки, когда заработанный хлеб ей подвезли на трех лошадях, то «вся деревня обезумела». Пример Ольги оказался вдохновляющим, и на следующий год многие также пошли учиться на трактористов. На заработанный хлеб и деньги О. Ф. Козлова приобрела велосипед, патефон и доху (за последнюю было уплачено ни много ни мало 1000 руб.). Вскоре Ольга Федоровна назначается бригадиром тракторного стахановского отряда, в котором под ее руководством на каждый трактор было выработано по 600 га. В 1937 г. она заработала 550 трудодней, получив на них 200 пуд. хлеба и 1300 руб. денег. Отец стахановки, работая конюхом, получил от колхоза на трудодни 250 пуд. хлеба, и в итоге вся семья девушки,

состоящая из 4 человек, получила 450 пуд. хлеба. Важной ступенью в карьере О. Ф. Козловой стало назначение ее на должность заведующей клубом Лисинского сельсовета (Санчурский район), где она, используя свой патефон, вела большую агитационно-пропагандистскую и культурнопросветительную работу среди местного населения [31].

Таким образом, развитие в вятской деревне стахановского движения во второй половине 1930-х гг. было сопряжено с целым рядом трудностей. Однако со временем это начинание все же пробивало себе дорогу. В неразрывном единстве с комплексом других мероприятий (увеличение масштабов поставок колхозам новейшей техники, подготовка квалифицированных кадров, использование достижений агрономической науки, организация социалистического соревнования и т. д.) стахановское движение в деревне создавало условия для быстрого подъема всех отраслей сельского хозяйства Кировского региона и позволяло компенсировать потери, понесенные аграрным сектором в первые годы массовой коллективизации.

Примечания

- 1. Чемоданов П. А. Три ключевые идеи стахановского движения (на примере Кировского края) // Социалистическая мысль и общественно-политическое движение в России: сб. статей на материалах межрегион. науч. конф., посв. 185-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского (г. Киров, 23 ноября 2013 г.). Киров, 2013. С. 42.
- 2. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 349. Л. 52 об.
 - 3. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 133.
 - 4. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 351. Л. 268.
 - 5. Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 326-328.
- 6. Успехи социалистического строительства Кировской области: материалы для агитаторов и беседчиков. Киров, 1939. С. 27.
 - 7. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 136.
 - 8. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 113.
- 9. Тихвинский С.Ф. К истории льноводства Волго-Вятского района // Из истории сельского хозяйства и крестьянства Верхнего Поволжья в период построения и утверждения развитого социализма (1938–1980 гг.). Киров, 1980. С. 33.
 - 10. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 348. Л. 114-115.
 - 11. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 351. Л. 163.
 - 12. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 349. Л. 53 об.-54.
- 13. Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета за 1935–1939 гг. Киров, 1939. С. 44.
 - 14. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 41. Л. 65.
- 15. Успехи социалистического строительства Кировской области. С. 27; Шапиро П. С. Сельское хозяйство Кировской области накануне Великой Отечественной войны // Из истории сельского хозяйства и крестьянства Верхнего Поволжья в период построения и утверждения развитого социализма (1938–1980 гг.). Киров, 1980. С. 7.
 - 16. Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета. С. 44-45.
 - 17. Успехи социалистического строительства Кировской области. С. 27.
 - 18. Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета. С. 45-46.
 - 19. Там же. С. 46.
 - 20. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 349. Л. 54 об.
 - 21. ГАСПИ КО. Ф. П-1255. Оп. 2. Д. 349. Л. 55 об.
 - 22. Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета. С. 52-53.
 - 23. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 287. Л. 5.
 - 24. Материалы к отчету Кировского областного исполнительного комитета. С. 44–46.
 - 25. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 41. Л. 151.
 - 26. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 55. Л. 22.
 - 27. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 287. Л. 233–234.
 - 28. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 292. Л. 22.
 - 29. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 351. Л. 11.
 - 30. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 2. Д. 351. Л. 21.
 - 31. ГАСПИ КО. Ф. П-1290. Оп. 1. Д. 193. Л. 76.

Notes

1. Chemodanov P. A. *Tri klyuchevye idei stahanovskogo dvizheniya (na primere Kirovskogo kraya)* [Three key ideas of the Stakhanov movement (on the example of Kirov region)] // Socialisticheskaya mysl' i obshchestvennopoliticheskoe dvizhenie v Rossii: sb. statej na materialah mezhregion. nauch. konf., posv. 185-letiyu so dnya rozhdeniya N. G. Chernyshevskogo (g. Kirov, 23 noyabrya 2013 g.) – Socialist thought and socio-political movement in Russia: collected articles on the materials Interregion. scientific conf. to the 185-th anniversary of the birth of N. G. Chernyshevskii (Kirov, November 23, 2013). Kirov. 2013. P. 42.

Исторические науки и археология

- 2. State archive of socio-political history of the Kirov region (GASPI KO). F. P-1255. Sh. 2. File 349. Sh. 52 turn.
- 3. GASPI TO. F. P-1255. Sh. 2. File 348. Sh. 133.
- 4. GASPI TO. F. P-1290. Sh. 2. File 351. Sh. 268.
- 5. Ocherki istorii Kirovskoj oblasti Essays on the history of Kirov region. Kirov. 1972. Pp. 326-328.
- 6. Uspekhi socialisticheskogo stroitel'stva Kirovskoj oblasti: materialy dlya agitatorov i besedchikov The successes of socialist construction in the Kirov region: the agitators and communicators. Kirov. 1939. P. 27.
 - 7. GASPI TO. F. P-1255. Sh. 2. File 348. Sh. 136.
 - 8. GASPI TO. F. P-1255. Sh. 2. File 348. Sh. 113.
- 9. Tikhvinsky S. F. *K istorii l'novodstva Volgo-Vyatskogo rajona* [History of flax cultivation in the Volga-Vyatka region] // *Iz istorii sel'skogo hozyajstva i krest'yanstva Verhnego Povolzh'ya v period postroeniya i utverzhdeniya razvitogo socializma* (1938–1980 gg.) From the history of agriculture and peasantry of the Upper Volga region in the period of construction and approval of developed socialism (1938-1980). Kirov. 1980. P. 33.
 - 10. GASPI TO. F. P-1255. Sh. 2. File 348. Sh. 114-115.
 - 11. GASPI TO. F. P-1290. Sh. 2. File 351. Sh. 163.
 - 12. GASPI TO. F. P-1255. Sh. 2. File 349. Sh. 53 turn-54.
- 13. Materialy k otchetu Kirovskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta za 1935–1939 gg Materials to the report of the Kirov regional Executive Committee for 1935-1939. Kirov. 1939. P. 44.
 - 14. GASPI TO. F. P-1290. Sh. 2. File 41. Sh. 65.
- 15. Uspekhi socialisticheskogo stroitel'stva Kirovskoj oblasti The successes of socialist construction in the Kirov region. P. 27; Shapiro P. C. Sel'skoe hozyajstvo Kirovskoj oblasti nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny [Agriculture of the Kirov region on the eve of the Great Patriotic war] // Iz istorii sel'skogo hozyajstva i krest'yanstva Verhnego Povolzh'ya v period postroeniya i utverzhdeniya razvitogo socializma (1938–1980 gg.) From the history of agriculture and peasantry of the Upper Volga region in the period of construction and approval of developed socialism (1938-1980). Kirov. 1980.
- 16. Materialy k otchetu Kirovskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta Materials to the report of the Kirov regional Executive Committee. Pp. 44-45.
- 17. Uspekhi socialisticheskogo stroitel'stva Kirovskoj oblasti The successes of socialist construction in the Kirov region. P. 27.
- 18. Materialy k otchetu Kirovskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta Materials to the report of the Kirov regional Executive Committee. Pp. 45-46.
 - 19. Ibid. P. 46.
 - 20. GASPI TO. F. P-1255. Sh. 2. File 349. Sh. 54 turn.
 - 21. GASPI TO. F. P-1255. Sh. 2. File 349. Sh. 55.
- 22. *Materialy k otchetu Kirovskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta* Materials to the report of the Kirov regional Executive Committee. Pp. 52-53.
 - 23. GASPE TO. F. P-1290. Sh. 1. D. 287. Sh. 5.
- 24. *Materialy k otchetu Kirovskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta* Materials to the report of the Kirov regional Executive Committee. S. 44-46.
 - 25. GASPE TO. F. P-1290. Sh. 2. File 41. Sh. 151.
 - 26. GASPE TO. F. P-1290. Sh. 1. File 55. Sh. 22.
 - 27. GASPE TO. F. P-1290. Sh. 1. File 287. Sh. 233-234.
 - 28. GASPE TO. F. P-1290. Sh. 1. File 292. Sh. 22.
 - 29. GASPE TO. F. P-1290. Sh. 2. File 351. Sh. 11.
 - 30. GASPE TO. F. P-1290. Sh. 2. File 351. Sh. 21.
 - 31. GASPE TO. F. P-1290. Sh. 1. File 193. Sh. 76.

УДК 364-78

Б. А. Ершов

Пастырское служение Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В статье рассматриваются основные направления пастырского служения Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. Показано, что именно Церковь сыграла важную роль в поднятии боевого духа советской армии, посредством проповеднической деятельности, пожертвований, а также участия священников в партизанском движении. Особое внимание обращается на то, что Церковь всегда находилась в центре внимания светской власти и отношения с ней составляли ключевое содержание политики государства в целом.

© Ершов Б. А., 2015

In article the main directions of vicarial service of Russian Orthodox Church in the period of the Great Patriotic War are considered. It is shown what exactly the Church played an important role in a raising of fighting spirit of the Soviet army, by means of evangelical activity, donations and also participation of priests in the guerrilla movement. Special attention is paid on that the Church always was in the center of attention of the secular power and the relation with it made the key maintenance of policy of the state in general.

Ключевые слова: церковь, духовенство, война, государство, армия, благотворительность, патриотизм.

Keywords: church, clergy, war, state, army, charity, patriotism.

Изучение истории Русской православной церкви в военные годы представляет интерес в связи с развитием в современный период тенденций упрочения её роли в жизни государства и общества, совершенствования управления, радикального изменения в правовом поле, расширения сети духовных училищ, улучшения качества духовного образования, роста её авторитета в мире. Эти процессы начались в военные годы. Поэтому, анализируя то переломное время, мы можем лучше осознать те мотивы, которыми руководствовалась Церковь, приближая победу в войне.

Уже в первые дни войны митрополит Сергий (будущий Патриарх) обратился с «письмом к духовенству и пасомым Православной Церкви», в котором говорилось: «Фашисты напали на нашу страну... ничтожные потомки врагов православия хотят ещё раз попробовать поставить наш народ на колени перед ложью... но не первый раз доводится русскому народу переносить такие испытания. С Божьей помощью и в этот раз он разнесет в прах фашистов... Церковь благословляет всех верующих на защиту святых границ нашей Родины. Господь нам поможет победить». Митрополит Сергий призывал священнослужителей не оставаться безмолвными свидетелями и тем более не впадать в «лукавые соображения» о «вероятных выгодах» по другую сторону фронта, что было бы «прямой изменой стране и священному долгу». Это письмо было разослано по всем православным приходам и вскоре читалось после служб [1].

26 июня 1941 г. митрополит Сергий отслужил молебен «о даровании победы» в Богоявленском соборе. С этого времени во всех храмах Московской патриархии стали происходить аналогичные молебны. Началось энергичное участие Церкви в патриотическом подъеме. С патриотическими призывами к духовенству обращались и ближайшие подвижники митрополита Сергия: митрополиты Киевский Николай (Ярушевич) и Ленинградский Алексий (Симанский). Особое признание получили слова митрополита Алексия: «И в правление Дмитрия Донского и святого Александра Невского, и в период войны с Наполеоном, победа русского народа была бы невозможна без его глубокой веры в Божью помощь. Мы будем непреклонны в нашей вере в окончательную победу над злом и ложью, в решительную победу над фашизмом».

Основными источниками для написания статьи послужили материалы периодической печати, архивные документы, которые включают проповеди и послания православных священников, их письменные свидетельства, носящие не только консолидирующий и призывной характер, но и имевшие также разъяснительную цель. В них утверждалась твердая позиция Церкви по отношению к фашистам и войне в целом независимо от положения на фронтах. Особое внимание в письмах духовенства уделялось верующим на оккупированных территориях, напоминая им, что они, находясь в плену у фашистов, намеренно или по недомыслию не стали изменниками своей Родины. Одновременно духовенство призывало содействовать партизанскому движению. Так, в послании 1942 г. подчеркивалось: «Пусть партизанское движение будет не только примером, но и предметом постоянного попечения. Нужно помнить, что любая услуга, которая оказана партизану, есть заслуга перед страной и лишний шаг к нашему личному освобождению от фашистского гнёта» [2].

Несмотря на то что пастырское служение Церкви на оккупированных территориях оценивается неоднозначно, в целом удалось воссоздать многие аспекты просветительской деятельности Церкви и священнослужителей в период войны, но некоторые факты тем не менее нуждаются в уточнении.

Вот как описывал один из священнослужителей несение своей службы на оккупированных территориях. «Наша работа и жизнь при фашисткой оккупации была постоянной борьбой с немцами за душу русских людей». Священник входил в так называемую Новгородскую и Псковскую духовные миссии, работающие с августа 1941 г. по февраль 1944 г. Из более чем 420 церквей, функционировавших здесь до революции, к началу войны ни одной не осталось. За 2 года местные жители с помощью 15 миссионеров, приехавших из Риги, отстроили 340 церквей, которые действовали достаточно длительное время. Часть священников, несших службу в данной

Исторические науки и археология

миссии, погибли от пуль фашистов. Так, например, в Новгородской области, отступая, фашисты взорвали и сожгли Долошинский и Северный храмы; в ноябре 1943 г. увезли священников А. Георгиевского и В. Ерина в Латвию.

Катастрофой для советской власти был ход боевых действий в начале войны. Он вынудил Сталина мобилизовать для обороны страны весь национальный резерв, в том числе и РПЦ в качестве народной нравственной силы. Сразу для богослужений стали открываться церкви, священники были выпущены из лагерей, а антирелигиозная деятельность остановлена. Находившиеся в действующей армии священники демобилизовывались при согласии возвратиться к церковной службе. В сентябре 1941 г. были ликвидированы антирелигиозные издания, закрыт «Союз воинствующих безбожников».

Апогеем этого процесса, который можно характеризовать как сближение Церкви и государства в «духовном единении», 4 сентября 1943 г. был организованный Сталиным прием митрополита Сергия (Страгородского) и митрополитов Николая (Ярушевича) и Алексия (Симанского). На этой встрече Сталин дал официальное согласие на созыв Собора и проведение выборов Патриарха. 8 сентября 1943 г. состоялся в Москве Собор священнослужителей Православной Церкви, собранный для избрания Патриарха и учреждения при Патриархе Священного Синода, который единогласно избрал Сергия Патриархом Московским.

14 сентября 1943 г. был образован Совет по делам Русской Церкви для реализации связи между властью и Патриархом по вопросам, которые требовали разрешения властных структур, и для контроля над строгим применением закона о культах. В большом количестве вновь стали открываться церкви, священнослужители вернулись из лагерей, снова продолжил издаваться «Журнал Московской Патриархии» [3].

В период войны в обществе позиции Православной Церкви укреплялись. Этому содействовал ряд факторов. Первый: бремя войны, несущее массовые страдания. Тяжести военного времени, потери близких и родных, лишения и беды вернули Церкви часть тех людей, которые оставили ее в предвоенные годы.

Сталин был вынужден считаться с той ролью, которую играло духовенство среди верующих людей. Нельзя было не учесть и международной обстановки. В антигитлеровской коалиции были влиятельные деятели, следившие за положением Церкви в СССР. Все эти обстоятельства заставляли И. В. Сталина внести значительные изменения в отношения Церкви и государства. Сталин с помощью религиозных вопросов старался поднять свой авторитет перед международным сообществом, упрочить антигитлеровскую коалицию, где преобладали глубоко религиозные обычаи.

Проявления патриотического духа Церкви были очень разнообразны. Сотни священников, включая тех, кому посчастливилось возвратиться, отбыв сроки в лагерях, ссылках и тюрьмах, были вызваны в ряды действующей армии. Это дало возможность организовать при церквях пристанища для детей и престарелых, а также пункты для перевязки раненых, особенно в период отступления 1941–1942 гг., когда многие епархии Русской Церкви взяли на себя заботу о брошенных на произвол судьбы людях.

При поддержке государства достаточно много священников работали в военных лазаретах. Многие из них несли службу в монастырях и находились на полном попечении монашествующих. Так, например, в ноябре 1943 г. сразу после освобождения Киева Покровский женский монастырь исключительно своими силами основал госпиталь, в котором работали в качестве санитарок и медсестер насельницы обители, а затем в нём разместили эвакогоспиталь, где сестры продолжали трудиться до 1946 г. Монастырь получил от светской власти несколько письменных благодарностей за безупречное лечение раненых, а настоятельница монастыря игуменья Архелая была рекомендована к награждению орденом за пастырское служение [4].

Настоятельницу Михайловского Одесского женского монастыря игуменью Анатолию также удостоили медали «За героический труд в Великой Отечественной войне», так как она с сестрами оказывала армии огромную помощь лекарствами, одеждой и продуктами. В Красноярске в военные годы трудился в должности главного хирурга епископ Лука (Войно-Ясенецкий), он являлся известным ученым-медиком, который побывал в лагерях и ссылках. Благодаря его операциям огромному количеству раненых солдат были сохранены здоровье и жизнь. В кабинете и операционной священника висели иконы, и любую операцию он начинал с молитвы. В 1945 г. за основательный труд «Очерки гнойной хирургии» Лука был вознагражден Сталинской премией I степени, немалую часть которой он отдал в качестве пожертвований на помощь сиротам.

Духовенство также участвовало и в рытье траншей, создании противовоздушной обороны, мобилизуя население, утешая потерявших родных и близких. В тылу, в сельских поселениях, бы-

ли случаи, когда священнослужители после воскресной литургии предлагали верующим вместе с ними пойти на колхозные поля для выполнения тех или иных хозяйственных работ.

Достаточно многочисленны были примеры участия священников в антифашистской борьбе на оккупированных территориях в Республике Беларусь. В частности, священник Александр Романушко, родом из Полесья, с 1942 г. по 1944 г. лично принимал участие в военных операциях и ходил в разведку. Из послания священника Александра в 1944 г. известно, что количество духовенства в Полесской епархии сократилось на 57% в связи с расстрелами протоиереев немцами за помощь ими партизанам.

Медалью «Партизан Отечественной войны» было отмечено служение отца Федора Пузанова из деревни Бродовичи-Заполье на Псковщине. Он являлся Георгиевским кавалером Первой мировой войны и отличался скромностью. Ему была позволена оккупантами относительная свобода передвижения как иерею сельского прихода, он вёл разведывательную деятельность, снабжал партизан одеждой и хлебом, сообщал сведения о передвижениях фашистов. Кроме этого он вел беседы с местным населением и, передвигаясь от деревни к деревне, знакомил людей с положением в стране и на фронте. В 1943 г. батюшка собирал среди населения средства на обеспечение продовольствием танковой колонны им. Дмитрия Донского.

Кроме того, в Фонд обороны были перечислены драгоценности и деньги, а также церковная утварь на сумму 600 тыс. рублей. Во время эвакуации фашистами жителей Псковского района в 1944 г. иерей Пузанов должен был сопроводить к месту погрузки свой приход. Колонну жителей сопровождали фашисты, но, пройдя 20 километров, фашисты свернули в сторону, повелев батюшке под страхом смерти вести колонну самому. Когда фашисты скрылись, батюшка Федор предложил жителям возвратиться домой, что они и сделали с радостью. В 1944 г. священник Федор Пузанов был приглашен к митрополиту Алексию, который отметил заслуги батюшки перед страной и Церковью наперсным крестом [5].

Гражданским подвигом явилось поведение духовенства и верующих в Ленинграде. Священнослужители и их паства в блокированном городе проживали, разделяя тяготы военного времени вместе. Вокруг церквей существовали объединения жителей, которые помогали друг другу выживать.

В Ленинграде и его северных окраинах, попавших в кольцо блокады, находилось 12 функционирующих православных церквей. По настоянию митрополита Алексия уже с 24 июня церкви Ленинграда приступили к сбору пожертвований на оборону. Митрополит поддержал желание населения отдать на эти цели имевшиеся в церквях резервные суммы, порой очень внушительные. Церкви отказались от всех денежных трат, кроме самых нужных. К концу 1941 г. свои пожертвования на общую сумму 2,5 миллиона 147 тыс. рублей отдали все православные церкви Ленинграда. С конца июня 1941 г. церкви города стали наполняться людьми: многие приходили молиться за своих родных. Но службы пришлось приспосабливать к боевым условиям: в расписании служб учитывались бомбежки и обстрелы. От бомб и снарядов пострадали Князь-Владимирский и Никольский соборы, но службы в работавших церквях продолжали проходить каждый день. В самую суровую блокадную зиму 1941–1942 гг. церкви продолжали работать, давая людям поддержку и духовное утешение.

Первая Пасха в период войны 18 апреля 1942 г. совпала с 700-летием победы святого князя Александра Невского над немецкими рыцарями в Ледовом побоище. Александр Невский является небесным покровителем Ленинграда. Пасхальная служба собрала много людей, все же меньше, чем год назад: оказывали влияние последствия войны. Каждый третий житель Ленинграда умирал от голода, началась массовая эвакуация людей. Многие православные вместо куличей освящали блокадный хлеб.

О проявлении религиозных настроений в армии, как правило, быстро становилось известно в структурах власти. В частности, 16 февраля 1944 г. при взятии г. Луги Советской армией генерал Лобанов вызвал к себе в часть ранее оказывавшего помощь партизанам священнослужителя Михаила Образцова и попросил его в присутствии жителей окрестных сёл, красноармейцев и работников штаба отслужить молебен благодарственный о скорейшей победе, что и было сделано. После молебна генерал поблагодарил священнослужителя за антифашистское служение Родине. Есть сообщения о выступлениях в Советской армии не только священнослужителей, но и архиереев. Так, в ноябре 1942 г. под Сталинградом митрополит Николай Ярушевич отслужил молебен перед Казанским образом Божией Матери. Удивительно, что в блокадном Ленинграде, несмотря на голод и нищету, был продолжен сбор пожертвований в фонд обороны. Активно в этом участвовали священники города: к 1 июня 1944 г. сумма таких пожертвований достигла 400 тыс. рублей. Митрополит Алексий пожертвовал 60 тысяч, а диакон Л. И. Егоровский сдал 48 тыс. руб-

лей и тем самым с признательностью от И. В. Сталина получил персональную телеграмму. Всего же православные города за 1942 г. собрали 1587 тысяч, а за 1943 г. – 6510 тыс. рублей [6].

Празднично и торжественно отмечалось духовенством города и верующими полное освобождение Ленинграда от врага. Во всех церквях 23 января 1944 г. по благословению митрополита Алексия были совершены благодарственные молебны. С освобождением города от блокады пастырское служение верующих в епархиях еще более увеличилось.

Только за 4 послеблокадных месяца собрали 1 млн 200 тыс. рублей. Горожане поддержали митрополита Алексия, который 25 октября 1944 г. опубликовал послание об открытии сбора со всех церквей в фонд помощи семьям бойцов Советской армии и детям. Общая сумма пожертвований священников и верующих епархии города за июль 1941 г. – июнь 1945 г. достигла 18425,2 тыс. рублей, в т. ч. 17265,7 тыс. рублей передали жители Ленинграда.

Материальная помощь власти и армии стала одним из самых значительных направлений пастырского служения священнослужителей и мирян в период войны. Несмотря на законодательное запрещение заниматься благотворительной деятельностью и отсутствие личного счета в банке, РПЦ внесла большой материальный вклад в общенародную победу.

С лета 1941 г. практически все церкви страны начали сбор денежных средств и необходимых вещей в фонд обороны, хотя всецерковное воззвание «пожертвованиями и трудами способствовать нашим героическим защитникам» митрополит Сергий объявил 14 октября 1941 г. Особенно деятельно проявили себя священники в Харькове и Горьком. Иерей единственного храма г. Горького А. А. Архангельский в апреле 1942 г. написал митрополиту Сергию: «Любовь к Отчизне, защита её территориальной целостности от врага была заветом всех православных людей. Поэтому миряне особенно горячо отозвались на обращение о помощи на нужды фронта, на помощь и нужды раненым воинам. Необходимо указать, что нами собрано денежных средств и отдано в Фонд обороны свыше 2,5 миллионов рублей. Миряне с удовольствием несли не только деньги, но и лом меди, серебра, обувь, вещи и пр. Было сдано и заготовлено много кожаной и валяной обуви, белья, шинелей. Был учрежден сбор на подарки для солдат в день годовщины Советской армии, давший свыше 35000 рублей». В Саратове за 1943 г. миряне собрали 2440 тыс. рублей, а к 15 сентября 1944 г. еще 1460 тыс. рублей, из них 700 тыс. на постройку 7 самолётов эскадрильи имени Александра Невского [7].

При Никольской церкви города Воронежа в сентябре 1943 г. был образован Епархиальный орган по сборам подарков раненым бойцам и пожертвованиям на оборону страны. Во всех церквях Воронежской епархии после завершения службы учредили благотворительный сбор в Фонд обороны. Внутри церкви были выставлены кружечки с надписями «На подарки раненым бойцам». Каждый праздничный и воскресный день читались особые молитвы, а по завершении литургии служили молебен о даровании Победы русским войнам с провозглашением многолетия Правительству, бойцам и вождям, а также вечной памяти всем погибшим воинам на полях сражений. Говорились патриотические наставления, которые призывали к пожертвованиям на оборону страны. В мае 1944 г. Епархиальный орган по учреждению средств на оборону страны купил для лазарета № 406 города Воронежа мебель на сумму 29797 рублей, в том числе 230 прикроватных тумб, 50 обеденных столов, 490 табуреток, 7 конторских столов.

За пасхальные дни 1944 г. на благотворительные нужды от епархии в фонд обороны поступило 198 300 рублей и 165 кг картофеля. Всего же по Воронежской епархии за 1944 г. собрали в Фонд обороны – 1 960 697 рублей, на подарки солдатам Советской армии – 117 632 рублей, на помощь нетрудоспособным в период войны – 7939 рублей, на лечение раненых и больных – 110 857 рублей, на помощь детским учреждениям и детям – 28 541 рублей, на помощь семьям солдат Советской армии – 96 842 рублей, всего – 2 349 015 рублей. Кроме того, в декабре 1944 г. по просьбе митрополита Алексия и с дозволения местной власти в Воронежской епархии целый месяц шел сбор средств по квартирам и домам мирян в помощь семьям солдат, погибших за свободу и независимость нашей страны. Было пожертвовано 251 753 рублей наличными и на 387 215 рублей государственных облигаций.

В результате всего в Фонд обороны и на другие нужды от храмов Воронежской епархии внесено было за 1944 г. примерно 4,2 млн рублей. В 1945 г. был открыт счёт в банке Воронежа, на который поступили средства от храмов епархии на благотворительные цели.

Из отчёта епархии за 1945 г.: «Благотворительная работа в церквях проводилась каждую службу, после которой осуществлялся тарелочный сбор. В дни светских праздников этим сборам предшествовали напутственные слова, в которых возвышались патриотические чувства, любовь к Отчизне. Говорились назидания и в иные дни на особые темы: о молитве за всех людей, о воспитании в детях сострадания и любви до готовности свою духовную любовь направить на других.

Кроме тарелочного сбора в церквях производились денежные отчисления из общих церковных доходов, причем в Кантемировке отдавали 1 рубль с проданной просфоры, а потом стали отчислять 11% от валового дохода храма. Из церквей по взносам первое место было за Липецком – 400 000 рублей, второе место за Борисоглебском – 388 000 рублей, третье Воронеж – 160 000 рублей». Важно отметить, что Христо-Рождественская церковь в Липецке передала в 1943 г. 87550 рублей, а в 1944 г. – 100 800 рублей. За этот огромный вклад в оборону страны в 1944 г. церковь получила две благодарности от И. В. Сталина. 26 мая 1945 г. И. В. Сталин поблагодарил духовенство и мирян Никольского собора города Воронежа за переданные средства в фонд помощи детям-сиротам [8].

Урон, нанесенный фашистами церквям Воронежа и области, по подсчетам областной комиссии по расследованию преступлений и учету материальных убытков, составил 1 млн 127 тыс. рублей. Это очень внушительная сумма. Епископ Иона подтвердил данные факты об ущербе, нанесенном фашистами: «Храмы, находящиеся на территориях, оккупированных немцами, существенно пострадали, подверглись практически полному, а в отдельных случаях всеобщему разграблению и разрушению. Благодаря стараниям священнослужителей, которые рисковали своей жизнью, кое-что необходимое удалось спасти, и это дало возможность совершать службы».

В 1944 г. 96% работающих в Воронеже и области церквей находилось на территориях, которые были в немецкой оккупации, и они требовали срочного ремонта.

Но миряне и священники в порыве патриотизма отдавали государству все возможные средства, приближающие светлый день Победы. Никто из священнослужителей, попавших в оккупацию, а таких было 65 человек, не преследовался властью. Это можно объяснить тем, что все священники, находясь на оккупированной территории, вели патриотическую работу среди населения, рискуя своей жизнью.

Значимую страницу в истории Великой Отечественной войны составляет создание танковой колонны «Дмитрий Донской», в образование которой внесла свой вклад и церковь. Не было на свободной от немцев земле почти ни одного, даже районного прихода, не внесшего свою лепту в общенародную победу. 50 танков «Т-34» составили общецерковную колонну. Они были изготовлены на заводе в городе Челябинске. Их передача частям Советской армии произошла у села Горелки, что в 8 км западнее Тулы.

В марте 1944 г. священник Николай (Ярушевич) выступил на торжественном собрании в день передачи танков в войска. Он в течение всей войны был одним из главных руководителей и организаторов патриотической работы священнослужителей в различных епархиях РПЦ. Еще летом 1941 г., неся службу экзарха западных областей Белоруссии и Украины, священник был вынужден оставить свою резиденцию в Луцке и, переезжая из одного места в другое в прифронтовой зоне, своими проповедями и службами поддерживал дух местных жителей. Митрополит Сергий одобрял его деятельность и 15 июля 1941 г. назначил Николая (Ярушевича) митрополитом Галицким и Киевским. После оставления Киева Советской армией отец Николай переехал в Москву и во время нахождения священника Сергия в октябре 1941–1943 гг. в эвакуации в Ульяновске стал настоятелем Московского прихода. Сохранилась обширная переписка того периода между митрополитами Сергием и Николаем. В ней говорилось, что 26 церквей Москвы и пригородов к 23 февраля 1942 г. собрали 1200 тыс. рублей, а к 1 Мая – на подарки солдатам – 530 тыс. рублей.

Под руководством священника Николая церкви Москвы внесли 3 млн рублей на организацию танковой колонны «Дмитрий Донской» и свыше 1,5 млн было внесено на эскадрилью «Александра Невского».

Сам митрополит Николай многократно выступал с патриотическими обращениями, а 2 ноября 1942 г. был назначен одним из 12 специалистов Чрезвычайной государственной комиссии по дознанию и установлению зверств фашистов и их пособников [9].

В советских документах можно найти самые разнообразные суммы патриотических пожертвований Церкви в годы войны. По подсчетам Московской Патриархии, к 1945 г. собрали более 350 млн рублей, не считая продуктов и вещей.

В действительности общая сумма была как минимум на несколько тысяч рублей больше, поскольку далеко не везде был организован строгий учёт пожертвований даже мирян Русской Церкви. Разумеется, не учитывались и средства, вносимые мирянами непосредственно в банки под воздействием обращений священников.

С конца 1943 г. прекратился призыв духовенства в армию; воевавшие же, как правило, возвращались с фронта и приступали к пастырскому служению, что было связано с той высочайшей оценкой, которую Советское руководство дало пастырской деятельности Церкви в период Великой Отечественной войны. Православная Церковь в период войны показала всему миру свою яр-

Исторические науки и археология

ко сформулированную патриотическую позицию, то, что любовь к Отчизне для неё сильнее ненависти и обид, которые вызваны годами жестоких преследований. Проявления пастырского служения Православной Церкви были разнообразны: морально-духовная поддержка жителей страны (через проповеди, обращения, послания), сбор денег, одежды, лекарств, драгоценностей, продуктов в Фонд обороны, большое число священников проходили во время войны службу в Советской армии, принимали участие в партизанском движении и т. д. Все это содействовало потеплению государственно-церковных отношений.

Многие священники воевали в рядах Советской армии, собирали средства на помощь фронту; многие из священников, которые воевали, после войны были награждены медалями и орденами. Большая пастырская работа Церкви в период войны не могла не получить благородной положительной оценки власти и общества: начали открываться церкви; на пустовавшие кафедры возвращаются архиереи; большое число священников освободили из лагерей.

В заключение следует сказать, что пастырское служение Русской православной церкви в ходе войны имело особое значение для верующих СССР, миллионы которых воевали на фронте и в партизанских отрядах, работали в тылу. Такая церковная позиция была крайне важна в свете существенного роста духовности в стране в период войны как среди простых жителей, так и среди военных. Она формировала «нравственные постулаты победы».

Примечания

- Болотов С. В. Великая Отечественная война на духовном пути России // Образ жизни. 2010.
 № 2(8). С. 45–47.
 - 2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
- 3. *Одинцов М. И.* Государство и религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Наука, 1994. 294 с.
- 4. *Одинцов М. И.* Религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны (1943–1945) // Отечественные архивы. 1995. № 3. С. 62–64.
 - 5. Послание митрополита Серафима (Лукьянова) // Церковная жизнь. 1942. № 1. С. 3.
 - 6. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
 - 7. Смирнов Д. Военное духовенство // Журнал Московской Патриархии. 2001. № 9. С. 9–11.
- 8. *Фабрика Ю. А.* Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Казначеевские чтения. 2009. № 3. С. 20–22.
- 9. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь за рубежом на Балканах в годы Второй Мировой войны. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: общество любителей церковной истории, 2002. 290 с.

Notes

- 1. Bolotov S. V. The Great Patriotic War on the spiritual way of Russia // the Way of life. 2010. N. 2(8). S. 45–47.
 - 2. State Archive of the Russian Federation (SARF). Fund 6991. Opis. 1. Business 5. Sheet 23.
- 3. Odintsov of M. I. Gosudarstvo and the religious organizations in the USSR on the eve of and in days of the Great Patriotic War of 1941-1945-M.: Science, 1994.-294 s.
- 4. *Odintsov M. I.* The religious organizations in the USSR in days of the Great Patriotic War (1943-1945)//Domestic archives. 1995. No. 3. P. 62-64.
 - 5. Message of the metropolitan Serafim (Lukyanov) // Church life. 1942. N. 1. S. 3.
 - 6. Pospelovsky D. V. Russian Orthodox Church in the XX century. M.: Republic, 1995. 511 s.
 - 7. *Smirnov D.* Military clergy // Magazine of the Moscow Patriarchy. 2001. N. 9. S. 9–11.
- 8. Yu. A factory. Patriotic activity of Russian Orthodox Church in days of the Great Patriotic War (1941–1945) // Kaznacheevsky readings. 2009. N°. 3. S. 20–22.
- 9. Shkarovsky M. V. Russian Orthodox Church abroad on the Balkans in the years of World War II. M.: Krutitsy Patriarchal Metochion: society of fans of church history, $2002. 290 \, s.$

УДК: 94 (470.342)

П. А. Чемоданов

Роль комсомольских организаций в развертывании стахановского движения в Кировском крае (Кировской области) в 1935–1941 гг.

Данная статья посвящена анализу роли организаций ВЛКСМ в развертывании стахановского движения в рамках отдельно взятого региона – Кировской области (Кировского края) с момента возникновения движения (август 1935 г.) до начала Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.). В тексте статьи приведены архивные свидетельства об участии комсомольцев в организации стахановских рекордов, статистические данные о процентной доле членов ВЛКСМ в общей массе стахановцев Кировской области, а также сведения о комсомольском рейде «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения. В статье также показывается, что роль и место комсомольских организаций в развитии стахановского движения в заявленный период находились в прямой зависимости от политических процессов, протекавших в Советском Союзе в то время.

This article analyzes the role of the Komsomol organizations in the deployment of the Stakhanovite movement within a given region – Kirov Region since the beginning of the movement (August 1935) to the beginning of the Great Patriotic War (June 1941). The text of the article shows the archival evidence on participation in the Komsomol organization Stakhanovite records, statistical data on the percentage of the members of the Young Communist League in the total mass Stakhanovite Kirov region, as well as information about the Komsomol raid "of the Light Cavalry" in support of the Stakhanovite movement. The article also shows that the role and place of the Komsomol organizations in the development of the Stakhanovite movement in the stated period was directly dependent on the political processes taking place in the Soviet Union at that time.

Ключевые слова: комсомол, плановая экономика, стахановское движение, репрессии, рекорд, директива, технология, конференция, организация, энтузиазм, вредительство.

Keywords: Komsomol, planned economy, Stakhanov movement, repression, records, directive, technology, conference, organization, enthusiasm, sabotage.

Роль комсомола в жизни советского общества 1930-х гг. на сегодняшний день недостаточно изучена. Советская историография темы носила характер преимущественно либо статистико-количественный (рост числа организаций и членов, количество проведенных мероприятий и т. д.), либо парадно-пропагандистский. Ей явно не хватало глубины и аналитичности. Современные исследователи интересуются иными проблемами этого периода: индустриализацией, репрессиями, особенностями политической системы СССР того времени. Исходя из этого, важную для понимания сталинской эпохи оценку роли комсомола в жизни страны еще предстоит дать. Источников для этого более чем достаточно. Автор данной статьи рассмотрит лишь локальный вопрос в рамках этой проблематики: роль комсомола в развертывании стахановского движения в рамках одного региона страны – Кировского края (Кировской области).

В Кировском крае, как и по всей стране, стахановское движение возникло в конце августа 1935 г., в ноябре того же года прошел первый Всесоюзный съезд стахановцев в Кремле. После этого своеобразным «мейнстримом» стало проведение региональных съездов. В Кирове Первый краевой съезд стахановцев состоялся 2 декабря 1935 г. Всего на мероприятии присутствовали 254 делегата, из которых 131 делегат, т. е. более половины, имел возраст от 17 до 30 лет, подпадая под возрастную категорию потенциальных комсомольцев. Реальных же членов ВЛКСМ среди них было 32 человека, или 24% [1]. В соответствии с этими данными, в первые месяцы после начала стахановского движения на территории региона комсомольцев в общей массе стахановской молодежи было не более одной четверти.

Для понимания роли комсомола в развертывании стахановского движения в обозначенных территориальных границах необходимо хотя бы вкратце указать, какие задачи ставил себе тогда ВЛКСМ в этом направлении. В программе комсомола, принятой его X съездом, проходившим 11–21 апреля 1936 г. в Москве, содержался такой пункт: «ВЛКСМ помогает партии большевиков организовывать социалистическое соревнование, проявляя в этом деле свой почин и инициативу. Комсомолец должен своей ударной работой показать пример и увлекать им всю молодежь» [2].

-

Исторические науки и археология

Следует заметить, что стахановское движение было объявлено «высшим этапом» соцсоревнования на тот момент, о чем на том же съезде говорил первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев [3].

1936 год был объявлен «стахановским годом» на государственном уровне. Комсомол, естественно, не мог оставаться в стороне от общей партийно-государственной линии. 9 января 1936 г. вышел 4-й номер печатного органа Кировского крайкома ВЛКСМ – газеты «Комсомольское племя». На первой полосе номера читаем призыв: «Сейчас от комсомольских организаций требуется не агитация за стахановское движение, а организация стахановского движения!» [4] Номер этот примечателен также тем, что к нему вышло приложение под названием «Расчистить путь стахановскому движению!», которое, как пояснялось в тексте, являлось памяткой для участников Всесоюзного рейда «Легкой кавалерии». На этом стоит остановиться чуть подробнее.

Онлайн-версия Большой советской энциклопедии определяет «Легкую кавалерию» как «движение советской молодёжи, возникшее по инициативе комсомольцев в 1926 как форма участия в государственном и общественном контроле» [5]. Конкретным проявлением упомянутого контроля обычно были комсомольские рейды по проверке жалоб, отчетности и документации на предприятиях или в колхозах. На конец января 1936 г. по всей стране был намечен подобный рейд, целиком посвященный поддержке стахановского движения.

В памятке ЦК ВЛКСМ были четко прописаны направления рейда. Первым из них была «организация труда и рабочего места». В рамках этого направления комсомольцы должны были выявлять факты отсутствия помощи стахановцам со стороны администрации предприятий в деле создания необходимых условий для установления рекордов, включая отказы о предоставлении им подсобной рабочей силы. Вторым направлением была организация технического образования. Здесь участникам рейда надлежало проверять, ведется ли техническая учеба стахановцев без отрыва от производства, а также организованы ли курсы повышения квалификации для остальных рабочих, насколько кружки техучебы обеспечены литературой и т. д. Одновременно с этим комсомольцы должны были удостовериться, объясняет ли администрация предприятий рабочим необходимость повышения норм выработки. Третье направление касалось рационализаторства и изобретательства. Комсомольцы проверяли, внедряются ли в производство полезные предложения стахановцев. Наконец, четвертым пунктом шла ревизия заработной платы: не задерживают ли стахановцам премии, нет ли «уравниловки» и т. д. [6]

Далее в памятке говорилось, что главную вину за все выявленные недостатки следует возлагать на администрацию, прежде всего на директоров предприятий. В рейд должны были включиться 100% комсомольцев. Тем же из них, кто не будет в нем участвовать или плохо покажет себя, руководство организации грозило «разбором полетов».

Несмотря на столь строгие предписания, процент участия комсомольцев Кировского края в походе «Легкой кавалерии» в поддержку стахановского движения местами был далек от заявленного. Так, в рейде на одном из крупнейших предприятий региона, Ижстальзаводе, участвовало лишь 23,5% комсомольцев г. Ижевска [7]. С другой стороны, имели место конфликтные ситуации по ходу проводимой проверки. Так, технический директор Кировского комбината учебнотехнического школьного оборудования (КУТШО) Седельников выгнал бригаду «ЛК» с предприятия, не позволив ей завершить инспекцию [8].

Тем не менее в общем и целом рейд «Легкой кавалерии» прошел успешно, о чем свидетельствуют статистические данные. Всего по региону комсомольцами было выявлено 4540 «фактов, тормозящих стахановское движение» (из них по Воткинскому машиностроительному заводу – 518, кожкомбинату им. Коминтерна – 176, Ижевскому заводу – 133, КУТШО – 37 и т. д.). В плане постановки технической учебы эффект был впечатляющим: если до рейда в Кирове проходили техническую учебу лишь 417 человек, то после число учащихся рабочих выросло до 7434 человек [9]. Вместе с тем проведенное комсомольцами мероприятие произвело эффект шоковой «встряски» на администрацию предприятий. По итогам работы бригады ЛК в Ижевске только за февраль 1936 г. было привлечено к уголовной ответственности по обвинениям в противодействии стахановскому движению 19 работников административно-хозяйственного аппарата предприятий города [10].

Как развивалось участие комсомольцев в стахановском движении в последующие годы, вплоть до начала Великой Отечественной войны, можно проследить по стенограммам региональных отчетно-выборных конференций ВЛКСМ. Первая после возникновения стахановского движения отчетно-выборная краевая конференция кировского комсомола состоялась 11–17 марта 1936 г., вскоре после окончания рейда «Легкой кавалерии». Вопросы, связанные со стахановским движением, на ней активно обсуждались.

Так, секретарь оргбюро крайкома комсомола Березин целый раздел своего довольно объемного доклада посвятил стахановскому движению. Начал он с недостатков работы краевой ор-

ганизации по развитию движения, отметив, что крайком партии и ЦК ВЛКСМ справедливо критиковали комсомольскую организацию Кировского края за низкие темпы развития стахановского движения. «Мы мало помогали стахановцам, упустили в ряде случаев техническую учебу», – констатировал Березин [11].

Однако, как отмечалось в том же докладе, краевой комсомольской организацией были достигнуты и некоторые успехи в деле организации движения новаторов производства. Березин особо выделял в этом направлении достижения Слободской районной организации. Его слова подтверждаются делегатом от Слободского райкома Шулиным, который в своем выступлении подчеркивал: «Мы сейчас от одиночек-стахановцев перешли уже к целым комсомольским группам... Мы рапортуем сегодня о том, что комсомольская организация меховой фабрики "Белка" пришла к первой краевой конференции комсомола целиком стахановской организацией!» [12] Характерная деталь: в Слободской районной комсомольской организации преобладала женская молодежь.

В материалах краевой комсомольской конференции отразилась важная тенденция в развитии стахановского движения. Как известно, оно зародилось в угольной промышленности, где к середине 1930-х гг. уже была велика доля современной на тот момент техники, а со временем перекинулось в другие отрасли тяжелой и легкой промышленности. Последним было включено в стахановское движение сельское хозяйство, так как уровень его механизации, хотя и значительно вырос в сравнении с 1920-ми гг., но все еще отставал от промышленности. Поэтому стахановское движение в сельской местности организовывалось по большей части «сверху» и, согласно архивным данным, не всегда успешно.

Это хорошо видно, например, из выступления секретаря Вожгальского райкома ВЛКСМ Токаревой. Вожгальский район Кировского края был в то время сельскохозяйственным и не имел сколько-нибудь значимых промышленных предприятий на своей территории. Поэтому организация стахановского движения там проходила в основном в колхозах. Токарева поведала конференции, что районная комсомольская организация получила из областного центра задание по организации стахановских «звеньев высокого урожая» из комсомольцев-трактористов. Задание было выполнено в короткие сроки: организовано 22 таких «звена», но после этого дело встало, так как районное руководство комсомола просто не знало, что с этими «звеньями» делать. Токарева даже связывалась по этому поводу с ЦК ВЛКСМ, но и там вразумительного ответа не получила. «Мы звенья организовали, но может получиться такая вещь, что с этими звеньями весеннюю посевную кампанию, а потом и уборочную мы провалим», – отметила Токарева [13].

Следующая комсомольская отчетно-выборная конференция прошла в регионе 25 сентября – 1 октября 1937 г. Как известно, это был период, на который пришелся апогей политических репрессий в СССР. Это отразилось и на комсомоле Кировской области (регион в конце 1936 г. изменил границы и название). Упомянутая конференция была практически целиком посвящена «разоблачению троцкистско-зиновьевской, бухаринской фашистской контрреволюционной сволочи» в областной комсомольской организации [14]. Новый секретарь обкома ВЛКСМ Ходырев отмечал, что прошедшие в регионе чистки руководящих органов комсомола – только начало «исключительно большой работы по искоренению врагов в организации». О стахановском движении на конференции речи вообще не шло.

Вопросы, связанные со стахановским движением, возвращаются в повестку дня на следующей, 2-й областной отчетно-выборной конференции ВЛКСМ, проходившей в феврале 1939 г. В самом начале мероприятия нескольких стахановцев показательно избрали в президиум. Затем в основном докладе шла речь о том, что комсомольские руководители на местах мало знают стахановцев, состоящих в ВЛКСМ. Так, в Слободском райкоме комсомола «узнают о показателях стахановцев только тогда, когда об этом стахановце напишут в газете, да еще напечатают портрет» [15].

Наряду с такого рода критикой звучала также информация о новых успехах Кировской областной организации комсомола в деле развертывания стахановского движения. Так, обком ВКП(б) в начале 1939 г. обратился к комсомольцам региона с призывом помочь в выполнении плана самой проблемной в этом отношении отрасли промышленности области – лесной. Кировская городская организация ВЛКСМ на призыв откликнулась, отправив на лесозаготовки 150 молодых людей. Вслед за этим со всех концов области выехало еще 2000 человек молодежи. В тексте доклада говорится, что посланная рабочая сила показала себя хорошо, а «большинство из посланных являются стахановцами» [16].

В резолюциях конференции также можно увидеть несколько пунктов, непосредственно касающихся стахановского движения. В числе прочего там содержался призыв «встретить открытие 18 съезда большевистской партии новыми победами: развитием стахановского движения на

Исторические науки и археология

производстве и в колхозах» [17]. Кроме этого конференция предписывала комсомольцам региона создавать стахановские бригады, смены, участки и даже заводы и лесхозы, а также бороться за укрепление трудовой дисциплины.

На следующей, 3-й областной конференции, проходившей 27–29 сентября 1940 г., большое внимание уделялось внешнеполитическим вопросам. Так, в докладе Захарова о работе обкома ВЛКСМ осуждались «попытки англо-французских империалистов спровоцировать нас на войну с Германией» [18]. Однако стахановское движение также оставалось важнейшей темой повестки дня. В том же докладе упоминалось, что у комсомольской организации региона есть новые успехи на этом поприще. В нем утверждалось, что на кировском предприятии «Искож» среди рабочих-комсомольцев, работающих на сдельной оплате, было 92% стахановцев, а бригада комсомольца Василия Баталова со Слободской фабрики «Белка» уже не первый месяц оставалась полностью стахановской, выполняя программу на 135% и выше 8 месяцев подряд [19]. Среди недостатков упоминалось отставание в деле организации движения комсомольских организаций таких предприятий, как Машстройзавод и Белохолуницкий металлургический.

В конце основного доклада давались следующие организационные установки в этой сфере: «Надо дальше развивать стахановское движение среди комсомольцев и молодежи, всемерно расширять его новые формы – движение многостаночников (когда один рабочий обслуживает несколько станков. – П. Ч.) и колхозников-стопудовиков, навести большевистский порядок в организации и дисциплине труда» [20].

С началом Великой Отечественной войны акценты в деятельности комсомола на территории Кировской области полностью меняются. Уже 28 июня датирован документ, озаглавленный как «Информация Кировского обкома ВЛКСМ в обком ВКП(б) о перестройке работы комсомольских организаций в связи с войной». В нем приводились разные факты, говорящие о патриотическом подъеме в среде комсомольцев региона. Около 2000 комсомольцев в области к тому времени уже записались добровольцами на фронт, а те, кто еще остался работать в промышленности, демонстрировали, согласно документу, небывалый уровень производительности труда.

При этом комсомольцам надлежало всегда помнить, «что в любую минуту им предстоит заменить работу у станка, у сельскохозяйственной машины на винтовку» [21]. Именно поэтому трудовой порыв стал приобретать иную, нежели до войны, форму. К примеру, девушки-комсомолки по всей Кировской области развернули движение за освоение мужских профессий, чтобы впоследствии заменить ушедших на фронт молодых людей. В таких условиях стахановское движение начинает отходить на второй план, так как всей стране предстояло отныне работать по-стахановски, чтоб одолеть страшного врага.

Из всего сказанного выше можно сделать некоторые выводы. Во-первых, следует отметить серьезный вклад комсомола в возникновение и распространение стахановского движения на территории региона. Уже среди делегатов Первого краевого съезда стахановцев был немалый процент комсомольцев. На ряде предприятий, как тогда говорили, комсомольцы выступили «застрельщиками» нового движения. Во-вторых, стоит отметить энтузиазм, с которым комсомольцы включались в стахановское движение. Он в полной мере проявился в рейде «Легкой кавалерии», когда сотни комсомольцев инспектировали предприятия, вступали в конфликты с администрацией с целью помочь стахановскому движению. Конечно, была и оборотная сторона этого энтузиазма: комсомольцами зачастую двигало желание «разоблачить» нарушения, а не здравый смысл.

И наконец, в-третьих, можно сделать вывод, что роль и место организаций ВЛКСМ в стахановском движении на территории Кировского края и Кировской области менялись в зависимости от политических процессов в СССР того времени. Поэтому были всплески интереса к стахановскому движению со стороны регионального руководства комсомола («стахановский» 1936 год) и периоды, когда движение явно отходило на второй план в связи с другими задачами организации (1937–1938, 1941 гг.). Однако общей картины это не меняет: без комсомола стахановское движение на территории региона не достигло бы того размаха, как это было в реальности.

Примечания

- 1. ГАСПИКО. Ф. 1255. Оп. 1. Д. 598. Л. 114.
- 2. Постановления десятого Всесоюзного съезда ВЛКСМ. М., 1936. С 16.
- 3. Десятый съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет (11-22 апреля 1936 г.). Т. 1. М., 1936. С. 14.
- 4. Комсомольское племя. 1936. № 4. Л. 1.
- 5. «Легкая кавалерия». Большая Советская Энциклопедия. URL: [http://enc-dic.com/enc_sovet/Lgkaja-kavalerija-32753.html] загл. с экрана.
 - 6. Расчистить путь стахановскому движению! Киров, 1936.

- 7. ГАСПИКО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 45. Л. 44.
- 8. Там же. Л. 2.
- 9. Там же. Л. 7-8.
- 10. Там же. Л. 40.
- 11. ГАСПИКО. Ф. 1955. Оп. 1. Д. 26. Л. 199.
- 12. Там же. Л. 66.
- 13. Там же. Л. 323.
- 14. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.
- 15. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 95. Л. 46.
- 16. Там же. Л. 48.
- 17. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 96. Л. 312.
- 18. ГАСПИКО. Ф. 1682. Оп. 1. Д. 149. Л. 4.
- 19. Там же. Л. 6.
- 20. Там же. Л. 40.
- 21. Испытание войной: (сб. документов из фондов КОГКУ «ГАСПИКО» о начале Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в Кировской области). Киров, 2011. С. 30.

Notes

- 1. GASPIKO. F. 1255. R. 1. M. 598. P. 114.
- 2. The provisions of the Tenth All-Union Congress of the Komsomol. Moscow. 1936. P. 16.
- 3. Tenth Congress of the Komsomol. Verbatim record (11 22 April 1936). V.1. Moscow. 1936. P. 14.
- 4. Komsomol tribe. 1936. № 4. P. 1.
- 5. "Light Cavalry". Great Soviet Encyclopedia // [electronic resource]. Mode of access [http://enc-dic.com/enc_sovet/Lgkaja-kavalerija-32753.html] Caps. from the screen.
 - 6. "Clear the way of the Stakhanovite movement!". Kirov. 1936.
 - 7. GASPIKO. F. 1955. R. 1. M. 45. P. 44.
 - 8. Ibid. P. 2.
 - 9. Ibid. P. 7-8.
 - 10. Ibid. P. 40.
 - 11. GASPIKO. F. 1955. R. 1. M. 26. P. 199.
 - 12. Ibid. P. 66.
 - 13. Ibid. P. 323.
 - 14. GASPIKO. F. 1682. R. 1. M. 1. P. 70.
 - 15. GASPIKO. F. 1682. R. 1. M. 95. P. 46.
 - 16. Ibid. P. 48.
 - 17. GASPIKO. F. 1682. R. 1. M. 96. P. 312.
 - 18. GASPIKO. F. 1682. R. 1. M. 149. P. 4.
 - 19. Ibid. P. 6.
 - 20. Ibid. P. 40.
- 21. Testing of the war (a collection of documents from the KOGKU "GASPIKO" the beginning of the Great Patriotic War of 1941 1945. In the Kirov region). Kirov. 2011. P. 30.

УДК63. 3(2)622. 72

Е. Н. Улыбин

Пропагандистская деятельность органов НКВД-МГБ среди японских военнопленных в 1945–1956 гг. (на примере Приморского края)

В данной статье проанализированы различные методы и способы идеологической и пропагандисткой работы в лагерях японских военнопленных в Приморском крае с 1945 по 1956 г. Раскрыта роль органов НКВД-МГБ по идеологической «обработке» солдат и офицеров бывшей Квантунской армии. Рассмотрены такие формы пропагандисткой работы, как проведение среди военнопленных лекций и бесед по актуальным (по мнению советских пропагандистов) вопросам текущей международной политики; обеспечение военнопленных советскими газетами на японском языке; демонстрация кинофильмов; посещение курсов различных антифашистских организаций. На основе архивных источников наиболее широко представлен материал о деятельности лагеря № 13 в г. Артём, а также представлены основные итоги идеологической «обработки» японских военнопленных.

Исторические науки и археология

In this article various methods and ways ideological and the propagandist of work in camps of Japanese prisoners of war in Primorsky Krai from 1945 to 1956 are analysed. The role of bodies of NKVD-MGB on ideological "processing" of soldiers and officers of the former Kvantunsky army is opened. Such forms by the propagandist of work, as are considered: carrying out among prisoners of war of lectures and conversations on actual (according to the Soviet propagandists) to questions of the current international policy; providing prisoners of war with the Soviet newspapers in Japanese; demonstration of movies; visit of courses of various anti-fascist organizations. On the basis of archival sources material about activity of Camp No. 13 in Artyom is most widely presented, and the main results of ideological "processing" of Japanese prisoners of war are also presented.

Ключевые слова: японские военнопленные, политическая пропаганда, антифашизм, идеология.

Keywords: Japanese prisoners of war, political propaganda, anti-fascism, ideology.

Российско-японские отношения продолжаются уже в течение сотен лет. И эти отношения порой были весьма драматичны. Оценка их очень неоднозначна и, в значительной степени, политизирована. Самые серьезные события произошли в середине XX в., когда более полумиллиона японских солдат и офицеров по итогам Советско-японской войны 1945 г. оказались в русском плену. Участь их была незавидной, поскольку Советский Союз, в отличие от союзников, удерживал в плену своих бывших противников до середины 1950-х гг.

В Приморском крае для содержания японских военнопленных в соответствии с приказом НКВД СССР № 001012 от 1 сентября 1945 г. было организовано 8 производственных лагерей. Всего за весь период существования в крае лагерей в них находились 67970 военнопленных. Поступление военнопленных началось с октября 1945 г., прежде всего из Кореи, Маньчжурии и с Курильских островов [1].

Собственно, непосредственный ущерб от военных действий был для советской стороны минимальный. Однако для экономического освоения Дальнего Востока в послевоенные годы наличие большого количества практически бесплатной рабочей силы было весьма желательно.

Одним из ключевых направлений работы Приморского отделения Главного управления по делам военнопленных в СССР (ГУПВИ) в 1945–1956 гг. было т. н. «перевоспитание» японских военнопленных с целью привития им определенных симпатий к советской модели развития государства и общества. Подобная работа была уже была налажена в лагерях для немецких и итальянских военнопленных, в которых узники регулярно посещали курсы различных антифашистских организаций, таких, например, как «Свободная Германия» [2]. Подобная практика расспространялась и на японских военнопленных.

В первую очередь Главное управление по делам военнопленных намеревалось «перевоспитать» японских военнопленных в духе антимилитаризма, рекламируя привлекательные, но часто лишь декларируемые черты советского социалистического строя, такие как народовластие, система бесплатного здравоохранения и образования и т. д.

Глава МВД СССР С. Н. Круглов докладывал в Москву 24 мая 1946 г.: «Выполняя поручение ЦК КПСС, МВД проводит работу по политическому воспитанию японских военнопленных. В целях обеспечения быстрого развертывания политико-воспитательной работы среди военнопленных в лагерях было создано более 500 клубов и около 1000 библиотек» [3].

Политическая работа среди военнопленных велась с целью обеспечения неуклонного роста числа военнопленных – активных сторонников социалистических преобразований своей страны и укрепления дружественных отношений их с СССР. Немаловажным считалась и организация добросовестного отношения военнопленных к труду в лагерях. В задачу политическим работникам ставилось разъяснение военнопленным «соотношения сил демократии и реакции на мировой арене, характеризующегося укреплением лагеря демократии во главе с СССР, а так же демонстрация источников силы и могущества СССР как социалистического государства рабочих и крестьян» (стиль и орфография архивного документа сохранены) [4].

Эта работа вскоре дала свои плоды: политическая активность военнопленных за период 1946 г.– начала 1947 г. существенно возросла. Только за этот период количество демократически настроенных элементов в созданных группах увеличилось с 1302 до 2457 человек. Работу этих групп направляли инструкторы антифашистского актива.

Тогда же в лагерных отделениях развернулось рационализаторское движение. В результате оно привело к экономии 730 000 рублей. Примечательно, что японские авторы изобретений, преимущественно по линии угледобычи, получили премии на сумму около 5000 рублей [5].

В лагерях, где содержались пленные японцы, применялись различные формы политической работы. Во-первых, это проведение среди военнопленных лекций и бесед по актуальным (по

мнению советских пропагандистов) вопросам текущей международной политики. Во-вторых, обеспечение военнопленных советскими газетами на японском языке [6].

Немаловажным способом политической «перековки» контингента японских военнопленных в Приморском крае была демонстрация кинофильмов. Три раза в месяц военнопленным демонстрировались советские кинокартины. Перед каждым сеансам инструктор-переводчик объяснял военнопленным содержание фильма. Эти методы пропаганды оказывали на военнопленных определенное воздействие, тем более, что большинство японцев в первый раз видели образцы советского киноискусства (а многие впервые видели и сами кинофильмы). Просмотр фильмов оставлял у японских солдат и офицеров яркое впечатление, особенно им нравился фильм «Чапаев» постановки братьев Васильевых. Чапаев, по отзывам военнопленных, представлялся им неким русским самураем – могучим воином революции [7].

В каждом лагере с самого начала были оборудованы специальные комнаты, декорированные портретами советского партийного руководства, а также японских коммунистов. В таком же духе оформлялись столовые и комнаты отдыха.

Сначала работа по идеологическому перевоспитанию японских военнопленных сопровождалась большими трудностями. Объяснить это можно крайней нехваткой художественной и политической литературы на японском языке. Существенно тормозило проведение антимилитаристской работы в лагерях отсутствие хорошо подготовленных специалистов со знанием японского языка.

Постепенно, пользуясь методами материального стимулирования и, нередко, элементарным принуждением (японские начальники в лагерях, заинтересованные в увеличении пайка, принуждали своих солдат выполнять различные поручения советских командиров), администрациям лагерей удалось добиться роста антимилитаристских настроений среди японских военнопленных. Солдат заставляли заниматься самокритикой за прежние идеалы.

В советском плену у японцев процветал конформизм и приспособленчество. Нет ничего удивительного, что японские пленные, желая поскорее вернуться домой или хотя бы улучшить свое содержание, начинали активно сотрудничать с администрациями лагерей. Но были и те, кто искренне разделял идеи социализма. Не стоит сбрасывать со счетов и порядки, которые попрежнему царили во взаимоотношениях солдат и офицеров. С этим администрация и охрана лагерей вынуждены были мириться. Отечественные современники отмечали, что у японцев в лагерях были свои командиры. Офицерам дозволялось ходить с холодным оружием. Неоднократно отмечались случаи, когда японские офицеры «издевались над своими солдатами, избивая их и калеча» [8]. С другой стороны, такой ситуацией пользовались агитаторы. И идеалы равенства между солдатами и офицерами, насаждаемые в солдатской среде советскими пропагандистами, в конце концов, дали свои результаты. Многие японские солдаты с энтузиазмом воспринимали идеи социализма, особенно те, кто являлся выходцем из социальных низов.

При региональных лагерных отделениях создавались школы коммунистического актива. К занятиям привлекался наиболее надежный и подготовленный состав. Занятия с ним проводились один раз в неделю. После обучения военнопленные направлялись для работы инструкторами в лагерях.

С созданием политотделов политическая работа принимает организованный характер. Так, например, в феврале 1947 г. в лагере № 13 в г. Артем на основании указания политотдела ГУПВИ и политотделений лагерей Приморского края была открыта постоянно действующая школа по подготовке антифашистского актива. Первый набор в школу в составе 50 учащихся был произведён в феврале 1947 г. Окончившие школу впоследствии стали руководителями антифашистской работы в лагерных отделениях. Лагерь получил киноаппараты для демонстрации советских фильмов. По указанию политотдела Приморского края при управлении лагеря в 1947 г. был создан краевой театральный ансамбль с группой артистов, набираемой из пленных. Он пользовался большой популярностью среди военнопленных. В сентябре 1947 г. проведена первая антифашистская конференция японских военнопленных.

Главным печатным политическим рупором УМВД по Приморскому краю была издаваемая на японском языке газета «Ниппон Симбун» («Японская Газета»). Уже с начала 1946 г. «Ниппон Симбун» регулярно поступала в лагеря и распространялась среди японских военнопленных. Вот типичный набор политических статей и рубрик «Ниппон Симбун»: «Новый демократический курс», «Народ в Японии голодает» т. д. Одной из форм политической работы с военнопленными были проводимое инструкторами-переводчиками чтение газет вслух, дискуссии на политические темы.

Кроме газет с середины 1947 г. в лагеря стала поступать политическая литература на японском языке, в том числе фрагменты из биографии В. И. Ленина и И. В. Сталина. Среди проче-

Исторические науки и археология

го поступали статьи и выдержки из Собрания сочинений В. И. Ленина, переведенные на японский язык в адаптивной для японцев форме. Ознакомление японских военнопленных с жизнью рабочих в царской России в сопоставлении с условиями жизни и работы в Советском Союзе должно было наглядно демонстрировать все преимущества социалистического строя.

Идеологическая обработка усиливалась накануне очередной репатриации группы японцев на родину. ГУПВИ в такой период старалось крайне тщательно подбирать материал для политработы. В первую очередь на родину отправлялись хронические больные и лица из числа военнопленных, доказавшие свою верность коммунистическим идеалам. Эшелоны оформлялись соответствующими лозунгами и плакатами [9].

При отправке из лагерей в Японию военнопленные писали письма, в которых они благодарили Советское правительство за гуманизм, а также выражали признательность лично И. В. Сталину. Письма подписывались как коллективно, так и отдельными военнопленными.

Вот что писали военнопленные лагеря № 4: «После капиталистической Японии мы прибыли как пленные в СССР. Мы смогли изучить советское социалистическое государство. Мы жили в Японии под давлением военщины и не знали про настоящую демократию. Мы знаем, что в СССР все люди равны и нет расовых различий. Советский народ полностью обеспечен медицинским обслуживанием, страхованием, отдыхом. Развивается быстрыми темпами промышленность. Мы только здесь поняли, что труд есть дело чести и славы. Нам регулярно предоставлялся хороший отдых, хорошее питание, жилищные условия были хорошие. Нас хорошо лечили. Мы стали увереннее в том, что вскоре капитализм будет сметён социализмом. По возвращению в Японии мы будем вести борьбу за свержение императорского строя и создания подлинно демократического правительства в Японии. Мы подарим этот результат в качестве благодарности за вашу заботу. Мы обязательно создадим новую Японию, руководствуясь марксистко-ленинской идеологией. Да здравствует коммунизм!!!» [10]

Военнопленный Танабе Тикиёси из лагеря № 13 (Артем) заявил: «Мы имеем честь благодарить советский народ и ответственных лиц СССР за оказанную нам глубокую человеческую любовь в течение 3 лет нашего пребывания в СССР. Видя невольную рабскую жизнь империалистической армии, мы брели по темному пути. Под действием СССР империализм разрушается. При поддержке СССР мы нашли правильный путь и познали свою прошлую виновность. Да здравствует СССР!!! Мы клянёмся бороться за уничтожение фашизма, бороться за демократическое переустройство новой Японии» [11].

Всего в Министерство внутренних дел Советского Союза поступило около четырех тысяч различных благодарственных писем. Нет никаких сомнений, что написание подобных писем, как правило, инициировалось руководством ГУПВИ, но все же среди них были и искренние послания, написанные от чистого сердца. Вот что писал перед отправкой на родину 1 января 1948 г. начальник 1-го отделения лагеря для военнопленных № 4 Фудзика Кинз: «Я уже три года нахожусь в Советском Союзе. Мы жили в Японии под императорским строем, где трудная жизнь у рабочего класса, как и во всех капиталистических странах. В Японии годы промышленного подъёма сменяются годами кризисов. Основная масса крестьянства из-за помещиков не может улучшить своё хозяйство. Мы узнали, что в Советском Союзе для рабочих есть своё законодательство, поэтому они хорошо работают. Я глубоко благодарен горячей заботе обо мне и всех нас. Начальник госпиталя и его подчинённые отдают все свои силы заботе о нашем быте, питании и одежде, о нашем моральном состоянии. Выражаю большое спасибо начальнику госпиталя и врачам» [12]. Персональная благодарность медицинскому персоналу свидетельствует, несомненно, о большом вкладе врачей в снижение смертности в лагерях.

Столь мощная «идеологическая атака» на пленных японских солдат и офицеров в Приморье не прошла совсем безрезультатно. Многие из японцев, прошедших антифашистские школы, искренне поверили в преимущества советского строя, хотя, конечно, в итоге настроение подавляющего большинства пленных японских военнослужащих и их личное восприятие политической пропаганды остались нейтральными. Большая часть японских военнопленных, не нарушая лагерный режим, пассивно ожидала репатриации. Но часть японских солдат и офицеров все же активно сотрудничала с администрацией лагерей, пропагандируя среди своих товарищей по плену антимилитаристские и социалистические идеи. О влиянии идей социализма на японцев можно судить по тому факту, что некоторых японских военнопленных вскоре после прибытия на родину арестовали местные власти за то, что вернувшиеся из советского плена военнослужащие начали пропагандировать идеи социализма.

Примечания

- 1. РГВА. Ф. 44. Оп. 15. Д. 2. Л. 1.
- 2. Вартанов В. Н. Русский архив: Великая Отечественная. Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР. Т. 24. М.: Терра, 1996. 560 с.
 - 3. Там же. С. 527.
 - 4. РГВА. Ф. 44. Оп. 24. Д. 5. Л. 2.
 - 5. Там же.
 - 6. РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.
 - 7. РГВА. Ф. 1. Оп. 17. Д. 4. Л. 300.
 - 8. Бондаренко Е. Ю. Жестокий русский плен // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 4. С. 38.
 - 9. РГВА. Ф. 44. Оп. 2. Д. 5. Л. 5.
 - 10. РГВА. Ф. 1. Оп. 15. Д. 79. Л. 38-39.
 - 11. Там же. Л. 2.
 - 12. Там же. Л. 5.

Notes

- 1. The Russian state military archive. F. 44. Sh. 15. File 2. Sh. 1.
- 2. Vartanov V. N. Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya. Inostrannye voennoplennye vtoroj mirovoj vojny v SSSR [Russian archives: the Great Patriotic war. Foreign prisoners of World War II in the Soviet Union]. Vol. 24. M. Terra. 1996. 560 p.
 - 3. Ibid. P. 527.
 - 4. The Russian state military archive. F. 44. Sh. 24. File 5. Sh. 2.
 - 5 Ibid
 - 6. The Russian state military archive. F. 44. Sh. 2. File 7. Sh. 1.
 - 7. The Russian state military archive. F. 1. Sh. 17. File 4. Sh. 300.
- 8. Bondarenko E. Y. *ZHestokij russkij plen* [Cruel Russian captivity] // *Problemy Dal'nego Vostoka* Problems of the Far East. 1989, No. 4, p. 38.
 - 9. The Russian state military archive. F. 44. Sh. 2. File 5. Sh. 5.
 - 10. The Russian state military archive. F. 1. Sh. 15. File 79. Sh. 38-39.
 - 11. Ibid. Sh. 2.
 - 12. Ibid. Sh. 5.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81'373.611

Л. А. Ахметова

Семантика удаления в русском, немецком и татарском языках. На материале производных глаголов движения

Объектом данного исследования являются производные глаголы движения в русском и немецком языках, образованные префиксами пространственно-направительной семантики, и их эквиваленты в татарском языке, образующие словообразовательный тип со значением «удаление от пространственного ориентира». В процессе сопоставления обозначены интегральные и дифференциальные семы, эксплицирующие в каждом из языков специфические для их систем семантические признаки, выявлены общие словообразовательные связи, лексические и словообразовательные лакуны, а также прослежена сочетаемость производных глаголов движения с предложно-падежными конструкциями. Семантико-словообразовательная соотносительность производных глаголов движения в разноструктурных языках прослежена на примерах текстов из художественной литературы.

The object of the research are derived verbs of motion in Russian and German languages, formed by the prefixes of the space – directed semantics and their equivalents in Tatar language, forming a type of word-building with the meaning "remove from special reference point". Integral and differential semes, explicating specific semantic features in each language are marked in the process of comparison; general word–formation ties, lexical and word–building gaps are revealed; the compatibility of the derived verbs of motion with prepositional–case constructions is traced. Semantic and word– formation correlation of the derived verbs of motion in languages of different structures is traced on the examples of the texts from literature.

Ключевые слова: глагольное словообразование, семантическая структура глагола, словообразовательная модель, префиксация, префиксальные глаголы движения.

Keywords: verbal word-formation, semantic structure of the verb, word – formation model, prefixation, prefixal verbs of motion.

Объектом нашего изучения являются производные глаголы движения* (далее – ПГД) в русском и немецком языках, образованные префиксами пространственно-направительной семантики, и их эквиваленты в татарском языке, образующие словообразовательный тип (далее – СТ) со значением «удаление от пространственного ориентира» (далее – ПО). Учитывая, что глагол в исследуемых языках является центром предложения и, обладая широкими словообразовательными связями, определяет его синтаксическую структуру, важность изучения глагольного словообразования очевидна. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет сопоставительное изучение глагольной деривации в разноструктурных языках, поскольку оно позволяет установить тождества и различия в выражении общих и частных сем, выделить общие словообразовательные связи, выявить лексические и словообразовательные лакуны, а также продемонстрировать универсальные и уникальные черты в способах концептуализации и категоризации внеязыковой действительности представителями того или иного этнокультурных социумов.

Проблема изучения глагольного словообразования в общем, а также производных глаголов движения в частности является одним из важных направлений лингвистических изысканий отечественных и зарубежных учёных: А. А. Аминова 1993, Ф. Ю. Ахмадуллина1982, З. У Блягоз 1964, М. В. Всеволодова 1982, Г. Д. Волохина, З. Д. Попова 1993, Е. С. Кубрякова 2009, С. П. Лопушанская 1988, М. Д. Степанова 2000, Н. Л. Шамне 2000, Eichinger 1989, U. Engel 1978, W. Fleischer, I. Barz 2012, I. Kühnhold 1973, G. Mungan 1986, L. Talmy 1985, G. Rich 2003 и др.

В ходе данного исследования был проведён сопоставительный анализ префиксальных глаголов движения русского и немецкого языков, образующих словообразовательные типы со значением «удаление от пространственного ориентира», и их семантическая соотносительность с синонимич-

_

ными словообразовательными моделями татарского языка. В качестве иллюстративного материала русского языка привлекались данные из «Национального корпуса русского языка» («Рускорпора») [1], татарского языка – данные национальной татарской электронной библиотечной системы («Тат-книгафонд») [2], источником примеров немецких ПГД стали произведения художественной литературы немецких авторов. В процессе сопоставления были выделены дифференциальные семы, эксплицирующие в каждом из языков специфические для их систем семантические признаки.

В валентностной структуре производных глаголов движения со словообразовательным значением (далее – СЗ) «удаление от пространственного ориентира» приоритетный статус имеет начальная точка перемещения, т. е. пункт отправления.

В работах по русскому словообразованию выделяют, как правило, семь словообразовательных типов с приставкой **от-**, дифференцируемых по пространственным, количественным и результативным значениям (П. К. Ковалёв, Г. А. Волохина, З. Д. Попова, А. А. Аминова, Грамматика – 70). В поле пространственных отношений, сочетаясь с глаголами однонаправленного движения, префикс от- (ото-) выражает значение «отдаление от известной точки» [3]; «начало перемещения субъекта/объекта в непосредственной близости к пространственному ориентиру» [4]; «действием удалить/ся от точки» [5]; «начало перемещения в непосредственной близости к той грани пространственного ориентира, со стороны которой будет совершаться движение субъекта или объекта» [6]. Дифференциальной семой является «удаление на незначительное расстояние». Направительная семантика ПГД с от- поддерживается предложно-падежной конструкцией (далее – ППК) от + Род. пад. (отъехать от ворот, отплыть от берега, отлететь от ствола и т. д.), т. е. наблюдается почти полное совпадение прямых пространственных значений приставки и предлога. При этом субъект изначально находиться вблизи ПО, вне его, т. е. удаление происходит без пересечения границ ПО.

1. Мальчишка **отбежал от** калитки и обвился руками и ногами, как плющ, вокруг крыльцового столбика. (С. Бабаян. «Ротмистр Неженцев»).

Хотя анализ художественных произведений показал, что прототипической ППК данной СМ является «от + Род. пад.», в литературе нередко встречаются примеры употребления конструкции ПГД с от- + ППК из + Род. пад., при этом активизируется сема «пересечение пространственного ориентира», т. е. в данном контексте ПО воспринимается говорящим как некое вместилище, внутри которого располагается начальная точка удаления. В данном случае прослеживается нечеткая синонимическая связь с конструкцией ПГД с вы- + ППК из + Род. пад., структура которой также содержит сему «отбытие».

1 а. Одиннадцать баллов «Димитрий» погрузил в трюм корпуса плавучих мин для Севастополя <...> и **отошел из** Одессы. (К. Г. Паустовский. «Повесть о жизни. Время больших ожиданий»).

Семантическая структура ПГД с от- включает следующий набор сем: перемещение, непосредственная близость, отбытие, степень удаленности незначительная, горизонталь, однонаправленность, ориентир – отправной пункт, пересечение границ ПО (+/–).

Значение удаления субъекта от ориентира эксплицируется в русском языке также словообразовательной моделью с приставкой у-. Характерные семы ПГД с приставкой у-: «отбытие в непосредственной близости», «исчезновение из поля зрения наблюдателя», «полностью скрыться» – позволяют сформулировать денотативное значение данной приставки следующим образом: «начало перемещения субъекта/объекта из непосредственной близости к наблюдателю до исчезновения из поля его зрения» [7]; «удалить/ся откуда-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [8]. ПГД с у- коррелируют практически со всеми возможными ППК начального и конечного пунктов, исключение составляет ППК у + Род. пад.:

2. А Павел Васильич уехал из Тамбова... (А. И. Солженицын. «Эго»). Я ведь уходить от вас не собираюсь, никуда не спешу. (В. Гроссман. «Жизнь и судьба»). В охотку копала, уходить с участка не хотелось, ей-богу правда! (А. Солженицын. «Матренин двор»). ...Уйдем в ту хибару, что я видел по дороге... (А. Иванов. «Географ глобус пропил»). Девчонки, до смерти перепуганные случившимся, убежали на пятый этаж... (А. Житков. «Кафедра»). Наутро они уехали за город. (Н. Н. Шпанов. «Личное счастье Нила Кручинина»). Хомяк вперевалку убежал под кровать. (М. Петросян. «Дом, в котором...») и т. д.

Семантическая структура ПГД с у- включает следующий набор сем: перемещение, непосредственная близость, отбытие, степень удаленности значительная, горизонталь, однонаправленность, конечный пункт, ориентир – отправной пункт, пересечение границ ПО (+/–).

Удаление от пространственного ориентира эксплицируется в татарском языке производными глаголами, образованными, главным образом, СТ деепричастие на -п (далее Д) + киту. Направленность действия, при денотативной семе «удаление», часто передается основным глаголом, например: «удалиться, покинув какое-либо помещение» 3. «Голзило мосьолоне аңлатып бир-

де дә, алар аппаратура алырга чыгып киттеләр. » (М. Р. Кабиров «Дождь любви: Повести»); «удалиться, проникая в какое-либо помещение». Ирләр <...> сөйләшә-сөйләшә, офиска кереп киттеләр. (Ф. Г. Тарханова «В океане чувств: историческая повесть, новелла, рассказы, пьеса»); «удалиться по направлению вверх». «Басуга жситкәч <...> эссе кыр буйлап машина янына менеп киттем. » (Ф. Шафигуллин «Мальчик и три скакуна: Повести, рассказы»); «удалиться по направлению вниз». Акация арасыннан тавышсыз гына чыгып, тубән урамга йөгереп төшеп киттем. (Ф. Шафигуллин «Мальчик и три скакуна: Повести, рассказы»). Нередко подобные аналитические глаголы удалительного значения трактуются в русском языке ПГД с приставкой по-, относящихся СТ со СЗ «начала действия», что свидетельствует о наличии в татарском СТ Д на -п + китү дифференциальной семы «фазовость перемещения», т. е. «начать удаляться», «продолжать удаляться». Кроме того, вследствие употребления в качестве мотивирующей основы глагольных единиц с имплицированной директивной семантикой, в рассмотренных примерах отчетливо прослеживается синонимия со СТ, выражающими действия направленными «наружу», «внутрь», «вверх», «вниз», но в которых сема «удаление от ПО» будет выступать в качестве коннотативного компонента.

Исходный падеж (чыгыш килеше) имен существительных (4a), а также послелоги, образованные словоформами исходного падежа (4) выражают начальный пункт перемещения:

4. «... Мөнəвəрə апага берни дә җавап бирмичә, **өстәл яныннан торып киттем.** » (Ф. Шафи-гуллин «Мальчик и три скакуна: Повести, рассказы»).

4а. «Менә ул **өй эченнән шуып чыгып китә**...». (Ф. А. Байрамова «Сорок вершин: Романы»).

Конечный пункт перемещения маркируют преимущественно существительные в направительном падеже (юнэлеш килеше) (5а), а также послелоги направительного падежа (5) или послелоги, образованные словоформами дательного падежа (5b):

5. «Ул ашыга-ашыга борылды кәм, кулларын еш-еш бутап, кире **урманга таба шуып кит-те**» (Ф. Шафигуллин «Мальчик и три скакуна: Повести, рассказы»). 5а. Сөйләнә-сөйләнә, **ашханәгә төшеп киттеләр**. (Ф. Г. Тарханова «В океане чувств: историческая повесть, новелла, рассказы, пьеса»). 5b. «Менә ул инде Караболак елгасына якынлаша, ... кәм менә... тәгәрәп, **яр астына ук төшеп китә**!» (Ф. А. Байрамова «Сорок вершин: Романы»).

Семантическая структура татарских ПГП с китү включает следующий набор сем: перемещение, непосредственная близость, отбытие, степень удаленности значительная/незначительная, горизонталь/вертикаль, фазовость перемещения, конечный пункт, ориентир – отправной пункт, пересечение границ ПО (+/-)

Для репрезентации перемещения в пространстве, направленного на удаление от ПО в немецком языке существует несколько продуктивных СТ с характерными имплицированными модификациями данного значения.

СТ **ab-** + ГД выражает «значение удаления откуда-либо» [9], позволяет выражать отдаление от известной точки, как на значительное, так и незначительное расстояние, при этом не выделяя во временном аспекте каких-либо дифференциальных сем. Многозначность отделяемого префикса** ab- отмечается во многих работах по немецкому словообразованию, но значение «удаление от ПО», большинство авторов указывают в качестве первичного (H. Paul, W. Fleischer, I. Kühnhold, G. Mungan, M. Д. Степанова).

Указание пространственного ориентира как исходного, так и конечного при ПГД префиксом аb- факультативно. Сообщение об исходном пункте с помощью возможной ППК von + Dat., согласно Г. Мунган, является излишним, поскольку в условиях коммуникативной ситуации отправной пункт субъекта как говорящему, так и слушателю ясен [10].

6. Als der Zug gerade **abfuhr**, sah Gerhard Jäger Annette plötzlich vor dem Fenster seines Abteils [11].

Семантическая структура ПГД с ab- включает семы: перемещение, непосредственная близость, отбытие, степень удаленности значительная/незначительная, горизонталь, однонаправленность, ориентир – отправной пункт, пересечение границ ПО (–).

Синонимичный СТ образуют ГД и отделяемый префикс **weg-**, реализующий значение «удаления, направленности действия от какой либо точки» [12]. Дифференциальные семы «удалиться на значительное расстояние», «полностью скрыться» позволяют провести параллель между немецким СТ weg- + ГД, русским СТ у- + ГД и татарской Д на -п + китү. Однако глаголы с weg-, как отмечает Н. Л. Шамне, выделяют момент удаления «как нечто категоричное и как удаление надолго, "прочь"; в русском языке это значение может быть выражено в макроконтексте» [13]. Действительно, эмпирический материал свидетельствует о наличии в ПГД с weg- потенциальных сем «удалиться прочь», «решительность действия», «исчезнуть надолго или навсегда», которые усиливают их дифференциальные семы.

7. Es war bequemer; er konnte dann rascher weggehen [14].

7a. «Ich bin mit Prügeln aufgewachsen und dann von zu Hause weggelaufen [15].

7b. «Warum geht sie nicht von ihm weg?» [16].

Примером, когда ГД с weg- выражает значение «удаление субъекта/объекта от ПО на незначительное расстояние» является глагол wegtreten – отойти в сторону, отступить. Отделяемый префикс hinweg-, образует непродуктивную СМ hinweg- + ГД со СЗ «движение в сторону по направлению от говорящего» [17].

8. Dann klappert es, und sie tritt von der Wand weg [18].

9. Ich <...> sitze sofort aufs neue in der Schaukel, die über die Erde hinwegfliegt [19].

Начальный пункт перемещения является ПО и оформляется ППК von + Dat., обозначение КП факультативно.

Семантическая структура ПГД с weg- включает семы: перемещение, непосредственная близость, отбытие, степень удаленности значительная, горизонталь, однонаправленность, ориентир – отправной пункт, пересечение границ ПО (-/+).

Значение «удаления, направленности движения от чего-либо» [20] выражает продуктивный СТ fort- + ГД. Для ПГД с fort- характерна фазовость перемещения, т. е. префикс фиксирует промежуточный этап перемещения субъекта от начального пункта к конечному, когда движение уже началось, еще не завершилось, возможно, было прервано и вновь возобновилось. «Глаголы с префиксом fort- также говорят об удалении, но больше делают акцент на том, что субъект должен идти дальше, т. е. движение осуществляется далее в пространстве» [21]. В связи с этим наблюдается синонимия СЗ отделяемых префиксов fort- и weiter- [22].

10. «Nein. Als er plötzlich still war… und alles so still… und seine Augen… da habe ich es nicht mehr ausgehalten und **bin fortgelaufen**» [23].

Семантическая структура ПГД с fort- включает семы: перемещение, непосредственная близость, отбытие, продолжение перемещения, степень удаленности значительная, горизонталь, однонаправленность, ориентир – отправной пункт, пересечение границ ПО (–).

СТ **davon-** + ГД также выражает значение удаления субъекта/объекта от ПО. Отделяемый префикс davon-, образованный от наречия da (тут, здесь) и предлога von (от, из, с), инкорпорирует ПО, «удаление осуществляется от находящейся здесь (da) какой-то точки (von). В русском языке на данную точку в пространстве может указывать контекстуальный уточнитель (например, от него)» [24]. То есть ПГД с davon- служат для описания такой ситуации перемещения, когда отправной пункт ранее уже упоминался в контексте и хорошо известен говорящему.

11. Sie ging rasch davon, zwischen den Tischen durch, dicht an der Tür vorbei [25].

Семантическая структура ПГД с davon- включает семы: перемещение, непосредственная близость, отбытие, степень удаленности значительная, горизонталь, однонаправленность, ориентир – отправной пункт, пересечение границ ПО (-/+).

Для репрезентации значения «удаления, движения от исходной точки, бегства откуда-либо, от кого-либо при основах глаголов движения» служит СТ ent- + ГД [26]. При употреблении ПГД с неотделяемым префиксом ent- выделяется ряд дифференциальных сем: «удалиться тайно, украдкой, незаметно» (12b), «избегать кого-либо, что-либо» (12a), «совершать действие интенсивно». «В таких глаголах, как entfallen, entfliehen, entschwinden, entweichen, производящая основа которых выражает удаление, префикс ent- вносит дополнительное значение 'intensiv'» [27].

12. Die Wirtin hat sie wahrscheinlich abgeschlossen, weil sie Angst hatte, das die Wanzen **entkommen** [28].

12a. Er hatte oft schon in seinen Kleidern geschlafen, um **ihr** zu **entgehen**; aber es war nur ein Verschieben. Es war **ihr** nicht zu **entkommen** [29].

12b. Der Raum war gleichzeitig Rauchzimmer, Schreibzimmer, Halle, Versammlungsraum und die Rettung der Emigranten, die keine Papiere hatten – sie konnten, wenn die Polizei kontrollierte, durch ihn zum Hof in eine Garage und **von dort auf die gegenüberliegende Straße entkommen** [30].

12c. Zwei Polizisten bewachten die Türen, aus denen niemand entfliehen wollte [31].

При актуализации семы «избегать кого-либо, что-либо» в качестве распространителя, маркирующего ПО, выступает Dativ (12a). Если ситуация предполагает «удалиться тайно, украдкой, незаметно», покинув какое-либо помещение, то распространителем выступает ППК aus + Dat., von + Dat., при этом прослеживается синонимия со СТ heraus- + ГД, эксплицирующим действие «направленное наружу» (12), (12b), (12c). Из чего следует, что субъект пересекает границу ПО.

Семантическая структура ПГД с ent- состоит из следующего набора сем: перемещение, непосредственная близость, отбытие, степень удаленности значительная, горизонталь, однонаправленность, ориентир – отправной пункт, удалиться тайно, избегать кого/что-либо, совершать действие интенсивно, пересечение границ ПО (-/+).

Филологические науки

ПГД с ab-, weg-, fort-, davon-, ent- в рамках денотативной семы «удаление от ПО» на семантическом и синтаксическом уровнях облигаторно реализуют валентность начальной точки, а также имеют широкий спектр сочетаемости с ППК конечной точки.

Сопоставительный анализ СТ со значением «удаление от пространственного ориентира» показал, что данный семантический параметр имеет сходные средства выражения в русской и немецкой лингвокультурах и реализуется в соотносительных словообразовательных моделях татарского языка. В целом семантическая структура русских, немецких, татарских ПГД состоит из ряда интегральных сем, но специфику восприятия действительности носителями того или иного языка наиболее ярко отражают дифференциальные семы.

Примером может служить конкретизация позиции говорящего, который является одновременно наблюдателем и с точки зрения которого оценивается описываемая ситуация. В рамках сочетаемостной конструкции «ПГД + ППК» направленность действия относительно местоположения говорящего в немецком языке выражается посредством элементов сложных префиксов hin- и her-, в татарском языке – аффиксами принадлежности (13), а в русском языке – с помощью контекстуальных уточнителей дейктического характера. Данную особенность в немецком и татарском языках можно объяснить стремлением к языковой экономии.

13. Машина кузгалып авыл**ыбыздан** чыгып киткәч кенә тынычладым [32].

Наибольшее количество СТ для выражения «удаления от ПО» было обнаружено в немецком языке. Это указывает на более детальное отражение данного фрагмента окружающей действительности в немецкой лингвокультуре, что, вероятно, обусловлено потребностями социума, а выделенные дифференциальные семы (например «исчезнуть надолго», «продолжение перемещения» и т. д.) свидетельствуют о более конкретном восприятии носителями немецкого языка категории пространства-времени.

Наибольшую экспликацию начальной и конечной точек перемещения посредством ППК можно наблюдать в русском и татарском языках, что объясняется стремлением представителей данных культур, проживающих на обширных территориях, ограничить пространственные рамки описываемого действия. В немецком языке чаще конкретизируется начальный пункт перемещения субъекта (с помощью префикса или ППК), т. е. актуализации требует предыстория действия, совершаемого субъектом, что также говорит о специфике интерпретации окружающего действительности. «Смысловой доминантой в немецком языке является антропоцентризм (при наличии и системоцентризма), согласно которому человек выступает ведущей субстанцией во взаимоотношениях с окружающей действительностью» [33].

«Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу исторически и географически. <...> Подобного рода сравнение языков служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений» [34].

* Под глаголами движения мы подразумеваем глаголы, выражающие самостоятельное направленное перемещение субъекта в пространстве-времени.

**Поскольку исследуемые нами формообразующие морфемы в немецком словообразовании интерпретируются неоднозначно (отделяемые, неотделяемые приставки, префиксы, полупрефиксы, первый частотный компонент в составе сложных глаголов, артикль и т. д.), вслед за Е. С. Кубряковой, мы будем обозначать их как «префиксы». «С точки зрения структурного описания языка и построения словообразовательных моделей различия между указанными видами частиц [аффиксами и полуаффиксами] иррелевантны и поэтому все они могут рассматриваться как словообразовательно-тождественные морфемы – префиксы» [35].

Примечания

- 1. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 25.05.15).
- 2. Таткнигофонд. URL: http://www.tatknigafund.ru/ (дата обращения: 3.05.15).
- 3. *Ковалёв П. К.* Функциональное значение глагольных префиксов // Русский язык в школе. 1940; № 1–5 (№ 1. С. 32–34; № 2. С. 20–22; № 3. С. 32; № 4. С. 37–38; № 5. С. 16–17).
- 4. *Волохина Г. Д., Попова З. Д.* Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. С. 25.
- 5. *Аминова А. А.* Производный глагол в сопоставительном аспекте. Казань: Изд-во Казан. ун-та 1993. С 138
- 6. *Емельянова Л. В.* Семантико-синтаксический и логический аспекты сочетаемости приставочных глаголов перемещения с предложно-падежными конструкциями направления: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Великий Новгород, 2003. 103 с.
 - 7. См.: Волохина Г. Д., Попова З. Д. Указ. соч. С. 30.

- 8. См.: Аминова А. А. Указ. соч. С.112.
- 9. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, Н. Д. Молчанова, Р. З. Мурясов и др.; под рук. М. Д. Степановой. М.: Русс. яз., 2000. С. 35.
- 10. Mungan G. Die semantische Interaktion zwischen dem präfigierenden Verbzusatz und dem Simplex bei deutschen Partikel- und Präfixverben. Frankfurt am Main; Bern; New York: Lang, 1986. S. 59.
- 11. Remarque E. M. Der Feind. Erzählungen. Herausgegeben und mit einem Nachwort von Thomas Schneider Aus dem Englischen von Barbara von Bechtolsheim. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1993. S. 42.
 - 12. См.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. С. 455.
- 13. Шамне Н. Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурном освещении. Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 2000. С. 95.
- 14. Remarque E. M. Arc de Triomphe. Roman. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1988. S. 9.
- 15. Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. Geschichte einer verspäteten Jugend. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1989. S. 410.
 - 16. Там же. С. 437.
 - 17. См.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. С. 216.
 - 18. См.: Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. Geschichte einer verspäteten Jugend. C. 222.
 - 19. Там же. С. 216.
 - 20. См.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. С. 163.
 - 21. См.: Шамне Н. Л. Указ соч. С. 95.
- 22. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4. Auflage. Walter de Gruyter GmbH&Co. KG, Berlin/Boston, 2012. S. 423.
 - 23. См.: Remarque E. M. Arc de Triomphe. C. 42.
 - 24. См.: Шамне Н. Л. Указ соч. С. 95.
 - 25. См.: Remarque E. M. Arc de Triomphe. C. 488.
 - 26. См.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. С. 127.
 - 27. См.: Fleischer W., Barz I. Указ соч. С. 386.
 - 28. См.: Remarque E. M. Arc de Triomphe. C. 16.
 - 29. Там же. С.36.
 - 30. Там же. С. 78.
 - 31. Там же. С. 703.
 - 32. Шакиров К.С. Мэхэббэт дулкыннары: Хикэялэр, очерклар. Казан: Татар. кит. нэгир., 2012. Б. 60.
 - 33. См.: Шамне Н. Л. Указ соч. С. 341.
- 34. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
- 35. Кубрякова Е. С. Об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка // Вопросы языкознания. 1964. № 1 С. 95–100.

Notes

- 1. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* National corpus of the Russian language. Available at: http://www.ruscorpora.ru/(accessed: 25.05.15). (in Russ.)
 - 2. Tatknigofond Tatar book fund. Available at: http://www.tatknigafund.ru/ (accessed: 3.05.15). (in Russ.)
- 3. Kovalev P. K. *Funkcional'noe znachenie glagol'nyh prefiksov* [Functional significance of the verbal prefixes] // *Russkij yazyk v shkole* Russian language at school. 1940; No. 1-5 (No. 1. Pp. 32-34; No. 2. Pp. 20-22; No. 3. P. 32; No. 4. Pp. 37-38; No. 5. Pp. 16-17).
- 4. G. D. Volohina, Popova Z. D. *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustrojstvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: a semantic device, system relationship]. Voronezh. Publishing house of Voronezh State University. 1993. P. 25.
- 5. Aminova A. A. *Proizvodnyj glagol v sopostaviteľ nom aspekte* [Derived verb in a comparative aspect]. Kazan. Publishing house of Kazan University. 1993. P. 138.
- 6. Emelyanova L. V. *Semantiko-sintaksicheskij i logicheskij aspekty sochetaemosti pristavochnyh glagolov peremeshcheniya s predlozhno-padezhnymi konstrukciyami napravleniya: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Semantic and the syntactic and logical aspects of compatibility of prefixal verbs of movement with prepositional-case constructions directions: dis. ... Cand. of Philology: 10.02.01]. Veliky Novgorod. 2003. 103p.
 - 7. See: Volohina G. D., Popova Z. D. Op. cit. P. 30.
 - 8. See: Aminova A. A. Op. cit. P. 112.
- 9. Slovar' slovoobrazovatel'nyh ehlementov nemeckogo yazyka Dictionary of word-formation elements of the German language / A. N. Zuev, N. D. Molchanov, R. Z. Muryasov, etc.; under guidance of M. D. Stepanova. M. Russ. yaz. 2000 P 35
- 10. Mungan G. Die semantische Interaktion zwischen dem präfigierenden Verbzusatz und dem Simplex bei deutschen Partikel und Präfixverben. Frankfurt am Main; Bern; New York: Lang, 1986. P. 59.
- 11. *Remarque E. M.* Der Feind. Erzählungen. Herausgegeben und mit einem Nachwort von Thomas Schneider Aus dem Englischen von Barbara von Bechtolsheim. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1993. P. 42.
- 12. See: *Slovar' slovoobrazovatel'nyh ehlementov nemeckogo yazyka* Dictionary of word-formation elements of the German language. P. 455.

Филологические науки

- 13. Shamne N. L. *Semantika nemeckih glagolov dvizheniya i ih russkih ehkvivalentov v lingvokul'turnom osveshchenii* [Semantics of German verbs of motion and their Russian equivalents linguocultural lighting]. Volgograd. Publishing house of Volgogr. University. 2000. P. 95.
- 14. Remarque E. M. Arc de Triomphe. Roman. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1988. P. 9.
- 15. Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. Geschichte einer verspäteten Jugend. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1989. P. 410.
 - 16. Ibid. P. 437.
 - 17. See: Dictionary of word-formation elements of the German language. P. 216.
 - 18. See: Remarque E. M. Der schwarze Obelisk. Geschichte einer verspäteten Jugend. P. 222.
 - 19. Ibid. P. 216.
- 20. See: *Slovar' slovoobrazovatel'nyh ehlementov nemeckogo yazyka* Dictionary of word-formation elements of the German language. P. 163.
 - 21. See: Shamne N. L. Op. cit. P. 95.
- 22. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4. Auflage. Walter de Gruyter GmbH&Co. KG, Berlin/Boston, 2012. S. 423.
 - 23. See: Remarque E. M. Arc de Triomphe. P. 42.
 - 24. See: Shamne N. L. Op. cit. P. 95.
 - 25. See: Remarque E. M. Arc de Triomphe. P. 488.
- 26. See: *Slovar' slovoobrazovatel'nyh ehlementov nemeckogo yazyka* Dictionary of word-formation elements of the German language. P. 127.
 - 27. See: Fleischer W., Barz I. Op. cit. P. 386.
 - 28. See: Remarque E. M. Arc de Triomphe. P. 16.
 - 29. Ibid. P. 36.
 - 30. Ibid. P. 78.
 - 31. Ibid. P. 703.
 - 32. Shakirov K. S. Мәхәббә дулкыннары: Хикэяләр, очерклар. Казан: Татар. кит. нэгир. 2012. Р. 60.
 - 33. See: Shamne N. L. Op. cit. P. 341.
- 34. Baudouin de Courtenay I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on General linguistics]: in 2 vol. M. Publ. AN SSSR. 1963. 371 p.
- 35. Kubryakova E. S. *Ob otnositel'no svyazannyh (otnositel'no svobodnyh) morfemah yazyka* [On a relatively related (relative to free) morphemes of the language] // *Voprosy yazykoznaniya* Questions of linguistics. 1964, pp. 95-100.

УДК 8

А. А. Сибгатуллина

Выражение категории модальности в русском, немецком и татарском языках

Статья рассматривает категорию модальности в сравнительно-типологическом аспекте с целью выявления сходств и различий в структурах сопоставляемых языков. Объектами сопоставления являются русский, немецкий и татарский языки с разной степенью языкового родства.

Деление категории модальности на объективную и субъективную находит отражение в средствах её выражения в сравниваемых языках, которые разделяются автором на грамматические, лексические и интонационные. Основными средствами выражения модальности в статье названы категория наклонения, модальные глаголы и частицы, а также интонация. Каждое из вышеназванных средств проиллюстрировано примерами из трёх языков. Специализированные формы и конструкции, выражающие модальные значения и не совпадающие в сравниваемых языках, вызывают особенный интерес автора и анализируются как уникалии языка.

The article considers the category of moodin the comparative typological aspect aiming to educe similarities and differences in the structures of the compared languages. The objects of comparison are the Russian, German and Tatar languages with different degree of linguistic affinity.

The division of the category of mood into objective and subjective finds its reflection in the means of its expression in the compared languages; these means are subdivided by the author into grammatical, lexical and intonational. The article considers the main means of category of mood expression to be as follows – the category of declination, modal verbs and conjunctions and intonation. Each of the above mentioned means is illustrated by the examples from three languages. Special forms and constructions which express modality but don't coincide in the compared languagesare of great interest for the author and analyzed as language uniques.

Ключевые слова: сравнительно-типологическое языкознание, объективная модальность, субъективная модальность, языковая универсалия, языковая уникалия.

Keywords: comparative-typological linguistics, objective modality, subjective modality, language universal, language unique.

Сравнение – один из основных методов лингвистических исследований. Сравнением широко пользуется сравнительно-типологическое языкознание, объектом которого могут служить любые языки независимо от их степени родства. Его цель – выявление сходств и различий в структурах сопоставляемых языков, в способах выражения одних и тех же значений. В нашей работе анализируются три языка, два из которых (русский и немецкий) являются дальнеродственными языками (русский – славянская группа индоевропейских языков, немецкий – германская группа индоевропейских языков, немецкий – германская группа индоевропейских языков. Мы рассматриваем средства выражения категории модальности в русском, немецком и татарском языках с целью выявления их сходств и различий и применения полученных знаний при преподавании немецкого языка в русскоязычной и татарскоязычной аудитории.

Модальность является языковой универсалией, принадлежащей к числу основных категорий естественного языка. Понятие «модальность» впервые появилось в «Метафизике» Аристотеля. Он выделил три основных модальных понятия: необходимость, возможность и реальность. На сегодняшний день термин «модальность», который происходит от латинского «modus» – мера, способ, используется различными науками: философией, логикой, языкознанием, литературоведением. Анализируя понятие «модальность» в логике (И. Кант, А. В. Исаев, Ш. Балли, Л. Г. Фридман и др.) [1], ученые исследуют логические связи модальных высказываний. Модальная оценка выражается ими с помощью понятий «возможно», «обязательно», «действительно», «необходимо».

Модальность в языкознании – это функционально-семантическая категория, которую большинство исследователей дифференцируют. Один из аспектов дифференциации – противопоставление объективной и субъективной модальности [2]. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности, она выражается в первую очередь глагольным наклонением. Субъективная модальность, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания и реализуется специальным лексико-грамматическим классом слов, введением специальных модальных частиц, при помощи междометий, при помощи порядка слов и другими способами.

Модальность может выражаться грамматическими, фонетическими и лексическими средствами. Основным грамматическим средством выражения модальности в языках является наклонение. Во всех представленных нами языках существует изъявительное, сослагательное и повелительное наклонение, которые используются для выражения соответственно реального действия, нереальности выполнения действия и выражения побуждения к действию. Основное типологическое различие изъявительного наклонения в сравниваемых нами языках в том, что Indikativ немецкого языка, оперируя тремя грамматическими временами (так же как татарский и русский языки), имеет шесть временных форм, в русском же языке их три. Я верну тебе деньги завтра (наст. вр.). – Ich gebe dir das Geld morgen zurück (Präsens). Она (по)смотрела по телевизору любимый сериал (прош. вр.). – Sie sah im Fernsehen ihre Lieblingsserie an (Präteritum). Sie hat im Fernsehen ihre Lieblingsserie angesehen, als er nach Hause kam (Plusquamperfekt). Я прочту эту книгу (буд. вр.) – Ich werde dieses Buch lesen (Futur I). Ich werde dieses Buch gelesen haben (Futur II).

Для изъявительного наклонения татарского языка характерно многообразие временных форм. К ним относятся настоящее, прошедшее категорическое, прошедшее результативное, прошедшее незаконченное, преждепрошедшее, прошедшее многократное, будущее категорическое, будущее неопределенное время, будущее-прошедшее время [3].

Йөрәге <u>тибә</u>, ләкин медиклар әйтмешли, пульсы кылдай нечкә, бик әкрен. (настоящее время) (А. Тимергалин) – Сердце у него бьётся, но как говорят медики, пульс на волоске, очень слабый. Баладан күзен алып, Кәримәгә <u>борылды</u> (прошедшее категорическое). (М. Әмир) – Он оторвал взгляд от ребёнка и повернулся к Кариме. <u>Укып бетергәч</u>, Уфа нефть институтына имтихан бирә алмаган да, авлына кайтып томастан, Себер ягына сыпырткан. (прошедшее результативное) (Ә. Еники) – Окончив школу, он не смог сдать экзамен в Уфимский институт нефти и, не заезжая в свою деревню, подался в Сибирь. Ни хәжҳәткә <u>сатадыр идең у</u>л җиләкне?(прошедшее незаконченное) (Ю.Әминев) – Зачем ты продавала эти ягоды? Сания кайтырга чыкканда, әле вакыт иртә булса да, урамнар тып-тын булып <u>калган иде.</u> (предпрошедшее). (М. Әмир) – Когда Сания вышла, чтобы

идти домой, улицы уже опустели, несмотря на то что было ещё рано. Ленар аның белән озак кына сөйләшеп <u>утыра торган иде.</u> (М. Мәһдиев) (прошедшее многократное) – Ленар обычно подолгу сидел и разговаривал с ним. Яз килер, карлар эрер, бозлар китэрлэр... (Һ. Такташ) (будущее неопределённое) – Придёт весна, растают снега, исчезнут льды... Без, бүгеннән башлап, һәр иптәшнең соравына тапшыру саен җавап бирә барачакбыз. (будущее категорическое) (Х. Сарьян) – С сегодняшнего дня в каждой передаче мы будем давать ответы на вопросы товарищей. Тәрәфес игълан ителде, аннары концерт булачак иде. (будущее-прошедшее время) (Ш. Маннур) – Был объявлен перерыв, затем должен был состояться концерт [4].

Нужно отметить, что повелительное наклонение в сопоставляемых нами языках не имеет форм времени. В немецком языке существует четыре формы императива: 2-е лицо единственного числа, 1-е лицо множественного числа, 2-е лицо множественного числа и вежливая форма. *Saa* die Wahrheit! (2Ps. Sg) – Говори правду! <u>Warten wir</u> doch auf ihn! (1Ps. Pl.) – Давайте всё же подождем ezo! <u>Bemüht euch</u>, diese Aufgabe rechtzeitig zu erfüllen! (2Ps. Pl.) – Постарайтесь вовремя выполнить это задание! Sprechen Sie bitte langsam! – (Höflichkeitsform) Говорите, пожалуйста, помедленнее! Помимо стандартных способов образования повелительного наклонения существуют такие способы выражения побуждения к действию, как инфинитив (Warten! - Ждать!), второе причастие (Rauchen verboten! – Курить запрещено!), использование второго лица (Du machst das! – Ты сделаешь это!) и именные части речи (Achtung! - Внимание!). Повелительное наклонение в русском языке имеет формы второго лица единственного и множественного числа настоящего времени. Ты его не брани! Немедленно освободите помещение! Кроме основной формы 2-го лица единственного и множественного числа повелительное наклонение имеет формы, выражающие действие 3-го лица и 1-го лица множественного числа. Формы 3-го лица выражаются аналитически с помощью частиц «пусть, пускай, да». Пусть он не делает вид, что не знает! Кроме того, повелительное наклонение может образовываться с помощью инфинитива (Не шуметь!) и именных форм (Тишина!). В татарском языке выделяют четыре формы повелительного наклонения: формы 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа. Бар, Шэяхмет, син тиз генэ тимерчелекә <u>йөгер</u> (2 л. ед. ч). Жизнигә әйт, хәзер үк <u>килеп житсен.</u> (3л. ед. ч) (Г. Ибраћимов) – Иди, Шаяхмет, беги скорее в кузницу, скажи зятю, пусть он сейчас же придёт сюда. Я, тизрәк <u>булыгыз!</u> (2л. мн. ч) (Г. Бәширов) – Ну, давайте быстрее! Әй, <u>таратсыннар</u> ла! (3л. мн. ч) Белсәләр, ни булган! (Г. Мөхәммәтшин) – Ну и пусть распространяют! Что из того, что узнают! [5].

Временная система сослагательного наклонения немецкого языка (Konjunktiv) несколько сложнее временной системы индикатива русского языка и включает:

- Одну форму настоящего времени (Präsens Konjunktiv) *Es <u>lebe</u> der Frieden in der ganzen Welt!* (Präsens Konjunktiv) Да здравствует мир во всём мире!
- Три формы прошедшего времени (Präteritum, Perfekt, Plusquamperfekt Konjunktiv) *Ich ginge* gern ins Museum, aber ich bin gerade beschäftigt. (Präteritum Konjunktiv) Я бы с удовольствием пошёл в музей, но сейчас я занят. Ich tue/tat, als ob ich das Mädchen schon gesehen habe. (Perfekt Konjunktiv) Я делаю/сделал вид, что уже видел эту девочку/девушку. <u>Wäre</u> ich nur nicht so spät gekommen! (Plusquamperfekt Konjunktiv) Если бы я только не пришёл так поздно!
- Две формы будущего времени (Futur I Konjunktiv и Futur II Konjunktiv) Jeder Mensch träumt, dass er glückliches Leben <u>haben werde</u>. (Futur I Konjunktiv) Каждый человек мечтает о том, что его жизнь будет счастливой. Er sagte, dass du gefragt worden sein werdest. (Futur II Konjunktiv) Он сказал, что тебя спросят.
- Две формы так называемого würde-конъюнктива (Konditionalis I, Kon- ditionalis II). <u>Würdest</u> du <u>hingehen</u>? Ты пошёл бы туда? Wenn ich gestern Zeit gehabt hätte, <u>würde</u> ich meine Großmutter <u>besuchen haben</u>. Если бы у меня вчера было время, я бы навестил(а) свою бабушку.

В русском языке сослагательное наклонение выражается глаголами в прошедшем времени с частицей «бы». Типологической особенностью сослагательного наклонения русского языка является отсутствие форм времени. Если каждый человек на куске земли своей сделал бы всё, что он может, как прекрасна была бы земля наша. (А. Чехов) Я бы в лётчики пошёл, пусть меня научат! (В. Маяковский)

Сослагательное наклонение татарского языка имеет специальную форму глагола (на -р иде, -ган булыр иде, -ачак иде, -а иде), которая переводится на русский язык при помощи слова «если». Менә кайтып, шулар беләр ике куллап бер күрешсәгез, олылап бер җылы сүз әйтсәгез, сез аларны күпме сөендерер идегез. (Ә. Еники) – Если бы вы вернулись и поздоровались обеими руками, если бы с уважением сказали им тёплое слово, как бы вы их обрадовали) [6].

В отличие от немецкого и русского в татарском языке выделяют также четвёртый вид наклонения: желательное, которое образуется аналитическим путем, часто с прибавлением части-

цы *эле*. Желательное наклонение имеет форму только 1-го лица единственного и множественного чисел. Оно выражает желание или намерение говорящего совершить действие. *Шул турында* аз гына, биш – алты сүз сөйлим эле .. (Г. Тукай) – Дай-ка я расскажу об этом немного, всего пять-шесть слов) [7].

Лексическим средством выражения модальности в представленных языках являются модальные глаголы и модальные частицы. В немецком языке выделяют семь модальных глаголов, которые образуют систему разнообразных значений, охватывающих оттенки модальности: возможность, необходимость, долженствование, пожелание, приказ и др.

Модальные глаголы немецкого языка могут употребляться как с инфинитивом, так и без него. Er kann doch selbst das Auto reparieren. – Он же и сам может отремонтировать машину. Ich mag kein Sauerkraut. Я не люблю кислую капусту. Кроме модальных глаголов для выражения значения модальности существуют, например, такие лексико-синтаксические конструкции, как «haben и sein + zu + инфинитив». Das Buch ist unbedingt zu lesen. – Книга должна быть непременно прочитана. Sie weiß (versteht) immer einen Tipp zu geben. – Она всегда умеет дать хороший совет.

В русском языке модальные глаголы обычно используются с инфинитивом. Среди конструкций, выражающих модальные отношения, выделяют три группы: мочь, сметь, уметь + инфинитив; хотеть, желать + инфинитив; можно, должно, нужно + инфинитив. Ему не нужно больше ехать в этот город! Также выделяют конструкции с безличными глаголами «приходится, стоит, суждено, случается» и конструкции с глаголами, близкими к модальным «любить, опасаться, бояться, ненавидеть», которые выражают модальность действия. Не стоит возвращаться к этой теме разговора!

В татарском языке, в отличие от немецкого и русского, не существует модальных глаголов. Некоторые самостоятельные глаголы в определенных комбинациях выступают в роли модальных глаголов. Они выражают, так же как и в немецком и русском языках, возможность, способность, вероятность, необходимость совершения действия. Ниго мено монда да таш кала баш кала булмый? – Ниго булмасын, бик була! (Г. Ибраћимов) – Почему же вот здесь каменный город также не может быть главным? – Почему не может, очень может!) [8]. Кроме этого существуют специализированные формы и конструкции, выражающие модальные значения: например, значение возможности, невозможности – морфологизованная конструкция, состоящая из деепричастия на -а/-й основного глагола и функционально-вспомогательного глагола алу (брать) в положительной или отрицательной форме. Моннан соң инде ул турыдан-туры ауда катнаша алмый иде... – После этого он уже не мог участвовать в охоте [9].

Помимо модальных глаголов средством выражения модальности служат модальные частицы. В немецком языке выделяют три группы модальных частиц: модально-усилительные частицы (doch, denn, schon, nun, (ein)mal), модально-ограничительные частицы (ja, bloß, nur) и частицы, модальные в собственном смысле слова (etwa). Они выражают различные степени модальных отношений. В русском, как и в немецком, существуют также три группы частиц: частицы, выражающие эмоциональную оценку (а, ведь, вот, да, еще и др.), частицы, выражающие волеизъявление (бы, ну, дай, давай, пускай, пусть), и частицы, устанавливающие разнообразные связи и отношения с другими событиями и фактами (вот и, все, да, исключительно, единственно и др.). В татарском языке, в отличие от русского и немецкого, частицы условно разделяют на семь групп по семантическим разрядам [10]. Это частицы указательные (менә, әнә), определительно-уточняющие (нәкъ), ограничительно-выделительные (бары (тик), гына/генә кына/кенә, исә, тик, фэкать), отрицательные (ни, тугел), вопросительные (-мы/-ме, -мыни/-мени), модальные (-дыр-дер,-тыр -тер, әллә), экспрессивно-эмоциональные (бит, да/дә, та/тә, инде, ич, иң, ла/лә, лабаса/ләбаса, -сана/-сәнә, соң, ук/үк, хәтта, -чы/-че, әле).) [11]. Несмотря на то, что эти частицы в составе ответных реплик имеют собственно семантическое значение, большая часть из них в составе эмоционально окрашенных предложений служит для выражения различных модальных значений. Ул эле йокламый<u>дыр</u> (Г. Бэширов). – Он, наверное, ещё не спит. Сезгэ юлда бернэрсэ дэ әйтмәделәр<u>мени</u>? – Разве в пути вам ничего не сказали? (вопрос, осложнённый оттенками удивления, недоумения) [12].

Интонация является особым средством выражения модальности в языках. В представленных в нашей работе языках она разграничивает модальные типы предложений на повествовательное, вопросительное и побудительное. Стоит отметить, что интонация в немецком языке имеет большие контрасты в темпе произношения. В предложениях наблюдаются резкие спады или подъемы мелодики, а также большие мелодические интервалы. Существуют наиболее резкие различия интонации в вопросительных предложениях немецкого и русского языков. В татарском языке особую роль играют такие интонационные средства, как мелодика, интенсивность, длительность и тембр. Интонация в русском, татарском и немецком языках несет также модальную функцию, которая за-

Филологические науки

ключается в выражении отношения говорящего к собеседнику, к содержанию высказывания, в выражении эмоций и волевых проявлений говорящего.

Таким образом, проведённый нами анализ способов выражения категории модальности в русском, немецком и татарском языках позволяет утверждать, что категория модальности является универсалией языка и имеет как схожие, так и уникальные средства выражения в языках. Сопоставляя русский, немецкий и татарский язык, мы выделили следующие особенности способов выражения данной категории:

- 1) Наклонение как основной грамматический способ выражения категории модальности наиболее широко представлено временными формами немецкого и татарского языков. В русском языке система времён представлена намного уже. Кроме этого желательное наклонение является уникалией татарского языка, которое в сопоставляемых нами языках выражается будущим временем.
- 2) Модальные частицы как лексическое средство выражения модальности также являются универсалией. Основным отличием татарского языка является отсутствие модальных глаголов, как группы слов. Модальные значения в татарском языке выражаются аналитическим путём при помощи функционально-вспомогательных глаголов или изменения формы глагола.
- 3) Интонация является одним из основных способов выражения модальности во всех языках. Представленные в нашей работе языки имеют отличия в интонационном оформлении предложения, которые не могут не найти отражения при выражении категории модальности.

Примечания

- 1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.; Исаев А. В. К вопросу о делении суждений по модальности. Логико-грамматические очерки. М.: Высш. шк., 1961. С. 85-96; Фридман Л. Г. О связи модальности и средств ее выражения с целенаправленностью предложений // Некоторые вопросы немецкой филологии. Пятигорск: Пятигор. гос. пед. ин-т иностр. языков, 1971. C. 136-155.
- 2. Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. C. 242.
 - 3. Татарская грамматика. Т. ІІ. Морфология. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 397 с.
 - 4. Там же. С. 100-125.
 - 5. Там же. С. 137-139.
 - 6. Там же. С. 159.
 - 7. Там же. С. 147.
 - 8. Там же. С. 241.
 - 9. Там же. С. 235. 10. Там же. С. 352.
 - 11. Там же. С. 352.

 - 12. Там же. С. 357-358.

Notes

- 1. Bally Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka [General linguistics and French language issues]. M. Publishing house of foreign. lit. 1955. 416 p.; Isaev A. V. K voprosu o delenii suzhdenij po modal'nosti. Logiko-grammaticheskie ocherki [On the division of judgments according to modality. Logical-grammatical essays]. M. Vyssh. Shk., 1961. Pp. 85-96; Friedman L. G. O svyazi modal'nosti i sredstv ee vyrazheniya s celenapravlennost'yu predlozhenij [On the relation between modality and means of its expression with the focus of sentences // Nekotorye voprosy nemeckoj filologii - Some problems of German Philology]. Pyatigorsk. Pyatigorsk State Ped. Institute of Foreign Languages. 1971. Pp. 136-155.
- 2. Abramov B. A. Teoreticheskaya grammatika nemeckogo yazyka. Sopostavitel'naya tipologiya nemeckogo i russkogo yazykov: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Theoretical grammar of the German language. Comparative typology of German and Russian languages: textbook for students of the high institutions]. M. Humanitarian ed. center VLADOS. 2004. P. 242.
- 3. Tatarskaya grammatika. T. II. Morfologiya Tatar grammar. Vol. II. Morphology. Kazan: Tat. book publishment. 1993. 397 p.
 - 4. Ibid. Pp. 100-125.
 - 5. Ibid. Pp. 137-139.
 - 6. Ibid. Pp. 159.
 - 7. Ibid. Pp. 147.
 - 8. Ibid. Pp. 241.
 - 9. Ibid. Pp. 235.
 - 10. Ibid. Pp. 352.
 - 11. Ibid. Pp. 352.
 - 12. Ibid. Pp. 357-358.

УДК 811.111'373(045)

Н. В. Кузьменко

О меронимических связях в лексической системе языка (на материале наименований частей тела современного английского языка)

Статья посвящена выявлению своеобразия меронимического типа семантических связей в лексике, получающей отражение в меронимических структурах. Структуры графически представляют собой деревья, узлы в которых занимают наименования целого и части, находящиеся в меронимических отношениях. В работе проведено сопоставление структур, полученных на основе анализа дефиниций наименований частей тела современного английского языка в толковом словаре и информации из электронной лексической базы данных Princeton WordNet (PWN). Сравнение структур позволило сделать вывод о разных типах меронимических семантических отношений в лексике, об их противоречивости, что связано с онтологической неоднозначностью отношений «часть – целое» и тесной связью меронимии с гиперо-гипонимией, а также с категорией притяжательности.

The article is dedicated to revealing the peculiarities of meronymic semantic relations in lexicon, which are reflected in meronymic structures. The structures graphically represent trees with the nodes occupied by the names of the whole and its parts. These names are in certain meronymic relations. The structures are obtained on the basis of the definitional analysis of body parts terms in modern English from explanatory dictionaries and on the basis of the information from the electronic lexical database Princeton WordNet (PWN). Comparison of the structures led to the conclusion about the different types of meronymic semantic relations in lexicon due to the ontological ambiguity of the "part-whole" relations and their close interconnection with hyponymy, as well as with the category of possession.

Ключевые слова: мероним, холоним, меронимические отношения, меронимическая структура, категория притяжательности.

Keywords: meronym, holonym, meronymic relations, meronymic structure, category of possession.

Пройдя многовековой путь, идея о том, что язык представляет собой сложную систему, упорядоченную различными типами отношений, сегодня не вызывает никаких сомнений. Тем не менее выявление и изучение структурных отношений в лексике и по сей день наталкивается на многочисленные трудности. До сих пор открытым остается вопрос о том, как в полной мере выявить, а затем оптимально представить всю лексику как систему и значение каждого слова естественного языка в отдельности.

В настоящее время наиболее доступным и объективным методом лингвистических исследований лексики по праву считается метод компонентного анализа в его дефиниционной версии (И. В. Арнольд, А. М. Кузнецов и др.). Однако и здесь не все однозначно. До сих пор ведется полемика, начатая еще в позапрошлом веке, о том, что выражает словарная дефиниция слова - наивное или научное знание, каковы структурные составляющие словарных определений, что стоит за каждой из этих составляющих и т. д. Вопрос изучения системности лексики и ее адекватного представления в словарях до сих пор остается открытым, невзирая на многочисленные достижения отечественных и зарубежных лингвистов в этой области. Вклад Ю. С. Степанова, описавшего типы и характер словарных определений и предложившего свою классификацию дефиниций, выработанные Ю. Н. Карауловым основные требования к словарным дефинициям, результаты исследований В. В. Морковкина, а также разработки представителей Московской семантической школы по составлению «максимально удобного толково-сочетаемостно-идеологического словаря» трудно переоценить. Тем не менее информация о связях слов, на основании которой выделяются и подвергаются дальнейшему изучению лексические микросистемы (семантические поля, лексико-семантические группы, синонимические ряды и т. д.), черпаемая как из лексикографических источников (тезаурусов и толковых словарей), так и полученная экспериментальным путем, неоднозначна и зачастую противоречива, что наталкивает на мысль о неоднозначности самих структурных связей в лексической системе любого естественного языка, их сложности. Данная работа посвящена выявлению своеобразия меронимического типа семантической связи в лексике современного английского языка, получающей отражение в меронимических структурах. Особый интерес в исследовании представляет сравнение структур, полученных на основе анализа дефини-

_

ций в толковом словаре и информации из электронной лексической базы данных Princeton WordNet (PWN), опирающейся на результаты психолингвистического эксперимента.

Наименования частей тела человека служат в лингвистике каноническим примером меронимической лексики. В рамках настоящего исследования анализу подвергалась лексика, отражающая «наивное» членение тела человека: 136 лексических единиц, называющих внешние части тела, полученные методом сплошной выборки из Оксфордского толкового словаря современного английского языка под общей редакцией А. Хорнби (OALD).

Основным критерием отбора меронимических имен существительных выступало наличие в их значениях семы 'part' (или идентификаторов для данной группы лексики 'organ', 'section', 'area' и т. д.) в качестве общекатегориальной, или архисемы (В. Г. Гак, Д. Н. Шмелев и др.). Как известно, в лексико-семантическую группу слово входит в своем лексико-семантическом варианте. В нашем исследовании данной лексики меронимичным (со значением партитивности) является не только один ЛСВ, но целый их ряд. В настоящей работе рассматривались все ЛСВ со значением «часть тела человека». Разные ЛСВ одной и той же лексемы в схеме обозначены цифрой, как в случаях с наименованием всего организма в целом (body 1) и его непосредственной части - туловища (body 2). Установление меронимических связей между лексическими единицами в исследуемой группе лексики осуществлялось методом ступенчатой идентификации (Э. В. Кузнецова, И. В. Арнольд). Для выявления холонима (термины «холоним» и «мероним» предложены Д. Крузом как наименования целого и части соответственно [1]) особое внимание уделялось конкретизатору – структурной части словарного толкования меронима, которая уточняет архисему 'the part', называя целое, и одновременно указывает на то, что данное наименование целого выступает холонимом по отношению к дефинируемому мерониму. Так, например, в дефиниции к мерониму head 1. 'the part of the body on top of the neck containing the eyes, nose, mouth and brain' 'часть тела, находящаяся сверху на шее, и содержащая глаза, нос, рот и мозг' выделялся конкретизатор body (body 1 'the whole physical structure of a human or an animal' 'вся физическая структура человека или животного'), который и рассматривался как наименование целого (холоним). Являясь холонимом самого верхнего уровня обобщения, ЛЕ body 1 одновременно выступает родовым понятием (гиперонимом), через которое дефинируются наименования остальных частей тела. Соответственно, данная ЛЕ выступает членом как гиперо-гипонимических рядов, так и холо-меронимических структур, что дает основание в дальнейшем называть ее гипер-холонимом (по традиции, введенной Д. Крузом).

В некоторых же случаях выделить конкретизатор в дефинициях было затруднительно и приходилось обращаться к другим структурным частям словарного толкования, подсказывающим, частью чего может выступать означаемое искомой ЛЕ: leg 1 'one of the long parts that connect the feet to the rest of the body 'одна из длинных частей, соединяющих ступню с остальным телом человека', где глагол connect указывает на непосредственную связь меронима leg с холонимом body 1. На этом же основании наименование foot также должно бы быть причислено к меронимам холонима body 1, однако словари дают данной ЛЕ иное определение: foot 1 'the lowest part of the leg, below the ankle, on which a person or an animal stands' 'самая нижняя часть ноги, ниже лодыжки, на которую опирается человек или животное'. Таким образом, исходя из анализа словарных дефиниций, наименование leg выступает меронимом относительно body 1 и холонимом относительно foot, что свидетельствует о разных типах меронимической связи, в которые вступают данные ЛЕ. Будучи связанными с гипер-холонимом body 1, меронимы leg и foot соотносятся с ним по-разному: первый - близкой, непосредственной связью, в то время как второй - опосредованной, через холоним leg, и отдален от гипер-холонима на целый уровень (см. схемы). Таким образом, уже на данном этапе исследования приведенные примеры дефиниций демонстрируют разнотипность системных отношений между ЛЕ, выражающими часть целого.

По-иному решают проблему отражения системности лексики электронные тезаурусы (онтологии, лексические базы данных). Пионерами в этой области выступили ученые Принстонского университета, разработавшие электронную лексическую базу для английского языка – Princeton WordNet (PWN). Главной мыслью создателей WN была идея исследовать и отобразить всю систему семантических отношений английского лексикона. PWN представляет собой своеобразный тезаурус, где английские знаменательные слова объединены в синонимические ряды (синсеты), каждый из которых представляет собой «лексикализованный концепт» [2]. Синсеты соединены между собой посредством семантических отношений – гиперо-гипонимических, меронимических и антонимических – и для каждого ЛСВ выстроены гиперо-гипонимическая и меронимическая иерархии. При этом семантические отношения между лексическими единицами в нем устанавливались на основании данных психолингвистических экспериментов. Так, для установления меронимических отношений авторы прибегали к общепринятой «наивной» формуле "A is a part of B" для выделения некоторой части из целого. Помимо психолингвистических экспериментов, создатели электронной базы для английского языка обращались также к корпусам текстов как к источнику эмпирических данных о реальном функционировании слов в речи [3].

В результате анализа структур, построенных по данным упомянутых выше источников, выявлено, что полученные холо-меронимические структуры во многом схожи: 1) структуры практически совпадают по своему количественному составу (136 ЛЕ по словарям и 137 по PWN за счет прибавления к меронимам Ворднета метафорического наименования spare tyre 'излишний жир в области талии'); 2) обе структуры демонстрируют такую особенность исследуемой подгруппы лексики, как синонимичность некоторых ее членов (все синонимичные единицы, обозначающие внешние части тела, кроме территориальных вариантов английского языка, включены в исследование (здесь и на схеме синонимы подаются в синонимических рядах с доминантой [4] в начале ряда: torso /trunk/ body 2 - далее просто torso)); 3) структуры полностью совпадают по составу первого (самого высокого) уровня [5] (его образует гипер-холоним body 1). Основные различия касаются: 1) состава самих, кроме первого, уровней (разное количество меронимов на одних и тех же уровнях структуры); 2) количества уровней (по словарям их 3, а по PWN – 4). Примечательно при этом, что различия в полученных структурах касаются наименований частей тела человека второго (за исключением наименования головы и ноги) и третьего уровней иерархии и не выявляются на более глубоких уровнях, отражающих дальнейшее деление тела [6]. (См. рис. 1 и 2. Меронимы, относительно которых структуры различаются, на схеме для наглядности помещены в овальную рамку).

Так, исходя их рис. 1 меронимической структуры в подгруппе наименований частей тела человека, полученной по словарным дефинициям, наименования второго уровня hand 'кисть руки' и wrist 'запястье' выступают меронимами холонима первого уровня body 1, в то время как наименование шеи neck является меронимом холонима torso и находится на третьем ярусе структуры. Ср., например, torso 'the main part of the body, not including the head, arms or legs' 'основная часть тела человека, не включая голову, руки и ноги'. Этот же уровень структуры, исходя из данных Принстонского ворднета, выглядит, однако, по-иному (см. рис. 2).

К меронимам второго уровня принадлежит здесь наименование шеи *neck*, что свидетельствует о том, что и словари, и носители английского языка одинаково отражают «кусочек» реальной действительности – тело человека, а, следовательно, дают объективную картину.

Различия же касаются наименований тех частей тела (neck, wrist), которые выступают соединительными членами (могут относиться в равной степени как к одной части тела, так и к другой), что свидетельствует о диффузности и различной стратификации категории.

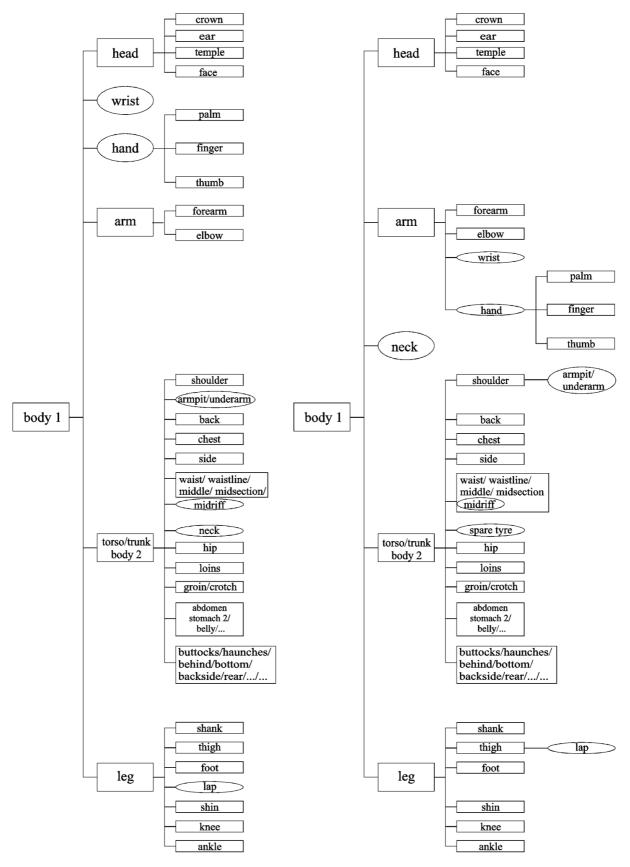
По данным PWN, единым целым представляется носителям языка рука (arm), частями которой выступают forearm'предплечье', elbow 'локоть', hand 'кисть' и wrist 'запястье'. В полученной холо-меронимической [7] структуре наименования данных частей занимают уже третий уровень, т. е. отстоят от гипер-меронима body 1 на дополнительный шаг детализации.

Очевидно при этом, что основным источником расхождения на втором уровне структур выступает трактовка связи меронимов *neck, arm, hand* и *wrist* с гипер-холонимом *body* 1 либо с его меронимом *torso.* Неоднозначную трактовку выявляют результаты исследований американских лингвистов-антропологов С. Браун и Э. Андерсен, которые проводили опросы среди носителей английского языка, а позже проверяли полученные данные на материале других языков. Исследования показали, что участники эксперимента не смогли с уверенностью отнести кисть *hand* к частям руки *arm.* Они, скорее, склонны считать кисть частью тела, **соединенной** с ним посредством руки и запястья, что и отражено в словарях (см. дефиниции выше).

По той же самой причине носители не относят пальцы руки fingers к частям всей руки arm, поскольку не уверены, что 'hand is a part of arm' [8]. т. е. ясно указать на то, частью какого целого выступает тот или иной член тела, вызывает затруднения у самих носителей потому, что это сложно сделать в реальности, что не может не найти своего отражения в языке и, соответственно, в словарях и, следовательно, нарушает стройность меронимической иерархии.

Свою трактовку данного явления предлагают лингвисты, рассматривающие меронимические отношения между ЛЕ в исследуемой группе лексики в рамках категории отчуждаемости/неотчуждаемости, которая, в свою очередь, является неотъемлемым аспектом категории притяжательности, или посессивности (Й. Й. Григалюнене, А. А. Прокопчук, Т. В. Гамкрелидзе, Н. Д. Арутюнова, Е. А. Беличенко, В. Б. Гольдберг, Е. В. Рахилина, и др.). Так, С. Браун классифицирует отношения между наименованиями arm-hand-body и др. ЛЕ в исследуемой группе как отношения посессивности и вводит для этого специальный термин «партон» (parton), означающий «неотчуждаемую часть целой сущности» (пер. наш – Н. К.) [9]. Т. е. при рассмотрении данных ЛЕ ученый считает понятия «часть чего-либо» и «неотчуждаемый от целого» эквивалентными. К такому же выводу приходят лингвисты Р. Суонсон и С. Витковски, рассматривающие отношения отчуждаемости/неотчуждаемости как основной параметр при построении меронимической иерархии в группе наименований частей тела, утверждая, что «неотчуждаемость является основным типом отношений в группе наименований анатомических частей, а отношения «часть-целое» отходят на второй план» [10]. Им вторит целый ряд отечественных и зарубежных лингвистов, доказываю-

щих нерасторжимость связи, наблюдаемой между наименованиями всего тела человека и его частей, которые вступают в меронимические отношения (М. А. Журинская, В. А. Плунгян, А. В. Головачева, Ш. Балли, А. Маджид, А. Абби, и др.).

Puc. 1. Холо-меронимическая структура, полученная по словарным дефинициям

Puc. 2. Холо-меронимическая структура, полученная по данным PWN

Г. Б. Пальмер и Л. Никодемус не разделяют, однако, данную точку зрения, рассматривая понятия посессивности и неотчуждаемости как «чисто этнографические, никоим образом не возникающие из лексических структур» [11], но находящие в них выражение. Ученые отстаивают точку зрения, что части тела выделяются носителями по их пространственной смежности друг с другом («spatially»), поэтому их наименования находятся в локативных отношениях, что также не вызывает никаких сомнений (основным фактором, обусловливающим выделение части целого, является восприятие формы и пространства). Какой бы бурной ни была полемика по этому поводу, исследования как зарубежных, так и отечественных лингвистов неопровержимо доказывают, что меронимические отношения, являясь вариантом глобальных посессивных отношений, а в их рамках – отношений неотчуждаемости, также тесно связаны и с другими типами отношений (локативности), образуя запутанный узел их всех вместе взятых.

Среди ЛЕ третьего уровня обеих структур необходимо отметить наименования средней части туловища в области талии waist/waistline/middle/midsection и midriff. Данные ЛЕ подаются в толковых словарях как наименования разных частей туловища, где синонимический ряд с доминантой waist ('the narrow part in the middle of the human body' 'узкая часть посередине туловища') и midriff ('the part of the body between your chest and your waist' 'часть туловища между грудной клеткой и талией') являются со-меронимами, в отличие от структуры PWN (см. схему 2), где мероним midriff является одним из синонимов в общем ряду наименований талии. Мероним armpit/underarm 'подмышечная впадина', по данным словарных дефиниций, находится (наряду с со-меронимами shoulder 'плечо', back 'спина', chest 'грудная клетка', side 'бок' и др.) в непосредственной связи с холонимом torso: 'the part of the body under the arm where it joins the shoulder' 'часть тела человека под рукой в месте ее соединения с плечом' (см. рис. 1). В электронном тезаурусе, однако, ЛЕ shoulder и armpit/underarm выступают уже не со-меронимами (меронимами одного уровня и одного и того же холонима), а наименованиями, вступающими друг с другом в непосредственную холо-меронимическую связь, где shoulder - холоним относительно меронима armpit/underarm. Т. е. это означает, что плечо представляется носителями языка как целое с его неотъемлемой частью - подмышечной впадиной. Здесь же на третьем уровне появляется еще один мероним - spare tyre 'the fat around someone's waist' 'жир вокруг талии' - представляющий собой метафорическое словосочетание, выступающее меронимом холонима torso. Таким образом, выявленные различия делают очевидным неоднозначность меронимической связи между одними и теми же ЛЕ. Данная неоднозначность объясняется лингвистами тем, что указанные выше наименования принадлежат к группе так называемой «топографической» лексики (Н. Д. Арутюнова), которая представляет собой наименование части без четкого указания в лексическом значении на ее пространственные границы, поскольку их невозможно точно установить в реальности. Зачастую в реальности нет границ, имеют место лишь постепенные переходы. В таких случаях в действительности разграничительных линий не существует, они есть только в языке. В результате и возникают трудности, вытекающие из нечеткости обозначаемых словом объектов и отражающиеся в нечеткости значений соответствующих слов, а, следовательно, - в нечетких меронимических структурах.

Еще одним меронимом, отражающим несовпадение структур на третьем ярусе, является мероним *lap* 'верхняя часть бедра', который в структуре Ворднета находится в непосредственной связи с холонимом *thigh* 'бедро', а в словарях – с холонимом *leg*: *lap* 'the top part of your <u>legs</u> that forms a flat surface when you are sitting down' 'верхняя часть <u>ног</u>, формирующая плоскую поверхность в позиции сидя'. Данная лексическая единица, занимающая разные ярусы в исследуемых построениях и, соответственно, выступающая меронимом разных холонимов, отражает специфику категоризации тела человека в английском языке. Данная ЛЕ обозначает не просто часть тела, а часть, «высвечиваемую» только лишь в определенной позе тела, т. е. в терминах когнитивного моделирования происходит смещение фокуса в пределах одного и того же домена (Р. Лангакер), что свидетельствует о сложном взаимопроникновении категорий, об отсутствии жестких границ между разными уровнями категоризации и о существовании между ними переходных зон.

Поставив цель отразить семантические связи слов во всей системе английского лексикона, электронный тезаурус PWN применяет также и словарные дефиниции, помещая их после каждого лексико-семантического варианта (синсета). Сравнительный анализ меронимической структуры тезауруса и дефиниций исследуемых меронимов, предложенных лексикографами PWN, позволил выявить еще один важный факт – присутствие в меронимических структурах гиперо-гипонимического типа связи. Это очевидно из следующих толкований меронимов: *arm* 'a human limb; technically the part of the superior limb between the shoulder and the elbow but commonly used to refer to the whole superior limb' 'человеческая конечность; формально часть передней конечности между плечом и локтем, обычно обозначает всю верхнюю конечность'. Стремясь к традици-

Филологические науки

онному толкованию через указание на родовое имя и видовое отличие описываемого денотата, лексикографы PWN в своих дефинициях определяют данную и др. части тела через гипероним limb 'конечность', включая тем самым данные наименования в гиперо-гипонимическую иерархию, накладывающуюся на меронимическую. Этот факт убедительно демонстрирует тесную взаимосвязь между данными типами семантических отношений, которые порой невозможно четко отграничить.

Также ср., например, armpit 'the hollow under the arm where it is joined to the shoulder' 'впадина под рукой в месте соединения руки и плеча' или wrist 'a joint between the distal end of the radius and the proximal row of carpal bones' 'сустав между отдаленным концом лучевой кости предплечья и ближайшей линией прикрепления кистевых костей', где мероним либо определяется без указания на часть и на целое, к которому описываемая часть должна принадлежать, либо ему вообще дается замысловатое и громоздкое определение в анатомических терминах [12]. Факт неоднозначного толкования подобных меронимов авторами Ворднета (уже в пределах одного лексикографического источника) вытекает из неоднозначного онтологического статуса таких частей тела как шея, плечо, подмышечная впадина, запястье и т. д., и вскрывает еще одну проблему – проблему структуры категории и взаимоотношений ее членов. Наименования данных частей являются именами суставов, соединяющих между собой остальные части тела, однозначно причислить которые к тому или иному целому в реальности не представляется возможным из-за их промежуточного положения. Именно поэтому различия в структурах относительно меронимов shoulder, armpit/underarm, neck и wrist вполне предсказуемы и объяснимы. Сложность установления семантической связи между данными ЛЕ доказывают исследования А. Андерсен и Н. Дж. Энфилда, выполненные на группах носителей английского языка разного социального статуса, возраста и образования. Эти исследования показали, что характер меронимической связи, устанавливаемой опрашиваемыми между наименованиями суставных соединений и наименованиями частей тела, обусловлен целым рядом экстралингвистических факторов: гендерной принадлежностью, владением иностранным языком и т. д. [13] Иными словами, причисление меронима-наименования сустава к тому или иному холониму - индивидуальный выбор носителя языка, обусловленный его жизненным опытом, знаниями и т. д.

Таким образом, сравнение меронимических структур выявило всю сложность и неоднозначность меронимической семантической связи, обусловленные: 1) онтологической неоднозначностью отношений «часть-целое», что, соответственно, находит свое отражение в системе языка; 2) тесной связью меронимии с категорией притяжательности и с гиперо-гипонимическими отношениями. В результате полученные меронимические структуры представляют собой не четкие и однозначные иерархии, а сложные построения с пограничными случаями, с членами, находящимися на периферии категории меронимии, структура которой зависит от субъективных факторов (от опыта носителя языка и т. д.), что свидетельствует о чрезвычайной сложности концептуальных меронимических связей в сознании носителей языка. Тем не менее общий вывод, к которому можно придти, не дает оснований для пессимизма, поскольку, как показало исследование, оба выбранных лексикографических источника дают объективную картину, а, следовательно, полученные результаты исследования могут быть использованы в области лексикографии с целью унификации дефиниций слов одного класса в толковых словарях, а также при составлении компьютерных баз данных.

Примечания

- 1. *Cruse D.* Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.
- 2. *Miller G. A.* WordNet: A Lexical Database for English / George A. Miller // Computation of the ACM. 1995. Vol. 38. № 11. P. 39.
- 3. WordNet: An Electronic Lexical Database / ed. by Christiane Fellbaum, foreword by G. A. Miller. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1998. 425 p.
- 4. Вслед за Ю. Д. Апресяном за доминанту принимаем «исконные или вполне ассимилированные, стилистически нейтральные высокоупотребительные деривационно простые или опрощенные (непроизводные) единицы в их основных значениях». Меронимические структуры выстраивались по доминанте. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Языки рус. культуры, 1995. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. С. 225.
- 5. Уровни (ярусы) устанавливались по числу актов (шагов) развертывания, необходимых для выявления наименования далее неделимой части тела.
 - 6. Именно по этой причине, а также в целях экономии места на схемах отражены только данные уровни.
 - 7. В данной работе термины «меронимическая» и «холо-меронимическая структура» синонимичны.
- 8. Brown C. H. General Principles of Human Anatomical Partonomy and Speculations on the Growth of Partonomic Nomenclature / Cecil H. Brown //American Ethnologist: Folk Biology. 1976. Vol. 3. No. 3. P. 423; Andersen

- *E. S.* Lexical Universals of Body-Part Terminology // Universals of Human Language: Word Structure; ed. by J. H. Greenberg, C. H. Ferguson et al. Vol. 3. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 335–368.
 - 9. Andersen E. S. Op. cit. P. 401.
- 10. Swanson R. A., Witkowsky S. Hopi ethnoanatomy: a comparative treatment // Proceedings of the American Philosophical Society. 1977 Vol. 121. P. C. 325
- 11. *Palmer G. B., Nicodemus L.* Coeur d'Alene exceptions to proposed universals of anatomical nomenclature // American Ethnologist. 1985. Vol. 12. P. 353.
- 12. WordNet: A Lexical Database for English online. 2014. Mode of access: http://www.princeton.edu/wordnet
- 13. *Enfield N. J.* Cross-linguistic categorization of the body: Introduction / N. J. Enfield, A. Majid, M. van Staden // Language sciences. 2006. Vol. 28. P. 137–147.

Notes

- 1. Cruse D. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 310 p.
- 2. Miller G. A. WordNet: A Lexical Database for English / George A. Miller // Computation of the ACM. 1995. Vol. 38. No. 11. P. 39.
- 3. WordNet: An Electronic Lexical Database / ed. by Christiane Fellbaum, foreword by G. A. Miller. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 1998. 425 p.
 - 4. Forwards J. D.

Apresyan we accept "traditional or assimilated completely, stylistically neutral vysokopitatelny derivation of a simple or simplified (non-derivative) units in their core values" as the dominant. Metonymically structures were built on the dominant. Apresyan Y. D. *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols.] M. Yaziki russkoj kultury. 1995. Vol. 1: Lexical semantics. Synonymous means of language. P. 225.

- 5. The levels (tiers) have been based on the number of acts (steps) of deployment required to identify the name of the further indivisible parts of the body.
 - 6. For this reason, and in order to save space in the diagrams only reflected these levels.
 - 7. In this paper, the terms "metonymically" and "holo-metonymically structure" are synonymous.
- 8. Brown C. H.-General Principles of Human Anatomical Partonomy and Speculations on the Growth of Partonomic Nomenclature / Brown, Cecil H. //American Ethnologist: Folk Biology. 1976. Vol. 3. No. 3. P. 423; Andersen E. S. Lexical Universals of Body-Part Terminology // Universals of Human Language: Word Structure; ed. by J. H. Greenberg, C. H. Ferguson et al. Vol. 3. Stanford: Stanford University Press, 1978. Pp. 335-368.
 - 9. Andersen E. S. Op. cit. P. 401.
- 10. Swanson R. A., Witkowsky S. Hopi ethnoanatomy: a comparative treatment // Proceedings of the American Philosophical Society. 1977. Vol. 121. P. 325
- 11. G. B. Palmer, Nicodemus L. Coeur d'alene exceptions to proposed universals of anatomical nomenclature // American Ethnologist. 1985, Vol. 12, p. 353.
 - 12. WordNet: A Lexical Database for English online. 2014. Available at: http://www.princeton.edu/wordnet
- 13. Enfield N. J. Cross-linguistic categorization of the body: Introduction / N. J. Enfield, A. Majid, M. van Staden // Language sciences. 2006. Vol. 28. Pp. 137-147.

УДК 811.161.1

В. Г. Фатхутдинова

Словообразовательная детерминация лексемы «ветер» в русском и испанском языках: этнолингвистический аспект

В статье на материале русского и испанского языков охарактеризована этнокультурная специфика словообразовательной детерминации лексемы «ветер», являющейся семантической универсалией мира природы. Её концептуальная ценность подтверждается наличием большого количества соответствующих фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Рассмотрено функционирование данной лексической единицы в поэтических текстах, выявлен её изобразительно-выразительный потенциал и определена роль в построении металогической речи. Результаты сопоставительного анализа словообразовательных гнёзд с исходными словами «ветер» / «el viento» свидетельствуют о том, что национальное своеобразие производных номинативных единиц обнаруживается в их семантике, внутренней форме и стилистической коннотации. Изучение производных слов в деривационно-семантическом, ономасиологическом и этнолингвистическом аспектах, актуализация их метафорически-антропоморфной сущности способствует более полному описанию вербализованной системы мировидения конкретного этноса и является средством познания его материальной и духовной культуры.

In the article on the material of Russian and Spanish languages ethnocultural specifics of word-forming determination of lexeme "wind" is characterized, which is a semantic universal of the world of nature. Its conceptual value is confirmed by the presence of a large number of phraseological units and set expressions. The functioning of the lexical unit in poetic texts is considered, its figurative-expressive potential is revealed and the role in building up the metalogical speech is determined. The results of the comparative analysis of word-forming nests with the original words "wind" / "el viento" indicate that national identity of derived nominative units is found in their semantics, internal form and stylistic connotations. The study of derivative words in derivational-semantic, onomasiological and ethnolinguistic aspects, updating their metaphorically-anthropomorphic entity contributes to a more complete description of verbalized system of worldview of a particular ethnic group and appears as a means of knowledge of its material and spiritual culture.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвокультурология, словообразование, дериват, семантика, метафора.

Keywords: ethnolinguistics, cultural linguistics, word-formation, derivative, semantics, metaphor.

Как известно, национально-культурная специфика языка наиболее полно проявляется в организации его семантического пространства, причем не только в объеме значений лексических единиц, их парадигматике и синтагматике, но и в характере деривационных отношений с другими словами. Сопоставляя производную лексику и словообразовательные системы разных языков, мы можем проследить пути формирования картины мира того или иного этноса с ее универсальными и культурно-специфическими характеристиками. В связи с этим производные слова могут стать потенциальным источником лингвокультурной информации. Как правило, это лексика, именующая одни и те же предметные концепты в языковом сознании разных народов, они являют собой лексикализованные фрагменты коллективного жизненного опыта, призванные обозначить наиболее важные реалии окружающего мира.

Сопоставительное изучение языков, осуществляемое традиционно в теоретических, переводческих и лингвометодических целях, в настоящее время уже немыслимо без привлечения данных смежных лингвистических дисциплин антропоцентрической направленности – этнолингвистики и лингвокультурологии. При описании словообразовательных процессов русского языка всё чаще наблюдается интеграция структурно-семантического и когнитивного подходов, при этом акты деривации (как в синхронии, так и в диахронии) рассматриваются как результаты деятельности языкового сознания. С точки зрения Е. С. Кубряковой, номинативная функция словообразования – «функция ословливания и означивания мира» – является собственно когнитивной: она связана с выделением и фиксацией средствами словообразования новых структур знания, закреплением и объективацией неких концептуальных объединений, рождаемых в актах познания и оценки мира; при этом способ представления этих структур знания в мотивированных и своеобразно расчлененных знаках языка связывает словообразование не только с «миром вне нас и вне нашего сознания» (т. е. объективно существующим миром), но и с «миром языка» [1].

В данной работе мы поставили перед собой цель охарактеризовать этнокультурную специфику русского и испанского словообразования. Представленный в исследовании анализ производной лексики базируется на теоретических посылках русской дериватологии в её традиционном и когнитивно-культурологическом аспектах, нашедших отражение в работах Т. А. Вендиной [2], Е. А. Земской [3], Е. С. Кубряковой [4] и др., а также на современных концепциях испанской словообразовательной науки – это труды José Alberto Miranda Poza [5], Mervyn F. Lang [6], Manuel Alvar Ezquerra [7], María Tadea Díaz Hormigo [8].

Непосредственным объектом этнолингвистического анализа послужила одна из семантических универсалий мира природы – лексема ветер. Это слово является базовым для тематической группы «Слои, потоки воздуха» [9]. Следует отметить, что большинство других названий данного природного явления в русском языке являются заимствованными: бриз, зефир, муссон, мистраль, самум, сирокко, тайфун, ураган, циклон и др. Слов древнерусского или старославянского происхождения, обозначающих движение воздуха, немного: вихрь, смерч, суховей, сквозняк, сиверко (обл.). В испанском языке лексеме ветер в качестве адекватного однозначного соответствия выступает слово el viento, ср. также эквиваленты el aire u la brisa [10].

В обоих языках данная номинативная единица служит в основном для обозначения явления природы и её значение трактуется как 'движение потока воздуха в горизонтальном направлении'. Зафиксированные в словарях переносные значения слова ветер крайне нерегулярны и не несут особой смысловой нагрузки. В то же время о концептуальной ценности лексемы свидетельствует большое количество фразеологизмов и устойчивых сочетаний, например, в русском:

ветер в голове; бросать деньги на ветер; бросать слова на ветер; ветер свистит в карманах; каким ветром занесло; откуда ветер дует; ищи ветра в поле; держать нос по ветру; как ветром сдуло и др.; в испанском: viento en popa – попутный ветер; marachar(se) con viento fresco – убираться подобру-поздорову; beber los vientes por – страстно желать, жаждать чего-либо; tomar el viento – почуять след; contra viento y marea – вопреки всем препятствиям; a los cuatro vientos – на все четыре стороны; dar el viento de una cosa – узнать, проведать и др.

Об изобразительно-выразительном потенциале исследуемой лексической единицы свидетельствует её широкая востребованность в языке художественной литературе. В русском языке слово ветер относится к разряду поэтизмов: «Ветер, ветер! Ты могуч, / ты гоняешь стаи туч, / ты волнуешь сине море, / Всюду веешь на просторе. / Не боишься никого, / Кроме бога одного» (А. Пушкин).

В испанском языке лексема ветер также широко распространена в поэтических текстах и играет важную в роль в организации его художественного пространства, особенно ярко это проявляется в переводах [11]: ...En las largas noches / Del helado invierno, / Cuando las maderas / Crujir hase el viento, / Y azota los vidrios / El fuerte aguacero / De la pobre niña / A solas me acuerde ... (Gustavo Adolfo Becquer) – ...Ненастной порою, / когда до рассвета / ограда скрипит, / содрогаясь от ветра, / и ливень на окнах, / и дом – как темница, / мне девушка эта / внезапно примнится... (перевод П. Грушко).

Данная лексическая единица активно участвует в построении металогической речи: Era un acorde lamento / de juventud y de amor / para la luna y el viento, / el agua y el ruiseñor (Antonio Machado). – Любовь и молодость сплетали / в один напев тоску свою / и жаловались ветру, дали, / луне, воде и соловью (перевод О. Савич).

Как и в русском языке, образ ветра часто становится объектом персонификации: *El viento* se ha sentado en los torkales / de la montana oscura... (Federico García Lorka). – Уселся рассерженный ветер горе на уступы ... (перевод Б. Слуцкого).

Ветер может быть пронизывающе холодным: Norte negro. / Silba el viento, grande y frío (Juan Ramón Jiménez). – Чёрный север. Стонет ветер стылый, / необъятный ветер (перевод П. Грушко); может быть обжигающе горячим: De los claros bosqes de la Andalucía, / ¿quién os trajó a esta castellana tierra / que barren los vientos de la adusta sierra, / hijos de los campos de la tierra mía? (Antonio Machado). – Из андалузских рощ, лимонных, апельсинных, / в Кастилью, где пески сухие взметены / дыханьем огненным – ветрами сьерр пустынных. / О, кто вас перенёс, полей моих сыны? (перевод Т. Щепкиной-Куперник); влажным, свежим, прохладным: La dulse brisa del río, / olorosa a junco y agua, / la refresca el señorío.../ La brisa leve del río... (Juan Ramón Jiménez). – Чистый час речной прохлады. /Влажный запах камышовый / проникает за ограды... / тихий час речной прохлады (перевод П. Грушко).

Для того чтобы проследить специфику словообразовательной детерминации лексемы *ветер* в русском и испанском языках, рассмотрим более детально их дериваты, связанные между собой отношениями последовательной производности и равнопроизводности. Особое внимание следует уделить последовательной производности, которая являет собой «феномен не только структурный, но и семантический, поскольку словообразовательная цепь наглядно отражает как формальные, так и семантические приращения в акте словообразования» [12].

В русском языке словообразовательное гнездо с исходным словом ветер включает в себя 97 производных слов. В испанском языке их немного, в основном это слова, образованные на базе глагола ventear (дуть – о ветре): ventífero (вызывающий ветер); ventoso (ветреный); ventorrero (ветреное место); ventolina (лёгкий ветерок); ventolera (сильный порыв ветра); ventilación (вентиляция); ventisca (метель, вьюга) и некоторые другие [13]. В русском и испанском языках основа ветер используется прежде всего при обозначении состояния окружающей среды: на улице ветрено – hace viento, sopla el viento; ветреная погода – ventoso, а также некоторых относительных признаков: ветровое стекло – parabrisas, guardabrisas; ветрозащитный – contra vientos.

Очевидно, что разные языки по-разному осуществляют концептуализацию (категоризацию и дифференциацию) объектов окружающей действительности. Поэтому различия в словообразовательной детерминации идентичных понятий типологически дистантных языков (каковыми являются русский и испанский) свидетельствуют о специфике культурно-этнических доминант. Их выявлению и описанию на словообразовательном уровне способствует внутренняя форма слова и специфика переносного словоупотребления.

По мнению О. И. Блиновой, внутренняя форма слова выполняет следующие функции: ассоциативно-образную, гносеологическую, дифференцирующую, коммуникативную, коннотативную, метаязыковую и культурологическую. Последняя связана с выражением языковой картины мира, духовной и материальной культуры народа посредством отражения признаков предметов, понятий, процессов окружающего мира [14]. Действительно, анализ внутренней формы производных слов позволяет установить «мотивирующие признаки, которые для представителей русской лингвокультуры на определенном этапе развития языка являлись (или до сих пор являются) коммуникативно и концептуально значимыми» [15].

Результаты любой систематизации производной лексики, будь то словообразовательные гнезда или словообразовательные типы, также не лишены, на наш взгляд, концептуальной информации. Так, словообразовательное гнездо представляет собой определенным образом структурированное семантическое поле, ядром которого и наименованием определенного концепта может выступать вершинное (исходное) слово гнезда. «Построение и изучение деривационного поля ключевого слова позволяет выявить когнитивные признаки исследуемого концепта» [16].

Какие же номинативные единицы в составе словообразовательного гнезда «ветер» обладают специфической внутренней формой, а следовательно, и национально-культурной коннотацией? Охарактеризуем их номинативные классы с учетом эквивалентности (наличия или отсутствия однословного соответствия) в испанском языке.

В русском языке это существительные с субъективно-оценочным значением, например диминутивным: ветерок, ветерочек (el vientecillo, la briza, el cefiro el chiflon (Лат. Амер.), ср. с ветерком (a gran velosidad); или с аугментативным: ветрище (el viento grande). Названия артефактов: ветряк – 'ветряная мельница' (molino de viento), 'двигатель' (motor eólico, aeromotor); ветровка – 'куртка с капюшоном из плотной ткани для защиты от ветра'; ветрило (устар.) – 'парус' (la vela; без руля и без ветрил – sin rumbo); ветромер – 'прибор для измерения силы ветра' (апетотето); ср. в испанском: instrument de viento (духовой инструмент); названия натурофактов: ветровал, ветролом – 'поваленные ветром, вывернутые с корнем деревья', ср.: бурелом; ветреница – 'травянистое растение семейства лютиковых (анемон)'; название болезни: ветрянка – 'ветряная оспа' (la varicela, viruelas locas).

Среди глаголов можно выделить следующие наименования действий: *проветривать* в значении 'освежить, очистить притоком свежего воздуха' (ventilar); *обветрить* – 'погрубеть под действием ветра, холода – о лице, о губах' (curtir, atezar); *выветриться* – 'исчезнуть – о запахе' (airearse, ventilarse); *выветриваться* 'разрушаться, постепенно изменяясь под действием ветра и других атмосферных явлений – о горных породах' (corroerse, erosionarse); *заветреть* – 'утратить свежесть, начать портиться с поверхности под действием воздуха – о продуктах' (estropearse – por la acción del aire); заветреться (secarse al aire) и др.

В результате семантической деривации у некоторой части производных в рамках словообразовательной цепи возникают переносные значения, а на их базе – наименования признаков, лиц и абстрактных понятий: ветреный в значении 'легкомысленный' (ligero, volube, vensátil, veleidoso); ветреник, ветрогон – 'несерьезный, легкомысленный человек'(el veleto); ветреница (la veleta); ветрено в значении 'легкомысленно' (la forma ligeza, con ligereza, con volubilidad); ветреность – 'легкомыслие' (ligereza, volibilidad, versatilidad, velosidad); ветреничать – 'вести себя легкомысленно, быть ветреным' и др.; ср. в испанском: movérse a todos los vientes (быть непостоянным).

Дериваты данной смысловой общности в совокупности с устойчивыми словосочетаниями (ветер в голове, ветреная голова) образуют единую семантическую зону, дающую представление о нормах поведения и этических характеристиках человека, об образном выражении установок и стереотипов национальной культуры. Следует подчеркнуть, что своеобразие внутренней формы тех или иных дериватов, «обусловлено, с одной стороны, выбором разных мотивирующих баз при образовании номинативных единиц одной понятийной сферы, т. е. способами лексикализации одних и тех же понятий, с другой стороны, использованием эквивалентных мотивирующих основ в образовании производных с идиоэтническим компонентом семантики» [17].

Не лишены культурно значимых смыслов и глаголы с метафорическим значением: *проветриться* (разг.) – 'сходить прогуляться, развлечься, рассеяться' (distraerse; desaparecer); ср. *проветриться* – 'побывать на свежем воздухе, освежиться' (tomar el refresco, refrescarse); *выветриться* (разг., из головы, из памяти) – 'забыться' (borarse). Особняком стоит существительное *поветрие* (la moda, la mania), первоначально означавшее быстро распространяющуюся эпидемию, а в настоящее время употребляющееся с оттенком разговорности и неодобрительности в значении 'явление, получившее широкое распространение'. В этом случае национальная специфика словообразовательной семантики обнаруживается как в коннотативном компоненте значения, так и в стилистической маркированности дериватов.

Таким образом, при выявлении национально-культурного компонента в словопроизводственных процессах разных языков необходимо учитывать следующие факторы: удельный вес производной и примарной лексики; разную степень и национальную специфику деривационного развития одних и тех же онтологических понятий; лексическую и словообразовательную лакунар-

ность; специфику мотивировочных признаков, словообразовательных значений и, соответственно, словообразовательных типов, формирующих архитектонику словообразовательной системы.

В целом изучение производных слов в ономасиологическом и этнокультурном аспектах, актуализация их метафорически-антропоморфной сущности способствуют более полному описанию вербализованной системы мировидения русского этноса и являются средством познания его материальной и духовной культуры.

Примечания

- 1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 407.
- 2. Вендина Т. И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 27–49.
 - 3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
 - 4. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: URSS, 2008. 198 с.
 - 5. Miranda J. A. La formación de palabras en español. Salamanca: Colegio España, 1994. 241 p.
- 6. *Lang M. F.* Formación de palabras en español: morfología derivativa productiva en el léxico moderno. Madrid: Cátedra, 1992. 323 p.
 - 7. Ezquerra M. A. La formación de palabras en español. Madrid: Arco Libros, 1993. 77 p.
- 8. Díaz Hormigo M. T. Disciplinas linguüsticas y formacíon de palabras. Cádis: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Cádis, 2000. 146 p.
- 9. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1. / РАН. Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. С. 591–592.
- 10. *Туровер Г. Я., Ногейра Х.* Большой русско-испанский словарь / под ред. Г. Я. Туровера. М.: Рус. яз. Медиа, 2004. С. 50.
- 11. Испанская поэзия в русских переводах (1792–1976): на исп. и рус. яз. / сост., авт. предисл. и коммент. С. Ф. Гончаренко. М.: Прогресс, 1978. 1022 с.
- 12. *Фатхутдинова В. Г.* Последовательная производность как универсальное свойство словообразовательных систем русского и татарского языков // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 148. № 3. Казань: Изд-во «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2006. С. 158.
 - 13. Калво Л. Большой испанско-русский словарь. М.: «Эспаньол», 1997. С. 820.
 - 14. Блинова О. И. Мотивология и её аспекты. М.: Красанд, 2010. С.13.
- 15. *Фатмутдинова В. Г.* Этнолингвистическая интерпретация словообразовательного типа // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 2(28). С. 139.
 - 16. Попова З. Д., Стернин И. А.Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток Запад, 2007. С. 182.
- 17. Фатхутдинова В. Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2006. С. 44.

Notes

- 1. Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in cognition of the world]. M. Languages of Slavic culture. 2004. P. 407.
- 2. Vendina T. I. *Slovoobrazovanie kak sposob diskretizacii universuma* [word-Formation as the method for the discretization of the universe] // voprosy yazykoznaniya Problems of linguistics. 1999, No. 2, pp. 27-49.
 - 3. Zemskaya E. A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' [word-formation as an activity]. M. Nauka. 1992. 221 p.
- 4. Kubryakova E. S. *Tipy yazykovyh znachenij: Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings: Semantics of derived words]. M. URSS. 2008. 198 p.
 - 5. Miranda J. A. La formación de palabras en español. Salamanca: Colegio España, 1994. 241 p.
- 6. Lang M. F. Formación de palabras en español: morfología derivativa productiva en el léxico moderno. Madrid: Cátedra, 1992. 323 p.
 - 7. Ezquerra M. A., La formación de palabras en español. Madrid: Arco Libros, 1993. 77 p.
- 8. M. T. Díaz Hormigo linguüsticas formacíon Disciplinas y de palabras. Cádis: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Cádis, 2000. 146 p.
- 9. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij Russian semantic dictionary. Dictionary, classified according to the classes of words and values. Vol. 1. / RAS. In-t of Rus. lang.; under the general editorship of N. Y. Shvedova. M. Azbukovnik. 1998. Pp. 591-592.
- 10. Turover G. J., Nogueira H. *Bol'shoj russko-ispanskij slovar'* [Comprehensive Russian-Spanish dictionary] / under the editorship of Turover H. Ya.] M. Rus. Yaz. Media. 2004. P. 50.
- 11. *Ispanskaya poehziya v russkih perevodah (1792–1976)* Spanish poetry in Russian translations (1792–1976): Spanish and Russian. yaz. / comp., auth. forew. and comments S. F. Goncharenko. M. Progress. 1978. 1022 p.
- 12. Fatkhutdinova V. G. *Posledovatel'naya proizvodnost' kak universal'noe svojstvo slovoobrazovatel'nyh sistem russkogo i tatarskogo yazykov* [Serial derivativity as a universal property of word-formation system of Russian and Tatar language] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* Scientific notes of Kazan University. Ser.: Humanities. Vol. 148, No. 3. Kazan: Publishing house "Kazan (Volga region) Federal University". 2006. P. 158.

- 13. Calvo L. *Bol'shoj ispansko-russkij slovar'* [Comprehensive Spanish-Russian dictionary]. M. "Espanyol". 1997. P. 820.
 - 14. Blinova O. I. Motivologiya i eyo aspekty [Motivology and its aspects]. M. Krasand. 2010. P.13.
- 15. Fatkhutdinova V. G. *Ehtnolingvisticheskaya interpretaciya slovoobrazovatel'nogo tipa* [Ethnolinguistic interpretation of the derivational type] // *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture* Philology and Culture. Philology and Culture. 2012, No. 2(28), P. 139.
- 16. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. M. AST: East West. 2007. P. 182.
- 17. Fatkhutdinova V. G. Kompleksnye edinicy slovoobrazovaniya v russkom i tatarskom yazykah: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Integrated units of word formation in Russian and Tatar languages: abstract dis. ... D Philology] / Kazan State Univ. Kazan. 2006. P. 44.

УДК 81'25

И. А. Баринова

К вопросу о соотношении смысла и содержания текста при переводе

Статья посвящена проблеме перевода текста, в частности соотношению смысла и содержания текста при переводе. Природу смысла легче понять через его сопоставление с содержанием. Различие смысла и содержания как ментальных образований заключается в том, что они проецируются на сферу сознания: содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст. Содержание объективно, и поэтому его можно моделировать, смысл же всегда субъективен. Смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст. Смысл предполагает интепретацию содержания в аспекте определенной системы взглядов и ценностей. Возникающие при переводе текста ошибки, связанные с обработкой содержания исходного текста и приписыванием ему смысла, касаются сбоя на первых этапах порождения речи.

The article deals with the problem of translation, namely the relation between sense and content in text translating. It is easier to understand the nature of sense if it is correlated with content. The difference between sense and content as mental things is that they are projected in the sphere of consciousness: content is text projection in consciousness but sense is consciousness projection in the text. Content is objective and it can be simulated, and sense is always subjective. Semantic structure belongs not to the text, but to the semantic sphere of a personality perceiving and comprehending the text. Sense is connected with content interpretation within a particular system of views and values. Errors in text translating which are connected with content treatment of a source text and ascribing sense to this text deal with "failures" on the very first stages of speech production.

Ключевые слова: текст, перевод, смысл, содержание, смысловая структура.

Keywords: text, translation, sense, content, semantic structure.

Перевод представляет собой специфический вид речевой деятельности, сочетающий восприятие речевого высказывания на одном языке и развертывание его смыслового аналога на другом языке. Современная теория перевода предлагает разноаспектные трактовки переводческой деятельности [1], в каждой из которых акцентирован определенный ракурс: культурологический, семиотический, дискурсивный, лингвистический и т. п. Многообразие аспектов объяснимо потенциальной вовлеченностью переводчика в любую из сфер социального взаимодействия, поскольку социальное взаимодействие всегда таит возможность межкультурной коммуникации.

Переводчик выступает посредником, транслирующим коммуникативное намерение автора в высказывание на ином языке в иную культуру, для чего ему необходимо адаптировать высказывание к условиям и правилам культуры принимающей. Соответственно ошибки переводчика могут возникнуть на этапе восприятия текста на исходном языке, во-первых; при извлечении смысла из иноязычного высказывания, во-вторых; при развертывании текста на языке перевода, в-третьих; при редактировании текста перевода, в-четвертых. Извлечение смысла из иноязычного высказывания предполагает не только интерпретацию денотативного содержания, но и осознание авторской интенции, цели создания данного текста в определенной коммуникативной ситуации. Интерпретация текста, воспринятого на исходном языке, происходит таким же образом,

© Баринова И. А., 2015

как осмысление текста без необходимости его перевода на другой язык. Смысловая переработка высказывания остается латентным этапом, хотя порой созданный на этом этапе материал проявляется и во внешней речи. В деятельности переводчика проступают черты автокоммуникации, то есть создания некоторого высказывания для себя самого, необходимого промежуточного материала для подготовки текста на языке перевода.

При переводе передача коммуникативных характеристик высказывания представляет собой приоритетную задачу, поскольку трансляция системы ценностей и интенций автора, передача цели обеспечивают саму возможность адекватного социального взаимодействия. Собственно, понимание смысла текста невозможно без проникновения в намерения автора и осознания его системы ценностей. Коммуникативные ошибки отражают сбой в интерпретации авторской позиции и намерений, то есть в смысловом восприятии исходного текста. Тогда ошибки денотативные, предметные, которые считаются когнитивными, имеют отношение к сбоям в восприятии содержания текста.

Разграничивая смысл и содержание текста, А. И. Новиков представлял содержание производным от значений входящих в текст языковых знаков, структурой отношений денотатов, в то время как смысл – результатом осознания содержания воспринимающим текст субъектом [2]. Возможность понимания смысла заложена единством психических процессов, универсальными характеристиками восприятия и алгоритмов обработки информации, общими для всех людей, независимо от привнесенных конкретным социумом и культурой условий. Для человека любой текст, даже на незнакомом языке, обладает презумпцией осмысленности. Презумпция осмысленности подразумевает, что при отнесении некоторого феномена к категории «текст» мы предполагаем наличие автора, передающего нам закодированное знаками сообщение. Содержание как означаемое текста интегрирует семантику составляющих текст языковых единиц, в то время как смысл представлен понятиями, образами, схемами, ассоциациями: смысл динамичен и вариативен, что дает возможность нескольких вариантов перевода, различающихся мерой адаптации к принимающей культуре.

Смысл привносится в текст в соответствии с фоновыми знаниями и системой ценностей воспринимающим текст субъектом. В случае перевода необходимо передать смысл текста как совокупность авторской интенции, положения дел (по Бахтину, то есть ситуации порождения высказывания [3]), оценок и системы ценностей. Для передачи намерения автора, его коммуникативной цели, направленной на некое изменение текущей ситуации в результате восприятия и осмысления его высказывания читателем, переводчик пробирается сквозь содержание к смыслу.

Возвращаясь к бахтинскому определению высказывания, содержание можно представить как выбранный автором предмет обсуждения, тему, топик, которому автор приписывает коммент, выраженный в развернутом высказывании ремой. Поскольку характеристика предмета обсуждения, рема, представляет смысловой центр сообщения, постольку при переводе она должна ремой и оставаться, причем характеризовать тот же предмет, что в исходном тексте. Смещение ремы представляет собой особый класс ошибок. В переводе с английского языка на русский Structural design for the support steel of blast walls is based on a core temperature not exceeding 500 degrees C, in accordance with NPD S-001 Section 23 обнаружена ошибка, свидетельствующая о неверном представлении о том, к чему относится температурная характеристика: к стальным конструкциям, предназначенным для взрывостойких стен, или внешней ситуации: В соответствии с Разд. 23 стандарта NPD S-001 конструкция стальных опор взрывостойких стен определяется, исходя из температуры в центре взрыва, не превышающей 500° С. Автор перевода неверно установил отношения между денотатами исходного текста и не соотнес содержание с общим представлением о положении дел, с процедурными фоновыми знаниями о специфике использования взрывостойких сооружений. Переход от содержания к смыслу, к оценке референтной ситуации в контексте фоновых знаний и системы ценностей, не состоялся. Так сдвиг ремы приводит к смысловым смещениям и становится коммуникативной ошибкой.

Смысл предполагает интерпретацию содержания в аспекте определенной системы взглядов и ценностей. Переводчик ориентируется на выраженную в исходном тексте систему взглядов и ценностей, адаптирует ее к принимающей культуре, сближает оценки автора и читателей настолько, насколько необходимо для понимания смысла текста. Это сближение и представляет собой локализацию текста в принимающей культуре. Хрестоматийным примером сближения и поиска адекватной локализации является перевод «Алисы в стране Чудес» Л. Кэрролла на русский язык: в ранних переводах конца XIX в. главная героиня оказывалась то Соней, то Аней, поскольку именно так чаще всего называли девочек в семьях русской аристократической интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. [4]

Таким образом, возникающие при производстве текста перевода ошибки, связанные с обработкой содержания исходного текста и приписыванием ему смысла, касаются сбоя на самых первых этапах порождения речи, на этапе смыслового планирования. Смысловые ошибки являются ошибками коммуникативными, свидетельствуют о сбое в организации дискурса переводчиком. Большинство авторов классификаций переводческих ошибок, выделяя смысловые ошибки в отдельную группу, по существу, имеют в виду ошибки в содержании текста, то есть ошибки денотативные.

В целом выделяемые смысловые ошибки смыкаются с ошибками семантическими в категории языковых ошибок. Теоретическое обоснование разграничения смысловых и семантических ошибок достаточно проработано и обусловлено противопоставлением смысла и значения [5]. С психолингвистической точки зрения смысловые ошибки непременно реализуются в ошибках семантических, в то время как отнюдь не все семантические ошибки восходят к смысловым. Приведем пример смысловой ошибки, выраженной неверным лексическим выбором при переводе английского выражения as a result: The company may change its rollover rates from time to time as a result of changes in credit markets - Компания имеет право время от времени вносить изменения в ставки ролловера в результате изменений кредитных условий. В контексте целого вебсайта и в соответствии с предметной областью (биржевая торговля) выражение as a result следовало перевести как в зависимости, под влиянием, в соответствии что и сделали переводчики на другие языки, в частности на французский: la sociйtй se rŭserve le droit de modifier ses taux de roll-over de temps a autre en fonction de l'йvolution des marchйs de crйdit. Неверный лексический выбор показывает, что переводчик не ориентируется в предметной области и не может восстановить авторскую интенцию, а именно желание автора внушить клиенту, что возможные изменения условий сотрудничества продиктованы некоторыми внешними, не зависящими от компании обстоятельствами. В таком случае разграничение смысловых и семантических (в узком смысле слова) ошибок возможно не в узком контексте, а в целом высказывании (тексте, документе и т. п.) на фоне знаний о предметной области.

Соответственно, смысловые ошибки выявляются в более крупных речевых отрезках, в то время как для обнаружения семантической ошибки зачастую достаточно отдельного предложения. Если же принимать за единицу перевода предложение, в соответствии с общепринятой практикой, то разграничение смысловых и семантических ошибок порой проблематично.

Полагают, что смысловые искажения широко распространены вследствие непонимания переводчиком понятий, как простых и сложных, так и смыслов целых высказываний [6]. Классификацию вариантов смысловых неточностей и искажений можно найти в классических работах [7]. В основу разграничения смысловых ошибок заложены два критерия: точность передачи смысла и уровень языка, «ответственный» за языковое оформление неверно переданного смысла. Если ошибки в передаче смысла могут быть выделены в целом документе, то искажения можно обнаружить как в целостном тексте, так и на уровне отдельного слова или термина. Перевод английского термина delivery в учебнике для пользователей программного обеспечения как доставка искажает смысл, поскольку речь идет не о доставке (трафике) программы, а о сдаче или выпуске ее последней готовой для потребителя версии. В этом случае неточный перевод вызван незнанием терминологии или весьма метафоричным ее использованием, что очевидно читателю и не вызывает у него серьезных затруднений при понимании целого текста.

Неточности и неясности разделяют не столь надежно. Если неточности отличаются от смысловых искажений «масштабом» ущерба, наносимого тексту перевода, то неясности отличаются языковым уровнем их проявления: источником неясностей обычно выступает синтаксис. При переводе с английского языка на русский предложения Ring port structure provides high-quality dynamic sound искажены синтаксические зависимости в группе подлежащего и сказуемого: Кольцевая структура портов обеспечивает высокое качество динамического звука, что приводит к неясности представления о том, что такое структура порта и каким образом динамический звук отличается от динамики звука, то есть изменения его качественных и количественных характеристик.

На наш взгляд, ошибки в локализации, в отличие от смысловых неточностей, искажают не содержание, а именно смысл текста на языке перевода. Коммуникативная неудача, спровоцированная такого рода ошибками, отнюдь не всегда может быть восполнена за счет внетекстовых фоновых знаний. Текст перевода в таком случае не выполняет необходимой в соответствии с ситуацией общения коммуникативной функции.

Таким образом, разграничение переводческих ошибок в передаче содержания и смысла текста, то есть в конечном итоге ошибок когнитивных и коммуникативных, целесообразно как для обучения профессиональных переводчиков, так и для повышения качества перевода. Пере-

дача смысла, в отличие от передачи содержания, в принципе не может быть автоматизирована, поскольку предполагает оценку влияния множества разнородных факторов на восприятие текста перевода. Машинный (автоматический) перевод предполагает трансляцию содержания исходного текста на язык перевода, то есть в результате машинного перевода производится квазитекст на языке перевода, в котором отражены отношения и взаимодействие денотатов. Смысл в перевод привносит человек, профессиональный переводчик.

Примечания

- 1. Translation Theory and Practice: A Historical Reader / ed. By D. Weissbort and A. Eysteinsson. Oxford University Press, 2006. 664 p.
 - 2. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.
 - 3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Изд-во «Искусство», 1979. 424 с.
- 4. *Лобанов В. В.* Льюис Кэрролл в России: аннотированная библиография переводов. М.: Макс-Пресс, 2000 402 с
- 5. Новиков А. И. Указ. соч.; Михайлов В. А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 177 с.
 - 6. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. 544 с.
- 7. Гарбовский Н. К. Указ. соч.; Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.; Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2003. 198 с.; Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: «Готика», 1999. 176 с.

Notes

- 1. Translation Theory and Practice: A Historical Reader / ed. By D. Weissbort and A. Eysteinsson. Oxford University Press, 2006. 664 p.
- 2. Novikov A. I. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Text and its semantic dominants]. M. Institute of linguistics RAS. 2007. 224 p.
- 3. Bakhtin M. M. *EHstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Publishing house "Iskusstvo". 1979. 424 p.
- 4. Lobanov V. B. *L'yuis Kehrroll v Rossii: annotirovannaya bibliografiya perevodov* [Lewis Carroll in Russia: annotated bibliography of translations]. M. Maks-Press. 2000. 402 p.
- 5. Novikov A. I. Op. cit.; Mikhailov V. A. *Smysl i znachenie v sisteme rechemyslitel'noj deyatel'nosti* [Meaning and significance in the system of rehabilitology activity]. SPb. Publishing house of St. Petersburg State University. 1992. 177 p.
 - 6. Garbovskiy N. K. Teoriya perevoda [Theory of translation.] M. MSU Publishing house. 2004. 544 p.
- 7. Garbovskiy N. K. Op. cit.; Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie* [Contemporary translation studies: textbook]. M. ETS. 2002. 424 p.; Latyshev L. K., Semenov A. L., *Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya: ucheb. posobie* [Translation: theory, practice and methods of teaching: tutorial]. M. Publ. center "Academiya". 2003. 198 p.; Minyar-Beloruchev R. K. *Kak stat' perevodchikom?* [How to become a translator?] M. "Gotika". 1999. 176 p.

УДК 81

Ф. Б. Ситдикова, Р. Н. Сабирова

Вывод импликатуры как условие успешного акта коммуникации

Статья представляет исследование в области когнитивной лингвистики и линвгопрагматики и рассматривает проблему интерпретации имплицитного смысла высказывания участниками речевого акта, основываясь на теории релевантности Д. Спербера и Д. Вильсона. Наличие в высказываниях имплицитного смысла является одной из важнейших характеристик вербальной коммуникации. Под имплицитным смыслом понимается подразумеваемый смысл, который создается при взаимодействии языковых единиц высказывания с компонентами когнитивной среды. Имплицитный смысл представляет из себя сложное многоуровневое образование и включает в себя пресуппозиции, конкретно-контекстуальный смысл и импликатуру. Вывод импликатуры рассматривается как важнейшее условие успешности акта коммуникации. Дается классификация различных видов импликатур, в зависимости от соотношения между общим смыслом и импликатурой высказывания, подкрепленная языковыми примерами. Дана также статистика частотности указанных видов импликатур. Исследование выполнено на материале татарской художественной прозы.

The article presents a research in the field of cognitive linguistics and linguistic pragmatics and deals with the problem of interpreting implicit meaning of an utterance on the basis of the relevance theory developed by D.Sperber and D.Wilson. The presence of the implicit meaning in an utterance is one the most important features of the verbal communication process. The implicit meaning of an utterance is created as a result of interacting of the utterance language units with the cognitive environment elements. The implicit meaning of an utterance can be defined as a comlex multi-level semantic structure which includes presuppositions, specific contextual meaning and the implicature. Drawing an impicature is considered as the main condition for successful speech act. The classification of different kinds of implicatures is given depending on relations between the general meaning and the implicature of an utterance, supported by examples from fiction texts. Also some statistic data relating to impicature frequency are submitted in the article. The research was made using fiction texts by popular classical and modern Tatar writers.

Ключевые слова: имплицитный смысл, импликатура, вывод импликатуры.

Keywords: implicit meaning, implicature, implicature drawing.

В последние десятилетия произошли существенные изменения в исследовании языковых явлений – от преимущественно грамматического подхода исследователи перешли к комплексному подходу, включающему в себя элементы психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, а также лингвопрагматики, которая является одним из наиболее перспективных направлений современной лингвистики.

Лингвопрагматика изучает широкий круг вопросов, но мы остановимся на интерпретации высказывания реципиентом и выведении смысла в процессе акта коммуникации. Согласно теории релевантности английских психологов Д. Спербера и Д. Вильсона [1] образование и понимания смысла высказывания есть процесс выведения, или интерпретации, смысла. Интерпретация проходит в несколько этапов, каждый из которых связан с подразумеванием, иначе говоря, на всех этапах формирования смысла высказывания присутствует так называемый имплицитный смысл. Это не выраженный явно, но подразумеваемый смысл, который создается при взаимодействии языковых единиц высказывания с компонентами когнитивной среды. Само высказывание можно рассматривать как речевой стимул, привлекающий знания из когнитивной среды для образования смысла [2].

Наличие в высказываниях имплицитного, подразумеваемого смысла является одной из основных характеристик процесса вербальной коммуникации. Современный подход рассматривает имплицитный смысл как сложное многоуровневое семантическое образование, которое складывается из пресуппозиций, конкретно-контекстуального смысла и импликатуры высказывания.

Объектом нашего исследования, которое основывалось на материале татарских художественных текстов, являются импликатуры. **Импликатура** – это имплицитный смысл высказывания, т. е. дословно не выраженный в высказывании информационный комплекс, который извлекается в результате смыслового вывода (импликации) с привлечением дополнительных элементов из когнитивной среды, другими словами, фоновых знаний. Цели исследования – рассмотреть различные и различные аспекты, связанные с понятием импликатуры: вывод импликатуры, разновидности импликатур, статистика их употребления в языке.

Чтобы коммуникативный акт успешно состоялся, нужно, чтобы реципиент высказывания сумел извлечь из выраженного содержания конкретно-контекстуальный смысл и импликатуру. Отметим, что условие извлечения из высказывания импликатуры является не единственным. Прежде всего, должны соблюдаться постулаты, сформулированные философом языка Г. П. Грайсом в работе «Логика и речевое общение» [3]. Это принципы Кооперации, Количества, Качества, Отношения и Способа, которые являются необходимыми предпосылками для успешности коммуникативного акта. Но все же главным условием является вывод реципиентом импликатуры.

Поясним процесс извлечения конкретно-контекстуального смысла и импликатуры на примере. Америкага... кайчан да булса килеп чыга алырмын дигэн уй башыма кереп чыкмады. Бездэ шундый мәкаль бар – мрганына карап аяк сузасын (Ф. Яруллин. Яралы язмышлар. 182 б). Никогда не думала, что приеду сюда сама. У нас есть такая поговорка: по одежке протягивай и ножки. (Пер. Г. Магдеевой). Семантизация высказывания осуществляется с привлечением пресуппозиций – как языковых знаний (лингвистические пресуппозиции), так и знаний о мире (экстралингвистические пресуппозиции, например Америка) и т. д. Конкретно-контекстуальный смысл подчеркнутой фразы выводится из значения фразеологической единицы: Нужно жить по средствам. Тогда импликатура высказывания такова: Героиня повести не думала, что поедет когда-нибудь в Америку, потому что ей это было не по средствам.

Если говорить о термине «импликатура», то данное понятие (implicature) восходит к трудам П. Г. Грайса, который подразделял импликатуры на **конвенциональные** (выводимые из значений используемых слов) и **коммуникативные** (из знания контекста) [4].

В своей работе «Логика и речевое общение» П. Г. Грайс отмечал, что из одного и того же высказывания может быть выведено несколько импликатур. Выведение импликатур зависит как от объективных факторов (наличие определенных фоновых знаний), так и субъективных (способность реципиентов высказывания вывести импликатуру).

Импликатуры высказывания могут классифицироваться в соответствии с разными принципами: по виду передаваемой информации, по способу возникновения, по их роли в структуре глобального смысла высказывания, по их связям с другими частями смысла высказывания. Будем придерживаться классификации, предложенной известным специалистом по переводу В. Н. Комиссаровым, который делит импликатуры на виды, исходя из связей между общим содержанием высказывания и выводимым из него имплицитным смыслом [5].

Мы полностью разделяем его мнение о том, что существуют **общекоммуникативные** и **контекстуальные** импликатуры, которые соответствуют двум видам имплицитности: первый связан с языковым содержанием высказывания, а второй – с его индивидуально-контекстуальным содержанием.

Приведем пример общекоммуникативной импликатуры. В любом контексте постучать или покрутить пальцами у виска будет означать указание на человека со странностями – как в татарском, так и в русском языке: ...Кер, пнимаетели, биологиягэ. Бераз тегелэйрэк кешесе (директор имэн бармагы белэн чигедэн эстэрэк башына тукып курсэтте), но как специалист – көчле. ... Зайди, понимаете ли, на биологию. Немного странный человек (директор указательным пальцем постучал чуть выше виска), но как специалист – сильный. (М. Магдеев. Фронтовики. Пер. Е. Леваковской). Итак, общекоммуникативные импликатуры сохраняют имплицитный смысл независимо от контекста и ситуации.

Рассмотрим второй тип импликатур – контекстуальный. Выведение контекстуальных импликатур объясняется тем, что в конкретном контексте любое высказывание может приобретать дополнительный смысл. В качестве примера рассмотрим следующий отрывок:

- Казанга еракмы соң?
- Ерак түгел! Ике сәгатьтән анда булабыз.
- Ике сәгать?
- Аннан да алда барып булмый. **Расписание** (А. Гыйләҗев. Әч аршин җио. 9 б).
- А далеко до Казани?
- Часа через два будем.
- Два часа?
- Раньше никак. **Расписание.** (Пер. И. Гизатуллина).

Импликатура выделенного высказывания, которая выводится с привлечением фоновых знаний: *Поезд должен соблюдать расписание.*

Если исходить из соотношения между общим смыслом и импликатурой высказывания, то можно выделить три вида таких отношений, как это делает В. Н. Комиссаров: **реальные** (предметные), **логические** и **конвенциональные**. Последние он, в свою очередь, подразделяет на *символические*, *этикетные* и *образные* [6].

Часто имплицитный смысл основывается на предметных связях между объектами, которые позволяют установить тождество между описываемой и подразумеваемой ситуациями. Это тождество коммуниканты устанавливают исходя из своего жизненного опыта, т. е. когнитивной базы [7]. Например, повернуть ключ обычно означает закрыть или открыть дверь, нажать на тормоз означает остановить машину и т. д. Рассмотрим следующий пример: Йорт алдындагы бэлэкэй генэ бакчада, буявы уңган эскамияда жемедэп торган түгэрэк а к сакакллы, сул жинен чалбарына кустырган берэү утыра иде (А. Гыйлэжев. Өч аршин жир. 72 б). В небольшом садике перед домом на зеленой полинявшей скамейке сидел старик с круглой, поблескиваюоей серебром бородкой. Его левый пустой рукав был заткнут за пояс брюк. (Пер. И. Гизатуллина).

Между эксплицитным и имплицитным смыслом могут существовать также **логические** связи, приводящие коммуникантов к установлению логических выводов из высказывания:

- Мине югалттыңмы? диде егет.
- <u>Югалтыр өчен башта табарга кирәк</u>, диде кыз (Н. Гыйматдинова. Парлы ялгыз. 103 б).
- Ты меня не потеряла? спросил парень.
- <u>Чтобы потерять, надо сначала найти</u>, ответила девушка. (Пер. Ф. Ситдиковой). Логический вывод из данного шутливого высказывания состоит в следующем: девушка утверждает, что не скучала и не думала о молодом человеке.

Конвенциональные связи между имплицитным и эксплицитным смыслом существуют в случае, когда высказывание служит для обозначения ситуации, которая в силу разных причин не называется прямо.

Как упоминалось выше, конвенциональные импликатуры могут быть символическими, образными и этикетными. Символические импликатуры чаще всего бывают связаны с описанием поведения человека, его жестов и мимики, т. е. кинем, набор которых специфичен для каждой лингвокультурной общности [8]. Например, кивнуть и помотать головой для носителя русского языка означает соответственно утверждение и отрицание, а для болгарина – наоборот. Пример символической импликатуры: Мирвали кызга ияк какты да Шэмсиягаянга төкэлде (А. Гыйлэжев. Өч аршин жир. 26 б). Мирвали кивнул девушке и посмотрел на жену. (Пер. И. Гизатуллина).

Импликатуры могут возникать на основе образного значения высказывания, которое выводится из ситуации общения и контекста. Приведем пример образной импликатуры. Узе өзгеч эчкертен сагыш бегөп аны Бәлкыйс дә тәбрикләде. Менә бит, Бәлкыйс монда аннан алданрак килген иде. Э Нәркиснең килгәне нибары алты-җиде ай. Карточкаң бер аска кумелеп калса. аны беркем эзләп калмый инде. (М. Мәьдиев. Фронтовиклар). Скрывая внутреннюю горечь, поздравила ее <с замужеством> и Балькис Вот ведь как, Балькис приехала сюда гораздо раньше, а Наркис в Акбалыке всего лишь шесть-семь месяцев. Конечно, если карточка залежалась в ящике картотечного ящика карточка символизирует судьбу уже немолодой учительницы, которая не смогла вовремя создать семью

В некоторых ситуациях по соображениям этикета коммуникантам приходится использовать эвфемизмы из-за невозможности передавать определенный смысл прямо, буквально. Такие связи между общим смыслом и импликатурой называются этикетными. Например, говоря о смерти, многие народы используют различного рода эвфемизмы, как это происходит в следующем примере: Мансурны юлдан алырга дигэн ныклы карарга килде Сэет. Ысулы бер генэ... "Ожмахка озату" (Т. Галиуллин. Тәүбә. 137 б). Саит пришел к твердому убеждению убрать с дороги Мансура. Способ один – «отправить в рай» (Пер. Ф. Ситдиковой).

Итак, мы рассмотрели различные виды импликатур в зависимости от связи между общим смыслом и имплицитным значением высказывания.

В нашем исследовании, основанном на языковых примерах из татарской художественной прозы, было выявлено 200 импликатур, относящихся к разным типам. Результаты исследования, в том числе и количественные, изложены ниже.

Выводы

- 1. Для успешности речевого акта, помимо выполнения постулатов Грайса, одним из главных условий является выведение реципиентом высказывания импликатуры. Воспринимая высказывание, реципиент извлекает не только значение языковых единиц, но с помощью ситуации, контекста и когнитивной базы извлекает невыраженную явно, дополнительную информацию, заложенную в высказывании *импликатуру*.
- 2. Импликатуры высказывания делятся на *общекоммуникативные* и *контекстуальные*. Наше исследование показало, что количественно преобладают контекстуальные импликатуры. Из 200 отобранных в оригинальных текстах импликатур контекстуальные составляли 73% и лишь 27% были общекоммуникативными.
- 3. Если исходить из соотношения между общим смыслом и импликатурой высказывания, то импликатуры подразделяются на *предметные, логические и конвенциональные* (сюда входят *символические, образные и этикетные*). В результате нашего исследования больше всего было выявлено образных импликатур (53%), что, очевидно, объяснялось материалом исследования текстами художественной прозы. На втором месте по количеству были логические (28%), далее символические(8%), предметные (6%) и этикетные (5%).

Примечания

- 1. Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson // Meaning and Interpretation. Oxford, 1986. P. 43–75.
 - 2. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 9.
- 3. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- 4. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. V. 3 / ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y.: Academic Press, 1975. P. 43.

- 5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: курс лекций. М.: ЭТС, 1999. 190 с.; Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2002. 420 с.
- 6. *Комиссаров В. Н.* Сопоставительно-переводческий анализ имплицитного смысла высказывания // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного: сб. науч. трудов / АН СССР, Ин-т языкознания; редкол.: А. М. Шахназарович и др. М.,1991. С. 89–91.
 - 7. Кашичкин А. В. Указ. соч. С. 39.
 - 8. Там же. С. 40.

Источники

Оригиналы:

- 1. Бәширов Г. Намус: роман / Г. Бәширов. Төз. 2 басма. Казан: Татгосиздат, 1951. 448 б.
- 2. Галиуллин Т. Тәүбә: роман, хикәяләр / Тәлгат Галиуллин. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1997. 240 б.
 - 3. Гыйлэжев, А. М. Жомга көн, кич белән...: Повестьләр / А. М. Гыйлэжев. Казан, 1982. 360 б.
- 4. *Гыйматдинова Н.* Парлы ялгыз: Повестьлэр, хикэялэр / Нәбирә Гыйматдинова. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. 191 б.
- 5. *Еники Ә.* Сайланма әсәрләр. 2 томда / Әмирхан Еники; Төз.: Ә. Мотыйгуллина, Ф. Хисаметдинова. 2 т. Казан: Тарих, 2002. 2 т. 416 б.
 - 6. Еники Ә. Жиз кыңгырау: хикэяләр / Әмирхан Еники. Казан, 1995. 224 б.
 - Ибранимов Г. Тирэн тамырлар: Әсәрләр. 8 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 3 т. 455б.
 - 7. Ибраћимов Г. Тирэн тамырлар: Әсэрлэр. 8 томда. Казан: Татар. кит. нэшр., 1975. 3 т. 4556.
- 8. *Мәндиев М.* Сайланма әсәрләр. 3 томда / М. Мәhдиев. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1996. 2 т. Фронтовиклар. 567 б.
 - 9. Яруллин Ф. Яралы язмышлар / Фәнис Яруллин. Казан: Рухият, 2000. 440 б.

Переводы:

- 10. Ибрагимов Г. Глубокие корни: романы / пер. с татар. Р. Фаизовой. М.: Сов. Россия, 1987. 363 с.
- 11. *Магдеев М.С.* Фронтовики (Большая земля под крылом): роман / пер. с татар. Е. Леваковской. 2-е изд. Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 304 с.
 - 12. Еникеев А. Н. Глядя на горы: повести и рассказы. М.: Современник, 1974. 379 с.
 - 13. Гилязов А. Три аршина земли: повести. М.: Сов. Писатель, 1987. 446 с.
 - 14. Баширов Г. Б. Честь: Роман / пер. с татар. Р.Фаизовой. М.: Сов. Россия, 1988. 527 с.
- 15. Галиуллин T. Петля: романы / пер. с татар. Ф. Ситдиковой, Ф. Фаизова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. 479 с.
- 16. Γ иматдинова Н. Одиночество вдвоем: повесть / пер. с татар. Ф. Ситдиковой // Идель. 2005. № 2. С. 2–13; № 3. С. 2–21.

Notes

- 1. Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and Cognition / D. Sperber, D. Wilson // Meaning and Interpretation. Oxford, 1986. Pp. 43-75.
 - 2. Kashechkin A.V. [Implicity in the context of translation: dis. ... Cand. Philology]. M. 2003. P.9.
- 3. Grice G. P. *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and verbal communication.] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* New in foreign linguistics: is. 16. Linguistic pragmatics. M. Progress. 1985. Pp. 217-237.
- 4. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and semantics. V. 3 / ed. by P. Cole and J. L. Morgan, N. Y.: Academic Press, 1975. P. 43.
- 5. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie: kurs lekcij* [Modern translation: a course of lectures]. M. ETS. 1999. 190 p.; Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie* [Contemporary translation studies: tutorial]. M. ETS. 2002. 420 p.
- 6. Komissarov V. N. *Sopostavitel'no-perevodcheskij analiz implicitnogo smysla vyskazyvaniya* [Comparative analysis of the translation of implicit meaning of the statement] // *Lingvisticheskie i metodicheskie problemy prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo: sb. nauch. trudov* Linguistic and methodological problems of teaching Russian as a foreign language: collection of scientific papers / AS SSSR, In-t of linguistics; editorial board: Shakhnazarov A. M. etc. M. 1991. Pp. 89-91.
 - 7. Kalichkin V. A. Op. cit. P. 39.
 - 8. Ibid. P. 40.

Sources

The originals:

- 1. Bəshirov G. Намус: роман / Bəshirov G. Төз. 2 басма. Kazan. Tatgosizdat. 1951. 448 р.
- 2. Galiullin T. Тәубә: роман, хикәяләр / Təlgat Galiullin. Kazan. Татарстан китап нәшрияты. 1997. 240 р.
- 3. *Gyjlaжev A.M.* Жомга көн, кич белән...: Повестьлэр / *Gyjlaжev A.M.* Kazan. 1982. 360 р.
- 4. *Gyjmatdinova N.* Парлы ялгыз: Повестьләр, хикәяләр / *Nəbirə Gyjmatdinova*. Kazan. Татарстан китап нәшрияты. 2003. 191 р.
- 5. Eniki Ә. Сайланма әсәрләр. 2 томда / Əmirhan Eniki; Төз.: Ә. Motyjgullina, F. Hisametdinova. 2 vol. Kazan. Tarikh. 2002. 2 vol. 416 p.

6. Eniki Ə. Is kyru: hiker / Əmirhan Eniki. Kazan. 1995. 224 p.

Ibraimov G. Тирэн тамырлар: Әсәрләр. 8 tomd. Kazan: Татар. кит. нәшр. 1975. 3 vol. 455 р.

- 7. Ibraimov G. Тирэн тамырлар: Әсэрлэр. 8 tomd. Kazan: Татар. кит. нэшр. 1975. 3 vol. 455 p.
- 8. Məndiev M. Сайланма эсэрлэр. 3 vol. / Məndiev M. Kazan. Татар. кит. нэшр. 1996. 2 vol. Frontoviklar. 567 р.
- 9. F. Yarullin Яралы язмышлар / Fenis Yarullin. Kazan. Ruchiat. 2000. 440 р.

Translations:

- 10. Ibragimov G. *Glubokie korni: romany* [Deep roots: novels] / translated from Tatar R. Faizova. M. Sov. Russia. 1987. 363 p.
- 11. Magdeev M. S. *Frontoviki (Bol'shaya zemlya pod krylom): roman* [Veterans (Most of the land under the wing): a novel] / translated from Tatar E. Levakovskaya. 2nd publ. Kazan: Tatar publishing house. 1983. 304 p.
- 12. Enikeev A. N. *Glyadya na gory: povesti i rasskazy.* [Looking at the mountains: stories and tales]. M. Sovremennik. 1974. 379 p.
 - 13. Gilyazov A. Tri arshina zemli: povesti [Three feet of earth: a novel] M. Sov. Pisatel. 1987. 446 p.
 - 14. Bashirov G. B. CHest': Roman [Honor: a novel] / translated from Tatar R. Faizova. M. Sov. Russia. 1988. 527 p.
- 15. T. Galiullin *Petlya: romany* [Loop: novels] / translated from Tatar F. Sitdikova, F. Faizova. Kazan. Tatar. publishing house. 1999. 479 p.
- 16. Gimatdinova N.*Odinochestvo vdvoem: povest'* [Loneliness together: a novel] / translated from Tatars F. Sitdikova // Idel. 2005, No. 2, pp. 2-13; No. 3, pp. 2-21.

УДК 81'22

Е. А. Должич

Научный текст как поле пересечения различных дискурсов

Статья посвящена актуальной проблеме изучения механизмов построения испанского научного текста через понятие интердискурса, что отвечает новым тенденциям развития лингвистической науки и собственно испанской лингвистики.

Целью данной работы является анализ испанского научного текста как результата актуализации интердискурсивных связей и изучение специфики функционирования данных связей в испанской академической сфере общения. Организация академического текста как научная проблема представляет сложный комплекс вопросов, который требует всестороннего обсуждения и междисциплинарного подхода. Эпиграф, интегрированный в научный текст, четко отделен от собственно авторского слова и, как правило, принадлежит к другому типу дискурса. Такая эксплицированная цитата характеризует пространственно-временную организацию испанских научных произведений и обладает сильным эффектом воздействия. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что научный текст является результатом взаимодействия различных дискурсов.

В качестве материала исследования использованы тексты испанских научных статей и диссертаций. Основными методами исследования стали ведущие для современной лингвистики дискурсивный и коммуникативный подходы, способствующие достижению поставленной цели работы.

This paper deals with scientific text building mechanisms through the concept of interdiscursivity on material of Spanish language and aims to analyze a scientific text as a result of interdiscourse relations.

Exploration of the interdiscourse relations in Spanish scientific text is particularly relevant in terms of contemporary general linguistic development and in terms of the actual Spanish linguistics.

The scientific problem of academic text organization is a complex set of issues that requires discussion and an interdisciplinary approach. The epigraph, integrated into a scientific text, clearly separated from the actual words of the author as an explicate quote, characterizes the spatial and temporal organization of Spanish scientific text and has a strong impact effect. The conclusion of the research paper is that a scientific text is a result of discourse interaction.

The material used in the article is from Spanish scientific articles and theses. The main research methods followed are discourse and communicative approaches.

Ключевые слова: научный текст, интердискурсивность, интертекстуальность, эпиграф.

Keywords: scientific text, interdiscursivity, intertextuality, epigraph.

Дискурсивность является одним из свойств текста и соотносит его с другими текстами того же типа дискурса. Интердискурсивность, отражая взаимодействие различных систем знания,

© Должич Е. А., 2015

__

культурных кодов, характеризуется намеренным использованием в продуцируемом тексте структурных и лексико-семантических особенностей иных типов дискурса.

В рамках нашего исследования эпиграф рассматривается в качестве фрагмента иного дискурса, влияющего на восприятие и интерпретацию принимающего дискурса.

Особенностью пространственной организации испанских научных произведений является присутствие во многих из них, вне зависимости от отрасли знаний, эпиграфа. В научном тексте эпиграф, будучи маловероятным, воспринимается как заимствованный из художественной литературы прием и поэтому обладает сильным эффектом воздействия.

Анализ отношений в системе «эпиграф – текст под эпиграфом» приводит к пониманию эпиграфа как важнейшего средства выражения образа автора. В выборе эпиграфа проявляется авторское «я», свидетельствующее о его литературных вкусах, ассоциациях, тезаурусе, отношении к содержанию эпиграфа и к его создателю. Автор научного текста, опираясь на интертекстуальную компетенцию в литературно-художественной области, удачно использует в прагматических целях цитаты из других дискурсов. Употребление элементов экспрессии в текстах научного дискурса вызывает у читателя живой интерес, делает интереснее научное изложение.

И. В. Арнольд считает, что в сознании отдельной личности существует тезаурус – «своеобразный словарь усвоенных текстов», в котором отражаются знания индивида о различных явлениях культуры. Данный тезаурус выступает в роли медиатора между автором произведения и читателем, осуществляя «взаимодействие между текстом, обладающим смысловой структурой, и тезаурусом читателя» [1].

Проведенный анализ текстов диссертационных работ и научных статей, стремящихся завоевать внимание, интерес и уважение к работе, убедить читателя в оригинальности исследования, подтвердил такое представление о функциях и формах научного дискурса.

Хавьер Бенайас дель Аламо, преподаватель кафедры экологии Автономного Университета Мадрида и координатор Программы докторантуры, в своей работе «Рекомендации по написанию диссертации» советует начинать каждую новую главу диссертации с цитаты известного автора: «Suele ser interesante comenzar cada capítulo con una cita de algún autor de relevancia» [2].

В процессе исследования испанских научных произведений нам удалось выделить следующие категории эпиграфов в соответствии с их принадлежностью к тому или иному дискурсу:

1. Современный научный дискурс

Эпиграфом в данном случае служат высказывания авторитетных ученых:

"There is not one correct way to do ecology. Mathematical models, model ecosystems, field manipulation experiments and the search for large-scale patterns are all valid approaches, and all have their strengths and weaknesses" – John Lawton, OIKOS 75: 145–147, 1996 [3].

«Нет единственно правильного способа заниматься экологией. Математические модели, образцовые экосистемы, эксперименты и манипуляции в этой области, поиск крупномасштабных образцов – все это верные подходы, и у всех у них есть свои сильные и слабые стороны». Джон Лоутон, эколог, председатель Британской Королевской комиссии по проблемам загрязнения окружающей среды.

Необходимо отметить, что включение эпиграфа на английском языке отражает процесс взаимодействия мировоззрений в универсальном когнитивном пространстве.

По мнению И. В. Арнольд, сжатость эпиграфа обусловливает его синтезирующую функцию по отношению к основному тексту [4]. Синтезирующая функция рассматриваемых эпиграфов состоит в том, что выделенные его элементы являются основными показателями содержащихся в последующем тексте смыслов, о которых эпиграф предварительно сообщает читателю, влияя, таким образом, на его интерпретацию. С нашей точки зрения, рассматриваемые эпиграфы по отношению к последующему тексту выполняют эйдологическую (идейно-тематическую) функцию, поскольку их основная идея заставляет реципиента задуматься о тех вопросах, которые далее поднимает автор научного произведения.

2. *Философский дискурс* – в качестве эпиграфа используются афоризмы, изречения древних мыслителей, например:

"Aprender sin pensar es inútil, pensar sin aprender es peligroso". Confucio [5].

«Учение без размышления бесполезно, а размышление без учения опасно». Конфуций

3. *Поэтический дискурс* – в научное произведение вводятся фрагментарные цитаты из поэтических текстов-источников:

"Caminante, no hay camino, se hace camino al andar". Antonio Machado [6].

«Путник, нет впереди дороги, ты торишь ее целиной». Антонио Мачадо

Вследствие взаимодействия текстов, то есть интертекстуальности и шире – дискурсов, то есть интердискурсивности, читатель-интерпретатор в процессе осмысления содержания научно-

го текста будет мысленно возвращаться к эпиграфу, чтобы проанализировать излагаемые результаты научного исследования сквозь призму событийного и социокультурного контекста высказывания, использованного в качестве эпиграфа. Стилистическая окраска эмоциональных элементов в научной литературе выступает особенно контрастно на общем фоне логических, объективных форм оценки, квалификации предметов и явлений материального мира.

4. Религиозный дискурс

Приведем пример того, как функционирует библейский интертекст в научном произведении. В одной из статей, опубликованных в научном журнале по географии Университета Аликанте, была выявлена цитата-эпиграф из религиозного дискурса наряду с цитированием испанского философа и писателя Хосе Ортеги-и-Гассета:

«La verdad os hará libres». Jesús de Galilea, según el *Evangelio de San Juan*, 8, 32; «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Новый Завет >Книга От Иоанна > Глава 8 > Стих 32

«Estamos entregados a nosotros mismos; nadie nos protege ni nos dirige. Si no tenemos confianza en nosotros, todo se habrá perdido». José Ortega y Gasset [7].

«Мы предоставлены сами себе, – никто нас не защищает, никто не направляет. Если у нас нет доверия к себе – все, видимо, потеряно». Хосе Ортега-и-Гассет

В данном случае совершенно оправданно параллельное включение цитат из религиозного и философского дискурсов, так как в предлагаемой вниманию читателя научной статье автор выясняет, действительно ли между религией и наукой имеются противоречия во взглядах на события Великого потопа. Библия – это целый мир идей и образов, целый организм, впитавший в себя множество традиций, ее критика либо приятие означают научное исследование. Для решения поставленного вопроса применяется сравнительно-аналитический метод. Он заключается в анализе и сопоставлении библейских текстов с современными научными данными.

Используя цитату из философского дискурса, исследователь подчеркивает свое стремление к рациональному восприятию действительности. Содержащиеся в тексте эпиграфа смыслы согласуются либо вступают в противоречие со смыслами последующего текста, что является особым приемом автора статьи, который, таким образом, воздействует на сознание читателя, противопоставляя в рамках взаимодействующих текстов мнения и события, высказанные и произошедшие в разное время, но вступающие в диалогические отношения.

В работах испанских ученых отмечается творческий подход к описанию исследования, яркая выраженность авторского стиля, эмоциональность и образность изложения, использование элементов юмора и иронии.

Таким образом, в испанском научном дискурсе эксплицируются личностные координаты субъекта авторской речи, ведущего диалог с предполагаемым адресатом. В структурах чужой речи находит своё отражение интерпретационная деятельность автора, направленная на воспроизведение авторских оценочных позиций.

В пятидесяти проанализированных текстах диссертаций нами были выявлены эпиграфы в 35% научных работ, основная доля которых приходится на диссертации, защищенные по таким отраслям знаний, как экология, физика и биология.

Эпиграфы, включенные в диссертации, представлены на испанском и английском языках, что свидетельствует о приоритетности владения английским языком для успешного вхождения в иноязычную культуру и информационную среду мирового научного сообщества.

Итак, эпиграф – цитата из текста-источника, момент выбора которого предполагает его включение в систему другого текста, поэтому эпиграф, сохраняя самостоятельность, в то же время становится частью «чужого» текста и взаимодействует с каждым из его компонентов. Эпиграф изначально маркирован как «свое – чужое» слово. С одной стороны, он интегрирован в авторский текст, а с другой – четко отделен от собственно авторского слова как откровенно инородный элемент, как эксплицированная цитата, сохраняющая очевидную связь со своим источником.

Научный текст отражает диалог разных картин мира, культурных позиций, не совпадающих во времени и пространстве научных мнений. Научный текст как взаимодействие разных идей и точек зрения, переплетение разных культур представляет собой результат взаимодействия различных дискурсов.

Эпиграф выдвигает на первый план особо важные элементы содержания и сообщает читателю об авторском отношении к проблеме, привлекает внимание читателя с целью заинтересовать его в проделанной работе, обеспечивает непрерывный диалог различных авторов, текстов и, в целом, культур.

Эпиграф создает коммуникативное пространство научного текста и определяется этим коммуникативным пространством, он рассматривается как текстологическая единица, носящая характер кодирования смысла в тексте, что позволяет вскрыть механизм, посредством которого

эпиграф влияет на понимание смысла следующего за ним текста. Основной его функцией является диалогизирующая: эпиграф – один из способов введения в текст иной, неавторской точки зрения. Автономность эпиграфа поддерживается его позицией – он предваряет текст – и графическим оформлением.

Через эпиграфы автор открывает внешнюю границу текста для интердискурсивных связей, раскрывая тем самым внутренний мир произведения. Эпиграф действует в тексте, согласуется с ним, ассимилируется, но полностью не растворяется в новом тексте.

В трудах представителей испанского научного сообщества использование эпиграфа является одним из основных признаков элитарной речевой культуры, т.е. показателем высокого уровня владения речью.

Примечания

- 1. Арнольд И. В. Проблемы интертекстуальности // Вестник С-Петерб. ун-та, Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. Вып. 4 (№ 23). 1992. С. 53–61.
- 2. Benayas del Alamo, Javier. La Investigación en educación ambiental. Madrid, 2003. 176 p. URL: http://www.redfia.net.gt/biblioteca-virtual/14-ministerio-de-ambiente-de-espana
- 3. *Barrasa García, Sara*. Tesis doctoral "El Paisaje en America Latina. Experiencia de valoración participada de paisajes visuales para la planificación ambiental de La Habana Cuba". Universidad Autónoma de Madrid. Facultad de Ciencias.Madrid, 2007.
- 4. Арнольд И. В. Герменевтика эпиграфа // Слово высказывание дискурс: междунар. сб. науч. статей / под ред. А. А. Харьковской. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. С. 8−15.
- 5. Jiménez Villacorta, Félix. Tesis doctoral "Sistemas magnéticos granulares en láminas delgadas de hierro preparadas por sputtering". Universidad Autónoma de Madrid. Facultad de Ciencias. Madrid, 2007.
- 6. Seoane Pinilla, Javier. Tesis doctoral "Cartografía predictiva de la distribución de aves terrestres: un estudio piloto en Andalucía occidental". Universidad Autónoma de Madrid. Facultad de Ciencias. Madrid, 2004.
- 7. *Ayala-Carcedo Francisco J.* Las ciencias de la Tierra y la Biblia: una aproximación desde la razón científica / Investigaciones geográficas / ISSN 0213-4691, Nº 34, 2004, pags. 101–140.

Notes

- 1. Arnold I. V. Problems of intertextuality / I.V. Arnold // Vestnik of Saint-Petersburg University, Series 2. History. Linguistics. Literary studies. Issue 4 (№ 23). 1992. P. 53–61.
- 2. Benayas del Alamo, Javier. Investigation in environmental education. Madrid, 2003. 176 p. URL: http://www.redfia.net.gt/biblioteca-virtual/14-ministerio-de-ambiente-de-espana
- 3. Barrasa García, Sara. Doctoral dissertation "Landscape in Latin America. Experience in evaluation of visual landscapes for environmental planification in Havana-Cuba". Autonomous University of Madrid. Faculty of Science. Madrid, 2007.
- *4. Arnold I.V.* Hermeneutics of epigraph // Word statement discourse: international collection of scientific papers / under the editorship of A. A. Kharkovskaya. Samara: published by «University of Samara», 2004. P. 8–15.
- 5. Jiménez Villacorta, Félix. Doctoral dissertation "Magnetic granular systems in taggers prepared by sputtering". Autonomous University of Madrid. Faculty of Science. Madrid, 2007.
- 6. Seoane Pinilla, Javier. Doctoral dissertation "Predictive cartography of terrestrial birds distribution: pilot research in Western Andalucía". Autonomous University of Madrid. Faculty of Science. Madrid, 2004.
- 7. Ayala-Carcedo Francisco J. The Science of Earth and the Bible: a scientific approach /geographical investigations/ ISSN 0213-4691, N° 34, 2004, p. 101–140.

УДК 801:821.161.1

Е. А. Процукович

Особенности реализации согласных в неродной речи билингвов (на материале русской речи селемджинских эвенков)

Целью настоящего исследования является описание и анализ проявлений фонетической интерференции в русской речи амурских эвенков. В статье рассматриваются русские согласные, реализованные дикторами-эвенками, носителями селемджинского говора. По результатам исследования в качестве наиболее устойчивых и распространенных черт русской речи носителей селемджинского говора эвенкийского языка можно отметить: произнесение одиночного мягкого щелевого согласного /s¹/ вместо консонантного сочетания /s¹t/ в позиции конца слова; произнесение имплозивных смычных согласных /t⁻/ и /k⁻/ в позиции конца слова; реализацию мягкой аффрикаты /tʃ²/ с долгой смычкой и кратким щелевым элементом; реализацию чистого

смычного согласного / $rac{t}{!}$ / на месте смычно-щелевой аффрикаты / $rac{t}{!}$ / а также замену фонемы / $rac{t}{!}$ / согласным / $rac{t}{!}$:/; шепелявость переднеязычных щелевых /s, s!/, а также замену щелевого согласного на двухфокусный / $rac{t}{!}$ /.

The article focuses on the results of the acoustic study of phonetic peculiarities of Evenki-accented Russian speech of bilingual Selemdzha Evenks. According to the research the most characteristic features of such speech are: the lack of quality reduction of vowels; the change of vowels order or replacing of vowels in Russian words in accordance with the Evenki law of the harmony of vowels; realization of a soft fricative $/s^i/$ instead of the consonant combination $/s^i/$ word-finally; replacing of the round-fricative consonants /s, $s^i/$ by flat-fricative ones; realization of implosive occlusive consonants $/t^i/$ and $/k^i/$ prepausally; realization of the occlusive consonant $/t^i/$ instead of the affricate $/t^i/$ and the replacing of the affricate by the fricative consonant $/t^i/$.

Ключевые слова: эвенкийский язык, русский язык, билингвизм, фонетическая интерференция, акустические характеристики, согласные фонемы, аллофоны фонем.

Keywords: the Evenki language, the Russian language, bilingualism, phonetic interference, acoustic characteristics, consonant phonemes, allophones.

В современном мире все большую значимость приобретают языковые контакты, связанные с территориальным и культурным взаимодействием людей. Одним из самых ярких проявлений межкультурной коммуникации, определяемой как «общение людей, представляющих разные культуры», стал билингвизм [1]. В ситуации билингвизма при любом языковом контакте возникает интерференция, под которой вслед за В. А. Виноградовым мы понимаем «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия» [2].

Целью настоящего исследования является описание и анализ проявлений фонетической интерференции в русской речи амурских эвенков.

Эвенкийский язык наряду с эвенским и негидальским языками относится к северной (тунгусской) подгруппе тунгусо-маньчжурской группы алтайской семьи языков и типологически близок к монгольским и турецким языкам. Согласно уточненной классификации говоров в эвенкийском языке выделяются три наречия, распадающихся более чем на 50 говоров [3].

Эвенкийский язык относится к парадигматически консонантным языкам с подавляющим преобладанием согласных в системе: в современном языке восемнадцать эвенкийских согласных фонем /p/, /b/, /t/, /d/, /t i /, /k/, /g/, /s/, /h/, /β/, /m/, /n/, /n i /, /l/, /r/, /j/, /η/ [4]. В зависимости от преобладания шума или голоса, шумные согласные (10 фонем) противопоставляются сонантам (8 фонем). Специфической чертой эвенкийского консонантизма является преобладание в его системе смычных по способу образования согласных (12 фонем) над щелевыми (5 фонем) и дрожащим (1 фонема). По активному речевому органу, участвующему в артикуляции, согласные делятся на губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, фарингальные. Оппозиция по глухости/звонкости/сонорности является системообразующей для консонантизма тунгусо-маньчжурских языков [5].

Экспериментальное исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, проводилось в несколько этапов. На первом этапе были получены записи интерферированной русской спонтанной речи в произнесении четырех дикторов, носителей селемджинского говора эвенкийского языка. Материал был записан во время экспедиции в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области. Следующим этапом работы явилась сегментация звукового лингвистического материала в программе обработки речевого сигнала PRAAT. Фонемы сегментировались из спонтанных реплик и кратких высказываний ручным способом при визуальном и слуховом контроле согласно принципам и правилам, изложенным в ряде работ [6].

На основе слухового анализа была составлена орфографическая версия и выполнено транскрибирование полученных стимулов с целью выявления ненормативных реализаций согласных фонем, возникающих в результате взаимодействия эвенкийского и русского языков. По результатам слухового анализа и подробной экспертной сегментации осуществлялся акустический анализ материала. Для инструментального исследования были выбраны фонемы /t/, $/t^i/$, /k/, /s/, /s/,

В ходе работы подтвердилось общее положение для большинства языков мира о наибольшей степени подверженности качественным модификациям в речи смычно-взрывных согласных фонем. По данным слухового анализа одной из самых частотных особенностей русской речи эвенков в области консонантизма является произнесение одного щелевого согласного /sⁱ/ вместо сочетания /sⁱtⁱ/ в позиции конца слова. Эллипсис смычно-взрывного согласного зафиксирован в 100% реализаций сегментов, оканчивающихся на /sⁱtⁱ/. Причиной упрощения группы согласных

является интерференция эвенкийского языка, в котором существует позиционное ограничение «на сочетание более двух согласных в середине слова и сочетание согласных в начале и в конце слова» [7]. Кроме того, законы дистрибуции, действующие в эвенкийском языке, ограничивают употребление фонемы /ti/ в позиции конца слова [8].

Другую группу широко распространённых фонетических особенностей русской речи эвенков, отмеченных в ходе слухового анализа, составляет реализация имплозивных согласных $[t^-]$ и $[k^-]$ в позиции конца слова. Имплозивные согласные считаются разновидностью взрывных, отличаясь от них отсутствием третьей фазы. Артикуляция глухих имплозивных смычных согласных характеризуется гортанной смычкой, которая реализуется одновременно со смычкой положенным активным органом в положенном месте образования при отсутствии взрывной фазы [9]. Настоящее исследование показало, что в русской речи эвенков реализация имплозивных аллофонов отмечается только в конце слова перед незаполненной паузой и обусловлена интерферирующим воздействием эвенкийского языка, в котором имплозивность согласных /t/ и /k/ «в абсолютном исходе слова можно отнести за счет вялости артикуляции» [10].

В системе консонантизма русского языка аффриката /tʃ³/ описывается как смычная переднеязычная шумная глухая двухфокусная. Как отмечается в работе А. М. Кузнецовой [11], длительность смычки при нормативном произнесении русского согласного /tʃ³/ составляет в разных позициях от 25 до 37% длительности всего согласного. Согласно данным, полученным в ходе работы, дикторы-эвенки в своей русской речи реализуют двухфокусную аффрикату /tʃ³/ только в 29% случаях. В 34% случаев спектральная картина показывает значительное сокращение длительности щелевого элемента (до 33%) относительно длительности смычки (67%), что соответствует реализации чистого или аффрицированного смычного /t³/. Произнесение щелевого согласного /ʃ³:/ вместо смычно-щелевого /tʃ³/ отмечено в речи всех информантов в среднем в 37% реализаций.

Согласно результатам слухового анализа весомую долю всех модификаций согласного /s/ составляет реализация его шепелявых аллофонов. Щелевые согласные по форме щели делятся на круглощелевые и плоскощелевые. Акустически различие между этими двумя типами заключаются в том, что круглощелевые согласные характеризуются высокой интенсивностью шума, а плоскощелевые – низкой интенсивностью [12]. Русский согласный /s/ является круглощелевым дорсальным. В фонологической системе же эвенкийского языка данный согласный описывается М. И. Матусевич как переднеязычный щелевой апикальный с плоской щелью. По данным исследователя, «такая форма щели дает акустически шумный щелевой, производящий впечатление сильно шепелявого /s/ [13]. Е. Ф. Афанасьева относит согласный /s/ к дорсальным, отмечая, что в начале слов и в середине между гласными в некоторых говорах данный звук имеет аллофон [s"] с оттенком шепелявости [14].

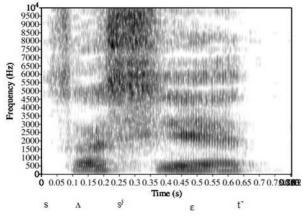
В русской речи селемджинских эвенков фонема /s/ представлена аллофонами [s] и [s]. Основной аллофон фонемы /s/ реализуется в среднем в 25% случаев, причем частотность реализации сильно варьирует в зависимости от диктора. Самую большую по частоте встречаемости группу составляют так называемые шепелявые аллофоны фонемы /s/ – [s]. Произнесение шепелявого согласного обусловлено заменой «более напряженных круглощелевых на менее напряженные плоскощелевые», что связано с интерференцией родного языка [15]. Кроме того, характер общей тенденции при реализации согласного /s/ носят замены круглощелевого согласного /s/ на двухфокусный /ʃ/.

Вследствие того, что в эвенкийском языке не бывает стечений согласных ни в начале, ни в конце слов, а внутри слов не бывает рядом более двух согласных, русские слова со стечением согласных подвергаются в русской речи эвенков различным изменениям [16]. Позиционное ограничение на сочетание более двух согласных приводит к появлению редуцированного гласного между рядом стоящими согласными ($\kappa[i]$ ровать, $\chi[\Lambda]$ ровосек, журав $[\epsilon]$ ль) либо к опущению одного из согласных ((3)наю).

На рис. 1 представлена сонаграмма слова «coced» перед паузой. По акустическим характеристикам согласный реализуется как глухой имплозивный [t 1]. Полоса импульсного шума от кратковременного взрыва /t/, которая должна захватывать как низко-, так и высокочастотные области спектра, отсутствует. Также не наблюдается в спектре шума от придыхания.

Сонаграмма смычного аффрицированного согласного /t[©]/, реализованного на месте аффрикаты /t[©]/, показана на рис. 2. В спектре согласного в слове «рябчик» четко выражены глухая смычка и полоса импульсного шума от взрыва. Отсутствие щелевой фазы после смычки свидетельствует о замене двухфокусной смычно-щелевой аффрикаты смычным переднеязычным со-

гласным. Мягкость согласного выражена в наличии высокочастотного турбулентного шума в области от 4300 Гц до 6500 Гц.

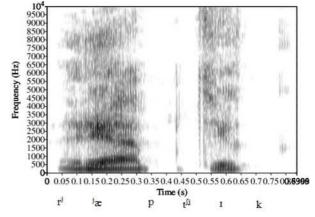

Рис. 1. Реализация слова сосед (D4)

Рис. 2. Реализация слова рябчик (D4)

Спектрограмма согласного, который был оценен как мягкий шепелявый [$s^{'i}$], представлен на рис. 3. Понижение верхней границы высокоинтенсивного шума в области 8000 Гц наряду с четко выраженными формантными областями, адаптированными к формантам гласного, свидетельствуют о реализации ненапряженного плоскощелевого согласного в слове «*кисть*». Анализ данной сонаграммы позволяет констатировать эллиптирование согласного $/t^i$ / в позиции конца слова: «следов» смычного взрывного $/t^i$ / на сонаграмме не обнаружено: фазы смычки не наблюдается, незаметно и характерной для $/t^i$ / полосы кратковременного шума от взрыва.

Более значительное понижение верхней границы шума щелевого согласного приводит к реализации двухфокусного щелевого согласного /ʃ/ на месте однофокусного /s/ (рис. 4). Спектр согласного, представленный на сонаграмме в слове «брусок», показывает, что составляющие турбулентного шума локализуются в среднечастотной области от 1200 до 7000 Гц. В данном примере представлена акустическая картина реализации глухого имплозивного согласного [k⁻]. На сонаграмме имплозивность обнаруживается благодаря отсутствию полосы импульсного шума от взрыва и шума от придыхания. В спектре согласного на некотором протяжении видны затемнения, говорящие о продолжении работы голосовых связок по крайней мере в начале произнесения [k⁻].

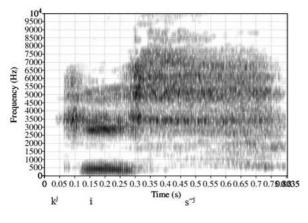

Рис. 3. Реализация слова кисть (D1)

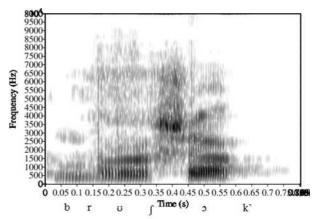

Рис. 4. Реализация слова брусок (D3)

Таким образом, результаты данного комплексного исследования позволили выявить обусловленные взаимовлиянием фонетических систем двух языков отклонения от русской произносительной нормы в речи носителей эвенкийского языка. Анализ модификаций, которым подверглись согласные фонемы русского языка в произнесении носителей эвенкийского языка, демонстрирует, что большинство изменений вызвано интерферирующим воздействием системы фонем эвенкийского языка, а также спецификой его артикуляционной базы. Перенесение артикуляционной базы эвенкийского языка на производство звуков русского языка создает акцент в речи эвенков-билингвов.

Примечания

1. Чиршева Г. Н. Введение в онтобилингвологию: [монография]. Череповец: Изд-во ЧГУ, 2000. С. 14.

- 2. Виноградов В. А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / науч. ред. совет изд-ва: Сов. энциклопедия, Ин-т языкознания АН СССР; гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 197.
- 3. *Булатова Н. Я.* Классификация говоров эвенкийского языка // Просвещение на Крайнем Севере. Л., 1984. Вып. 21. С. 81.
- 4. Матусевич М. И. Очерк системы фонем ербогоченского говора эвенкийского языка на основе экспериментальных данных // Ученые записки ЛГУ № 237. Серия филологических наук. Вып. 40. 1960. С. 134.
- 5. *Афанасьева Е. Ф.* Фонология и фонетика эвенкийского языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений спец. «Филология» / М-во образования и науки РФ, Бурят. гос. ун-т. [2-е изд., доп. и перераб]. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. С. 19.
- 6. Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка: учеб. пособие для вузов по направлению и спец. «Филология» / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб.: СПбГУ, 1998. 276 с.; Скрелин П. А. Сегментация и транскрипция / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб.: СПбГУ, 1999. 108 с.
- 7. Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология / отв. ред. В. И. Цинциус; АН СССР. Ин-т языкознания. М.; Л.: Наука, 1964. С. 144.
- 8. *Андросова С. В.* Слог как единица координации (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи). Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 75.
 - 10. Матусевич М. И. Указ. соч. С. 140, 147, 168.
- 11. *Кузнецова А. М.* Разновидности способа образования согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое исследование в области русской диалектологии / отв. ред. С. С. Высотский. М., 1977. С. 154.
- 12. Зиндер Л. Р. Общая фонетика и избранные статьи: [учеб. пособие для студ. филол. фак. вузов] / сост., вступ. ст. Л. В. Бондарко. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2007. С. 167.
 - 13. Матусевич М. И. Указ. соч. С. 151.
- 14. *Афанасьева Е. Ф.* Принципы классификации согласных фонем эвенкийского языка // Вестн. Чит. гос. ун-та. 2010. № 6(63). С. 18.
- 15. Фонетика спонтанной речи / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер [и др.]; под ред. Н. Д. Светозаровой; ЛГУ им. А. А. Жданова; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л.: Ленингр. ун-т, 1988. С. 135.
- 16. *Горцевский А. А.* Фонетические трудности при обучении эвенков (тунгусов) русскому языку / под ред. В. П. Андреевой-Георг. Л.: Изд-во Главсеморпути, 1939. С. 84.

Notes

- 1. Chirsheva G. N. *Vvedenie v ontobilingvologiyu: [monografiya]* [Introduction to ontobilinguistics: [monograph]]. Cherepovets. Publ. of Chuvash State University. 2000. P. 14.
- 2. Vinogradov V. A. *Interferenciya* [Interference] // Linguistic encyclopedic dictionary / scient. ed board of publ.: Sov. encyclopedia, Institute of linguistics of USSR Academy of Sciences; editor-in-chief V. N. Yartseva. M. 1990. P. 197.
- 3. Bulatova N. I. *Klassifikaciya govorov ehvenkijskogo yazyka* [Classification of the dialects of the Evenki language] // *Prosveshchenie na Krajnem Severe* Education in the far North. L. 1984. Is. 21. P. 81.
- 4. Matusevich M. I. *Ocherk sistemy fonem erbogochenskogo govora ehvenkijskogo yazyka na osnove ehksperimental'nyh dannyh* [Sketch of the system of phonemes of erbogochen dialect of Evenki language on the basis of experimental data] // *Uchenye zapiski LGU № 237* Scientific notes of Leningrad State University No. 237. Series in Philology. Is. 40. 1960. P. 134.
- 5. Afanasieva E. F. Fonologiya i fonetika ehvenkijskogo yazyka: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij spec. «Filologiya» [Phonology and phonetics of the Evenk language: textbook for students of the higher institutions spec. "Philology"] / Ministry of education and science of the Russian Federation, Buryat State Universit [2nd ed., add. and rev.]. Ulan-Ude. Publishing house of BSU. 2010. P. 19.
- 6. Bondarko L. V. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya vuzov po napravleniyu i spec.* «*Filologiya*» [Phonetics of modern Russian language: textbook for higher institutions and spec. "Philology"] / St. Petersburg State University. Spb. St. Petersburg State University. 1998. 276 p.; Skrelin P. A. *Segmentaciya i transkripciya* [Segmentation and transcription] / St. Petersburg State University. Spb. St. Petersburg State University. 1999. 108 p.
- 7. Konstantinova O. A. *EHvenkijskij yazyk. Fonetika. Morfologiya* [Evenki language. Phonetics. Morphology] / resp. ed. V. I. Cincius; USSR Academy of Sciences. Inst. of linguistics. M.; L. Nauka. 1964. P. 144.
- 8. Androsova S. V. *Slog kak edinica koordinacii (ehksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskoj spontannoj rechi)* [Syllable as a unit of coordination (experimentally-phonetic research on American material, spontaneous speech)]. Blagoveshchensk. Publishing house of ASU. 2010. P. 75.
 - 10. Matusevich M. I. Op. cit. Pp. 140, 147, 168.
- 11. Kuznetsova A. M. *Raznovidnosti sposoba obrazovaniya soglasnyh v russkih govorah* [Varieties of ways of making consonants in Russian dialects] // *EHksperimental'no-foneticheskoe issledovanie v oblasti russkoj dialektologii* Experimental phonetic research in the field of Russian dialectology / resp. ed. S. S. Vysotsky. M. 1977. P. 154.
- 12. Zinder L. R. *Obshchaya fonetika i izbrannye stat'i: [ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vuzov]* [General phonetics and selected papers: [tutorial for students of Philological departments of universities] / comp., preface V.

- L. V. Bondarko. 2nd iss., rev. and add. SPb.: Dep. of Philology. St. Petersburg State University; Moscow. Academiya. 2007. P. 167.
 - 13. Matusevich M. I. Op. cit. P. 151.
- 14. Afanasieva E. F. *Principy klassifikacii soglasnyh fonem ehvenkijskogo yazyka* [Principles for the classification of Evenki consonant phonemes of language] // *Vestn. CHit. gos. un-ta* Herald of Chita State University. 2010, No. 6(63), p. 18.
- 15. Fonetika spontannoj rechi The phonetics of spontaneous speech / L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaya, L. R. Zinder [et al.]; under ed. D. Svyatozarova; LSU named after A. A. Zhdanov; Leningrad State Univ. Named afer A. A. Zhdanov. Leningrad. Leningrad University. 1988. P. 135.
- 16. Gortsewski A. A. *Foneticheskie trudnosti pri obuchenii ehvenkov (tungusov) russkomu yazyku* [Phonetic difficulties in learning the Evenki (Tungus) Russian language] / ed. by V. P. Andreeva-Georg. L. Publishing house Glavsevmorputi. 1939. P. 84.

УДК 811.112.228

О. Н. Обухова, О. В. Байкова, А. В. Байкова

Языковая вариативность российских немцев Глазова (фонетический уровень)*

В настоящей статье представлены результаты комплексного исследования языка этнической общности российских немцев Глазова. В статье дается описание особенностей функционирования идиолектов российских немцев Глазова (Удмуртия) на фонетическом уровне. Предлагаемый материал отражает основные результаты полевых исследований, проведенных в городе Глазове и Глазовском регионе Удмуртской Республики. Анализ речи отдельных респондентов, описание ее особенностей на фонетическом уровне проводятся с учетом специфики речевого поведения респондентов, особенностей биографии, функционирования немецкого языка в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия). Стратегия исследования опирается на методы включенного наблюдения, свободной беседы, анкетирования.

This article presents the results of a comprehensive study of the language of the ethnic community of the Russian Germans of Glazov. The article describes the characteristics of the idiolects of Russian Germans in Glazov (Udmurutia) phonetically. The proposed material reflects the main results of the field studies carried out in Glazov and particularly in the region of Glazov (Udmurt Republic). The speech analysis of individual respondents and the description of speech features on the phonetic level takes into account the peculiatorities of the speech behavior of respondents, their biographies, functioning of the German language in the foreign language environment (bi-or multilingualism). The research strategy is based on participant observation methods, free conversation, and questioning.

Ключевые слова: российские немцы, этническая общность, идиолект, особенности функционирования диалекта, фонология.

Keywords: Russian Germans, ethnic community, ideolects, peculiarities of functioning of the dialect, phonology.

Сделанные во время диалектологических экспедиций (2007–2010 гг.) записи 11 информантов-дикторов, проживающих в городе Глазове, обнаруживают достаточно прочные знания родного языка – диалекта, поэтому при сборе диалектного материала мы сознательно ориентировались на представителей старшего поколения [1], ожидая от них наиболее высокого уровня языковой компетенции.

Из общего числа 5 информантов являются представителями старшего поколения, родившихся в украинских (4) и волжских колониях (1). Информанты-дикторы второй возрастной группы происходят из Казахстана (1), Удмуртии (2), Юга России (2), Азербайджана (1). К этой возрастной группе относятся 6 информантов-дикторов, родившиеся в период с 1935 по 1956 г. В диалектном отношении шесть информантов-дикторов тяготеют к южнонемецкому (Oberdeutsch) диалекту, а двое информантов-дикторов представляют нижненемецкие говоры (Niederdeutsch).

[©] Обухова О. Н., Байкова О. В., Байкова А. В., 2015

^{*}Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ и Правительства Кировской области, № 15-14-43002 «Немецкие островные диалекты Кировской области – особенности их функционирования в условиях иноязычного окружения».

Следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении диалектные материалы свидетельствуют о смешанном характере представленных в изучаемом регионе говоров. Это объясняется 1) изначально смешанным характером диалектов как материнских (Mutterkolonien), так и, в особенности, дочерних колоний (Tochterkolonien); 2) исключительно широким географическим диапазоном представленных в регионе немецких говоров; 3) сложностью личных судеб информантов-дикторов, прошедших путь от родного села в местах компактного проживания немцев (до 1941 г.), через насильственное переселение и связанные с ним места проживания в областях депортации (Сибирь, Северный Казахстан), где были представлены все немецкие диалекты, смешанные между собой, что было не характерно в предвоенное время, и, наконец, послевоенные миграции в совершено новые регионы расселения в азиатской части бывшего Советского Союза – на Урале, в Западной Сибири, в среднеазиатских республиках.

При рассмотрении основных явлений из области фонетики и их отражения в речи немецких поселенцев города Глазова мы будем исходить из фонетической системы немецкого языка средневерхненемецкого (далее – свн.) периода.

Методом прямого наблюдения нами было замечено, что большинство идиолектов исследуемого района характеризуются наличием второго перебоя согласных. В интервокальном положении и на конце слова после гласных p, t, k последовательно реализуются как спиранты: a) герм. p > двн., свн. ff: aof "auf", gšlo:fa "geschlafen"; б) герм. t > двн., свн. 33 (ss): vasar "Wasser", stra:za "Strasse", fi:za "Füsse"; в) герм. k > двн., свн. hh (xx): laectar "leichter", draezic "dreissig".

В начале слова и после согласных глухие взрывные p, t, k реализуются следующим образом: a) p > pf: pfefar "Pfeffer", pfin5ta "Pfingsten"; б) t > z (ts): tsvae "zwei", fuftsic "fünfzig".

В ряде случаев у российских немцев города Глазова была замечена сильная аспирация k в начальной позиции, что является чертой, характеризующей ряд швабских говоров: *khindər* "Kinder", *khamə* "kommen", *kherje* 'Kirche".

Однако в речи рассматриваемых информантов-дикторов города Глазова можно заметить и черты нижненемецких диалектов, что характеризуется отсутствием второго перебоя согласных и сохранением p, t, k во всех позициях: plat "Platz", zolt "Salz", pe:rd "Pferd".

Бесперебойное d, что характеризует диалекты нижненемецкого типа, наблюдается в отдельных лексемах y российских немцев города Γ лазова: mud
ightarrow r "Mutter", mark stad "Marxstadt". B остальных же лексемах наблюдается переход d > t: toxtar "Tochter", bletar "Blätter", tsaet "Zeit".

Не затронутые перебоем b и g в большинстве верхненемецких диалектов в начальном положении произносятся без участия голоса, но с меньшим напряжением, чем p, t, k, в результате чего происходит смешение: b и p; d и t; g и k, что характерно для речи наших дикторов.

Рассмотрению будут подвергаться следующие группы согласных: a) sl, sn, sm, sp, sw; b) st, rst; c) hs, ks; d) ns, nf; e) nd/nt, ld/lt (ср. Смирницкая, Баротов 1997: 69).

В группах согласных st, rst в середине и на конце слова $s > \check{s}$: st, rst $> \check{s}t$, ršt. Это явление широко представлено во многих верхненемецких диалектах, особенно в говорах швабского типа. В городе Глазове в верхненемецких диалектах находим следующие примеры: $e:r\check{s}t$ "erste", $pfin\check{s}t\check{s}$ "Pfingsten", $vor\check{s}t$ "Wurst", $var\check{s}t$ "warst". В ряде случаев s в группе st сохраняется: ist "ist", bist "bist", post "Post". В идиолектах северного типа, бытующих в речи российских немцев города Глазова, часто сохраняется s в группах st, rst: je:st "gehst", hast "hast", $fost\check{s}$ "fasten".

Для верхненемецких диалектов характерен переход hs в ks, закрепленный литературной формой, в то время как нижненемецкие диалекты обнаруживают тенденцию к исчезновению h перед s и осуществляют переход hs > s (s). Во всех идиолектах, бытующих в городе Γ лазове, нашел свое отражение переход hs > ks: aofgvoksə: "aufgewachsen", oksa: "Ochsen", zeks "sechs", voksa: "wachsen".

Выпадение п перед спирантами s и f характерно для многих диалектов немецкого языка, в особенности для тяготеющих к западной зоне немецкоязычного ареала. В речи немцев города Глазова названное явление дает очень однородную картину. Все дикторы показали в своей речи вариант без выпадения n: ons "uns", onsərə "unsere", ans "uns".

Ассимиляторное изменение в группах согласных nd/nt, ld/lt. В рассматриваемом районе ассимилятивный переход nd/nt > n (n) отмечен у многих дикторов в лексеме "und" (un/on/unt), хотя ассимиляция происходит непоследовательно, в одной и той же фразе у одного и того же диктора наблюдаются варианты on/unt, on/un. Лексемы "sind" и "andere" последовательно отражаются в речи всех дикторов как zend/zint, ondra/andara. Что касается ассимиляторных изменений в

группе ld/lt, то следует заметить, что все идиолекты сохраняют данное явление: oldr "alter", ęldr "Eltern", vold "Wald".

К основным изменениям в области вокализма, ведущим к образованию немецкого литературного языка, то есть при переходе от средневерхненемецкого к нововерхненемецкому могут быть отнесены следующие изменения:

- 1) дифтонгизация узких долгих свн. \bar{i} , \bar{u} , iu, $[\bar{u}]$ > нвн. ei [ae], au [ao], eu [oø];
- 2) стяжение узких дифтонгов свн. ie, uo, üe [iə,üə] > нвн. i:, u:, y: ;
- 3) расширение дифтонгов среднего уровня свн. ei, ou > нвн. ei > ae, au > ao.

Методом аудитивного анализа нами обнаружено, что дифтонгизация германских узких долгих достаточно хорошо отражается в идиолектах российских немцев города Глазова. Так, свн. і представлен в речи дикторов рядом дифтонгов с разной степенью открытости первого элемента -əi/ae: vəib "Weib", tsvəi "zwei", frhaerət "verheiratet", gvaent "geweint". В вышеуказанных примерах обнаружилось, что более употребителен в речи информантов узкий вариант дифтонга ае – әі. Свн. і представлен в виде варианта оu: lout "laut", gbout "gebaut", hous "Haus". В ряде случаев обнаруживается узкий вариант дифтонга әu: əux "auch", əuf "auf", либо сохранение i: u:f – "auf". Свн. і отражается в немецких говорах города Глазова в широком варианте ae: daetš "Deutsch", naentsiç "neunzig", aeç "euch", faer "Feuer".

Стяжение узких дифтонгов ie, uo, üe >ī, ū, ū, характерно для идиолектов, распространенных в городе Глазове. У всех дикторов обнаруживается данное явление: vi:dr "wieder", li:bəs "liebes", gu:tə "gute", kri:gəs "Krieges", gnu:k "genug", bru:dr "Bruder".

Расширение дифтонгов среднего уровня: ei, ou > ai, au, характерное для литературного языка, наблюдается в южнонемецких говорах. По нашим наблюдениям, свн. дифтонг ei отражается в немецких говорах города Глазова как əi/oi или ai, то есть по южному (швабскому) типу, и совпадает с дифтонгом ae < ī: klaidr "Kleider", aiər "Eier", oiər "Eier", kloidr "Kleider", voitr "weiter", floiš "Fleisch", zoifə "Seife", broit "breit". Свн. дифтонг ou обнаруживается в рассматриваемых говорах в следующих вариантах: ou/əu: frou "Frau", khoum "kaum", əox/ox "auch".

Расширение гласных i > e, u > o относится к числу распространенных диалектных явлений, представленных в различных регионах Германии с тяготением к западным областям немецкоязычного ареала.

В городе Глазове у ряда дикторов указанное явление проходит непоследовательно, охватывая ограниченное число лексем: khent "Kind", voršt "Wurst", vent "Wind", kherçə "Kirche", keršə "Kirsche", ęs "ist", brost "Brust", lost "Lust", ons "uns", onzr "unser". Как видно из приведенных примеров, число лексем, обнаруживающих расширение, ограничено; позиция, обусловливающая названное явление, определяется наличием сонанта (m, n, r) (кроме случаев типа ęs "ist", brost "Brust").

Более последовательную картину расширения i > e, u > o обнаруживают представители нижненемецких идиолектов: em "im", em "ist", em "immer", em "Tisch", em "Sind", em "Wurst", em "Luft", em "und".

Делабиализация \bar{u} , \bar{o} [\bar{u} , \bar{o}] > \bar{i} \bar{e} [i, e] относится к вокалическим явлениям, свойственным большей части верхненемецких диалектов (кроме северных областей рипуарского, восточнофранкского и верхнеаллеманского) [2]. В исследуемом регионе все дикторы без исключения продемонстрировали примеры делабиализации: $i:b \Rightarrow r$ " $u:b \Rightarrow r$ " " $u:d \Rightarrow r$ " "u:d

Сужение и огубление ударного $\bar{a} > \bar{o}$ характерно для большей части верхненемецких говоров [5]. Сужению может подвергаться и краткий а (> o). По нашим наблюдениям, в городе Глазове указанное явление охватывает все представленные здесь немецкие идиолекты: ondra "andere", lona" "lange", o:bad "Abend", slo:f "Schlaf", vold "Wald", slo:f "Salz".

Таким образом, данные, полученные в ходе исследований в указанный период, свидетельствуют о том, что совокупность выявленных признаков идиолектов российских немцев Глазова не представляет устойчивой системы. Рассматривая в идиолектах российских немцев города Глазова важнейшие явления из области консонантизма, можно констатировать, что основное различие между диалектами северного и южного типов базируется на отражении второго перебоя согласных. Кроме того, противопоставление внутри привлеченных к рассмотрению идиолектов на идиолекты верхненемецкого и нижненемецкого типов, наиболее последовательно осуществляющееся по признаку наличия/отсутствия дифтонгизации свн. ī, ū, в речи российских немцев города Глазова не наблюдается.

Примечания

- 1. В настоящей статье мы придерживаемся классификации П. Хилькеса и В. А. Маныкина (*Маныкин В. А.* Социолингвистический аспект функционирования диалектов немцев Поволжья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Capatoв: Изд-во СГУ, 1992. 18 с.; *Hilkes P.* Deutsche in der Sowjetunion: Sprachkompetenz und SprachverhaltenMuttersprache. Zeitschrift zur Pflege und Erforschung der deutschen Sprache. 1989. Bd. 99. S. 69–83).
 - 2. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 194.
- 3. Schirmunski V. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine. Teuthonista, 1928. Jg. 5, H. 1. S. 44.
- 4. *Кузьмина А. И.* Немецкие диалекты Славгородского и Знаменского районов Алтайского края // Ученые записки Томского ГПИ. Т. XIX. Вып. 2. Томск: Изд-во ТГПИ, 1961. С. 44, 58.
 - 5. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. С. 200.

Notes

- 1. In this article we adhere to the classification of P. Hilkes and Manykin V. A. (V. A. Manykin *Sociolingvisticheskij aspekt funkcionirovaniya dialektov nemcev Povolzh'ya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Sociolinguistic aspects of the functioning of dialects of the Volga Germans: abstract dis. ... Cand. of Philology]. Saratov. Publishing house SSU. 1992. P. 18; P. Hilkes Deutsche in der Sowjetunion: Sprachkompetenz und SprachverhaltenMuttersprache. Zeitschrift zur Erforschung und Pflege der deutschen Sprache. 1989. Bd. 99. Pp. 69-83).
- 2. Zhirmunsky V. M. *Nemeckaya dialektologiya* [German dialectology]. M.; Leningrad: Publ. of AS SSSR. 1956. P. 194.
- 3. Schirmunski V. Die schwäbischen Mundarten in Transkaukasien und Südukraine. Teuthonista, 1928. Jg.5, H. 1. P. 44.
- 4. Kuzmin A. I. *Nemeckie dialekty Slavgorodskogo i Znamenskogo rajonov Altajskogo kraya* [German dialects of Slavgorod and Znamensky districts of the Altai region] // *Uchenye zapiski Tomskogo GPI* Scientific notes of Tomsk SPI. Vol. XIX. Is. 2. Tomsk. Publishing house of TSPU. 1961. Pp. 44, 58.
 - 5. Zhirmunsky V. M. Nemeckaya dialektologiya [German dialectology]. P. 200.

УДК 821.221.18

К. Р. Елканов

Художественно-философское осмысление проблем человека в осетинском романе

В статье рассматриваются художественно-эстетические процессы в осетинской прозе 60–80-х гг. XX в., неизмеримо обогатившие концептуальные представления о человеческой сути и предназначении человека на земле. Раскрывается ряд ценностных критериев морали, внимание к человеку, который переживает драму, обусловленную разрывом между индивидуальным и универсальным. Роман, формируя художественную концепцию человека, во многом исходит из социально-исторического опыта народа и из нравственно-эстетических представлений о человеке данной эпохи. Акцентируя внимание на духовных ценностях отдельной личности, на людских взаимоотношениях, обычаях, традициях, осетинский роман использует их в процессе своего художественного исследования как средство национального духа и характера, как компонент горского национального быта.

The article deals with an artistic and esthetical process in a prose of 60-80 s. of the 20Th century, the process which has enriched the conceptual introduction of a human value and of a human destination in the world. The article interprets a number of valuable moral criteria, the attention to a man going through a drama of life, which happened as a result of a break-off between individual and universal. The novel, based on a social and historical experience of a nation develops an artistic concept of a person, and brings up the idea of moral and esthetic views of a person of the described period of time. The Ossetic novel dwells upon moral values of a single person, relationships, traditions and customs and uses them as means of national character and spirit, as a component of mountain national life.

Ключевые слова: осетинская проза, ценностные критерии морали, художественно-эстетические процессы, духовные ценности.

Keywords: ossetian prose, value criteria of morality, artistic and aesthetic processes, spiritual values.

Художественное сознание, а особенно романное мышление, ищет отражение всеобщего в адекватной ему форме и в соответствии с этим определяет доминанту при построении окончательной, гуманистической картины мира. Суть этой доминанты: человек – мера всех вещей и явлений.

При этом художественное сознание, как и философия, синтезирует по-своему онтологию, логику, гносеологию, антропологию, социологию, этику, эстетику, так как философия в конечном итоге определяет отношение мыслящего (логика) и познающего (гносеология) индивида (антропология), который живет в обществе (социология), к природе в целом (онтология) и другим индивидам (этика), стремясь построить свою жизнь не только разумно и полезно (экономика), но и прекрасно (эстетика). Все это скрупулезно исследует художественное сознание в синтезированном виде. И в определенном смысле оно использует и сохраняет черты мифологии, а именно синкретизм, конечно, только как принцип.

Человек о себе, окружающих людях, о своем времени, в котором он реализует себя и с точки зрения которого (только лишь) может постичь себя, знает столько же, сколько и о природе. Поэтому она представляет для человека полную действительность, т. е. представляет собой фундамент и среду его существования. Соответственно она становится и его переживанием, поддерживая его от рождения и до смерти.

Происходит очень сложный процесс взаимообмена природы и сознания как особых сфер существования: все представления и мысли сознания получают свою сущность, т. е. внутреннюю жизнь, в области природы, а потом же и возвращаются в нее. У человека есть не только один инструмент для адаптации в его экзистенциальной действительности – язык, на котором он говорит. У него есть также глаза, уши, руки. Все это дает человеку возможность опытного восприятия самого себя, своей жизни, исторически определять то, как он живет, чтобы сохранить свой опыт на память себе и потомкам.

И язык, на котором говорит человек, подходит абсолютно для выражения содержания и формы этой сферы, т. е. сферы полной действительности. Человек реализуется не только как личность, как субъект духовного творчества, моральной ответственности, религиозной преданности, но и с полным пониманием и учетом всего круга существования и природы, находящейся на той же высоте, что и личная жизнь.

Своеобразна в художественной трактовке литературы и установка человека по отношению к миру. В этом аспекте человек выступает не как субъект своего сознания, но прежде всего как объект и субъект своей жизни. В данном качестве, т. е. в сфере своего существования, он входит в историю, которая является способом реализации его размышления и знания о себе. Ведь человек – субъект-объект культуры и субъект-объект природы, т. е. он одновременно природный и свободный, выросший и сотворенный, самобытный и искусственный.

Таким образом, сущность принципа субъективности в эстетике романа заключается в том, что роман полно отражает, как человек одновременно принадлежит и природе, которая подчиняется принципу необходимости, и нравственному миру, который подчиняется принципу свободы. И это противоречивое единство природы человека и составляет основу человеческой сущности.

Рассмотрим конкретно, как художественное сознание анализирует, конечно, своими собственными, специфическими средствами сущность человека, этого важнейшего объекта и предмета исследования культуры, искусства, философии в целом и художественной литературы в частности.

Человеку всегда свойственно стремление к познанию смысла жизни, к постижению ее тайн. Конечно же, продиктовано это не просто элементарным любопытством, свойственным человеческой природе, а желанием изменить, переделать, «очеловечить», т. е. максимально приблизить к человеческим потребностям, подчинить им этот, изначально мало приспособленный к жизни, мир, сделать наш общий дом чище, уютнее, богаче. Естественно, с усложнением форм человеческого мышления, обогащения его содержания, это проявляется еще ярче. В новом типе художественного мышления, который пытается освоить осетинский роман, обогащаются пути и средства формирования художественной концепции личности, структура авторской концепции современной духовности. В результате рождается новая жизненная концепция, расширяется понимание человеческой сути, а в общем и целом растет нравственно-философский потенциал осетинской литературы, углубляются ее функции.

Перед осетинской прозой встала проблема соотношения частной судьбы с судьбами народа. Ведь она стремится извлечь суть истории через столкновение конкретных лиц, характеров, через единство и борьбу противоречивых жизненных начал. Это проявляется многообразно: и в том, что показ истории выступает как структуро-организующий элемент, и в принципе внутреннего идейно-художественного единства, выражающегося в раскрытии образа человека, народа как субъекта, творца, созидателя истории.

Конечно же, и в социально-исторической предопределенности, детерминированности характеров. И это существенный момент в идейно-художественном искании осетинской прозы, поскольку здесь особенно полно проявились взаимосвязи общественно-типологических и собственно литературно-типологических черт и явлений.

Новое, что дает осетинская проза 60–80-х гг., – это стремление к документальному изображению с глубинным художественным раскрытием социальных процессов жизнедеятельности горского общества.

Принцип историзма в данном случае конкретно проявился в росте исследовательского пафоса литературы, раскрывающей исторический процесс в его неразрывных связях с общественной и духовной жизнью народа, в момент его созидательного исторического творчества. И это важнейший момент в идейно-художественных исканиях осетинской литературы.

Исследование объемного и масштабного материала, раскрывающего идейно-политические и нравственные черты эпохи, идет через анализ включенности человека в исторический процесс. И это обусловливает саморазвитие героя в этом эпически мощном и яростном, разноцветном жизненном потоке. Это сопровождается также процессом осмысления бытия национального – с точки зрения его постоянного динамичного становления. Не случайно национально-историческая проблематика стремится воплотиться в монументальную форму. Реализуя свой возрастающий интерес к национальному самосознанию, осетинское романное мышление находится в поисках истоков становления нашего общества, при этом трактовку национального характера оно подчиняет задаче осмысления всего этого национального общества. Это обусловливает суть художественного конфликта: осетинский роман исследует общенациональные конфликты.

В общем и целом историзм романного мышления проявился в глубоком и многообразном показе пути исторической эволюции и нравственного прогресса человека. Художественный характер при этом раскрыл содержание истории и ее оценку, отражая ведущие тенденции своей эпохи. Как свидетельствуют лучшие художественные произведения, социальная сущность характера и нравственные качества героев глубоко историчны: исторический эпос, как и проза в целом, формируя концепцию человека, исходит прежде всего из социально-исторических связей и нравственно-этических представлений общества о человеке данной эпохи.

Осетинская проза, и в особенности исторический эпос, убедительно доказала, что возможности духовного проявления человека безграничны. Также неисчерпаемы возможности и его художественного изображения. Это обусловлено реальностью, ведь уже сформировался новый тип человека, в характере которого органично слилось личное и общественное, национальное и общечеловеческое, тип человека, для которого активная жизненная позиция – глубокая духовная потребность.

Акцентируя внимание на духовных ценностях отдельной личности, на людских взаимоотношениях, обычаях, традициях, осетинский роман использует их в процессе своего художественного исследования как средство познания национального духа и характера, как компоненты горского национального бытия [1].

Роман, формируя художественную концепцию человека, во многом исходит из социально-исторического опыта народа и из нравственно-этических представлений о человеке данной эпохи, морали конкретного общества.

В романе В. Гаглойты «Осетинское сказание» [2] создается такая национально-этническая модель общечеловеческого бытия, которая своеобразно сопрягает в себе присущие только горской жизни и горскому национальному характеру черты и облик. Обусловлены они, естественно, пространственно-временной субстанцией национальной действительности, представленной в контексте всех реалий: этических, эстетических, психологических, в общем, конечно же, обусловленных конкретными социальными условиями, в которых, собственно, и протекает действие романа.

Чтобы показать, что судьба горцев, изображенных в произведении, отнюдь не случайна, писатель прослеживает жизнь нескольких поколений. В поле его художнических интересов оказываются судьбы дедов, отцов и внуков. Таким образом, он как бы отклоняет мотив случайности трагизма судеб горцев, выводит причинно-следственную зависимость условий жизни, судьбы человека и специфики его характера. Здесь В. Гаглойты логически продолжает развивать существенные черты и традиции осетинской прозы, ведущей сложный художественный поиск правды жизни, логики характера, движущейся от явления к сущности, проникая в глубь явлений с той целью, чтобы извлечь из них всеобщий, всечеловеческий смысл. В этом прежде всего, и проявляется эпическая масштабность самосознания национального художественного сознания. Каким образом писатель решает свою творческую задачу?

Вкратце можно сказать, что он раскрывает «погруженность» национального мира в общечеловеческий. Но как, с помощью каких индивидуально-изобразительных средств? Здесь прежде всего надо отметить такое мощное явление, как сплав, органический синтез двух типов художественного сознания, фольклорного и литературного, обусловливающий рождение качественно новой формы эпического познания национального бытия.

Но какова при этом конкретная «кухня», творческая лаборатория писательских исканий в сфере литературно-фольклорного взаимодействия?

В. Гаглойты, направляя энергию фольклорной образности на решение современных художнических проблем, использует довольно смело и своенравно фольклорные изобразительные средства...

Однажды единственная и, естественно, любимая дочь алдара Дзанхота Елоева Агунда по своему обыкновению скакала на белой лошади по окрестностям отцовского поместья. Испугавшись чего-то, лошадь на полном скаку устремилась по откосу к чертовой скале. Алдарова дочь, испугавшись, судорожно вцепилась в гриву лошади, брошенные поводья волочились по траве и камням. Перепуганную насмерть красавицу спас один из пастухов алдара – а именно Дзанг. Эта встреча в судьбе обоих героев, и не только их, сыграла роковую роль. Они полюбили друг друга.

Исходная точка, т. е. изначальное состояние их психологии, характера, вполне соответствует и напоминает типичную сюжетную схему жанра сказки: надменная, довольно своенравная, чтобы не сказать капризная, дочь алдара, о которой молва по всей Осетии идет, которую только с солнцем сравнивают, смеется над женихами, искателями её руки, издевается над ними, потешается. Пастух же Дзанг, несмотря на высокие душевные качества, с точки зрения народного нравственного идеала гол как сокол, бездомный сирота.

Здесь, как видим, автор полностью использует сказочную сюжетную схему, заимствуя ее как клише, вместе с мотивом похищения, преследования и т. д. Но далее писатель значительно отходит от специфики фольклорной образности, решая сложную творческую задачу. Он показывает реальные трудности жизни двух влюбленных, их борьбу за право отстоять свою любовь, завоевать свое нелегкое «место» под довольно неласковым солнцем. В процессе этой борьбы, конечно же, происходит эволюция характеров. Обычно жизненные трудности ломают слабых, делая их еще беспомощнее, злее, слабее духом. Сильных же она только закаляет и, безусловно, нравственно возвышает. Пастух Дзанг и дочь алдара Агунда оказались сильными.

Однако сильные духом тоже еще не гарантированы от всевозможных несчастий, посылаемых богом, от несчастий и бесчинств, творимых коварными людьми. Но об этом и, конечно же, соответственно, об эволюции характеров героев скажем позже. Сейчас отметим только, что писатель в процессе создания характеров героев использует и «энергию» фольклорной образности.

И делает он это, идя не только по пути использования сказочной сюжетной схемы, но и заимствуя некоторые элементы создания фольклорного характера. Так, Сармат, управляющий делами алдара, – довольно образная фигура из сказочного мира. Внешне он напоминает полный мешок с приткнутой сверху круглой тыквой вместо головы. Что же касается его характера и душевных качеств, то устами пастухов автор дает ему однозначную оценку: пес – он и есть пес, человек без сердца и совести. Вынюхивая каждый куст, он нападает на след беглецов и спустя долгих двадцать лет становится убийцей Агунды, виновником всех несчастий Дзанга и его дочери Залины.

При создании характера Агунды писатель опять прибегает к фольклорному арсеналу процесса характерообразования. Пригласив к себе своего спасителя Дзанга, Агунда надменно скривила губы и бросила на пол шелковый платок. При этом не просила, а приказала: «Подними!» Дзанг поднял платок и протянул госпоже. Это повторилось дважды. На третий раз пастух гордо ответил: «У самой есть руки... Нагнись, поясницу не сломаешь». Такой ответ понравился надменной красавице, заставил ее пристально и с интересом взглянуть на Дзанга, увидеть в нем человека, равного себе...

В. Гаглойты также вводит в ткань повествования самостоятельные фольклорные жанры, в частности притчу. Так, в разговоре с Агундой, с которой он сбил спесь, Дзанг рассказал попову притчу о том, что бог, создав людей, каждому указал его место. Одних усадил с почетом за стол, других – у дверей. Стал раздавать угощение: самые вкусные блюда – первым, а чем дальше, тем беднее. Кто сидел возле дверей, тем ничего не досталось, и они стали прислуживать остальным, которые им за это объедки подбрасывали... А осмелятся что-нибудь взять со стола, бог жестоко накажет...

Или сказку. Задумавшись над речами Агунды и не веря ей, Дзанг вспомнил старинную сказку о том, как дочь дьявола решила выйти замуж за человека. Обернулась красавицей да забыла о рогах. Люди подняли ее на смех. Плача, прибежала к матери. Та поняла промах дочери, спрятала

рога под ее золотистыми волосами, наделила дочь змеиной хитростью и голосом соловья и снова отправила к людям. Отовсюду хлынули знатные женихи. Кто хоть раз видел красавицу, навеки теряли рассудок. И Агунда, по мнению Дзанга, точь-в-точь как та сказочная колдунья. Тоже, по слухам, своей красотой сводила с ума многочисленных женихов.

Так, проводя аналогию между Агундой и сказочной героиней, писатель дает характеристику и делает это как бы глазами Дзанга, своего героя, у которого уже намечаются определенные связи с романной героиней, хотя он и не осознает еще их полноту и значимость в своей дальнейшей судьбе: они намечаются пока что на уровне подсознания. Но сам факт соотнесения образа красавицы Агунды с дочерью дьявола из сказки говорит о том беспокойстве, которое зародилось смутно в душе пастуха, прекрасно осознающего, что ничего хорошего не предвещает ему встреча с дочерью алдара: слишком громадна пропасть между ними...

Примечания

- 1. Елканов К. Р. Роль фольклорного сознания в жанровой структуре осетинского романа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 33. Аспирантские тетради. СПб., 2008. С. 192–196.
 - 2. Гаглойты В. Осетинское сказание: роман / пер. с осет. Г. Ковалевича. М.: Современник, 1988. 311 с.

Notes

- 1. Elkanov K. R. *Rol' fol'klornogo soznaniya v zhanrovoj strukture osetinskogo romana* [The role of folk consciousness in the genre structure of the Ossetian novel] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. № 33. Aspirantskie tetradi News of the Russian State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen. No. 33. Postgraduate notebooks. SPb. 2008, pp. 192-196.
- 2. Gagloyty V. *Osetinskoe skazanie: roman* [Ossetian tale: a novel] / translated from the Osset. G. Kovalevich. M. Sovremennik. 1988. 311 p.

УДК 840

В. Г. Решетов

«Иродиада» Гюстава Флобера: замысел

В статье рассматривается процесс создания Флобером повести «Иродиада». На материале писем к разным адресатам, в частности Жорж Санд и И. С. Тургеневу, показано, как писатель менял замысел произведения, выбирая поочередно главным действующим лицом Иоанна Крестителя, затем Ирода Антипу и, наконец, Иродиаду. Рассмотрены источники, которые использовал Флобер: труды римских историков Плутарха, Ливия, Светония, Тацита, сочинения Иосифа Флавия, книги «Жизнь Иисуса» Д. Штрауса и Э. Ренана. Показано воздействие картин Гюстава Моро, выставленных в это время в Парижском салоне 1876 г. Автор статьи касается современных дискуссионных вопросов о возрасте Саломеи и кульминации библейской легенды – танце дочери Иродиады. Натуралистическая трактовка Флобером библейского сюжета, основанная на исторических свидетельствах, оказала безусловное влияние на восприятие его последующими авторами, обратившимися к истории Иродиады и обезглавливания Иоанна Крестителя.

In the article the process of creation of Flaubert's novelette "Herodias" is discussed. On the basis of letters to different addresses, especially to George Sand and Ivan Turgenev, the article shows the way the author changed the concept of the work, choosing John the Baptist, then Herod Antipas and finally Herodias as the main hero of the work by turns. It examines the sources, used by Flaubert: the works by Roman historians such as Plutarch, Livius, Suetonius, Tacitus; the writings by Josephus Flavius; and the books named "The Life of Jesus" by D. Strauss and E. Renan. It shows the influence of G. Moreau's pictures, exhibited during the Paris show in 1876. The author of the article touches the modern debatable questions about Salome's age and the climax of the biblical legend – the dance of Herodias's daughter. Flaubert's naturalistic interpretation of the biblical plot, based on the historical evidences, undoubtedly influenced the perception of the author by the followers, who have turned to the history of Herodias and the beheading of St. John the Baptist.

Ключевые слова: Иоанн Креститель, возраст Саломеи, танец дочери Иродиады, повесть «Иродиада», письма.

 $Keywords: St.\ John\ the\ Baptist, Salome's\ age,\ the\ dance\ of\ Herodias's\ daughter,\ novelette\ "Herodias",\ letters.$

В предисловии к иллюстрированному изданию повести Флобера «Иродиада», напечатанном в 1892 г., А. Франс писал: «Было бы интересно привести обстоятельства, при которых этот превосходный писатель задумал свою "Иродиаду". Но об этом нам ничего не удалось узнать» [1]. Спустя век исследователь творчества Флобера Диана Хоэвелер заметит: «Флобер не знает, почему он начал думать об истории Саломеи именно в то время», когда писал «Простую душу» [2]. До настоящего времени вопрос о том, когда и как возник замысел повести, остается без ответа. Тем не менее некоторые обстоятельства создания «Иродиады» могут ответить на него.

В письме к Тургеневу от 3 октября 1875 г. Флобер говорил о том, что хочет «написать небольшую повесть – легенду, которая изображена на витражах Руанского собора. Она будет очень короткой, страниц тридцать, не больше» [3]. Речь идет о повести «Легенда о святом Юлиане Милостивом». Там же, на северном портале руанского собора, представлены сцены из жизни Иоанна Богослова и Иоанна Предтечи, в частности отсечение головы Святого Иоанна Крестителя и танец Саломеи.

Вот какое описание тимпана дает Анатоль Франс, обративший внимание прежде всего на танец Саломеи: «Она танцует, стоя на голове, вернее, на руках. Поза эта создала ей среди руанцев известность, которую иным способом ей бы не приобрести. Ибо в ней нет ничего привлекательного. Опрокинутая головой вниз, в длинном своем платье, она кажется какой-то монахиней средневековья, одержимой дьяволом» [4]. Флобер, житель Руана, не мог не видеть его, так же как не мог он не знать о событиях, связанных с изображенным и рассказанных в Евангелиях от Марка и Матфея.

О своем новом замысле он пишет Роже де Женетт 20 апреля 1876 г., отмечая, что его работа над «Простой душой» «продвигается очень медленно». И тут же звучит вопрос: «А знаете, что мне хочется написать после этого?», и ответ: «Историю Иоанна Крестителя. Мне не дает покоя подлая трусость Ирода перед Иродиадой. Это еще только смутный замысел, но у меня очень большое желание в этом покопаться» [5]. В это же время он рассказывает Жорж Санд, что работа над «Простой душой» прерывается, так как он «собирает материал об эпохе Иоанна Крестителя, чтобы описать пиршество Иродиады» [6]. В самом начале мая в письме к Тургеневу он вновь говорит об Иоанне: «Я думаю что Иоаканама (другими словами, Иоанна Крестителя) я напишу» [7].

Непосредственным толчком, заставившим вспомнить тимпан собора в Руане и обратившим внимание Флобера на историю усечения головы Иоанна Крестителя, могли быть две картины Гюстава Моро, выставленные в Парижском салоне 1876 г., который писатель посетил, о чем упоминает в только что цитированном письме Тургеневу: «В Салоне выставлено несколько восхваляемых картин, которые приводят меня в отчаяние». Картины были впечатляющими и имели большой успех у публики. Вот какое описание им дает Гюисманс в романе «Наоборот»: «Купив два шедевра, Дез Эссент ночи напролет грезил перед картиной "Саломея". ...В любом случае неотразимую магическую силу излучал этот холст, но акварель, названная "Явление", тревожила, пожалуй, больше. ...Голова святого поднялась с блюда, положенного на плиты; синеватая, с бесцветным открытым ртом, с ярко алой шеей, из которой капала кровь, – смотрела. ...Страшная голова пылает, продолжая кровоточить; сгустки темного пурпура образуются на кончике бороды и волос» [8]. Флобер и в том и в другом письме, прежде всего, ведет речь об Иоанне Предтече как о главном действующем лице задуманного произведения.

В июне он продолжает рассказывать: «После святого Антония – святой Юлиан, засим святой Иоанн Креститель, я просто не вылезаю из святых. С последним-то уж постараюсь, чтобы он не получился "назидательным"». И далее, уже начиная переносить внимание на Ирода и Иродиаду: «История Иродиады так, как я ее понимаю, не имеет никакого отношения к религии. Меня в этой истории прельщает Ирод, его положение правителя (ведь он был настоящим префектом) и хищный образ неукротимой, коварной Иродиады, помеси Клеопатры и Ментенон. Здесь над всем господствует раса» [9]. Внимание писателя постепенно перемещается на участников казни Иоанна. Но для него важно не свершившееся убийство, а характеры действующих лиц трагедии. На первый план выходит Ирод Антипа, его положение правителя, и здесь же хищный образ, как он говорит, неукротимой, коварной Иродиады. Не раз Флобер упоминает о трудности создания произведения. Замысел созрел, начинается этап подготовки, сбора прежде всего исторического материала.

Конечно, на сюжет о смерти Иоанна Крестителя существовали и беллетристические произведения. Назовем лишь некоторые сочинения XVI в.: пьеса шотландского поэта Джорджа Бьюкенена «Трагедия Крестителя, или Клевета» (1540), «Трагедия об Ироде и Иоанне Крестителе» (1545) немецкого писателя Иоганна Крюгингера, латинская пьеса «Усекновение головы Иоанна Крестителя» (1546) немецкого драматурга Якоба Шёппера, «Трагедия Иоанна Крестителя» (1549) швейцарского теолога Иоганнеса Ааля, «Обезглавливание Иоанна» (1550) прославленного

немецкого поэта Ганса Сакса. Но переизданы они были лишь в XX в. и вряд ли Флобер читал их. Вполне вероятно, что он был знаком с сочинениями своих современников: пятиактной трагедией Сильвио Пеллико «Иродиада» (1833), поэмой Генриха Гейне «Атта Троль» (перевод на французский 1847), поэмой Теодора де Банвиля «Иродиада» (1870), неоконченной поэмой Стефана Малларме «Иродиада» (1869), романом Эжена Сю «Агасфер» (1846). Однако Флобер предпочитал черпать материал из других источников.

Анатоль Франс отметил: «Было бы большой ошибкой думать, что для "Иродиады" он удовлетворился тем, что перелистал Флавия. Скажу без преувеличения, что он прочёл по меньшей мере пятьдесят томов, прежде чем взялся за перо» [10]. Сочинение историка «Иудейские древности» Флобер знал хорошо. Об этом можно судить по письму Тургеневу от 27 сентября: «Идет дождь, и я только кончил свои выписки из Иосифа Флавия, который был изрядный буржуа. Вот вам!» [11]

Замыслив написать историю Иоанна Крестителя, Флобер сталкивается с проблемой нехватки подходящего материала. Конечно, он читал «Жизнь Иисуса» Д. Штрауса и «Жизнь Иисуса» Э. Ренана. Как верно отметил Александр Мень, «Флобер по достоинству оценил наиболее сильную сторону книги Ренана – ювелирную отделку "рамы", и сам дальше этой "рамы" пойти не рискнул» [12]. Но вряд ли А. Мень был прав, назвав книгу Ренана романом.

Вот какую характеристику этим сочинениям Ренана и Штрауса Флобер дает еще в 1863 г. в письме к м-ль Леруайе де Шантепи: «Книга моего друга Ренана не вызвала у меня такого восторга, какой она вызвала у публики. Я люблю, когда такие материи трактуются с более солидным научным аппаратом. Но как раз доступностью формы она привлекла к себе женщин и любителей легкого чтения. Это уже много, и я считаю, что философия одержала большую победу, побудив публику заняться подобными вопросами. Известна ли вам "Жизнь Иисуса" доктора Штрауса? Вот содержательная книга, книга, заставляющая думать! Рекомендую вам почитать эту сухую, но в высшей степени интересную вещь» [13].

Но кроме краткого библейского рассказа, почти идентичного у Марка и Матфея, простой констатации казни у Флавия в книге необходимо было, как писал Флобер, добиться «ясности и живости» [14]. И тогда в ход идет, например, рассказ Тита Ливия в «Римской истории от основания города». В Плацентии, – повествует историк, – пользующаяся дурной славой женщина, в которую Фламиний безрассудно влюбился, была приглашена на трапезу. Перед ней он хвастался суровостью своих судебных решений, тем, что многих он приговорил к обезглавливанию. Куртизанка, полулежа на его коленях, сказала, что никогда не видела такой казни и очень хотела бы ее увидеть. Щедрый любовник приказал привести к нему одного несчастного и отрубил ему голову своим мечом. Этот поступок был свиреп и жесток: «На пиру, где принято совершать богам возлияние и произносить гостям пожелания всего наилучшего, был убит, как жертвенное животное, человек, кровью которого был забрызган обеденный стол, на потеху любовнице, сидящей у консула на коленях» [15].

О том, что подобные убийства были обычны в то время, рассказывает, например, в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх. Луций Фламинин, чтобы угодить своему мальчику, который заявил, что никогда не видел, как убивают людей, сказал: «Успокойся, я исполню твое желание». Он послал в тюрьму за одним из приговоренных к смерти, велел ликтору привести его и приказал во время пира обезглавить несчастного [16].

Не менее живописные картины Флобер берет у Светония, описывавшего нравы, господствовавшие при правлении в Риме императора Авла: «Самым знаменитым был пир, устроенный в честь его прибытия братом: говорят, в нем было подано отборных рыб две тысячи и птиц семь тысяч. Но сам он затмил и этот пир, учредив такой величины блюдо, что сам назвал его "щитом Минервы градодержицы". Здесь были смешаны печень рыбы скара, фазаньи и павлиньи мозги, языки фламинго, молоки мурен... Не зная от чревоугодия меры, не знал он в нем ни поры, ни приличия – даже при жертвоприношении, даже в дороге не мог он удержаться, тут же у алтаря хватал он и поедал чуть ли не из огня куски мяса и лепешек, а по придорожным харчевням не брезговал и тамошней продымленной снедью, будь то хотя бы вчерашние объедки» [17]. Страницы, посвященные невоздержанности в пище Авла Вителлия и его первой встрече с будущим любовником Азиатиком, ярко оживят повесть Флобера.

На протяжении всего повествования Флобер показывает Ирода Антипу, прежде всего, как тетрарха, человека, заботящегося о государственных делах и, в связи с этим, о своих личных. Иродиада, как отметил сам автор, выступает в роли Клеопатры и Ментенон, то есть в роли женщины, оказывающей влияние на политику. Политическая подоплёка казни Крестителя отмечена в Евангелии от Матфея. «И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка». Политическая мотивировка казни Иоанна была отчетливо обозначена в «Иудейских древностях»

Иосифа Флавия: «Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно» [18].

У Марка не политика, а личные отношения превалируют. «Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» (Мк. 6.20). Флобер для создания конечного драматического эффекта будет следовать в большей мере за ним.

В конце июня повесть уже имеет название «Иродиада». «Моя "История простой души" будет, по всей вероятности, завершена в конце августа. После чего возьмусь за "Иродиаду"» [19]. И вновь Тургеневу: «Повесть об Иродиаде внушает мне ужас. План её немного проясняется, но еще совсем немного» [20].

В этот же день Роже де Женетт: «По мере того как приближается минута браться за перо, эта история Иродиады вызывает во мне прямо-таки библейский ужас. Боюсь, как бы мне не повторить то, что было уже использовано в "Саламбо", ведь мои герои принадлежат к той же расе и это приблизительно та же среда» [21]. Не следует забывать позитивистскую теорию Ипполита Тэна, которая пользовалась в это время большой популярностью, его триаду – раса, среда, исторический момент.

Но не только это беспокоило писателя. Перед ним стоял вопрос о Саломее, изображенной на портале Руанского собора. Хотя ее пляска и связанные с ней последующие события являются кульминацией повествования, Саломея играет в повести второстепенную роль, она не входит в число главных героев: Иоанн, Ирод Антипа, Иродиада. «Дочь Иродиады, – пишет Рене Жирар, – еще ребенок» [22]. Таким ребенком она была представлена в Библии и изображена в трагедии Пеллико. Однако подобная трактовка явно не соответствует событиям, которые желает представить, психологически обосновав их, писатель. Как отмечает Рене Жирар, у Флобера Саломея – куртизанка. По мнению другого исследователя, она «девственная шлюха» (virginwhore) [23]. В то же время Флобер говорит о ее зависимости от матери, которая, как образно пишет Рене Жирар, «словно паучиха в паутине, ждет удобного случая» [24].

В не так давно нашумевшей книге Роберта Амбелена «Иисус, или Смертельная тайна тамплиеров» автор утверждает, что многие уже в V в. «танцовщицей считали саму Иродиаду. Прежде всего, Иоанн Златоуст, который сравнивал императрицу Евдоксию с последней и сравнивал себя с Иоанном Крестителем, потому что она добивалась его высылки из Византии» [25]. Амбелен явно лукавит. Действительно, в слове «На усекновение главы Предтечи и Крестителя Иоанна и об Иродиаде» есть подобные слова: «Опять Иродиада беснуется, опять неистовствует, опять пляшет, опять требует у Ирода главы Иоанна Крестителя» [26]. Но более подробный рассказ о дне усекновения и причине этого мы находим в беседе 97 «О пляске Иродиады и об отсечении главы Предтечи и Крестителя Иоанна». Здесь Златоуст, умерший в начале V в., следует евангельскому повествованию: «Праздновался день рождения Ирода и дочь Иродиады плясала... Наученная матерью своею, дочь сказала: "дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя" (Мф. 14:8). ...Но она просила не по вере, чтобы воздать ему честь, но чтобы умертвить этот живой укор, избавить мать свою от посрамления, какое навлекал на нее ее грех» [27]. Флобер, вслед за Златоустом, следует каноническому тексту Евангелий от Марка и Матфея, где голову Иоанна просит дочь Иродиады. Предпочтение отдается, как уже было отмечено, Евангелию от Марка: «Ибо Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его» (Мк. 6.20) У Флобера Ирод Антипа таким образом высказывает свое отношение к Иоанну: «Береги его! Береги! - воскликнул он» [28].

28 января 1877 г. Флобер напишет своей племяннице Каролине: «Я болен из-за страха, внушенного танцем Саломеи! Я боюсь халтуры» [29]. Как отметит Анатоль Франс, Флобер в повести дал изображение «самого чудесного из когда-либо сделанных описаний танца» [30]. Страхи оказались напрасными. Замысел получил блестящее воплощение.

Примечания

- 1. Франс А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1960. С. 441.
- 2. *Hoeveler D.L.* A Reading of the Emotions of Salome: Sympathy for the Devil, or Fear and Loathing //Prism(s): Essays in Romanticism. 2001. Vol. 9. P. 88.
- 3. Флобер Γ . О литературе, искусстве, писательском труде. Письма. Статьи: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1984. С. 161.
 - 4. Франс А. Указ. соч. Т. 8. С. 441-442.
 - 5. *Флобер Г*. Указ. соч. Т. 2. С. 172–173.
 - 6. Correspondance entre George Sand et Gustave Flaubert. Paris, 1904. P. 460 –461.

- 7. Флобер Г. Указ. соч. Т. 2. С. 173.
- 8. Гюисманс Ж.-Ш. Наоборот. М.: Книжная редакция «СТИЛЬ», 1990. С. 46.
- 9. Флобер Г. Указ. соч. Т. 2. С. 175. Ометим, что образ неукротимой Саломеи ярче всего представлен в пьесе О. Уайльда «Саломея». См.: Решетов В. Г., Валова О. М. Трагедия Оскара Уайльда «Саломея»: музыка страсти // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2012. № 4. С. 97–108.
 - 10. Франс А. Указ. соч. Т. 8. С. 441.
 - 11. Флобер Г. Указ. соч. Т. 2. С. 180.
 - 12. Мень А. В поисках подлинного Христа // Иностранная литература. 1991. № 3. С. 237–247.
 - 13. Флобер Г. Указ. соч. Т.2. С. 26.
 - 14. Флобер Г. Указ. соч. Т. 2. С. 181.
- 15. *Ливий Тит.* Римская история от основания города. Полное издание в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА КНИГА, 2014. С. 1091.
- 16. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М.: Изд-во АЛЬФА КНИГА, 2008. С. 436.
 - 17. Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1991. С. 251.
 - 18. Флавий И. Иудейские древности: в 2 т. Т. 2. М.: АСТ: Ладомир, 2007. С. 318.
 - 19. Флобер Г. Указ. соч. Т 2. С. 176.
 - 20.Там же. С. 180.
 - 21. Там же.
- 22. Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. URL: http://romanbook.ru/book/8070522/?page=1.
- 23. Dijkstra, Bram. Idols of Perversity: Fantasies of Feminine Evil in Fin-de-Siecle Culture. New York: OxfordUP, 1986. P. 380.
 - 24. Жирар Р. Указ. соч. URL: http://romanbook.ru/book/8070522/?page=1.
 - 25. Амбелен Р. Иисус, или Смертельная тайна тамплиеров. СПб.: Евразия, 2007. С. 156.
- 26 Иоанн Златоуст. Творения. На усекновение главы Предтечи. URL: http://www.odinblago.ru/sv_otci/ioann_zlatoust/8_2/89
- 27. Иоанн Златоуст. Указ. соч. О пляске Иродиады. URL: http://www.odinblago.ru/sv_otci/ioann_zlatoust/8_2/97
 - 28. Флобер Г. Искушение святого Антония: [сб.: пер с фр.]. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 274.
 - 29. Gustave Flaubert. Correspondance. Paris, 1930.
 - 30. Франс А. Указ. соч. С. 442.

Notes

- 1. France A. Sobranie sochinenij v vos'mi tomah [Collected works in eight volumes]. Vol. 8. M. SPHL. 1960. P. 441.
- 2. D. L. Hoeveler A Reading of the Emotions of Salome: Sympathy for the Devil, or Fear and Loathing //Prism(s): Essays in Romanticism. 2001. Vol. 9. P. 88.
- 3. Flaubert G. *O literature, iskusstve, pisatel'skom trude: Pis'ma; Stat'i* [About literature, arts, writing: Letters; Articles]; In 2 vol. Vol. 2. M. Khudozh. lit. 1984. P. 161.
 - 4. Frans A. Op. cit. Vol. 8. Pp. 441 442.
 - 5. Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. Pp. 172-173.
 - 6. Correspondance entre George Sand et Gustave Flaubert. Paris, 1904.P.460 461.
 - 7. Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. P. 173.
 - 8. Huysmans J.-S. *Naoborot* [On the contrary]. M. Book publ. "STIL'". 1990. P. 46.
- 9. Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. P. 175. We should note that that the image of the indomitable Salome most vividly was represented in the play by O. Wilde "Salome". See: G. V. Reshetov, O. M. Valova *«Tragediya Oskara Uajl'da «Salomeya»: muzyka strasti»* ["The tragedy of Oscar Wilde's Salome: music passion"]// *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina* Herald of Ryazan State University named after S. A. Yessenin. 2012, iss. 4, pp. 97–108.
 - 10. France A. Op. cit. Vol. 8. P. 441.
 - 11 Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. P. 180.
- 12. Men, Alexander. *V poiskah podlinnogo Hrista* [In search of the true Christ] // *Inostrannaya literatura* Foreign literature. No. 3, 1991, pp. 237–247.
 - 13. Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. P. 26.
 - 14 Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. P. 181.
- 15. Livy Titus. *Rimskaya istoriya ot osnovaniya goroda. Polnoe izdanie v odnom tome* [Roman history from the founding of the city. Complete edition in one volume]. M. Publishing house ALPHA KNIGA. 2014. P. 1091.
- 16. Plutarch. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya. Polnoe izdanie v odnom tome* [Comparative biographies. Complete edition in one volume]. M. Publishing house ALPHA KNIGA. 2008. P. 436.
 - 17. G. T. Suetonius ZHizn' dvenadcati cezarej [Lives of the twelve Caesars]. M. Pravda. 1991. P. 251.
 - 18. Flavius I. *Iudeiskie drevnosti* [Antiquities of the Jews]. In 2 vol. Vol. 2. M. Ladomir. 2007. P. 318.
 - 19.Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. P. 176.
 - 20.Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. P. 180.
 - 21.Flaubert G. Op. cit. Vol. 2. P. 180.

- 22. Girard R. *Kozel otpushcheniya* [The scapegoat]. St. Petersburg. Publishing house of Ivan Limbach. 2010. [Electronic resource] // http://romanbook.ru/book/8070522/?page=1.
- 23. Dijkstra, Bram. Idols of Perversity: Fantasies of Feminine Evil in Fin-de-Siecle Culture. NewYork: OxfordUP, 1986. R. 380.
 - 24. Girard R. Op. cit. [Electronic resource] // http://romanbook.ru/book/8070522/?page=1.
- 25. Ambelin R. *Iisus, ili Smertel'naya tajna tamplierov* [Jesus, or the Fatal secret of the Templars]. St. Petersburg. Eurasia. 2007. P. 156.
- 26. John Chrysostom. *Tvoreniya. Na useknovenie glavy Predtechi* [Creations. On the beheading of the Baptist] [Electronic resource] // http://www.odinblago.ru/sv_otci/ioann_zlatoust/8_2/89
- 27. John Chrysostom. Op. cit. *O plyaske Irodiady* [About the dance of Herodias] [Electronic resource] // http://www.odinblago.ru/sv_otci/ioann_zlatoust/8_2/97
- 28. Flaubert G. *Iskushenie svyatogo Antoniya: [sbornik: per s fr.]* [Temptation of St. Anthony: [the collection: transl. from Fr.]/ Gustave Flaubert. M. AST: Astrel. 2011. P. 274.
 - 29. GustaveFlaubert. Correspondance.Paris, 1930.
 - 30. France A. Sobranie sochinenij v vos'mi tomah [Collected works in eight volumes]. Vol. 8. M. SPHL. 1960. P. 442.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 35.08

Д. Г. Домрачев

О некоторых вопросах совершенствования административного контроля (надзора) в Российской Федерации (по материалам межрегиональной научно-практической конференции)

Среди проблем развития предпринимательства в Российской Федерации наиболее актуальными остаются вопросы снижения административного давления на бизнес, исключение субъективного подхода к поднадзорным субъектам со стороны должностных лиц контрольно-надзорных органов, а также проблемы неурегулированности значительного круга правоотношений, определяющих общие подходы к вопросам осуществления государственного контроля (надзора).

Кроме этого при осуществлении административного надзора органов исполнительной власти должностными лицами систематически допускаются нарушения законодательства и процессуальных норм, что является существенным препятствием для активного и поступательного развития субъектов малого и среднего бизнеса в стране и требует со стороны государства системы мер по совершенствованию административно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности.

Обсуждению этих и других актуальных проблем была посвящена межрегиональная научно-практическая конференция «Проблемы совершенствования административного контроля (надзора) в Российской Федерации», проходившая 29 апреля 2015 г. в ВятГГУ.

Among the problems of entrepreneurship development in the Russian Federation the most relevant issues to reduce administrative pressure on business, the exclusion of the subjective approach to supervised entities with officials of regulatory and Supervisory bodies, as well as the problems of the unresolved significant circle of relationships that define common approaches to the implementation of state control (supervision).

In addition, the implementation of the administrative supervision of the Executive authorities officials systematically violated the law and procedure, which is a significant obstacle for active and progressive development of subjects of small and average business in the country and demands from the state system of measures on perfection of administrative-legal regulation of control and supervision.

The discussion of these and other relevant issues was devoted to interregional scientific-practical conference "problems of improvement of administrative control (supervision) in the Russian Federation", held on 29 April 2015 in the intersection of languages and cultures.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, административно-правовое регулирование, контрольно-надзорная деятельность, административная ответственность, проблемы правового регулирования, научно-практическая конференция.

Keywords: the Executive authorities, administrative-legal regulation, oversight and enforcement, administrative responsibility, problems of legal regulation of scientific-practical conference.

В последнее время со стороны руководства государства предпринимаются активные меры по оптимизации деятельности контрольно-надзорных органов и защите законных интересов субъектов малого и среднего бизнеса.

Данные вопросы нашли свое отражение в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г., в котором Президент ставит ряд конкретных задач органам законодательной и исполнительной власти по снижению административного давления на бизнес со стороны контрольно-надзорных органов, оптимизации контрольно-надзорной деятельности в целом и освобождению от проверок добросовестных предпринимателей, не допускающих нарушения соответствующих правил, нормативов и стандартов [1].

Юридические науки

Также среди важных событий в рассматриваемой сфере правоотношений необходимо отметить разработанный Минэкономразвития и внесенный на рассмотрение в парламент проект Федерального закона «О государственном и муниципальном контроле (надзоре) в Российской Федерации», который является логическим продолжением Концепции повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на 2014–2018 гг., разработанной министерством по поручению Президента РФ от 28 июня 2013 г.

Основной целью законопроекта является создание правовой основы для формирования единой системы государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федерации, а именно:

построение прозрачной, доверительной и действенной системы взаимоотношений власти, граждан и бизнеса;

снижение избыточного давления на бизнес;

стимулирование добросовестной конкуренции;

определение и установление четких границ разрешительной деятельности, государственного и муниципального контроля и надзора;

повышение эффективности и результативности контрольно-надзорной деятельности; эффективное использование бюджетных средств.

В целях исследования теоретических и прикладных проблем административно-правового регулирования контрольно-надзорной деятельности органов публичной власти, выявления причин и условий, снижающих эффективность применения законодательства в данной сфере, 29 апреля текущего года юридическим факультетом Вятского государственного гуманитарного университета была проведена вторая межрегиональная научно-практической конференция под названием «Проблемы совершенствования административного контроля (надзора) в Российской Федерации»

В конференции приняли участие более пятидесяти представителей, руководителей федеральных и региональных органов исполнительной власти, осуществляющих на территории области административный надзор (контроль), а также известные ученые в области административного права, представители судов и прокуратуры, преподаватели и аспиранты высших учебных заведений Кировской области и других регионов.

В ходе мероприятия состоялись: научно-практическое обсуждение участниками конференции вопросов деятельности органов исполнительной власти при осуществлении контрольно-надзорных мероприятий, обмен опытом применения соответствующего законодательства; высказывались предложения и рекомендации по повышению эффективности государственного контроля (надзора) в различных сферах.

Особое внимание уделялось вопросам реализации требований Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [2].

Обсуждался и вышеуказанный законопроект «О государственном и муниципальном контроле (надзоре) в Российской Федерации».

В своем выступлении А. И. Стахов, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом административно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета, по проблемам гармонизации контрольно-надзорной деятельности с законодательством об административных правонарушениях раскрыл понятие и структуру законодательства в сфере контрольно-надзорной деятельности публичной администрации, отметил, что часть отраслевого и специального законодательства в сфере государственного контроля и надзора, неразрывно связанная с ФЗ «О защите прав юридических лиц...», должна применяться судами по делам об административных спорах и делам об административных правонарушениях, связанных с проверками контрольно-надзорных органов, по правилам, которые закреплены в разнообразных законах, но не систематизированы и не унифицированы.

Также выступающий обратил внимание на то обстоятельство, что меры административно-правового принуждения и ограничения, предусмотренные законодательством в сфере контрольно-надзорной деятельности публичной администрации, до настоящего времени надлежащим образом не систематизированы. В частности, систематизированы и унифицированы лишь меры, применяемые по фактам выявленных административных правонарушений, – административно-наказательные меры (меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и меры административной ответственности). При этом меры пресекательно-восстановительного характера, применяемые по фактам нарушений законодательства, выяв-

ляемым в ходе контрольно-надзорной проверки и не признаваемым административными правонарушениями (нарушения обязательных требований, нарушения антимонопольного законодательства, налоговые правонарушения и др.), остаются также несистематизированными и неунифицированными.

В качестве важной проблемы А. И. Стахов отметил также, что в настоящее время установлена фрагментарная взаимосвязь процедур применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, мер административной ответственности с процедурами применения обеспечительных и пресекательно-восстановительных контрольно-надзорных мер.

Среди многих замечаний к законопроекту, комментируя статьи законопроекта, посвященные управлению рисками, докладчик указал на возможную чрезмерную бюрократизацию государственного контроля и надзора, а также муниципального контроля и надзора, вследствие возникновения значительной по объему учетно-аналитической работы. По его мнению, деятельность по моделированию рисков и пр. не относится к предмету регулирования данного законопроекта и вполне может быть регламентирована подзаконными нормативными правовыми актами, а для юридической практики представляется обоснованным ограничиться разработкой унифицированных формальных признаков угроз, адекватно которым контрольно-надзорные органы обязаны применять соответствующие типизированные административно-правовые меры, предусмотренные данным законопроектом.

Также большой интерес участников конференции вызвал доклад доктора юридических наук К. В. Черкасова по вопросу роли бизнес-омбудсмена в механизме защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, в котором он представил анализ нормативно-правовой основы деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

Анализируя юридическую природу данного государственного института, выступающий, в частности, отметил, что Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей в настоящее время не обладает реальными властными полномочиями, хотя его деятельность и носит публичный характер. Данный институт дополняет существующие средства защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, не отменяет и не влечет пересмотр компетенции органов публичной власти. В определенной мере его существование обусловлено недостаточной результативностью работы существующих правоохранительных органов и судов, несмотря на проводимые в них периодические институционально-организационные мероприятия.

В ходе конференции не остались без внимания и региональные проблемы. В своем докладе автор данной статьи отметил, что анализ правоприменительной практики деятельности контрольно-надзорных органов Кировской области показывает установившуюся в последние годы тенденцию роста оспаривания результатов проверок и действий должностных лиц этих органов, отмены судом вынесенных постановлений о наложении административных взысканий.

На основе анализа правоприменительной и судебной практики выступающий пришел к выводу о том, что в большинстве конфликтных ситуаций, возникающих по поводу результатов проверок и действий должностных лиц надзорных органов Кировской области, административный спор мог быть разрешен и урегулирован без судебного разбирательства, что привело бы к решению следующих проблем:

- значительное сокращение нагрузки на суды общей юрисдикции и арбитражный суд;
- экономию времени, сил и материальных средств поднадзорных субъектов, затраченных в связи с защитой своих прав в судах;
- повышение эффективности деятельности контрольно-надзорных органов в связи с экономией времени сотрудников, затраченного для судебных разбирательств, и своевременным выявлением и устранением негативных факторов в их деятельности;
 - укрепление дисциплины и законности в контрольно-надзорной сфере;
- повышение доверия субъектов предпринимательской деятельности к государству и принятие своевременных мер по допущенным нарушениям нормативов и стандартов.

Однако, учитывая, что действующим законодательством Кировской области и муниципальными правовыми актами обязательное досудебное урегулирование административных споров не предусмотрено, в настоящее время не обеспечивается возможность всестороннего и объективного разбирательства сложившейся конфликтной ситуации заинтересованными сторонами с привлечением незаинтересованных компетентных лиц до подачи жалобы в суд.

Автор доклада, применяя аналогию отдельных норм права, предложил на уровне субъекта Российской Федерации Кировской области решение этой задачи путем формирования специаль-100

Юридические науки

ных административных органов при органах исполнительной власти и органах местного самоуправления – административно-конфликтных комиссий, в компетенцию которых необходимо включить обязательное рассмотрение спорных ситуаций, возникших в результате контрольно-надзорных мероприятий, реализуемых органами исполнительной власти и органами муниципального контроля Кировской области, до подачи соответствующей жалобы в суды.

Для реализации указанной задачи, по мнению докладчика, требуется разработать и принять на законодательном уровне Кировской области и ее муниципальных образований, а также на уровне соответствующих органов исполнительной власти Кировской области нормативно-правовые акты (Закон Кировской области, постановления правительства Кировской области, постановления представительных органов местного самоуправления), регулирующие порядок формирования и деятельности специальных административных органов – административно-конфликтных комиссий Кировской области.

В качестве положительного опыта взаимодействия надзорных и поднадзорных субъектов в ходе контрольно-надзорной деятельности представляет большой интерес сообщение А. В. Молчанова, начальника Управления антимонопольной службы по Кировской области, о предупреждении как инструменте государственного антимонопольного контроля.

Анализируя нормы Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [3], докладчик подчеркнул, что в сфере конкуренции целями и задачами правового регулирования является не только пресечение, но и предупреждение правонарушений.

Вместе с тем выступающий пояснил, что значение предупредительной функции в деятельности антимонопольного органа до последнего времени понималась лишь в контексте положений ст. 3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях [4], согласно которой административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Изменения в подходах к предупредительно-контрольной деятельности антимонопольных органов реализовались в связи с принятием так называемого «третьего антимонопольного пакета» (Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]). Указанным законом в Федеральный закон «О защите конкуренции» были внесены дополнения, определяющие правовое регулирование выдачи антимонопольным органом предупреждения о нарушении антимонопольного законодательства.

Докладчик отметил, что введение механизма предупреждения было определено общей концепцией развития антимонопольного законодательства, в частности в связи с обозначенной целью его либерализации.

В докладе также прозвучало, что, обосновывая введение нового механизма, Федеральная антимонопольного служба подчеркивала, что предупреждение направлено на недопущение нарушения антимонопольного законодательства, предотвращение совершения правонарушения, при этом исполнение его не влечет за собой возбуждение дела о нарушения антимонопольного законодательства и, как следствие, административную ответственность.

В ходе конференции обсуждались и другие актуальные вопросы деятельности публичной администрации и проблемы защиты законных интересов предпринимательства, а также частных лиц. Более подробно с этой информацией можно ознакомиться в сборнике статей и выступлений по материалам конференции.

По результатам конференции была принята резолюция с общим мнением продолжить взаимодействие заинтересованных государственных и муниципальных органов с научным сообществом по вопросам совершенствования административного контроля (надзора) и выработке мер, направленных на повышение его эффективности.

Примечания

- 1. Основные проблемы оптимизации контрольно-надзорной деятельности в свете Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 90–95.
- 2. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». www.consultant.ru
 - 3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». www.consultant.ru
 - 4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. www.consultant.ru
- 5. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции». www.consultant.ru

Notes

- 1. Osnovnye problemy optimizacii kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v svete Poslaniya Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu sobraniyu RF ot 4 dekabrya 2014 g. The main problems of optimization of control and supervision in the light of the message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of December 4, 2014 // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta Herald of Vyatka State University of Humanities. 2015, No. 1, pp. 90-95.
- 2. Federal law of 26 December 2008 № 294-FZ "On protection of rights of legal entities and individual entrepreneurs when exercising state control (supervision) and municipal control". www.consultant.ru (in Russ.)
 - 3. Federal law of 26.07.2006 № 135-FZ "On protection of competition". www.consultant.ru (in Russ.)
 - 4. The Russian Federation code of administrative offences. www.consultant.ru (in Russ.)
- 5. Federal law of 06.12.2011, No. 401-FZ "On amendments to the Federal law "On protection of competition". www.consultant.ru (in Russ.)

УДК 343.2/.7

М. П. Ситникова

К вопросу квалификации преступлений с экстремистским мотивом как отягчающим ответственность обстоятельством

В данной статье автор подробно рассматривает актуальные проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности, в которых экстремистский мотив выступает в качестве квалифицирующего обстоятельства; детально анализирует основные мотивы рассматриваемой группы преступлений в виде ненависти и вражды, а также их разновидности; проводит на основе исследования соответствующих юридических норм разграничение преступлений экстремистской направленности между собой и отграничение их от смежных составов; приводит примеры из практической деятельности правоохранительных органов; дает собственную оценку некоторых преступлений рассматриваемой группы; предлагает комплекс правовых мер с целью внесения изменений и дополнений в действующее антиэкстремистское законодательство РФ для устранения имеющихся правовых коллизий.

In this article the author in detail considers actual problems of qualification of crimes of an extremist orientation in which the extremist motive acts as the qualifying circumstance; in-depth analysis of the main motives of the considered group of crimes of hatred and hostility, and also their version; conducts on the basis of research of relevant legal norms the distinction of crimes of an extremist orientation between themselves and delimitation them from related crimes, gives examples from practical activities of law enforcement agencies, gives own assessment of some crimes of the considered group; offers a complex of legal measures for the purpose of making changes and amendments to existing anti-extremism legislation of the Russian Federation for resolve existing legal collisions.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, квалификация преступлений, экстремистский мотив, анализ статей, разграничение преступлений, правовые коллизии.

Keywords: crimes of an extremist orientation, qualification of crimes, extremist motive, analysis of articles, differentiation of crimes, legal collisions.

На увеличение проявлений экстремизма в современной России в значительной степени повлияли политические и экономические реформы конца XX в., усилив этические и религиозные разногласия. На подобные обострения государство отреагировало созданием правовых механизмов противодействия в виде принятия ряда федеральных законов. Но экстремистские уголовно наказуемые деяния по-прежнему носят сложный, замаскированный характер, затрудняющий установление факта совершения преступления, в связи с чем они являются высоколатентными. Стремление правоохранительных органов в большей степени отчитаться о проделанной работе обусловливают выборочное реагирование на экстремистскую деятельность социальных групп, исходя из их публичной активности. Имеющиеся пробелы правового обеспечения в сфере противодействия экстремистским преступлениям затрудняют процесс правильной квалификации данных уголовно-правовых деяний, снижая эффективность деятельности правоохранительных органов и негативно сказываясь на борьбе с экстремизмом, следственной и судебной практикой.

Существуют проблемы и с законодательной, правоприменительной оценкой характера и степени общественной опасности части преступлений экстремистской направленности на уров-

102

не санкций и назначения наказания по факту. Применяемые меры ответственности должны адекватно отражать уровень общественной опасности данных деяний, которые становятся более значимыми за счет направленности посягательства на конституционный строй РФ.

Весьма неоправданна разбросанность преступлений экстремистской направленности по всему содержанию Особенной части УК РФ, что свидетельствует об искусственности его как института и посягательстве на разные виды общественных отношений. Поэтому большую роль играет квалификация указанных деяний, т. е. установление соответствия между фактическими признаками правонарушения и признаками конкретного состава преступления с последующим их закреплением в нормах уголовного закона, а также их разграничение между собой и отграничение от смежных составов уголовно наказуемых деяний. Правильная юридическая оценка преступлений имеет большое значение для верного разграничения смежных составов. Для экстремистских преступлений необходимо сначала сопоставить объективные признаки сравниваемых составов преступлений, а затем искать отличительные черты в признаках их субъективной стороны и субъектов, которые в данных преступлениях практически идентичны.

В преступлениях экстремистской направленности особую роль при квалификации отводится объекту преступления. При его установлении необходимо ориентироваться на цели и мотивы преступного посягательства. Преамбула ФЗ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» гласит: «Настоящим Федеральным законом в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности Российской Федерации...». Исходя из этого, непосредственным объектом рассматриваемой группы выступают безопасность человека, нормальное функционирование конституционного строя и территориальная, национальная стабильность государства.

Об экстремистской направленности преступлений можно говорить при прямом или опосредованном указании на соответствующие мотивы в соответствующих статьях УК РФ, в установлении которых и заключается трудность расследования рассматриваемых преступлений. Под мотивом поведения следует понимать внутреннее побуждение к действию, которое определяется интересами, чувствами, потребностями, возникающими под влиянием внешней среды и конкретной ситуации. Окончательные выводы о них формируются только в ходе расследования и рассмотрения судами уголовных дел. Квалификация преступления происходит именно с учетом главного мотива. Обстоятельства, оказывающие влияние на его формирование и вызывающие решимость на осуществление преступного умысла, не должны влиять на юридическую оценку деяния. Однако часто в следственной практике после определения мотива преступное посягательство видоизменяется, приобретает иную квалификацию, и экстремизм, как правило, исчезает. Также не редки случаи, когда мотивы указываются, но не доказываются. Если потерпевший и обвиняемый разной национальности, предполагается, что преступление совершено на национальной почве. Выводы о мотивах формируются на основе анализа только объективной стороны состава преступления, а также очевидных характеристик потерпевших и подозреваемых. При этом не учитывается наличие конфликтов, не связанных с национальностью, религией, ненавистью, враждой, местью на почве принадлежности к разным социальным группам. Но стоит отметить, что в уголовном судопроизводстве необходимо устанавливать именно побудительные мотивы преступлений [1].

Как показывает практика, основными мотивами данной группы деяний являются ненависть или вражда и их разновидности – политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная. Тонкая грань между понятиями не дает провести четкую границу, поэтому часто ненависть и вражду рассматривают как синонимы. Разделительные союзы «или», «либо» между ними в уголовном законе усложняют ситуацию и наталкивают на необходимость их разграничения между собой. Однако анализ уголовных дел показывает, что зачастую указанные термины при оформлении процессуальных документов употребляются как взаимосвязанные и неотделимые друг от друга понятия. Но, по сути, вражда существует в рамках всего общества и поэтому не способна быть мотивом отдельно взятого преступного деяния. Она характеризует основанные на взаимной ненависти существующие отношения, но никак не побуждения. Вражда может выступать в качестве желаемого результата, цели уголовно наказуемых деяний, придавать им экстремистскую направленность, существенно нарушая основы конституционного строя государства. Поэтому в качестве мотива преступлений предпочтительно указывать ненависть, а не их сочетание с враждой.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом указывает, что субъектами преступлений экстремистской направленности могут быть физические лица из числа граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, независимо от места совершения преступления против безопасности любого из государств – участников Конвенции. Практика

показывает, что примерно 75% осужденных не раскаялись в содеянном, а значит, готовы вновь совершать деяния подобного рода. Систематическое совершение преступлений экстремистской направленности указывает на криминальный профессионализм лица, и игнорирование такого варианта криминальной активности можно рассматривать как пробел в законодательстве.

Анализ статей, предусматривающих ответственность за экстремистские преступления, позволил выявить некоторые проблемы квалификации данной группы деяний, разграничить их между собой и отграничить от смежных составов.

При квалификации преступлений вызывает затруднения ст. 213 УК РФ «Хулиганство». Хулиганские и экстремистские мотивы деяния законодатель расценивает как равнозначные по уголовно-правовому значению, исключая их взаимное подчинение и поглощение. Данные мотивы во всех соответствующих статьях Особенной части УК РФ выступают в качестве самостоятельных квалифицирующих признаков составов преступлений.

Преступления экстремистской направленности имеют два побуждения – ненависть или вражду либо их сочетание. Статья 213 УК РФ предусматривает еще и хулиганский мотив. По мнению законодателя, он должен быть связан с «экстремистским» побуждением. Иными словами, лицо должно грубо нарушать общественный порядок, выражать неуважение к обществу, даже не имея для этого повода. Одновременно он должен испытывать ненависть либо вражду к какой-либо социальной группе в связи с их национальностью, расой, идеологией, религией и иными отличительными признаками. Но данные сочетания исключают друг друга, поскольку преступлениям экстремистской направленности свойственна избирательность действий, демонстрирование негативного отношения к отдельной части, а не в целом к обществу. Потерпевшим является лицо, обладающее вызывающими ненависть признаками. В свою очередь, хулиганские действия не имеют избирательности и экстремистского мотива. Виновный желает продемонстрировать неуважение в целом к обществу и грубо нарушить общественный порядок. Потерпевшим может быть любой человек без принадлежности к определенной социальной группе. Из этого видно, что экстремистский мотив в ст. 213 УК РФ является абсолютно не обоснованным.

Проблема включения в состав хулиганства экстремистского мотива состоит также в том, что данный признак является альтернативным по отношению к п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ (с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия). Так законодатель создал формальную возможность отнесения к данному преступлению действий, которые, если бы не совершались из «экстремистских» побуждений, то рассматривались бы как мелкое хулиганство [2]. Однако наличие возможности сочетания хулиганских и экстремистских побуждений в основном составе преступления ст. 213 УК РФ накладывает ограничения на судебное толкование уголовного закона, так как исключает возможность формулировки рекомендаций о недопустимости квалификации любого деяния с учетом двух и более различных мотивов. Уголовно наказуемое хулиганство характеризуется публичной направленностью самих действий и вредных для общества последствий. Оно совершается с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, которое остается отличительным признаком объективной стороны состава хулиганства. Некоторые суды рассматривают данный признак в качестве обязательного свойства внешнего проявления хулиганских побуждений в целом.

Современная законодательная формулировка рассматриваемой нормы заставляет сталкиваться с вопросами квалификации данного деяния при совершении его по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Часть 2 ст. 213 УК РФ предполагает такое противоправное поведение виновного, которое грубо нарушает общественный порядок и выражает явное неуважение к обществу. Однако до настоящего момента отсутствует единство мнений по поводу определения признаков «социальная группа», сочетания «явное неуважение к обществу» и содержания понятия «грубое нарушение общественного порядка». Коллизии в правоприменительной деятельности хулиганства указывают на ошибочность принятого современного законодательного определения такового. Результат можно увидеть на примере акции под названием «Дворцовый переворот», прошедшей в 2010 г. с последствиями в виде переворачивания полицейской машины, которая была квалифицирована как хулиганство по мотиву ненависти к социальной группе полицейских. Привлеченные к делу эксперты пришли к выводу, что полиция не является социальной группой. Оружие при этом не использовалось, мотив ненависти отпал, следовательно, и состав преступления отсутствовал [3]. И правильно отмечал А. В. Ростокинский, что «новеллы законодательства об ответственности за совершение хулиганства оказывают негативное воздействие на состояние борьбы с насильственной преступностью, включая экстремистское насилие» [4].

Хулиганство, предусмотренное п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, имеет отграничения от умышленного причинения легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ), умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ), побоев (п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ), истязания (п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ), угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119 УК РФ) и вандализма (ч. 2 ст. 214 УК РФ). Если хулиганство сопряжено с причинением легкого вреда здоровью или с нанесением побоев, то данное деяние полностью охватывается ст. 213 УК РФ, поскольку такая норма является более полной по сравнению с нормами, содержащимися в ч. 2 ст. 115 УК РФ в ч. 2 ст. 116 УК РФ. Она предусматривает более строгое наказание и не упрощает процессуальный порядок расследования уголовного дела. Однако если при хулиганстве потерпевшему был причинен вред здоровью средней тяжести, то действия виновного подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ и п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, поскольку равенство верхнего предела наиболее строгого наказания ещё не является основанием утверждения, что одно из этих преступлений содержит полный объем признаков другого. К тому же квалификация деяний по совокупности рассматриваемых статей позволяет учитывать следующие особенности данных посягательств:

- 1. Социальные свойства хулиганских действий в виде грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу.
- 2. Способ совершения деяния в виде применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия.
- 3. Степень общественной опасности последствий в виде причинения вреда здоровью средней тяжести.

Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, является единственным признаком, позволяющим отграничить преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, от преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 115 УК РФ и ч. 2 ст. 116 УК РФ. Отсутствие данных предметов делает практически невозможным такое отграничение. Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», в случаях причинения в процессе хулиганства побоев потерпевшему или причинения вреда здоровью различной тяжести из хулиганских побуждений, содеянное нужно квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 213 УК РФ и статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступления против личности. Однако этот же Пленум под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, понимает «умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия» [5]. Применение данных предметов является способом совершения хулиганства и признаком объективной стороны его состава, поэтому требует его установления при квалификации соответствующего деяния. Физическое воздействие есть действие, направленное на причинение боли либо вреда здоровью потерпевшему. Систематическое нанесение побоев или совершение насильственных действий, объединенных одним умыслом, при продолжаемом хулиганстве не требует квалификации по ч. 1 ст. 117 УК РФ «Истязание». Но так как законодатель допускает возможность совершения преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ, то можно предположить сочетание в деянии признаков такого хулиганства и истязания, осуществленного по тем же мотивам, что потребует квалификации содеянного с учетом совокупности преступлений, предусмотренных ст. 213 и 117 УК РФ. Однако деяние нужно квалифицировать по его основному мотиву. Для хулиганства таким мотивом является отсутствие повода или использование незначительного повода для грубого нарушения общественного порядка и выражения явного неуважения к обществу. В свою очередь, мотивы преступлений экстремистской направленности возникают в связи с обстоятельствами, которые вызывают ненависть или вражду по отношению к социальной группе или ее представителям. В связи с этим истязание как преступление экстремистской направленности полностью охватывается п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ.

В случае, если хулиганство сопряжено с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда, то деяние полностью охватывается ст. 213 УК РФ.

Хулиганство также следует отличать от вандализма, предусмотренного ст. 214 УК РФ по следующим признакам:

1) Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, является обязательным признаком объективной стороны хулиганства и факультативным для вандализма.

- 2) Общественное место как место совершения деяния не является обязательным признаком хулиганства в отличие от вандализма.
- 3) Хулиганские побуждения являются обязательной составляющей субъективной стороны хулиганства, но факультативным признаком вандализма.
- 4) Публичность уничтожения или повреждения имущества при хулиганстве, которые в большинстве случаев обусловливают их опасность для здоровья граждан; при вандализме чаще заметны результаты действий виновных, а не процесс совершения как таковой.

Часть 2 ст. 214 УК РФ необходимо отличать от уничтожения, повреждения и осквернения мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, скульптурного или архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом либо жертвам фашизма, осуществленным из тех же побуждений, т. е. п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ. Разграничение здесь следует проводить по объекту и предмету данных посягательств. Если первое посягает на общественный порядок, то второе – на общественную нравственность. Но стоит отметить, что в случае совершения рассматриваемого надругательства до достижения виновным 16 лет и при установлении признаков состава ст. 214 УК РФ содеянное может квалифицироваться по данной статье.

При приготовлении, покушении, совершении хулиганства устойчивой группой лиц и при наличии в деянии признаков, указанных в ст. 209 УК РФ и ст. 282-1 УК РФ, следует учитывать возможность отнесения данной группы к банде или экстремистскому сообществу. Вышеназванные нормы не охватывают случаи приготовления, совершения других преступлений, и необходима дополнительная квалификация по соответствующим статьям УК РФ. Установление самостоятельных составов и ответственности за создание преступных объединений направлено на пресечение организованной преступной деятельности до начала реализации умысла на совершение других преступлений. Если банда или экстремистское сообщество создаются для совершения конкретных правонарушений, обладающих индивидуальными признаками, то квалификация должна осуществляться по совокупности преступлений.

Статья 213 УК РФ в действующей редакции включает в себя два принципиально отличающихся друг от друга деяния: а) хулиганство с применением оружия или аналогичных предметов (п. «а»); б) хулиганство, совершенное по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотиву ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б»). Как указывает Ц. З. Апостолова, уголовно наказуемое хулиганство представлено ныне в виде двух качественно разных самостоятельных преступлений, одно из которых усугублено применением оружия, а другое - специальным мотивом [6]. Предполагается, что у законодателя отсутствует представление о непосредственном объекте рассматриваемого деяния. Как известно, мотивом «классического» хулиганства является умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим и продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним [7]. Мотив же, закрепленный в пункте «б» ст. 213 УК РФ, препятствует возможности установления классических признаков хулиганства. Полагаем, что совершение хулиганства, основанного на экстремистской мотивации, обусловлено желанием виновного показать на неполноценность определенных личностей, относящихся к иным расам, национальностям, религиям, политическим и идеологическим или социальным группам. А это, в свою очередь, исключает посягательство непосредственно на общественный порядок в целом, так как деяние направлено на интересы определенной социальной ячейки, а не всего общества. Это подтверждается и судебно-следственной практикой, которая показала несостоятельность применения п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Предполагается, что именно поэтому в Уголовном кодексе появилась новая редакция ст. 148 УК РФ «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», установившая ответственность за «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» [8]. Но это не снимает вопросов по установлению признаков совершенного по экстремистским мотивам хулиганства, а, наоборот, порождает новые трудности при правовой оценке вышеназванных деяний в рамках их конкуренции.

Осквернение, повреждение, уничтожение мест захоронения, надмогильных сооружений, кладбищенских зданий, скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного борьбе с фашизмом или жертвам фашизма (п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ), нужно отличать от умышленных повреждения или уничтожения чужого имущества (ст. 167 УК РФ). Основным отграничительным признаком является предмет преступления. Для уголовно наказуемых деяний, предусмотренных ст. 167 УК РФ, непосредственным объектом выступают отношения собственности, а для преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ, – общественная нравственность. Однако если деяние, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ, нарушает отношения собственности и совершается лицом от 14 до 16 лет (не включительно), то рассматриваемый состав преступления в его действи-

ях отсутствует. В данном случае содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 167 УК РФ либо по ч. 2 ст. 214 УК РФ, которые предусматривают четырнадцатилетний возраст уголовной ответственности за данные преступления.

Пункт «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших» нужно отличать от п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийства, совершенного по экстремистским мотивам. Виновный по п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ должен осознавать, что надругательство совершается в отношении тела уже умершего человека, после лишения его жизни. Посмертные повреждения совершаются за рамками оконченного умышленного причинения смерти человеку и не включаются в содержание объективной стороны убийства.

Пункт «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует отличать от геноцида, ответственность за который предусмотрена ст. 357 УК РФ. Последний не характеризуется специальным мотивом и обладает избирательностью в отношении потенциальных потерпевших. В свою очередь, убийство совершается из ненависти или вражды и не направлено на полное уничтожение какой-либо социальной группы. Для убийства основным непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие жизнь человека, для геноцида - мир и безопасность человечества. Статья 1 ФЗ № 114-ФЗ от 27.06.2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» включает в такую деятельность преступления, совершеннее по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Если деяния, направленные на уничтожение национальной, этнической, расовой, религиозной группы, будут совершены по указанным мотивам ненависти или вражды, то геноцид можно признать одним из преступлений экстремистского характера. Но такое допущение будет касаться многих преступлений и поставит под сомнение включение именно геноцида в данный перечень при игнорировании других преступлений, которым могут быть присущи ненависть либо вражда в отношении социальных групп и их представителей.

На основе рассмотренного материала в целях предотвращения дальнейшего распространения экстремизма в России предлагается внести в действующее антиэкстремистское законодательство соответствующие изменения и дополнения:

- 1. Запретить судам изменять категории преступлений экстремистской направленности на менее тяжкую и внести соответствующие дополнения в ч. 6 ст. 15 УК РФ.
- 2. Дополнить ст. 84 УК РФ «ч. 3 амнистия не применяется к лицам, обвиняемым либо признанным виновным в совершении преступления экстремистской направленности».
- 3. Уголовный закон должен исходить из согласованности уголовно-правовых и нравственных норм и содержать запреты на поведение, обладающее объективной общественной опасностью. Субъективная сторона преступлений должна характеризоваться целью, направленной на возбуждение ненависти или вражды, и мотивом в виде ненависти. Понятия ненависти и вражды не должны допускать произвольное отнесение какого-либо деяния к числу преступлений экстремистской направленности и обязаны содержать исчерпывающие признаки расы, национальности, отношение к религии, характеризующие их возникновение, проявление и во внешнем выражении нарушать толерантность, терпимость в обществе. Туда же включить п. «е» ст. 63 УК РФ, исключив его из УК РФ. Список преступлений должен быть исчерпывающе точно отражен в законе и содержать самые «крайние» правонарушения. Также определить признаки, характеризующие понятие экстремистского уголовно наказуемого деяния, и определить его в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Уже существующие составы преступлений дополнить «экстремистскими» мотивами и целью. В законодательном определении экстремистских преступлений внести полный перечень отличительных признаков социальных групп, которые вызывают у виновных ненависть и вражду в самых крайних формах. В основе таких групп должны быть социально значимые признаки, исключая те, что придают антисоциальный характер (напр., наличие судимостей, принадлежность к экстремистской организации). В постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремисткой направленности» также внести изменения и дополнения по поводу разъяснения понятий «ненависть», «вражда», «социальная группа» и других признаков составов преступлений экстремистской направленности, а также рекомендации по разграничению данных преступлений между собой и их отграничению от смежных составов преступлений.
- 4. Наложить дополнительные правоограничения, влекущие определенные последствия для осужденного, и ввести в «экстремистские нормы» УК РФ квалифицирующий признак в виде «совершения преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление экстремистской направленности». Лицом, ранее судимым за экстремистские преступления, должно признаваться лицо, ранее совершившее деяние из исчерпывающего перечня преступлений экс-

тремистской направленности, если ранее за совершенное деяние лицо не было освобождено от уголовной ответственности в установленном законом порядке либо судимость не была снята или погашена. Универсальный принцип ответственности (ст. 12 УК РФ) можно распространять и на лиц, которые уже были осуждены за экстремистские преступления на территории других государств. При совершении деяния экстремистской направленности можно судить по предложенному квалифицирующему признаку с учетом прежней судимости. Безусловно, что судимость в других государствах определяется по другим критериям, но постановлением Верховного суда можно установить процедуру учета судимостей за международные преступления при их совершении в другом государстве, учитывая особенности учета судимостей в национальных законодательствах.

5. Принимая во внимание то, что в данной статье законодателем необоснованно объединены принципиально разные преступления, исключить п. «б» из ч. 1 ст. 213 УК РФ, максимально конкретизировав признаки данного деяния, при этом следует избегать излишеств толкования, поскольку это может создать массу проблем при квалификации и повлечь снижение эффективности ее применения.

Квалификация преступлений экстремистской направленности связана с вопросами соблюдения прав человека и гражданина, и порой бывает сложно провести черту между действиями, направленными на возбуждение ненависти или вражды, и способом выражения своего мнения. Ошибки в законодательстве и в порядке его применения не дают в полной мере осуществлять борьбу с экстремизмом. Предложенные меры и коррективы позволят повысить эффективность защиты личности, общества и государства от экстремистских преступлений, упорядочив правоприменительную практику и её предупредительную составляющую в сфере противодействия экстремистским преступлениям.

Примечания

- 1. Долгова А. И. Экстремизм и противодействие ему органов прокуратуры: метод. пособие. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 38.
- 2. *Кунашев А. А.* Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 89.
- 3. Материалы судебной практики: Российская Федерация. Ленинский районный суд г. С. Петербург. О судебном приговоре: [постановление: принято Ленинским районным судом г. С. Петербург 11 ноября 2010 г.] // Архив ГУВД по г. Санкт-Петербург.
- 4. *Ростокинский А. В.* О сходной сущности и различиях квалификации хулиганства и экстремизма // Российский следователь. 2007. № 7. С. 17–18.
- 5. Российская Федерация. Постановление Пленума Верховного Суда РФ. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: [постановление: принято Пленумом Верховного суда 15 ноября 2007 г. № 45: ред. от 15 ноября 2007 г.] // Российская газета: федеральный выпуск. 2007. 21 ноября.
- 6. Апостолова Ц. З. Дискуссионные аспекты уголовно-правовой характеристики хулиганства в редакции ФЗ от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ // Российский следователь. 2007. № 24. С. 23–26.
- 7. Российская Федерация. Постановление Пленума Верховного Суда РФ. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: [постановление: принято Пленумом Верховного суда 15 ноября 2007 г. № 45: ред. от 15 ноября 2007 г.] // Российская газета: федеральный выпуск. 2007. 21 ноября.
- 8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-Ф3 (ред. от 13.07.2015 г., с изм. от 16.07.2015 г., вступ. в силу с 25.07.2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Notes

- 1. Dolgova A. I. *EHkstremizm i protivodejstvie emu organov prokuratury: metod. posobie* [Extremism and counteraction of prosecution bodies: tutorial]. M. Russian criminological Association. 2009. P. 38.
- 2. Kunashev A. A. *Motivy nenavisti ili vrazhdy v ugolovnom prave Rossii: monografiya* [Motives of hatred or enmity in criminal law of Russia: monograph]. M. Yurlitinform. 2013. P. 89.
- 3. The materials of judicial practice: The Russian Federation. Lenin district court of St. Petersburg. On judicial sentencing: [the resolution accepted by Lenin district court of St. Petersburg of November 11, 2010] // The archive of the Municipal Department of Internal Affairs in St.-Petersburg. (in Russ.)
- 4. Rostokinskiy A.V. *O skhodnoj sushchnosti i razlichiyah kvalifikacii huliganstva i ehkstremizma* [Similar entities and the differences of qualification of hooliganism and extremism] // Rossijskij sledovatel' Russian investigator. 2007, No. 7, pp. 17-18.
- 5. The Russian Federation. The resolution of the Plenum of the Supreme Court. About court practice on criminal cases about hooliganism and other crimes committed by hooligan motives: [the resolution adopted by the Plenum of the Supreme court on 15 November 2007, No. 45: revision of November 15, 2007] // Russian Newspaper Federal issue. 2007, November 21. (in Russ.)

- 6. C. Z. Apostolova *Diskussionnye aspekty ugolovno-pravovoj harakteristiki huliganstva v redakcii FZ ot 24.07.2007 g. № 211-FZ* [Controversial aspects of criminal-legal characteristics of bullying in the wording of Federal law of 24.07.2007 № 211-FZ] // *Rossijskij sledovatel'* Russian investigator. 2007, No. 24, pp. 23-26.
- 7. The Russian Federation. The resolution of the Plenum of the Supreme Court. About court practice on criminal cases about hooliganism and other crimes committed by hooligan motives: [the resolution adopted by the Plenum of the Supreme court on 15 November 2007, No. 45: revision of November 15, 2007] // Russian Newspaper Federal issue. 2007, November 21. (in Russ.)
- 8. The criminal code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 13.07.2015., with am. from 16.07.2015, preface 25.07.2015). Access from Ref.- legal system "ConsultantPlus". (in Russ.)

УДК 342.95

Т. Е. Сучкова, А. В. Сучков

К вопросу об административно-правовом характере профессиональной деятельности врача

На современном этапе развития медицинской науки и практики все более пристальное внимание уделяется вопросам правового регулирования отношений, возникающих при осуществлении врачебной деятельности. К числу наиболее спорных и противоречивых вопросов в сфере правового регулирования медицинской деятельности относятся вопросы определения отраслевой принадлежности правоотношений, возникающих при оказании врачами квалифицированной медицинской помощи.

В статье автор обозначает и тщательно исследует административно-правовые критерии, характеризующие врачебную деятельность. По мнению автора, сферу оказания врачебной помощи гражданам в Российской Федерации следует рассматривать в качестве объекта административно-правового регулирования. Соответственно, врачебную квалифицированную помощь гражданам необходимо признать деятельностью по оказанию государственных услуг, которая регламентирована административно-правовыми нормами и осуществляется под контролем компетентных органов исполнительной власти (Росздравнадзором и его территориальными органами).

At the present stage of development of medical science and practice more and more attention is paid to the legal regulation of carrying out medical activities relations. Among the most contentious and controversial issues arising in the field of legal regulation of medical activity, issues include the definition of industry sector of legal relations arising in the provision of skilled care physicians.

The author indicates carefully examines the legal and administrative criteria that characterize medical practice. The author believes that the provision of medical care to citizens of the Russian Federation should be viewed as an object of administrative and legal regulation. Accordingly, qualified medical assistance to the citizens need to recognize the activities of public service, which is regulated by administrative law and is carried out under the supervision of the competent authorities of the executive power (RZN and its territorial bodies).

Ключевые слова: врачебная деятельность, публично-правовые нормы, государственный контроль (надзор), государственные услуги.

Keywords: doctoral activity, public law, state control (supervision), government services.

К числу конституционно охраняемых и защищаемых ценностей в Российской Федерации относится право на охрану здоровья и медицинскую помощь как неотъемлемое благо, принадлежащее человеку от рождения. Данное положение закреплено в ст. 41 Конституции [1] и является одним из важнейших элементов социальной политики государства, направленной на достижение стабильно высокого уровня благосостояния человека.

В целях практической реализации данного конституционного положения все чаще поднимается вопрос о необходимости становления в Российской Федерации правовой медицины – «медицины, которая безоговорочно соответствует действующим законам, принятым стандартам оказания медицинской помощи, юридическим и деонтологическим требованиям» [2]. Более того, в сфере внимания юристов, занимающихся теоретическими разработками и практической правоприменительной деятельностью в сфере осуществления медицинской деятельности, оказываются не только проблемы определения правовых критериев качественности медицинской по-

© Сучкова Т. Е., Сучков А. В., 2015

мощи [3], но и особенности привлечения врачей, иных медицинских работников в случае ненадлежащего оказания медицинской помощи к юридической ответственности [4].

Вместе с тем, ведя речь о правовых характеристиках медицинской деятельности, в качестве административно-правового признака врача, на наш взгляд, следует признать наличие у него права на оказание квалифицированной медицинской помощи как самостоятельного вида государственных услуг, выделенных в ходе административной реформы в сфере здравоохранения.

Произошедшие за последние два десятилетия в нашей стране экономические и социальные изменения не могли не повлиять на представления общества о способах реализации социальной функции государства. Концепция сервисного характера публичного управления, зародившаяся в конце XX в. в странах Западной Европы и США и воспринятая в Российской Федерации, предполагает толкование государства в качестве «общественно-политической системы, направленной на обслуживание публичных интересов» [5], когда основной функцией публичной власти является обеспечение предоставления обществу или индивиду публичных услуг.

Современное законодательство Российской Федерации, сформировавшееся под воздействием административной реформы, включает в себя большое количество нормативных актов, регулирующих оказание государственных услуг [6]. При этом, в соответствии с Указом Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [7], оказание государственных услуг рассматривается в качестве типизированной функции федерального агентства, включающей в себя предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами (подп. «д» п. 2).

В частности, вопросы нормативно-правового регулирования в сфере здравоохранения, в том числе в сфере оказания государственных услуг в указанной сфере, включая оказание медицинской помощи и организацию оказания медицинской помощи, входили в перечень полномочий как функционировавшего в период с 2004 по 2012 г. Министерства здравоохранения и социального развития РФ [8], так и существующего в настоящее время Министерства здравоохранения РФ [9]. При этом осуществление функции по оказанию государственных услуг в сфере здравоохранения, включая оказание медицинской помощи (за исключением высокотехнологичной медицинской помощи), было возложено на Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию [10], а с 2008 г. – на Федеральное медико-биологическое агентство (ФМБА России) [11].

Административно-правовую природу врачебной деятельности подчеркивает тот факт, что осуществление врачебного вмешательства регламентируется публично-правовыми нормами [12].

Как известно, юридическим обоснованием врачебного вмешательства может быть либо наличие данной услуги в перечне медицинских услуг, предоставляемых в соответствии с Программами государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи гражданам РФ на соответствующий год, либо заключение гражданско-правового договора на оказание медицинских услуг.

И в том и в другом случае врач при оказании профессиональной помощи обязан действовать в соответствии со стандартами медицинской помощи. Согласно Определению Верховного суда РФ данные стандарты медицинской помощи «устанавливаются компетентным органом государственной власти и представляют собой обязательные требования, предъявляемые к оказанию медицинской помощи применительно к определенным видам медицинской помощи либо конкретным болезням (группам болезней)» [13].

Заключение договора между пациентом и медицинским учреждением по поводу оказания медицинской помощи также носит публично-правовой характер, так как такой договор, по сути, порождает комплекс административных прав и обязанностей врача, определенных соответствующим стандартом медицинской помощи, который утверждается Приказом Минздрава РФ.

Кроме того, на административно-правовую природу оказания медицинской помощи указывает осуществление государственного контроля (надзора) за данным видом врачебной деятельности.

Так, предметом государственного контроля является проведение проверок организации и осуществления федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности, организации и осуществления федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, осуществляющими полномочия в сфере охраны здоровья граждан, а

также осуществляющими медицинскую деятельность организациями и индивидуальными предпринимателями внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности [14].

Также, в соответствии с п. «в» ч. 1 «Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 12 ноября 2012 г. № 1152 [15], предусматривается государственный контроль за соблюдением стандартов медицинской помощи. В соответствии с п. 16 Приказа Минздрава РФ от 21 декабря 2012 г. № 1340н [16] при проведении проверок соблюдения стандартов медицинской помощи подлежат оценке соблюдение выполнения медицинских услуг в зависимости от усредненных показателей частоты и кратности их применения, а также обоснованность назначения медицинских услуг, лекарственных препаратов и компонентов крови.

Функции по контролю за соблюдением стандартов медицинской помощи в соответствии с п. «а» ч. 4 Постановления Правительства от 12 ноября 2012 г. № 1152 и п. 5.1.3.8 Постановления Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 323 [17] возлагаются на Федеральную службу по надзору в сфере здравоохранения.

Приказом Минздрава России от 23.01.2015 г. № 12н [18] утвержден Административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по исполнению государственной функции по осуществлению государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности путем проведения проверок применения осуществляющими медицинскую деятельность организациями и индивидуальными предпринимателями порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи. В соответствии с п. 6 данного документа предметом государственного контроля является применение осуществляющими медицинскую деятельность организациями и индивидуальными предпринимателями порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи.

При этом проведение в рамках государственного контроля проверок соблюдения стандартов медицинской помощи предусмотрено для всех без исключения субъектов, имеющих право осуществления медицинской (в том числе врачебной) деятельности в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, оказание врачом квалифицированной медицинской помощи следует признать деятельностью по оказанию государственных услуг, которая, во-первых, регламентирована административно-правовыми нормами и, во-вторых, осуществляется под контролем компетентных органов исполнительной власти (Росздравнадзором и его территориальными органами).

Раскрывая административно-правовую природу оказания врачом квалифицированной медицинской помощи, нельзя не отметить позицию ученых-цивилистов по этому вопросу. Так, по мнению И. Г. Галя, медицинские (в том числе – врачебные) услуги, обладая значительной спецификой, так как связаны с жизнью и здоровьем человека, являются частным случаем возмездного оказания услуг в соответствии с п. 1 ст. 779 ГК РФ [19] и, соответственно, регулируются гражданско-правовыми нормами.

В подтверждение своей точки зрения автор приводит позицию Конституционного суда РФ по этому вопросу, согласно которой «право на медицинскую помощь включает в себя право на получение (медицинских) услуг, которое не входит в гарантированный объем бесплатных медицинских услуг, предоставляемых в рамках Программы государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи... и принимаемых на ее основе территориальных программ государственных гарантий оказания гражданам Российской Федерации бесплатной медицинской помощи, а осуществляется на возмездной основе» [20]. Из этого положения И. Г. Галь делает вывод о том, что «возмездное оказание медицинских услуг представляет собой договорное гражданско-правовое отношение», следовательно, «безвозмездные медицинские услуги входят в содержание медицинской помощи, но к услугам, несмотря на название, не относятся» [21].

По нашему мнению, такую позицию следует признать неверной, поскольку вопрос публичного или частно-правового характера правового регулирования деятельности по оказанию услуги ни в коей мере не зависит от источника ее финансирования.

В соответствии со ст. 20 «Основ законодательства об охране здоровья граждан в РФ» [22] граждане имеют право на бесплатную медицинскую помощь. При этом перечень заболеваний и состояний, при которых медицинская помощь оказывается бесплатно, категории граждан, имеющие право на бесплатную медицинскую помощь, а также средние нормативы объема медицинской помощи в расчете на одного гражданина определяются Постановлением Правительства РФ от 28.11.2014 г. № 1273 «О программе государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» [23].

Наряду с этим, во исполнение положений ч. 1 ст. 41 Конституции РФ, источниками финансового обеспечения Программы называются средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов (в случае передачи органами государственной власти субъектов Российской Федерации соответствующих полномочий в сфере охраны здоровья граждан для осуществления органами местного самоуправления), а также средства обязательного медицинского страхования [24].

Иными словами, Конституцией РФ предусматривается двухканальная система финансирования медицинских учреждений: целевые бюджетные отчисления и перечисления части единого социального налога, уплачиваемого работодателями из фондов заработной платы, в виде страховых взносов в ФОМС (для неработающего населения в качестве страхователей выступают органы государственной власти всех уровней). Поэтому при оказании гражданину медицинской помощи в соответствии с перечнем медицинских услуг, предусмотренных Программами, следует говорить о том, что они (услуги) бесплатны для гражданина, при этом денежные средства за оказанные медицинские услуги перечисляются медицинскому учреждению из соответствующего фонда ОМС.

Таким образом, медицинская услуга, предоставленная в рамках Программ государственных гарантий, бесплатная для гражданина, de facto имеет возмездный характер, как и медицинская услуга, предоставленная гражданину за плату в соответствии с договором между медицинским учреждением и гражданином.

Следовательно, «бесплатной» медицинской услуги, то есть услуги без встречного предоставления, в действительности нет, имеются медицинские услуги, оплаченные государством из средств ФОМС по определенным ежегодно утверждаемым тарифам, и медицинские услуги, оплаченные за счет личных средств граждан.

Итак, оказание врачом квалифицированной медицинской помощи следует признать деятельностью по оказанию государственных услуг, регламентированной административно-правовыми нормами и осуществляемой под контролем компетентных органов исполнительной власти. При этом одним из административно-правовых признаков врача следует признать наличие у него права оказания квалифицированной медицинской помощи как самостоятельного вида государственных услуг, выделенного в ходе административной реформы в сфере здравоохранения.

Примечания

- 1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
- 2. Сергеев Ю. Д., Павлова Ю. В., Каменская Н. А. Проблема ненадлежащего врачевания в центре внимания профессионального сообщества // Медицинское право. 2014. № 6. С. 9–13.
- 3. *Сучкова Т. Е.* К вопросу о квалифицирующих признаках врачебной ошибки // Медицинское право. 2014 № 6 С 41–44
- 4. Например: *Сучков А. В.* К вопросу о противоречивости оснований квалификации преступных деяний медицинских работников при исполнении профессиональных (должностных) обязанностей по статье 293 УК РФ «Халатность» // Медицинское право. 2013. № 6. С. 40–48; *Сучкова Т. Е.* Административная ответственность медицинских работников за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей // Медицинское право. 2011. № 4. С. 48–56.
- 5. *Бакунина Л. Т., Шишкин А. А.* Публичные услуги в социальной сфере // Бизнес в законе. 2012. № 3. C. 61–64.
- 6. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. І). Ст. 7007; Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2014 г., с изм. от 08.03.2015 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 31.12.2014 г.) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.
- 7. Указ Президента РФ от 9.03.2004 г. № 314 (ред. от 22.06.2010 г.) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.
- 8. П. 1 Постановления Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 321 (ред. от 02.05.2012 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения и социального развития Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2012 г.) // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2898. Документ утратил силу.
- 9. Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 г. № 608 (ред. от 03.06.2015 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015 г.) // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3526.
- 10. П. 4 Постановления Правительства РФ от 06.04.2004 г. № 165 (ред. от 02.11.2007 г.) «Вопросы Федерального агентства по здравоохранению и социальному развитию» // СЗ РФ. 2004. № 15. Ст. 1457. Документ утратил силу.

- 11. П. 13 Указа Президента РФ от 12.05.2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2290.
- 12. Например: допуск к деятельности в сфере здравоохранения (сертификация специалистов, лицензирование) субъектов предпринимательской деятельности в сфере оказания профессиональной медицинской помощи и врачей, работающих в медицинских учреждениях на основании трудового договора.
- 13. Определение Верховного суда РФ от 31.07.2014 г. № АПЛ14-302 Об оставлении без изменения решения Верховного суда Российской Федерации от 09.04.2014 г., которым был признан недействующим Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 11.09.2007 г. № 582 «Об утверждении стандарта медицинской помощи больным с инсулинзависимым сахарным диабетом». Допуск из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был. Дата обращения 22.11.2014.
- 14. Приказ Минздрава России от 23.01.2015 г. № 13н «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по исполнению государственной функции по проведению проверок организации и осуществления федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности, осуществления федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, осуществляющими полномочия в сфере охраны здоровья граждан, а также осуществляющими медицинскую деятельность организациями и индивидуальными предпринимателями внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru 04.03.2015
- 15. Постановление Правительства РФ от 12.11.2012 г. № 1152 «Об утверждении Положения о государственном контроле качества и безопасности медицинской деятельности» // Российская газета. 2012. 16 ноября.
- 16. Приказ Минздрава России от 21.12.2012 г. № 1340н «Об утверждении порядка организации и проведения ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности» // Российская газета. 2013. 26 июня.
- 17. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 323 (ред. от 27.12.2014 г.) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения» // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2900.
- 18. Приказ Минздрава России от 23.01.2015 г. № 12н «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по исполнению государственной функции по осуществлению государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности путем проведения проверок применения осуществляющими медицинскую деятельность организациями и индивидуальными предпринимателями порядков оказания медицинской помощи и стандартов медицинской помощи» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru 02.03.2015
- 19. Галь И. Г. Обязательства по оказанию услуг: проблемы теории и практики // Российский судья. 2013. № 3. С. 13–17.
- 20. Определение Конституционного суда РФ от 06.06.2002 г. № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 779 и п. 2 ст.782 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного суда РФ. 2003. № 1.
 - 21. Галь И. Г. Указ. соч.
- 22. Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 08.03.2015 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
- 23. Постановление Правительства РФ от 28.11.2014 г. № 1273 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов» // СЗ РФ. 2014. № 49 (ч. VI). Ст. 6975.
 - 24. Там же.

Notes

- 1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No 6-FKZ, from 30.12.2008 No 7-FKZ, from 05.02.2014 No. 2-FKZ, from 21.07.2014 No. 11-FKZ) // Coll. of laws of the Russian Federation. 2009, No. 4, art. 445. (in Russ.)
- 2. Sergeev Y. D., Pavlova, Y. V., Kamenskaya N. A. *Problema nenadlezhashchego vrachevaniya v centre vnimaniya professional'nogo soobshchestva* [Problem of inadequate healing the center of attention of the professional community] // *Medicinskoe pravo* Medical law. 2014, No. 6, pp. 9-13.
- 3. Suchkova T.E. *K voprosu o kvalificiruyushchih priznakah vrachebnoj oshibki* [To the question of qualifying the signs of a medical error] // *Medicinskoe pravo* Medical law. 2014, No. 6, p. 41-44.
- 4. For example: Suchkov A. V. K voprosu o protivorechivosti osnovanij kvalifikacii prestupnyh deyanij medicinskih rabotnikov pri ispolnenii professional'nyh (dolzhnostnyh) obyazannostej po stat'e 293 UK RF «Halatnost'» [To the question of inconsistency of the grounds of unlawful acts of medical personnel in the performance of professional (official) duties under article 293 of the RF criminal code "Negligence"] // Medicinskoe pravo Medical law. 2013, No. 6, pp. 40-48; Suchkova T.E. Administrativnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov za

nenadlezhashchee ispolnenie svoih professional'nyh obyazannostej [Administrative liability of medical staff for improper performance of their professional duties] // *Medicinskoe pravo* – Medical law. 2011, No. 4, pp. 48-56.

- 5. Bakunina L. T., Shishkin A. A. *Publichnye uslugi v social'noj sfere* [Public service in the social sphere] // *Biznes v zakone* Business in law. 2012, No. 3, pp. 61-64.
- 6. Federal law of 28.12.2013 № 442-FZ (edition of 21.07.2014) "On fundamentals of social servicing of citizens in the Russian Federation" // Coll. of laws of the Russian Federation. 2013, No. 52 (part I), art. 7007. Budget code of the Russian Federation of 31.07.1998 № 145-FL (as amended as of 26.12.2014, with am. from 08.03.2015) (with am. And add. effect from 01.03.2015) // Coll. of laws of the Russian Federation. 1998, No. 31, art. 3823; Federal law of 27.07.2010 № 210-FZ (as amended on 31.12.2014) "On organization of rendering state and municipal services" // Coll. of laws of the Russian Federation. 2010, No. 31, art. 4179. (in Russ.)
- 7. The decree of the President of the Russian Federation dated $9.03.2004~\text{N}^{\odot}$ 314 (as amended on 22.06.2010) "About system and structure of Federal Executive authorities" // Coll. of laws of the Russian Federation. 2004, No. 11, art. 945. (in Russ.)
- 8. P. 1 of Resolution of the Government of the Russian Federation of $30.06.2004 \, \text{N}_{2} \, 321$ (amended on 02.05.2012) "About the approval of Resolution about Ministry of health and social development of the Russian Federation" (with amend. and add. Came in force from 01.07.2012.) / / Coll. of laws of the Russian Federation. 2004. No. 28, art. 2898. The document was null and void. (in Russ.)
- 9. The decree of the Government of the Russian Federation of $19.06.2012 \, \text{N}_{\odot} \, 608$ (edited on 03.06.2015) "About the approval of Resolution about Ministry of health of the Russian Federation" (with amend. and add. came in force from 01.07.2015.) / Coll. of laws of the Russian Federation. 2012. No. 26, art. 3526. (in Russ.)
- 10. Item 4 of the Decree of the Government of the Russian Federation of 06.04.2004, No. 165 (amended on 02.11.2007) "Questions of Federal Agency of healthcare and social development" // Coll. of laws of the Russian Federation. 2004. No. 15, art. 1457. The document was null and void. (in Russ.)
- 11. P. 13 of the Decree of the President of the Russian Federation dated $12.05.2008 \, \text{N}_{\odot} \, 724$ "Questions of system and structure of Federal Executive authorities" // Coll. of laws of the Russian Federation. 2008. No. 20, art. 2290. (in Russ.)
- 12. For example: access to activities in the field of health (certification, licensing) of subjects of entrepreneurial activity in sphere of rendering of professional medical care and doctors working in medical institutions on the basis of the employment contract.
- 13. The definition of the Supreme court of the Russian Federation from 31.07.2014 No. APL-302 About leaving without changes the decision of the Supreme court of the Russian Federation dated 09.04.2014, which recognized the Order of Ministry of health and social development of the Russian Federation dated 11.09.2007. № 582 "On approval of the standard medical care for patients with insulin-dependent diabetes mellitus" as invalid. Admission of ref.-legal system "ConsultantPlus". The document was not published. Date of application 22.11.2014. (in Russ.)
- 14. The order of the MoH of Russia from 23.01.2015 No. 13H "On approval of Administrative regulations of Federal service on supervision in sphere of public health for the state function on carrying out checks of the organization and implementation of Federal Executive authorities and Executive authorities of subjects of the Russian Federation departmental control of the quality and safety of medical activity, the implementation of Federal Executive authorities, Executive authorities of subjects of the Russian Federation and bodies of local self-government bodies exercising powers in the sphere of protection of health of citizens, as well as carrying out medical activity by the organizations and individual entrepreneurs of internal control of the quality and safety of medical activity" // Official Internet portal of legal information. Available at: www.pravo.gov.ru 04.03.2015 (in Russ.)
- 15. The Decree of the Government of the Russian Federation of 12.11.2012 № 1152 "On approval of regulation on state control of quality and safety of medical activity" // The Russian newspaper. 2012, November 16. (in Russ.)
- 16. The Order of Ministry of health of Russia from 21.12.2012, № 1340н "About approval of the procedure for organizing and conducting departmental quality control and safety of medical activity" // The Russian newspaper. 2013, June 26. (in Russ.)
- 17. The Decree of the Government of the Russian Federation dated 30.06.2004 No. 323 (amended 27/12/2014) "On approval of the Regulations on the Federal service for supervision in the sphere of health care" // Coll. of laws of the Russian Federation. 2004. No. 28, art. 2900. (in Russ.)
- 18. The Order of the MoH of Russia from 23.01.2015 No. 12H "On approval of Administrative regulations of Federal service for supervision in the sphere of health in the execution of the state function on implementation of state control over the quality and safety of medical activity through inspections of the application engaged in medical activities by the organizations and individual entrepreneurs orders of rendering medical care and standards of medical care" / Official Internet portal of legal information. Available at: www.pravo.gov.ru 02.03.2015 (in Russ.)
- 19. I. G. Gaal *Obyazatel'stva po okazaniyu uslug: problemy teorii i praktiki* [Commitment to provide services: problems of theory and practice] // *Rossijskij sud'ya* Russian judge. 2013, No. 3, pp. 13-17.
- 20. The determination of the constitutional court of the Russian Federation dated 06.06.2002 № 115-0 "About refusal in admission for consideration of the complaint of citizen Martynova Eugenia Zakharovna on the infringement of her constitutional rights paragraph 2 of article 779 and paragraph 2 of article 782 of the Civil code of the Russian Federation" // Herald of the constitutional court of the Russian Federation. 2003, No. 1. (in Russ.)

Юридические науки

- 21. Gaal I. G. Op. cit.
- 22. Federal law of the Russian Federation of 21.11.2011 N° 323-FZ (amended on 08.03.2015) "On fundamentals of citizens' health protection in the Russian Federation" // Coll. of laws of the Russian Federation. 2011. No. 48, art. 6724. (in Russ.)
- 23. The Decree of the Government of the Russian Federation from 28.11.2014 No. 1273 "About the Program of state guarantees of free rendering to citizens of medical care for 2015 and on planning period 2016 and 2017" // Coll. of laws of the Russian Federation. 2014. No. 49 (part VI), art. 6975. (in Russ.)

24. Ibid.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9

О. Б. Бобков

Военно-профессиональное развитие личности курсантов в условиях военного вуза

В статье рассматривается проблема личностного и профессионального развития курсантов авиационного вуза. Военно-профессиональная деятельность будущего летчика требует от курсанта сформированности целого ряда важных характеристик, в том числе высокоразвитой, устойчивой мотивации воинской службы с доминированием в ней военно-профессиональных мотивов, сложившихся в период обучения в вузе. Наличие высокого уровня военно-профессиональной направленности и учебно-профессиональной мотивации обеспечивает хорошую адаптивность, военно-профессиональное развитие, реализацию психологических ресурсов будущего военного профессионала. Проводится краткий обзор теоретических воззрений о содержании понятий «профессиональное развитие» и «профессиональное становление» в аспекте личностного развития военнослужащего. Автором изложены результаты эмпирического исследования, обоснован банк методик, адекватных задачам и содержанию диагностики профессионального развития личности курсантов военного вуза. Предложены некоторые практические рекомендации по совершенствованию процесса профессионально-личностной подготовки курсантов.

This paper considers the problem of personal and professional development of cadets of the air force university. The professional activity of a future pilot demands from a cadet to have a number of important characteristics such as to be highly educated and to have settled motivation of military service, formed during their training at the university. The high level of military and professional education and teaching and professional motivation provide the future military professional with good adaptation, military professional development and realization of psychological resources. A brief review of theoretical views on the concept of "professional development" and "professional forming" in terms of personal development of serviceman is given. The author presents the results of empirical research, substantiates the methods, which are adequate to tasks and content of diagnostic professional development of the cadets personality in a military university. Some practical recommendations for improving the process of professional and personal cadets training are offered.

Ключевые слова: профессиональное развитие, курсанты военных авиационных вузов, военно-профессиональная направленность, личностные качества, учебно-профессиональная мотивация.

Keywords: professional development, Air Force cadets, military-professional training, military-professional training, personal qualities, teaching and professional motivation.

В современных условиях нестабильной геополитической обстановки особую значимость приобретает проблема повышения качества военно-профессиональной подготовки офицерских кадров. Прежде всего это относится к наиболее сложным видам профессиональной деятельности, к которым с полным основанием может быть отнесена летная деятельность. Особенностью организации военного образования является степень его соответствия государственной политике в области национальной безопасности, обороны и образования, современному уровню развития военной науки и техники. Мы считаем, для того чтобы будущие офицеры могли успешно и качественно выполнять возложенные на них в войсках задачи, необходимо в период обучения в вузе обеспечить высокий уровень их профессиональной подготовленности.

Придерживаясь точки зрения А. К. Марковой, под профессионализацией мы понимаем целостный, непрерывный процесс становления личности специалиста, развернутый во времени и проявляющийся в своей специфической организации, то есть имеющий последовательность, стадии, фазы, которые различаются по содержательным и динамическим характеристикам [1]. Имеется множество точек зрения на процесс профессионального развития личности (Е. А. Климов, Т. В. Кудрявцев, В. Д. Шадриков, Н. В. Кузьмина, Л. М. Митина, Т. Л. Ядрышникова и др.). По мне-

нию В. Д. Шадрикова, весь процесс профессионального развития можно разделить на три этапа, в период профессионального становления происходит непосредственное формирование профессиональной компетентности. Согласно Т. В. Кудрявцеву, профессиональное становление личности подразделяется на четыре стадии. Собственно профессиональное обучение, т. е. целенаправленная подготовка к избранной профессиональной деятельности в ходе продуктивной интеллектуальной и практической деятельности, происходит в период обучения в учебном заведении. Военное высшее учебное заведение – это важное, но промежуточное звено в стадии профессионального развития, и оно ориентировано на особые задачи в плане профессионального развития военного специалиста [2]. На наш взгляд, военно-профессиональная деятельность предполагает активное военно-профессиональное развитие, в рамках которого осуществляется формирование устойчивой военно-профессиональной направленности личности специалиста. Наличие высокого уровня военно-профессиональной направленности обеспечивает соответствие быстро меняющимся и усложняющимся требованиям профессии, дает возможность строить свое военно-профессиональное развитие как поступательное восхождение, достигая новых вершин, означающих возможно полную реализацию имеющихся у человека психологических ресурсов [3].

Приоритет развития личности в системе военно-профессиональной подготовки, а также проблемы направленности личности, ее военно-профессионального самоопределения, военно-профессиональной готовности рассматривались в трудах многих ученых (Б. Г. Ананьев, С. И. Архангельский, Ю. К. Бабанский, А. А. Бодалев, В. П. Беспалько, В. А. Крутецкий, Н. В. Кузьмина, Ю. Н. Кулюткин, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. Т. Ростунов, Л. А. Рудкевич, Е. И. Степанова, Н. Ф. Талызина, П. А. Шавир, В. Д. Шадриков, В. А. Якунин и др.). Несмотря на большое количество теоретических и эмпирических исследований, выполненных в области профессионального становления личности, актуальность изучения данной проблемы не снижается до сих пор, а в области военного образования является малоизученным аспектом, в то время как необходимость в таких исследованиях имеется.

Мы разделяем точку зрения А. К. Марковой, Т. В. Кудрявцева, Ю. П. Поваренкова и других ученых, что профессиональное становление в психологическом плане представляет собой динамический и непрерывный процесс развития личности в системе взаимосвязанных профессионально значимых видов деятельности и предполагает использование совокупности развернутых во времени приемов социального воздействия на личность, включение в разнообразные профессионально значимые виды деятельности (познавательную, учебно-профессиональную, включающую специальную наземную и летную подготовку, и т. д.), имеющие целью сформировать у нее систему обобщенных знаний и умений, профессионально значимых качеств, форм поведения и индивидуальных способов выполнения профессиональной деятельности [4].

Проведенный нами анализ исследований по профессиональному становлению и развитию, подходов к диагностике показал, что изучение процесса профессионализации может осуществляться с применением комплекса методик, выявляющих уровень профессионально важных качеств: личностных, интеллектуальных, психофизиологических, физиологических, физиологических, физиологических, с выделением военно-профессиональной направленности как составляющей ядро профессиональной пригодности; а также долговременной мотивацией на профессию военного летчика. Мы придерживаемся мнения, что военно-профессиональная направленность (ВПН) входит в понятие профессионализма наряду с эффективностью военно-профессиональной деятельности, стабильностью показателей качества, высоким уровнем военно-профессиональной компетенции и квалификации, личностными качествами, в том числе военно-профессиональной креативностью, эрудицией и пр. [5]

В процессе профессионального развития курсантов военного вуза условно выделяют несколько этапов, на которые указывают документы, научно-педагогическая литература по высшей школе в соответствии с требованиями квалификационных характеристик: общеразвивающий, ориентировочно-профессиональный, общепрофессиональный, специализированный. К концу каждого этапа курсант должен подняться на новую ступень теоретической и практической подготовки, сформированности профессиональных умений, качеств. Кроме того, каждый этап профессиональной подготовки в вузе может быть охарактеризован уровнем готовности к военно-летной деятельности, которая является интегративным показателем эффективности обучения, поэтому важно установить её содержание в целом уже на начальном этапе обучения. В условиях военного заведения основной вид деятельности курсанта – деятельность по овладению профессией и специальностью, которая может быть рассмотрена как совокупность учебно-познавательной, служебной, общественной и некоторых других видов деятельности [6]. Важнейшей особенностью подготовки офицера военного вуза является то, что этот процесс профессионально направлен, подчинен освоению способов и опыта профессионального решения тех задач, с кото-

рыми курсанты могут встретиться в практике офицерской службы. Поэтому в целом деятельность курсанта – это учебно-профессиональная деятельность. Исходя из этой особенности, основной проблемой обучения в военном вузе является переход от актуально осуществляемой учебной деятельности курсанта к усваиваемой им деятельности профессиональной [7]. С позиций теории деятельности такой переход идет по линии трансформации мотивов.

На базе филиала «Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Сызрань) было проведено экспериментальное исследование с привлечением 389 курсантов II–V курсов. Представленная выборка является репрезентативной для данного военного вуза.

В психологическом плане в качестве критериев оценивания особенностей процесса профессионального становления курсантов военного авиационного вуза были выделены следующие показатели: личностные качества (нравственность, целеустремленность, настойчивость, сильная воля, способность к адекватной самооценке, способность к психической адаптации к различным условиям, устойчивость к неблагоприятным воздействиям), военно-профессиональная направленность (летная), учебно-профессиональная мотивация, профессиональные способности, уровень овладения знаниями, умениями и навыками.

На первоначальном этапе эмпирического исследования были применены методы опроса (включая беседы, тестирование), контент-анализа (анализа документов, отражающих учебную, служебную и военно-профессиональную деятельность курсантов), модульно-рейтинговой системы оценки военно-профессиональной деятельности курсантов. Разработан и обоснован банк методик, адекватных задачам и содержанию диагностики профессионального становления личности курсантов военного авиационного вуза: 1) методика «Диагностика мотивационной структуры личности» (В. Э. Мильман), позволяющая выявлять некоторые устойчивые тенденции личности: общую и творческую активность, стремление к общению, обеспечению комфорта и социального статуса и др.; 2) методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению (метод Ч. Д. Спилбергера в модификации А. Д. Андреевой), включающая уровень познавательной активности, тревожности и гнева как актуальных состояний и как свойств личности. Настоящий вариант дополнен шкалой мотивации достижения успеха, новым способом обработки, адаптирован к условиям военного вуза; 3) методика «Оценка военно-профессиональной направленности» (А. Ф. Боровиков, Б. В. Овчинников) предназначена для определения уровня военно-профессиональной мотивации и направленности учебной деятельности в вузе; 4) методика «Мотивация учебной деятельности» (А. А. Реан, В. А. Якунин, модификация Н. Ц. Бадмаевой), исследование пяти групп мотивов: социальные, познавательные, профессиональные, мотивы социальной идентификации, личностные; 5) многофакторный личностный опросник Р. Кеттела (16 PF) - форма A (выборочные факторы: «В», «С», «G», «Н», «Q3», «Q4», отражающие личностные качества, относящиеся к профессионально важным качествам военного летчика). Достоверность проведенного исследования обеспечивалась репрезентативностью выборки испытуемых, использованием взаимодополняющих методик, качественной интерпретацией данных, сравнительным анализом результатов с применением методов математической статистики (средние значения, корреляционный анализ, критерий Спирмена).

Исследование показало, что большинство курсантов имеют высокий (47%) и очень высокий уровень учебной мотивации (35%), который характеризуется продуктивной мотивацией с выраженным преобладанием познавательной активности и положительным эмоциональным отношением к учению (в основном курсанты III и V курсов). 14,6% обследуемых курсантов имеют средний уровень с несколько сниженной познавательной мотивацией, с диффузным эмоциональным отношением (8,3%) (при среднем балле 4,0-4,3), с повышенной эмоциональностью на занятиях, чувствительностью к оценочному аспекту обучения (3,6%) (при среднем балле 3,3-3,67); позитивным отношением при фрустрированности потребностей (2,7%). Тревожащим фактом является наличие курсантов, обучающихся на III-IV курсах (3,4%), с низкой мотивацией учения, характеризующейся ощущением «скуки», отрицательным эмоциональным отношением к учебе (средний балл ниже 3,3). Одним из факторов данного явления может служить наличие ненормативных кризисов профессионального становления личности, которые носят непредсказуемый характер и могут протекать на фоне любой стадии профессионального становления, вызванные случайными событиями или инициированные сверхнормативной активностью личности, при ситуации переживания рассогласования в сфере самосознания личности [8]. Жизненные события, создающие потенциальную или актуальную угрозу удовлетворению фундаментальных потребностей, могут способствовать возникновению противоречий, вызывающих состояние беспокойства у индивида. Это состояние сопровождается переживаниями, отрицательными или положительными эмоциями [9].

Другим фактором, детерминирующим низкую учебную мотивацию, может выступать кризис профессиональных эспектаций (18–20 лет), проявляющийся в адаптационных трудностях, несовпадении профессиональных ожиданий и реальной действительности [10]. Способами преодоления кризиса будут: активизация учебных усилий, корректировка военно-профессиональных мотивов, в крайнем случае, увольнение, смена специальности.

На рис. 1 продемонстрированы графические результаты уровня учебной мотивации курсантов II–V курсов.

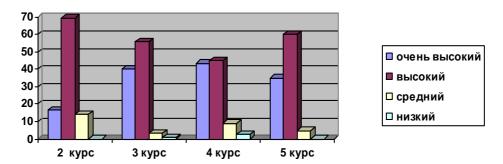

Рис. 1. Динамика уровня учебной мотивации курсантов (эмоциональный и познавательный компоненты) (%)

В учебном процессе курсант должен выступать не как пассивный объект педагогического управления и простой накопитель знаний, а как субъект познавательной деятельности, который своей активностью в значительной степени определяет результативность учебной деятельности. Познавательный интерес, как и всякая потребность, имеет большую побудительную силу, формируя его, курсант в состоянии добиться повышения эффективности боевой подготовки. Поэтому очень важно придать личностный и общественный смысл любому изучаемому вопросу.

По результатам исследования прослеживается общая тенденция к повышению уровня учебной мотивации к старшим курсам.

Корреляционный анализ показал заметную связь между показателями успеваемости и уровнем учебной мотивации (ρ = 0,67; с достоверностью 95%), чем выше средний балл, тем выше мотивация к учению.

Как одно из средств повышения мотивации курсантов к активной и планомерной учебной работе по усвоению фундаментальных основ профессиональных знаний и умений, в педагогическом процессе широко применяется рейтинговая система оценки учебной деятельности обучаемых. Следует отметить, что специфика обучения в военном вузе предполагает оценивание курсанта не только по успеваемости, но и по другим направлениям военно-профессиональной деятельности (выделение структурных компонентов рейтинга достаточно условно): успеваемость (в т. ч. летная), активность в научной работе, физическая подготовленность, дисциплинированность, сформированность командно-методических навыков и навыков воспитательной работы, общественная активность. На практике все они взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом, хотя специфика каждого из структурных компонентов характерно проявляется в процессе военно-профессиональной подготовки.

Наши данные показывают слабую корреляционную зависимость между рейтингом и уровнем учебной мотивации (ρ = 0,24; с достоверностью 90%), возможно, это связано с тем, что модульно-рейтинговая система включает в себя структурные компоненты, касающиеся в целом военно-профессиональной деятельности курсанта, а не только учебной.

Результаты изучения особенностей военно-профессиональной направленности курсантов позволяют говорить о тенденции к повышению уровня ВПН по мере перехода от младших курсов к старшим. Возрастает военная доминанта (общая и частная), которая отражает общую направленность на военную службу, глубину и устойчивость стремления стать военным летчиком. Корреляционный анализ выявил заметную связь между ВПН и возрастом испытуемых (ρ = 0,54; ρ = 0,57; ρ = 0,57; ρ = 0,67; c достоверностью 95%). На рис. 2 представлены результаты, которые наглядно показывают динамику роста ВПН курсантов вуза.

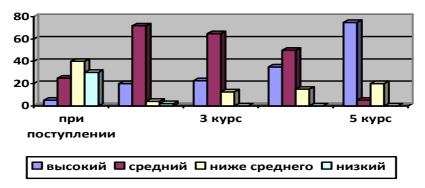

Рис. 2. Динамика военно-профессиональной направленности курсантов (%)

Проанализировав результаты оценки ВПН, можно сказать, что для значительной части абитуриентов (30% с низкой ВПН – обучение в военном учебном заведении нецелесообразно, предпочтительнее гражданская специальность, 40% с уровнем ВПН ниже среднего – обучение в военном вузе может быть сопряжено с существенными затруднениями) характерны внешние мотивы выбора военной специальности: военная форма, материальная обеспеченность, престижность, романтика военной жизни, право командовать другими людьми. Побудительной силой при выборе профессии военного летчика для половины поступающих была семейная традиция, совет знакомых, родственников, родителей. Лишь третья часть абитуриентов способна на успешное обучение в вузе, выбор военной специальности целесообразен. Колебаний при выборе этой специальности не было у 70% поступающих. Внутренними мотивами (служение Родине, большое желание стать военным летчиком) руководствовались лишь 3% обследуемых.

Мы наблюдаем положительную динамику ВПН курсантов уже на первом ориентировочно-профессиональном этапе профессионального становления, когда формируется активная установка на овладение профессией.

Нами был проведен анализ динамики результатов вступительных экзаменов абитуриентов в соотношении с результатами государственного междисциплинарного экзамена (выпускной квалификационной работы) за последние десять лет и выявлена тенденция к снижению показателей среднего балла на 12% (0,26 абс. ед.) при поступлении в вуз и на 3% (0,1 абс. ед.) по окончании военного вуза. Можно сделать вывод, что за годы обучения в военном вузе возрастает уровень интеллектуального развития, освоения обучающимися специальных знаний, навыков и умений, включающих опыт познавательной, практической и творческой деятельности, что способствует скорейшей их адаптации к военно-профессиональной (летной) деятельности, а также формированию мотивации к военной службе и становлению профессионально ценностных качеств. Однако следует отметить, что тревожащим фактором является незначительное снижение среднего балла государственного междисциплинарного экзамена. Детерминантами, инициирующими данное явление, могут выступать как внутренние, так и внешние мотивы. На мотивационную сферу влияние оказывают не только внутренние побудительные силы, внешняя среда играет огромную роль в формировании мотивации (особенности образовательного процесса, внешняя макро- и микросреда, различные объективные обстоятельства и т. п.) [11].

По мнению выдающегося психиатра В. Н. Мясищева, результаты, которые достигает человек в своей жизни, лишь на 20–30% зависят от его интеллекта, а на 70–80% – от мотивов, которые побуждают его определенным образом вести себя. Мы считаем, что трудности в обучении связаны не с умственными способностями, а с недостаточным развитием волевых качеств, незрелостью форм саморегуляции и самоорганизации, с недостаточно сформированной мотивационной сферой [12].

При изучении взаимосвязи ВПН с учебной мотивацией (познавательным и эмоциональным компонентами) было установлено, что средний и высокий уровень ВПН коррелирует с высоким уровнем учебной мотивации (в 78% случаев), ниже среднего и низкая ВПН – со сниженной познавательной мотивацией учения (выявлена заметная связь, ρ = 0,65; с достоверностью 95%). Однако необходимо отметить, что при высоком и среднем уровнях ВПН в некоторых случаях наблюдается снижение познавательной активности, диффузное эмоциональное отношение к учебной деятельности.

С помощью методики диагностики мотивационной структуры личности (В. Э. Мильман) мы попытались выявить некоторые устойчивые тенденции личности курсантов: общую и творческую активность, стремление к общению, обеспечению комфорта и социального статуса, общест-

венную полезность. На основе ответов составили суждение о рабочей (учебной сфере) и общежитейской направленности личности, относящейся ко всей сфере жизнедеятельности. На рис. З графически представлены варианты мотивационного профиля личности курсантов (среднее значение).

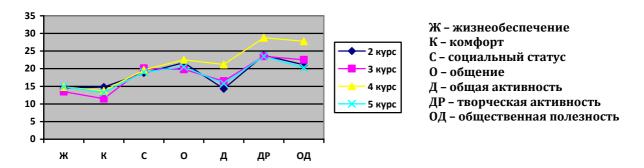

Рис. 3. Представленность мотивационного профиля личности курсантов на разных этапах профессионального становления (учебная и общежитейская направленность)

Как видно из графика, мотивационный профиль личности курсантов на всех этапах профессионализации имеет выраженную рабочую (учебную) направленность, средние показатели практически по всем шкалам выше по сравнению с общежитейской направленностью.

Качественно-количественный анализ результатов показал, что более выражена подшкала «творческая активность» (ср. б. 24,8). Далее по степени выраженности идет подшкала «социальная полезность» (ср. б. 22,5), ниже рангом стоит подшкала, касающаяся сферы общения, межличностного взаимодействия (ср. б. 20,5). Социальный статус (ср. б. 19,7) по степени значимости находится выше общей активности (ср. б. 17,4). Практически одинаковые низкие показатели получены по подшкалам «комфорт» (ср. б. 14,5) и «жизнеобеспечение» (ср. б. 13,5). Наиболее высокие показатели учебной активности выявлены у курсантов IV курса.

Далее нами были составлены типы мотивационного профиля личности курсантов, которые наглядно показаны в диаграмме (рис. 4).

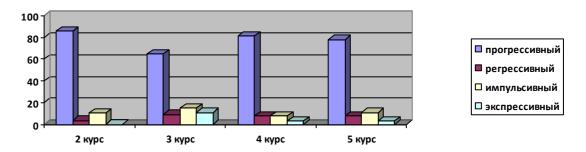

Рис. 4. Типы мотивационного профиля личности курсантов вуза

У большинства курсантов на всех курсах выявлен прогрессивный тип личности с социально направленной позицией (от 65 до 85%), характеризующийся заметным превышением уровня развивающих мотивов над уровнем мотивов поддержания. При достаточно высоком процентном содержании данного типа мотивации, мы наблюдаем тенденцию к его снижению к выпускному курсу; самый низкий процентный показатель выявлен у курсантов III курса в 65% случаев (второй, общепрофессиональный этап). Данный этап обучения характеризуется наличием самого большого показателя регрессивного типа мотивационного профиля личности по сравнению с другими этапами (9%). Тревожащим фактом является незначительное, но стабильное снижение социальной активности курсантов к V курсу (от 3,5 до 7,7%). Для регрессивного типа мотивационного профиля характерно превышение общего уровня мотивов поддержания над развивающими мотивами: жизнеобеспечения, комфорта, социального статуса, общения; в наиболее отчетливом виде регрессивный тип отражается в последовательном снижении профильной линии слева направо. Часто встречается среди плохо успевающих курсантов.

Корреляционный анализ показал умеренную связь между показателями успеваемости и типами мотивационного профиля ($\rho = 0.41$; с достоверностью 95%). У курсантов прогрессивного типа мотивационного профиля личности чаще встречается средний балл от 3,8 и выше; регрессивный тип коррелирует с показателями успеваемости, где средний балл ниже 3,6.

На всех этапах профессионального становления с частотой встречаемости до 15% выявлен импульсивный тип мотивационного профиля, который характеризуется резкими перепадами профильной линии с тремя выраженными пиками, чаще всего по шкалам «К», «О», «ДР», и отражает значительную дифференциацию, возможно, конфронтацию различных мотивационных факторов внутри общей структуры личности.

Экспрессивный тип мотивационного профиля личности наблюдается на III, IV, V курсах (11, 2,8, 3,3% соответственно), характеризуется стремлением субъекта через повышение уровня самоутверждения. В рисуночном профиле заметны перепады профильной линии с наличием двух пиков: чаще других встречаются сочетания пиков по шкалам «К» и «ДР». В этом типе отражается определенная выборочная дифференциация мотивационных факторов раздельно по группам поддерживающих (П, К, С) и развивающих (Д, ДР, ОД) мотивов.

В материалах статьи отражены результаты первоначального этапа исследования особенностей процесса профессионального становления военных вертолетчиков. По результатам эмпирического исследования можно предположить, что процесс профессионального становления личности курсантов военного авиационного вуза имеет специфические особенности, связанные с условиями военно-учебного заведения «казарменного типа», рядом служебных обязанностей курсантов, так как учебный процесс не единственный вид деятельности обучаемых. Полученные в нашем исследовании данные позволяют говорить о том, что наблюдается тенденция к повышению уровня военно-профессиональной направленности к старшим курсам как одной из основных содержательных характеристик профессионального развития будущих офицеров. Высокий уровень учебной мотивации, который характеризуется продуктивной мотивацией с выраженным преобладанием познавательной активности и положительным эмоциональным отношением к учению, выявлен у 82% обучающихся на разных курсах. Мотивационный профиль личности курсантов на всех этапах профессионализации имеет выраженную рабочую (учебную) направленность. У большинства курсантов (на всех курсах) выявлен прогрессивный тип личности с социально направленной позицией, характеризующийся заметным превышением уровня развивающих мотивов над уровнем мотивов поддержания.

Однако необходимо обратить внимание на стабильное снижение социальной активности курсантов к V курсу; на наличие низкого уровня учебной мотивации курсантов, высокого процента регрессивного типа мотивационного профиля личности на общепрофессиональном этапе (III курс), когда курсанты активно включаются в научную и профессионально-практическую деятельность. Это служит основанием для продолжения дальнейшего исследования различных аспектов профессионального становления (взаимосвязь ПВК с ВПН, с определением основных направлений мотивационной сферы профессиональной подготовки) военных вертолетчиков в период обучения в вузе, с целью обоснования психолого-педагогических условий совершенствования процесса профессионально-личностной подготовки курсантов авиационных ввузов по военно-специальным дисциплинам и выработки научно-прикладных рекомендаций.

К основным из психолого-педагогических условий можно отнести: единство взглядов и требований руководящего состава ввуза, командного и профессорско-преподавательского состава на военно-профессиональную подготовку курсантов; единство и согласованность педагогических воздействий всех должностных лиц; качественную военно-психологическую, военно-акмеологическую и педагогическую подготовленность преподавателей; оптимизацию и систематичность учебно-воспитательных воздействий; объективную оценку и учет результатов подготовки, корректировку на этой основе дидактического процесса; творческий подход профессорско-преподавательского состава к педагогическому процессу; совершенствование методических систем обучения специалистов-вертолетчиков; привитие курсантам навыков и умений рационального самообразования.

Одно из решений поставленной проблемы, возможно не единственное, но достаточно эффективное, видится в организации на занятиях необходимых учебно-пространственных сред, к наиболее эффективным из них относятся компьютерные учебно-пространственные среды, в применении инновационных технологий обучения, метода модульно-рейтинговой системы оценки военно-профессиональной деятельности курсантов, программы тестового контроля знаний и т. д., повышающих продуктивность обучения, успеваемость курсантов.

Важным аспектом формирования устойчивой учебно-профессиональной мотивации курсантов является применение преподавателями наиболее эффективных методик на основе совре-

менных концепций обучения, использование результатов исследований различных дидактических методов и способов повышения эффективности учебно-профессиональной мотивации в процессе обучения в вузе: методы активного обучения (дискуссия, игровое моделирование, психологический тренинг), интерактивное обучение, проблемное обучение, индивидуализированные программы обучения и т. д.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы психологами при разработке рекомендаций по формированию учебной мотивации, коррекционно-развивающих программ по самосовершенствованию, целеполаганию, повышению способности курсантов к саморегуляции поведения.

Примечания

- 1. *Лысакова Е. Н.* Теоретические основы отечественной военно-авиационной психологии // Военная мысль. 2010. № 1. С. 71–78.
- 2. Вилюнас В. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. С. 458; Шадриков В. Д. Введение в психологию: мотивация поведения: учебник. М.: Наука, 2009. 549 с.
 - 3. Маркова А. К. Формирование мотивации учения. М., 1990. С. 192.
 - 4. Лысакова Е. Н. Указ. соч.
- 5. Виноградова Г. А., Бобков О. Б. Динамика учебно-профессиональной мотивации курсантов в процессе обучения в военном вузе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук: СНЦ РАН. 2012. Т. 14. № 2. С. 386–392.
 - 6. Там же.
 - 7. Маркова А. К. Указ. соч. С. 192.
 - 8. Военная педагогика / под ред. О. Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2008. С. 640.
- 9. *Бобкова Т. С., Бобков О. Б.* Профессиональное становление военного специалиста в период обучения в вузе в условиях модернизации военного образования // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск: НГПУ, 2011. № 9. С. 217–231.
 - 10. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. С. 508.
 - 11. Военная педагогика.
 - 12. Там же.

Notes

- 1. Lysakova E. N. *eoreticheskie osnovy otechestvennoj voenno-aviacionnoj psihologii* [The theoretical basis of the domestic military-aviation psychology] // *Voennaya mysl'* Military thought. 2010, No. 1, pp. 71-78.
- 2. Vilyunas V. *Psihologiya razvitiya motivacii* [Psychology of motivation development]. SPb. Rech. 2006. P. 458; Shadrikov V. D. *Vvedenie v psihologiyu: motivaciya povedeniya: uchebnik* [Introduction to psychology: motivation of behavior: a textboo. M. Nauka. 2009. 549 p.
 - 3. Markova A. K. Formirovanie motivacii ucheniya [Formation of learning motivation]. M. 1990. P. 192.
 - 4. Lysakova E. N. Op. cit.
- 5. Vinogradov G. A., Bobkov, O. B. *Dinamika uchebno-professional'noj motivacii kursantov v processe obucheniya v voennom vuze* [Dynamics of educational and professional motivation of students in the learning process in the military higher education institution] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk: SNC RAN* Proceedings of the Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences: Samara Scientific Centre of RAS. 2012. Vol. 14, No. 2, pp. 386-392.
 - 6. Ibid.
 - 7. Markova A. K. Op. cit. P. 192.
 - 8. Voennaya pedagogika Military pedagogy / ed. by O. Yu. Efremov. SPb. Piter. 2008. P. 640.
- 9. Bobkova T. S., Bobkov O. B. *Professional'noe stanovlenie voennogo specialista v period obucheniya v vuze v usloviyah modernizacii voennogo obrazovaniya* [Professional development of a military expert in the period of study at the University in conditions of modernization of military education] // *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* Siberian pedagogical magazine. Novosibirsk. NPSU. 2011, No. 9, pp. 217-231.
 - 10. Il'in E. P. Motivaciya i motivy [Motivation and motives]. SPb. Piter. 2000. P. 508.
 - 11. Voennava pedagogika Military pedagogy.
 - 12. Ibid.

УДК 372.881.1:373

Н. В. Кагуй

Теоретические основы раннего билингвального образования: факторы мотивации и проблемы

В статье рассматриваются такие проблемные области иноязычного дошкольного и начального образования, как логические доводы, служащие основанием доказательства необходимости раннего старта в овладении еще одной языковой системой, и актуальные положения, требующие внимательного изучения в контексте процесса интеграции человечества и сфер его деятельности. Акцентируется внимание на характерных для России предпосылках раннего билингвального образования в контексте глобальных изменений в современном поликультурном и полилингвальном социуме, трактуемых ведущими отечественными исследователями. Предлагается авторское видение континуума мотиваторов раннего билингвального образования с позиции полноценной реализации потенциалов дошкольного и начального образования. Их учет позволит реализовать стратегию формирования будущего поколения, действительно владеющего иностранным языком как средством межкультурной коммуникации для достижения взаимопонимания с представителями иных лингвокультурных общностей.

The article deals with such problem areas in preschool and primary school foreign language education as logical arguments to prove the necessity of early beginning of one more language system acquisition and positions requiring accurate consideration in the context of integration of human nation and its activity. The focus is on prerequisites of early bilingual education peculiar for Russia in the context of global changes in the contemporary multicultural and multilingual society regarded by native leading researchers. Presents the author's vision of the continuum of early bilingual education motivators from the point of view of full realization of the potential of preschool and primary education. Their account will allow to implement a strategy for the development of the future generation, really speaking a foreign language as a means of intercultural communication to achieve mutual understanding with representatives of different linguistic and cultural communities.

Ключевые слова: политические мотиваторы, экономические мотиваторы, лингвистические мотиваторы, образовательные мотиваторы, педагогические мотиваторы, психолого-физиологические мотиваторы, методические мотиваторы, материально-технические мотиваторы, индивидуальные мотиваторы раннего билингвального образования.

Keywords: political motivators, economic motivators, linguistic motivators, educational motivators, pedagogical motivators, psychological and physiological motivators, methodical motivators, material and technical motivators, individual motivators of early bilingual education.

Система образования и воспитания всегда должна чутко реагировать на все процессы в политической, экономической, социальной, культурной или духовной жизни социума появлением различных педагогических систем и концепций для выбора ценностно-смысловых ориентиров для формирования у подрастающего поколения некоего целостного мировосприятия окружающей действительности. В установлении гармоничных отношений с природой, обществом, миром в целом и самим собой раннее билингвальное образование призвано сыграть не последнюю роль. Поэтому в условиях глобального устройства мира внимание многих исследователей-дидактов обращено именно к раннему обучению языкам. Возрастной порог начала билингвального образования интенсивно снижается. Н. Д. Гальсковой, З. Н. Никитенко этот вектор движения мотивируется комплексом условий-предпосылок:

- -психолого-физиологические условия:
- а) природная расположенность к языкам;
- b) сензитивность;
- с) игровая мотивация, позволяющая естественно и эффективно организовать обучение иностранному языку как средству общения и строить его как процесс, максимально приближенный к естественному процессу использования родного языка;
 - d) имитация;
 - -антропологические условия:
- а) приобретение ребенком опыта общения с окружающим миром при обучении языкам, благодаря своей природной открытости и восприимчивости;
 - b) формирование личности обучаемого средствами билингвального образования;

© Кагуй Н. В., 2015

124

- педагогические условия:
- а) помощь в ориентировании в динамично изменяющемся мире с ярко выраженными интеграционными процессами во всех областях человеческой деятельности;
- b) существенная роль в выполнении задач общества в любом образовательном учреждении [1]. Систематизация причин, объясняющих возможность и успешность раннего соизучения языков и культур по принципу расширяющегося круга взаимодействия культур и цивилизаций В. В. Сафоновой представлена:

внепедагогическими факторами:

а) политико-экономическая ситуация в геополитическом регионе; b) национальная политико-экономическая ситуация в геополитическом регионе; c) языковая политика; d) социальная среда (межкультурная/региональная/локальная); e) социокультурный аспект жизнедеятельности человека; e) географические факторы; f) лингвополитические факторы; g) экономические факторы; h) технологические факторы; i) информационно-коммуникативные факторы;

педагогическими факторами: а) дидактическая среда (семейная / школьная / вузовская); b) образовательная языковая политика; c) диапазон межкультурного взаимодействия в образовании; d) модель языкового образования в школе/вузе/после вуза; e) обучение вторым языкам в обществе (в том числе иностранным), так как образование – продукт, фиксирующий факт присвоения не только государством и обществом, но и личностью всех тех ценностей, которые рождаются в процессе образовательной деятельности [2].

В ситуации прогрессирования профессиональной значимости иностранных языков на рынке туда, возрастания востребованности воспитательного потенциала раннего иноязычного обучения и расширения иноязычного медиа-пространства актуализируется для России определенная совокупность основных мотиваторов раннего билингвального образования, находящихся в связи и отношениях между собой и образующих целостность.

- **1. Политические мотиваторы,** отражающие деятельность общественных классов, определяемую их целями/интересами:
- трансформация единого мирового порядка по схеме типа «One World» к новой «регионализации» и социально-экономической диссоциации мира;
- смена культурно-политического дуализма, поддерживавшегося разделением мира на две системы [3];
- потребность и стремление ориентироваться на курс Совета Европы в области раннего билингвального образования и др.;
- назревшая готовность к принятию раннего билингвального образования (дошкольная ступень) в число национальных приоритетов государства и др.
- **2. Экономические мотиваторы** как совокупность производственных отношений на современном этапе развития производственных сил общества:
 - утверждение новой экономической политики России как ведущей мировой державы XXI в.;
- изменение отечественной стратегии развития экономики в пользу знаний и нового отношения людей к своей работе;
- превращение билингвизма в макроэкономический фактор как части профессиональной и личной жизни человека и др.
- **3. Антропологические мотиваторы** как комплекс учений о человеке, его сущности, характере/свойствах, связанных с его включенностью в систему социокультурных отношений указывают:
- на способность в раннем возрасте усваивать новые знания, в том числе и языки, благодаря врожденной расположенности ко всякому новому опыту [4];
- потребность в раннем знакомстве с другими языками/культурами для преодоления стереотипов у подрастающего поколения;
 - потребность в расширении целостной картины мира в сознании детей и др.
- **4. Социальные мотиваторы,** показывающие эволюцию человека, проблему социализации личности, заказ/требования со стороны общества и государства к содержанию раннего языкового образования и качествам формирующейся личности:
- необходимость в ранней социализации ребенка глобального общества при тенденции к унификации стандартов, нацеленных на решение разнообразных задач человеческого существования;
- глобальный социальный процесс, включающий в себя всю проблематику информационно-коммуникативного обмена и охватывающий всю гамму социальных отношений на современном этапе развития информационного общества [5];

- миграция; масштаб распространения раннего обучения неродным языкам, начиная с дошкольного детства в благоприятный период становления основополагающих способностей и компетенций, способствующих успешности в жизни; предоставление еще одного пути ознакомления с действительностью.
- **5. Культурологические мотиваторы** как факты понимания культуры суммы материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики и характеризующих исторически достигнутую ступень в развитии общества:
- осложнение всех кросскультурных контактов, ситуаций диалога представителей разных культур тем, что их участники понимают друг друга с позиций собственных культур;
- потребность в культурологическом образовании с детства через связанный с культурой язык.
- **6. Социокультурные мотиваторы,** учитывающие общность/различия культур народов, проживающих в одном социуме; удаленность/близость страны, культура которой представлена в данной социальной общности, условиями жизнедеятельности людей и т. д.:
- сосуществование в едином глобальном обществе множества языков как атрибутов национальных культур и культур национальных меньшинств; все более тесное взаимопроникновение культур при непрерывно растущей взаимозависимости отдельных стран и народов; превращение монокультурных обществ в поликультурные;
- осложнение ситуации диалога представителей разных культур отсутствием взаимопонимания с позиций собственных культур;
- нивелирование культурного своеобразия народов на фоне всеобщего сближения стран и народов;
 - ярко выраженное усиление роли этнических факторов в общественной жизни личности;
 - стремление к сохранению идентичности личности;
- желание осознавать себя не только как представителя собственной культуры, но и части мировой культуры;
 - проблема инкультуризации личности.
- **7. Лингвистические мотиваторы,** условия, соотнесённые с развитием науки о языке лингвистики:
 - сдвиг геолингвистической ситуации в мире в сторону билингвизма;
 - транзит от монолингвальных государств в полилингвальные;
- выдвижение английского языка на лидирующую позицию и его превращение в главный язык глобального и кросс-континентального общения; курс на дальнейшее изучение второго/третьего языков через осознание особенностей изучаемого языка, его внутренних законов в сравнении с родным в целях приобретения определенной базы для изучения любых других языков.
- 8. Образовательные мотиваторы как факторы воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства с констатацией у обучаемых установленных государством образовательных уровней усматриваются:
- в значительно выросшей образовательной и самообразовательной функции иностранных языков, их профессиональной значимости на рынке труда в целом, повлекшей за собой усиление мотивации в изучении языков своих соседей по «глобальной деревне» с раннего возраста;
- стремлении к созданию единого глобального образовательного пространства и его использования в рамках глобальных коммуникаций, обеспечивающих личностно-ориентированный подход в обучении и в ходе внеучебного информационного взаимодействия.
- **9. Педагогические мотиваторы** как обстоятельства становления и развития качеств личности, необходимых ей в деятельности на благо социума:
- выявление проблемных задач раннего билингвизма с позиций педагогики как совокупности теоретических и прикладных наук, изучающих воспитание, образование, обучение;
- надобность в воспитании всесторонне развитой личности как цели интеллектуально-личностного развития ребенка, достижение которой невозможно представить без владения иностранным языком (и даже не одним); введение на всех уровнях обучения регионального компонента;
- запрос на воспитание эмпатии у подрастающего поколения как способности к межкультурному взаимодействию, умению видеть/понимать различия/общность в культурах, готовность воспринимать/понимать другой образ жизни;
- потребность в педагогической фасилитации перехода обучающихся от знаний и понимания к активной деятельности: от понимания равенства культур к деятельности, направленной на

разрешение существующих культурных конфликтов, минимизацию и элиминацию культурной дискриминации, культурной агрессии и культурного вандализма [6];

- самоценность дошкольного детства;
- актуализация становления уважительного и заинтересованного отношения к представителям других культур;
- потребность в принятии алгоритма глобального раннего билингвального образования: культура цель, язык средство, чтобы «противостоять высокомерному культурному изоляционизму и всем формам неравноправных отношений между культурами»;
 - потребность готовить подрастающее поколение к жизни в условиях глобальных изменений.
- **10. Психолого-физиологические мотиваторы,** указывающие на предпочтительность раннего начала языковой подготовки с точки зрения психического и физиологического развития ребенка:
 - способность мозга к интенсивному росту:
- а) задней половины головного и спинного мозга (с точки зрения эволюции спинной мозг является самым древним, состоит из нервных волокон, проводящих сигналы от сенсорных окончаний, которые возможно «выращивать», снабжая ребенка визуальной, тактильной, обонятельной и вкусовой информацией часто, интенсивно и продолжительно);
- b) передней половины головного и спинного мозга (состоящей из нервных волокон, проводящих сигналы от мозга к двигательным окончаниям, посредством которых осуществляется реагирование на поступающую сенсорную информацию; эти окончания отвечают за двигательную активность, речь и владение руками; и они, разумеется, тоже развиваются только путем их использования, тренинга;
- с) дети в возрасте от одного до трех лет развиваются быстрее всего, и поэтому им и их родителям просто необходимо целиком воспользоваться отпущенным на это временем; обучая своих детей надлежащим образом, родители способствуют росту их мозга;
- d) мозг растет благодаря его использованию в течение первых шести лет жизни, возможность воздействия на этот рост поистине бесценна (неверно, что используется только десятая часть нашего мозга... не хватит и всей жизни, чтобы использовать хотя бы одну тысячную того потенциала, который заложен в нашем мозгу);
- е) умение детей поглощать различную информацию с поразительной быстротой в течение первых шести лет жизни: дети являются фактически накопителями информации, которая пригодится им в течение всей жизни, а размеры этого «накопителя» едва представляемы [7];
- врожденная функциональная речевая тенденция ребенка как его наследственная способность заговорить, овладеть речью [8];
- природная одаренность к овладению одновременно двумя и более языками детьми в раннем возрасте, разделению этих языков, развитию раздельных языковых компетенций даже без специальных тренингов и иных видов интенсивной поддержки [9];
- гибкость мозговых тканей критический период развития нервно-мозговой ткани, характеризующийся ее невероятной гибкостью, способствующий почти спонтанному усвоению звуковых знаков, и не одной, а нескольких звуковых систем, продолжающейся до 9-летнего возраста [10];
 - хорошо развитый фонематический слух детей 4–10 лет [11];
- большая склонность к имитации длительности и интенсивности звука, его спектральных характеристик [12];
- импринтинг (от английского слова «imprint» запечатлевать, закреплять в памяти) возможность быстрого запоминания/использования в речи не только словосочетаний, но и целых предложений детьми до 8 лет; действие абстрактной памяти (способность детей к анализу и сравнению), позволяющей не спутать два языка [13];
 - механизм постоянной памяти [14];
- сензитивность (от латинского слова «sensus» чувство, ощущение) в возрасте 1–5 лет период особенной восприимчивости, чуткости ребенка к некоторым воздействиям, отдельным сторонам действительности, благоприятных условий для усиления и становления определенных умственных качеств, расположенности к умственному росту [15];
- необыкновенная чуткость к языку, в отношении языковых форм у детей в возрасте 2–5 лет, с необычайным темпом продвижения/развития речи с элементами языкового творчества/самостоятельностью в словообразовании; органичность ознакомления со вторым языком в период активного освоения родного, когда ребенок впитывает чужую речь как нечто естественное, чего нельзя сказать о более позднем периоде [16].

- **11. Методические мотиваторы,** воплощающие социальный заказ общества по отношению к раннему билингвальному образованию в категориях методики как науки:
- активизация научной мысли, рост объема практических разработок по раннему билингвальному образованию в ответ на вызовы глобализации; появление куррикулумов раннего билингвального образования в соответствии с документами по раннему обучению неродным языкам, разработанными Советом Европы;
- переход традиционного интереса к обучению детей иностранным языкам постепенно из одиночных исследований и частных дидактических пособий в крупномасштабные научно-исследовательские программы;
- рождение альтернативных учреждений по обучению иностранным языкам: билингвальных школ, комплексов, центров и т. д.;
- организация подготовки преподавателей иностранных языков для начального звена общеобразовательной средней школы и детских образовательных учреждений;
- существенное изменение методического инструментария раннего билингвального образования при переходе от знаниевого подхода к компетентностному, предусматривающему формирование комплекса характеристик глобальной личности;
- переход раннего билингвального образования в тенденцию современного иноязычного образования.
- **12. Материально-технические мотиваторы:** ориентированы на создание необходимых и перспективных условий эффективной обучающей среды, для реализации требований к уровню подготовки адресатов куррикулумов раннего билингвального образования:
- разработка Требований к оснащению образовательного процесса в соответствии с содержательным наполнением учебных предметов ФГОС для начальной школы;
- использование условий, созданных на базе дошкольных образовательных учреждений, наиболее адаптированных для сценирования ситуаций общения в формате раннего билингвального образования, имеющих:
- а) отличную материальную базу для эффективного включения в обучение языкам рисования, лепки, аппликации, ручного труда, конструирования, опытов и наблюдений за живой и неживой природой, музыки и других видов детской деятельности;
- b) средства наглядности, определяющие не только смысл детских высказываний, но и представляющие собой стимул активности, инициативности речи, работы воображения и придания учебной речи условно-коммуникативного и условно-информативного характера [17].
- **13. Индивидуальные мотиваторы,** континуум неповторимых отличительных черт, характеризующих человека как субъекта социальной деятельности:
- зарубежные поездки для решения неотложных задач (здоровье человека, встречи с потерянными/потерявшимися родственниками и т. п.);
 - личностное стремление ребенка к получению новых знаний;
- способность формировать достойный образ гражданина России за рубежом благодаря иноязычной грамотности;
 - способ разрушения барьеров недоверия между людьми;
 - возможность нести и распространять свою культуру и осваивать чужую и т. д.

Наряду с исследованием предпосылок раннего обучения иностранному языку к проблемным областям иноязычного дошкольного и начального образования можно отнести следующие положения, требующие внимательного рассмотрения:

- 1. Отсутствие государственной поддержки раннего билингвального образования (иностранный язык, главным образом английский) в дошкольном периоде в России. Наблюдается существенное отставание в этой области по сравнению с другими странами, в которых обучение иностранным языкам дошкольников патронируется государством, муниципальными органами образования. Основная задача и трудность отсутствие в стандарте дошкольного образования содержания обучения дошкольников иноязычной деятельности.
- 2. Потребность в моделировании содержания раннего билингвального образования в образовательном пространстве дошкольных образовательных организаций и начальной школы по так называемым межкультурным основаниям [18], что объясняется, прежде всего, разногласием между нуждой общества в генерировании поколения, способного успешно действовать в глобальном полилингвальном плюралистическом сообществе, и недостаточным уровнем сформированности межкультурной компетенции обучаемых российских детских садов и начальных школ. Вектор культурологического развития дошкольников и младших школьников должен быть изменен в направлении от накопления знаний о культурном многообразии мира к развитию готовности к межкультурному диалогу и сотрудничеству.

- 3. Спрос на рост уровня владения обучаемыми кросскультурной грамотностью. Мониторинг современного состояния процесса раннего билингвального образования констатирует, что процесс кросскультурного диалога как необходимого средства развития взаимопонимания представителей разных лингвокультурных общностей затруднен из-за низкой кросскультурной грамотности студентов дошкольного и начального образовательных ступеней. Ее развитие должно основываться на междисциплинарном диалоге посредством применения междисциплинарного подхода и интеграции знания основных предметных областей:
 - а) иностранного языка как системы;
 - b) социокультурного компонента содержания раннего билингвального образования;
- с) комплекса элементарных знаний, умений и навыков невербального общения с представителями других культур;
- d) национально-регионального компонента содержания раннего билингвального образования.
- 4. Требование разработки сущностных характеристик регионализации раннего билингвального образования, несмотря на широкий спектр изысканий, связанных с регионализацией образования. Недостаточное внимание уделяется принципиально новым социально-философским, методическим и теоретическим основаниям современного глобального регионального образования. Надлежит более глубоко изучить его специфику, прогресс, аспекты, подходы, формы и инновационные методики, соответствующие глобальным переменам.
- 5. Интерес обращения к проблеме изучения теоретико-методологических основ аксиологического аспекта раннего билингвального образования в условиях глобализации, что продиктовано надобностью поиска иных смыслов и форм образовательной деятельности, путей их реализации в образовательно-воспитательном процессе в условиях глобализации для формирования черт глобально ориентированной личности с дошкольного детства у жителя современного социума, в котором его развитие, организация его сознания и деятельности должны стать основными ориентирами. Научная значимость вопроса заключается в анализе раннего билингвального образования с позиции его воспитательно-образовательного воздействия на личность дошкольника и младшего школьника для вырабатывания начал духовных идей как понятий, имеющих высокую степень обобщения, формируемых в сознании и постигаемых в ходе постижения культуры. Среди назревших задач в рамках указанной проблемы можно выделить несколько конкретных векторов деятельности:
- а) определить аксиологические основания раннего билингвального образования как пути познания дошкольниками младшими школьниками нравственных критериев, основанных на гуманистических идеалах;
- b) выявить специфику аксиологического аспекта раннего билингвального образования в условиях глобализации;
- с) разработать теоретическую модель формирования ценностного сознания в условиях раннего билингвального образования.
- 6. Обеспечение процесса раннего билингвального образования в условиях глобализации высоко квалифицированными специалистами и в иноязычном образовании, и в начальном и дошкольном образовании, налаживание системы их подготовки/переподготовки с учетом минимальных требований профессионального функционала становится достаточно актуальным, так как педагогическое образование должно рассматриваться как совершенно особая, самостоятельная область образования, предметом которого является комплексное знание о человеке в процессе его становления (как субъекта познания, общения, труда) [19].

Представляется, что вышеуказанные детерминанты совершенствования отечественной системы образования будут содействовать взаимопониманию между людьми и народами, независимо от их расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, ослабляя социально-экономическую диссоциацию глобального мира.

Примечания

- 1. *Гальскова Н. Д, Никитенко З. Н.* Теория и практика обучения иностранным языкам. Начальная школа: метод. пособие. М., 2004. С. 5–7.
- 2. *Сафонова В. В.* Билингвальные образовательные программы как инструмент обновления содержания языкового образования // Иностранные языки в школе. 2010. № 3. С. 2–3.
- 3. *Кукушин В. С.* Общие основы педагогики. Гл. 7. Глобализация образования. URL: http://www.eusi.ru/lib/kukushin_obsie/7.php (Дата обращения 22.07.13).
- 4. *Thorndike E. L.* Teacher's word book of the twenty thousand words found most frequently and widely in general reading for children and young people. Teacher's College, Columbia University, 1942. 182 p.

- 5. Кукушин В. С. Указ. соч.
- 6. *Сысоев П. В.* Концепция современного поликультурного образования: на материале культуроведения США: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. С. 108.
 - 7. Доман Г. Гармоничное развитие ребенка. М., 1996. С. 298–299.
- 8. Выготский Л. С. Обучение и развитие в дошкольном возрасте. Избранные психологические исследования. М., 1956. С. 235.
- 9. *Montanari E.* Mit zwei Sprachen gross warden. Mehsprachige Erziehung in Familie, Kindergarten und Schule. Munchen, 2002. S. 10.
- 10. *Пенфилд В., Робертс Л.* Речь и мозговые механизмы. М., 1964. 164 с.; *Пулгрэм Э.* Человек говорящий этологический подход // Наука и жизнь. 1971. № 7. С. 86–91.
- 11. *Алякринский В. В.* Имитация детьми (4–7 лет) русских и некоторых английских гласных // Вопросы психологии. 1963. № 1. С. 17–23.
 - 12. Bloom L. Language development from two to three. Cambridge, 1991. 231 p.
- 13. Амонашвили Ш. А. Психологические особенности усвоения второго языка младшими школьниками // Иностранные языки в школе. 1986. № 2. С. 24–27.
 - 14. Леонтьев А. А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М., 1970. С. 76-78.
 - 15. Лейтес Н. С. Возрастная одаренность: учеб. пособие. М., 2000. С. 50-53.
 - 16. Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1994. 463 с.
- 17. Вронская И. В. Методика обучения дошкольников английскому языку в различных видах неречевой деятельности: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1999. 242 с.
- 18. *Гальскова Н. Д.* Образование в области иностранных языков: новые вызовы и приоритеты // Иностранные языки в школе. 2008. № 5. С. 3–7.
- 19. Данюшенков В. С. Проблемы современного образования и возможности его улучшения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4(1). С. 126.

Notes

- 1. Halskova N. D, Nikitenko Z. N. *Teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam. Nachal'naya shkola: metod. posobie* [Theory and practice of teaching foreign languages. Elementary school: method. tutorial]. M. 2004. Pp. 5-7.
- 2. Safonova V. V. *Bilingval'nye obrazovatel'nye programmy kak instrument obnovleniya soderzhaniya yazykovogo obrazovaniya* [Bilingual educational program as a tool for updating the content of language education] // *Inostrannye yazyki v shkole* Foreign languages at school. 2010, No. 3, pp. 2-3.
- 3. Kukushin V. S. *Obshchie osnovy pedagogiki. Gl. 7. Globalizaciya obrazovaniya* [General bases of pedagogics. Ch. 7. The globalization of education]. Available at: http://www.eusi.ru/lib/kukushin_obsie/7.php (accessed 22.07.13).
- 4. E. L. Thorndike Teacher's word book of the twenty thousand words found most frequently and widely in general reading for children and young people. Teacher's College, Columbia University, 1942. 182 p.
 - 5. Kukushin V. S. Op. cit.
- 6. Sysoev P. V. Koncepciya sovremennogo polikul'turnogo obrazovaniya: na materiale kul'turovedeniya SSHA: dis. ... d-ra ped. nauk [Concept of the modern multicultural education: on the material of Culture study of USA dis. ... Doctor Ped. Sciences]. M. 2004. P. 108.
 - 7. Doman G. Garmonichnoe razvitie rebenka [Harmonious development of the child]. M. 1996. Pp. 298-299.
- 8. L. S. Vygotsky *Obuchenie i razvitie v doshkol'nom vozraste. Izbrannye psihologicheskie issledovaniya* [Learning and development in preschool age. Selected psychological researches]. M. 1956. P. 235.
- 9. Montanari E. Mit zwei Sprachen gross warden. Mehsprachige Erziehung in Familie, Kindergarten und Schule. Munchen, 2002. P. 10.
- 10. Penfield W., Roberts L. [Speech and brain mechanisms]. M. 1964. 164 p.; E. Pulgram [Human talking ethological approach] // Science and life. 1971, No. 7, pp. 86-91.
- 11. Alyakrinskiy V.V. *Imitaciya det'mi (4–7 let) russkih i nekotoryh anglijskih glasnyh* [Imitation by children (4-7 years) of Russian and some English vowels] // *Voprosy psihologii* Questions of psychology. 1963, No. 1, pp. 17-23.
 - $12.\ L.$ Bloom, Language development from two to three. Cambridge, 1991. 231 p.
- 13. Amonashvili Sh. A. *Psihologicheskie osobennosti usvoeniya vtorogo yazyka mladshimi shkol'nikami* [Psychological characteristics of learning a second language in primary school] // *Inostrannye yazyki v shkole* Foreign languages at school. 1986, No. 2, pp. 24-27.
- 14. Leontiev A. A. *Nekotorye problemy obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Some problems of teaching Russian as a foreign language]. M. 1970. Pp. 76-78.
 - 15. Leites N. S. Vozrastnaya odarennost': ucheb. posobie [Age giftedness: tutorial]. M. 2000. Pp. 50-53.
 - 16. Chukovsky K.I. Ot dvuh do pyati [From two to five]. M. 1994. 463 p.
- 17. Vronskaya I. V. *Metodika obucheniya doshkol'nikov anglijskomu yazyku v razlichnyh vidah nerechevoj deyatel'nosti: dis. ... kand. ped. Nauk* [Methods of teaching preschool children English in different types of non-speech activity: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Spb. 1999. 242 p.

- 18. Halskova N. D. *Obrazovanie v oblasti inostrannyh yazykov: novye vyzovy i prioritety* [Education in the field of foreign languages: new challenges and priorities] // *Inostrannye yazyki v shkole* Foreign languages at school. 2008, No. 5, pp. 3-7.
- 19. Danyshenkov V. S. *Problemy sovremennogo obrazovaniya i vozmozhnosti ego uluchsheniya* [Problems of contemporary education and possibilities of its improvement] / *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* Herald of Vyatka State University of Humanities. 2013, No. 4(1), p. 126.

УДК 378. 147

О. В. Куртеева

Квалиметрическая оценка развития тезауруса личности при реализации воспитательного проекта

В статье обозначена проблема оценки эффективности воспитательного процесса. Поставленная проблема исследуется с точки зрения тезаурусного подхода и квалиметрического анализа. Введено понятие «воспитательный проект». Рассматриваются возможности воспитательного проекта в развитии тезауруса личности. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что расширение тезуаруса личности станет возможным, если: личность вовлечена в активную специально организованную деятельность в рамках воспитательного проекта; реализованы воспитательные и проектные условия деятельности обучающихся; обучающимися усвоен квалиметрически обоснованный тезаурус проекта. В работе анализируется личностный рост обучающихся в процессе разработки воспитательного проекта в рамках фестиваля студенческого творчества «Весна ГГПИ». Приведены результаты изменений тезаурусов участников контрольной и экспериментальной групп. Результаты экспериментальной работы подтверждают гипотезу исследования.

The article deals with the problem of estimating of the effectiveness of the educational process. The problem is investigated from the point of view of the thesaurus approach and qualimetrical analysis. In the article, the concept "educational process" is introduced. The author analyses the possibilities of the educational project in the development of the thesaurus of personality. The hypothesis of the study is that the extension of person's thesuarus will be possible if he/she is involved in active specially organized activities of educational project, educational and project conditions of students' activity are met, students learned qualimatrically grounded thesaurus of the project. This paper analyzes the personal growth of students through educational project activity in the framework of the students' creativity festival "Spring of GGPI". The author gives the results of thesaurus changes of the participants in the control and experimental groups. The results of this experiment confirm the hypothesis of the study.

Ключевые слова: воспитание, тезаурус, эффективность, квалиметрическая оценка, воспитательный проект, эксперимент, результаты.

Keywords: education, thesaurus, efficiency, qualimetrical estimation, educational project, experiment, results.

Воспитание – одна из сфер профессиональной деятельности, где сложно оценить результаты и эффекты. Решение некоторых аспектов данной проблемы представляется перспективным в свете тезаурусного подхода и квалиметрического анализа возможностей воспитательного проекта.

Для дальнейшей работы введем понятия:

- 1) Тезаурус информационно-семантическая структура, полезная внутренняя информация системы о себе и среде, определяющая способность распознавать ситуацию и управлять собой. Каждый обучающий обладает тезаурусом личности (ТЛ), который характеризуется определенным уровнем семантического содержания [1] и изменяется в процессе жизнедеятельности.
- 2) Учебный тезаурус (тезаурус учебной дисциплины) система информационно-семантических (структурных) и коммутационных (обеспечивающих взаимосвязь) элементов учебного материала [2].
- 3) Воспитательный проект (ВП) деятельность педагога и обучающихся-партнеров, направленная на достижение общего результата по решению значимой проблемы и предполагающая развитие ТЛ обучающихся в процессе реализации проекта за счет усвоения социокультурных ценностей, правил и норм поведения [3].

© Куртеева О. В., 2015

4) Тезаурус воспитательного проекта (воспитательный тезаурус) по аналогии с учебным тезаурусом обозначим как систему, состоящую из информационно-семантических элементов ВП и связей между ними (коммутационных элементов). Расширение ТЛ за счет усвоения тезауруса воспитательного проекта будем рассматривать как результат решения частных воспитательных задач и воспитания в целом [4].

По-нашему мнению, для оценки эффективности результатов воспитания необходим квалиметрический анализ изменений ТЛ, которые выражаются в личностном росте обучающихся, реализующих ВП.

В работе сделана попытка оценить изменения в ТЛ участников воспитательного проекта. В качестве ВП выступил конкурс «Лучшая творческая программа» (многожанровая сценическая постановка) фестиваля «Весна ГГПИ – 2015», где центральной воспитательной задачей обозначено гражданско-патриотическое воспитание. Такой выбор определен противоречием между растущим значением патриотизации общественного сознания россиян и отсутствием действенного механизма оценки качества гражданско-патриотического воспитания в ГГПИ.

Цель экспериментального исследования – выявление эффективности ВП в расширении тезауруса личности участников.

Объект исследования – расширение тезауруса личности участников ВП.

Предмет исследования – оценка возможностей расширения тезауруса личности участников проектных групп как результата эффективности ВП.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что расширение тезуаруса личности станет возможным, если:

- 1) личность вовлечена в активную специально организованную деятельность в рамках ВП;
- 2) реализованы воспитательные и проектные условия деятельности обучающихся;
- 3) обучающимися усвоен квалиметрически обоснованный тезаурус ВП.

Для практического подтверждения изложенных теоретических положений нами в течение января – мая 2015 г. было проведено экспериментальное исследование. В нем приняли участие 50 студентов и 20 организаторов воспитательной деятельности в вузе (кураторов, заместителей деканов по воспитательной и социальной работе, членов дирекции фестиваля).

На *подготовительном этапе* исследования определены критерии и показатели для оценки изменения ТЛ, подобраны и адаптированы диагностические методики выявления его исходного и итогового уровней. С помощью метода групповой экспертной оценки дифференцировано содержание тезауруса воспитательного проекта. Сформированы контрольные и экспериментальные группы. В состав контрольной группы (далее – КГ) вошли студенты, не участвующие в проекте ни активно (в составе проектной группы), ни пассивно (в качестве зрителя). Экспериментальную группу (далее – ЭГ) составили студенты – активные участники творческой программы. Созданы воспитательные и проектные условия деятельности обучающихся. На *контрольном этапе* выявлено исходное состояние тезаурусов студентов в обеих группах. На *формирующем* – члены ЭГ были вовлечены в ВП. На *заключительном* – проведены итоговая оценка изменений ТЛ участников обеих групп и общий анализ опытно-экспериментальной работы.

Для оценки изменений ТЛ на подготовительном этапе выделены критерии (табл. 1), позволяющие судить о единстве содержания, существенных сторонах развития ТЛ и результатах конечной деятельности по гражданско-патриотическому воспитанию:

Таблица 1

Nº	Критерий	Содержание				
1	Когнитивный	Усвоение участниками ВП патриотически ориентированных знаний, пред-				
		ставлений, являющихся основой понимания патриотизма				
2	Мотивационно-	Уровень патриотической направленности личности, ее ориентации, цели, ус-				
	ценностный	тановки, отношения к базовым общественным ценностям				
	Деятельностный	Готовность личности (группы) к полноценной самореализации в качестве				
3		гражданина-патриота в социально значимой деятельности, приобретение уча-				
		стниками проекта опыта социально значимого действия				

Параметры выделенных критериев обобщены через конкретные показатели и диагностический инструментарий (табл. 2):

Когнитивный	Мотивационно-оценочный	Деятельностный					
Показатели							
– Понимание содер-	– Осмысление своего места в жизни общества и го-	– Наличие опыта участия в					
жания дефиниции	сударства.	социально значимой дея-					
«патриотизм».	– Наличие патриотических идеалов, духовных,	тельности.					
– Дифференциация	нравственных и культурных образцов как регуля-	– Социальная активность					
содержания по базо-	тивов жизнедеятельности личности.	личности в качестве субъ-					
вым ценностям	– Следование патриотическим принципам, прояв-	екта патриотической дея-					
	ление гражданской позиции.	тельности					
	– Приоритетность ценностей и интересов государ-						
	ства перед личными						
	Диагностический инструментарий						
Опрос «Патриотизм -	– Методика «Диагностика личностного роста»	Оценка деятельностного					
это»	(П. В. Степанов и др.).	участия в гражданско-пат-					
	– Анкета сформированности патриотизма (В. И. Лу-	риотических мероприятиях					
	товинов)						

Дифференцированы уровни развития ТЛ как проявления ценностных отношений к Отечеству: высокий уровень (устойчиво-позитивное отношение); средний уровень (ситуативно-позитивное отношение); низкий уровень (устойчиво-негативное отношение).

Для обеспечения воспитательного и проектного характера деятельности участников творческих программ созданы следующие *условия*:

- 1. Для разработки проекта и создания творческой программы формируются временные студенческие проектные группы, в которых каждый участник выполняет определенные функции (организатор, специалист по привлечению ресурсов, оформитель сцены, автор сценария, режиссер и т. д.).
- 2. Участники творческих групп это субъекты проектной деятельности, которые имеют внутреннюю мотивацию к преобразованию действительности и созданию проектного продукта (творческое выступление). Они сознательно и самостоятельно:
 - выбирают социально значимую проблему (тему творческого выступления);
 - находят способ (идею) ее решения (жанр, сценарий, постановка);
- планируют деятельность по реализации проекта (от формирования коллектива и постановки цели до анализа результатов);
 - привлекают необходимые ресурсы (финансовые, материально-технические, кадровые и пр.);
- публично презентуют результаты своей деятельности перед экспертами членами жюри конкурса;
 - анализируют результаты своей деятельности в форме отчетов.
- 3. Деятельность участников проекта организуется дирекцией фестиваля не столько для получения прямого продукта творческой программы, сколько для решения конкретных воспитательных задач.

Результаты опытно-экспериментальной работы

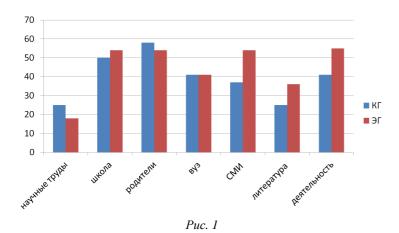
Когнитивный критерий развития ТЛ был исследован через анализ результатов опроса «Патриотизм – это...», проведенного среди ЭГ и КГ. Полученные определения методом групповой экспертной оценки были дифференцированы по 5 базовым ценностям [5], что позволило сформировать содержание тезауруса понятия «патриотизм». Наиболее частотные определения представлены в табл. 3.

Таблица 3

Nº	Базовая ценность	Результаты, %					
IN≃		КГ	КГ2	ЭГ	ЭГ2		
Наци	Национальное самосознание (я - россиянин)						
1	Любовь к Родине	60	79	79	79		
2	Любовь к малой родине	0	0	25	9		
3	Гордость за свое Отечество	8	12	21	31		
4	Прославление Отечества	0	0	8	14		
5	Преданность Отечеству	12	0	8	8		
6	Уважение государства	8	4	0	14		
7	Нравственный критерий	12	8	4	4		
8	Я – гражданин, россиянин	4	0	4	4		

Окончание	табл.	3
-----------	-------	---

			(уконча	ние табл. З
Куль	турные ценности (я - носитель культуры и истории Отчества и	и малой	і родин	ы)	
1	Уважение и благодарность предкам	16	0	37	41
2	Знание и уважение истории своей страны, народа	16	12	13	23
3	Чтить память воинов, уважение их подвига	4	4	8	18
4	Знание, сохранение и преумножение культуры народа	8	0	4	14
5	Празднование Дня Победы	0	4	4	9
6	Воспоминания и войне	4	0	4	4
7	Знание национальных символов (флаг, герб)	0	4	0	0
Соци	альная ответственность (я - гражданин)	•			
1	Защита Родины от внешних и внутренних врагов	16	31	25	45
2	Служба на благо Родины, ее интересов	12	8	25	27
3	Геройски показать себя в военных действиях	0	0	4	0
4	Свобода действий	4	0	0	0
5	Охрана и забота о природе	8	0	0	0
6	Сохранение целостности страны	0	4	0	0
Соци	ально значимая деятельность (я – деятельностное)	•			
1	Стремление сделать Родину лучше, помочь Отечеству	0	0	0	10
2	Выполнение обязанностей гражданина РФ	0	0	0	5
3	Интерес к положению страны в мире	0	0	4	8
4	Активно участвовать в патриотических мероприятиях	4	0	10	10
5	Поднятие показателей страны	0	4	0	0
Обще	ственные взаимоотношения (я – социальное)				
1	Любовь к родителям, родным (уважение к родителям)	4	17	17	23
2	Толерантность	0	12	4	9
3	Единение с соотечественниками	4	0	6	12
4	Знать семейное древо	0	0	4	4
5	Защита своей семьи, близких	0	4	0	0
6	Уважение к народу	0	8	0	0

 Характер отношений к Отечеству

 80
 70

 60
 50

 40
 30

 20
 высокий высокий средний средний низкий КГ низкий ЭГ нулевой ЭГ и КГ

 80
 70

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 80
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

 9
 9

По итогам эксперимента зафиксирован рост количества определений патриотизма в ЭГ2 в сравнении с КГ2 по большинству позиций. Кроме того, выросло среднее арифметическое число определений, данных в ЭГ2 (до эксперимента - 2,9 определения; после - 3,2), рост в КГ2 составил только 0,1 ед. (до - 2,8, после - 2,9). Обращает на себя внимание фактическое отсутствие в КГ и КГ2 определений, дифференцируемых как «я - деятельностное», что, по нашему мнению, свидетельствует о значимости активности при характеристике групп. Подтверждает это предположение выявленное различие в источниках формирования патриотических знаний у студентов (рис. 1). При общности основы знаний (родители, школа, вуз) выделяется значимость личного участия в деятельности для ЭГ, что может быть объяснено большей жизненной активностью членов ЭГ.

Мотивационно-оценочный критерий усвоения воспитательного тезауруса был исследован при

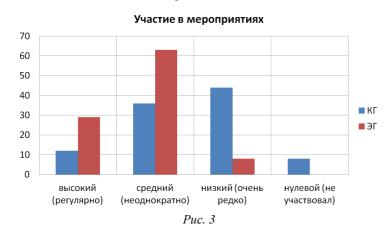
помощи методики «Диагностика личностного роста» [6] и анализа изменений значимости жизненных ценностей [7]. Методом групповой экспертной оценки ответы студентов были дифференцированы по 4 названным выше уровням.

- 1) Анализ показал (рис. 2), что на начало эксперимента у значительной части ЭГ преобладало устойчиво-позитивное отношение к Отечеству (высокий уровень) 58%; низкий и нулевой уровни не выявлены. В КГ у большей студентов части диагностировано ситуативно-позитивное отношение (средний уровень) 54%; кроме того, у 4% зафиксирован низкий уровень. В конце формирующего этапа обнаружена положительная динамика в ЭГ за счет роста высокого уровня до 63% и пропорционального снижения среднего до 37%. Динамика КГ оказалась отрицательной на высоком уровне (–17%) за счет роста среднего уровня до 71%. Низкий уровень остался неизменным.
 - 2) Анализ изменения значимости жизненных ценностей.

Таблица 4

Показатель	Vnopovi	Результаты, %				
Показатель	Уровень	KΓ KΓ2	ЭГ	ЭГ2		
Что является для Вас наиболее зна	чимым в жиз	ни?				
Возрождение России как сильной державы	Высокий	4	4	18	21	
Любовь к родителям		64	67	42	59	
	Итого	68	71	60	80	
Развитие и самосовершенствование		12	21	33	18	
Отношение к любимому человеку (девушке, юноше)	Средний	8	4	7	0	
Дружба		8	_	-	2	
	Итого	28	25	40	20	
Материальное благополучие	Низкий	4	4	-	-	
Любимые увлечения	пизкии	_	_	_	_	
	Итого	4	4	0	0	

Результаты изменений ТЛ, приведенные в табл. 4, показывают преобладание ценностей высокого уровня в обеих группах до начала эксперимента: КГ – 68%, ЭГ – 60%. Превалирование любви к родителям может быть детерминировано возрастными особенностями. 4% студентов в КГ на первое место в жизни ставят ценности низкого уровня, чего в ЭГ не обнаружено. По итогам эксперимента выявлен общий рост показателей высокого уровня в обеих группах. Однако зафиксированное ЭГ2 > КГ2 на высоком уровне, а также КГ = КГ2 на низком уровне дают право сделать вывод о более эффективном расширении ТЛ в области изменения значимости жизненных ценностей в ЭГ2 по итогам эксперимента.

Деятельностный критерий был реализован в ходе участия ЭГ в конкурсе «Лучшая творческая программа фестиваля «Весна ГГПИ – 2015». Кроме того, самооценка личного участия в гражданско-патриотических мероприятиях подтверждает деятельную, активную жизненную позицию членов ЭГ (рис. 3).

Таким образом, в ходе эксперимента были диагностированы изменения тезаурусов в контрольной и экспериментальной группах, в то же время:

- 1) обнаружена взаимосвязь и взаимообусловленность изменений элементов тезауруса личности в ЭГ на всех трех уровнях, что выразилось в большей динамике изменений по сравнению с КГ:
- 2) выявлено связующее значение активности и деятельности как основы формирования тезауруса ЭГ;
- 3) выявлена положительная динамика изменений ЭГ в сравнении с КГ, что подтверждает гипотезу исследования и свидетельствует об эффективности воспитательного проекта «Лучшая

творческая программа фестиваля «Весна ГГПИ – 2015» в расширении тезауруса личности участников творческих программ.

Полученные результаты позволили сформировать представление о расширении тезауруса личности как усвоении обучающимся информационно-семантической структуры (тезауруса) ВП в процессе его реализации. Подтверждены возможности квалиметрической оценки как эффективного механизма измерения результатов расширения тезауруса личности.

Примечания

- 1. *Мирошниченко А. А.* Профессионально ориентированные структуры учебных элементов. Глазов, 1999. 62 с.; *Мирошниченко А. А.* Предметная область экспертной когнитивно-педагогической системы. Глазов, 1997. 86 с.
 - 2. Там же.
- 3. *Мирошниченко А. А., Куртеева О. В.* Квалиметрия воспитательного проекта // Вестник Ижевского государственного технического университета: рецензируемый науч.-теорет. журнал. Ижевск: Изд-во Иж-ГТУ, 2014. № 2(62). С. 182–184.
 - 4. Там же.
- 5. Лутовинов В. И. Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию: научно-исследовательская работа / под ред. Ю. П. Квятковского. М.: Армпресс, 2006. С. 8.
- 6. Степанов П. В. Диагностика и мониторинг процесса воспитания в школе / П. В. Степанов, Д. В. Григорьев, И. В. Кулешова. URL: http://pedlib.ru/Books/1/0259/1_0259-1.shtml (дата обращения 12.01.2015)
 - 7. Лутовинов В. И. Указ. соч. С. 69.

Notes

- 1. Miroshnichenko A. A. *Professional'no orientirovannye struktury uchebnyh ehlementov* [Professionally oriented curriculum elements]. Glazov. 1999. 62 p.; Miroshnichenko A. A. *Predmetnaya oblast' ehkspertnoj kognitivno-pedagogicheskoj sistemy* [Subject area of expert cognitive-pedagogical system]. Glazov. 1997. 86 P.
 - 2. Ibid.
- 3. Miroshnichenko A. A., O. V. Kurteeva *Kvalimetriya vospitatel'nogo proekta* [Qualimetry of educational project] // *Vestnik Izhevskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: recenziruemyj nauch.-teoret. zhurnal* Herald of Izhevsk State Technical University: reviewed scientific-theoret. magazine. Izhevsk. Publishing house of ISTU. 2014, No. 2(62), pp. 182-184.
 - 4. Ibid.
- 5. Lutovinov V.I. *Kriterii i osnovy metodiki ocenki rezul'tatov raboty po patrioticheskomu vospitaniyu: nauchno-issledovatel'skaya rabota* [Criteria and basic methodology for assessing the results of work on Patriotic education: research] / ed. by Y. P. Kwiatkowski. M. Armpress. 2006. P.8.
- 6. Stepanov P. V. *Diagnostika i monitoring processa vospitaniya v shkole* [Diagnostics and monitoring of the process of education in school] / V. P. Stepanov, D. V. Grigoriev, I. V. Kuleshova. Available at: http://pedlib.ru/Books/1/0259/1_0259-1.shtml (access date 12.01.2015)
 - 7. Lutovinov V. I. Op. cit. P. 69.

УДК 372.881.1

Л. Н. Голованова, Е. Н. Панкратова

Некоторые основы развития лингвокреативности в обучении иностранным языкам

Авторы статьи рассматривают некоторые основы развития креативности, лингвокреативности, коммуникативно-интеллектуальное творчество в основе творческого мышления на иностранном языке. Основой развития данных способностей является творческий, коммуникативный и интеллектуальный потенциалы, которые создают благоприятные предпосылки для успешного овладения иноязычной речевой деятельностью и эффективно развивают иноязычные способности. В этом процессе одну из важных ролей играет метафора как мощный инструмент стимулирования и развития лигвокреативности. Создание и использование метафор определенного концептуального поля в речи является естественным способом творческого мышления на основе лексической комбинаторики, которая активизирует умственную, деятельность и способствует преодолению пассивности мышления. Авторы отмечают, что развитие лингвокреативности неразрывно связано с совершенствованием умений коммуникативной деятельности на иностранном языке и основано на формировании в тезаурусе обучаемых лингвокогнитивных структур, обеспечивающих адекватную интерпретацию иноязычного дискурса и решения речемыслительных задач.

© Голованова Л. Н., Панкратова Е. Н., 2015

136

The authors consider some aspects of developing creativity, lingvocreativity, communicative creativity as the basis of creative thinking in a foreign language. The development of the abilities is based on creative, communication, intellectual potentials, which create favorable conditions for successful mastering a foreign language and efficiently develop communication in a foreign language. The metaphor plays an important role in this process as a powerful tool of stimulating and developing of lingvocreativity. The creation and the use of the metaphors belonging to a certain conceptual field is a natural mode of operation of the creative thought based on combining lexical units, which stimulates intellectual activity and helps to overcome the passiveness of thought. The authors point out that the development of creativity is closely connected with development of communication skills in teaching a foreign language and based on creating lingvocreative structures providing the adequate interpretation of foreign discourse and solving the lingvocognitive problems in thesaurus.

Ключевые слова: лингвокреативность, моделирование метафоры, метафора, лексическое комбинирование, концептуальное поле, иноязычный дискурс.

Keywords: lingvocreativity, metaphorical modeling, metaphor, combining lexical units, conceptual field, foreign discourse.

Актуальность исследования коммуникативно-интеллектуального творчества определяется тем, что креативность как способность к творчеству является важнейшей составляющей всей структуры личности и выступает мощным фактором развития личности. Креативность в целом определяет готовность личности изменяться, отказываться от стереотипов, находить нестандартные решения жизненных и деловых проблем, возникающих в общении людей друг с другом, что выдвигает на первый план проблему коммуникативного интеллекта и творчества в общении. Творческий человек более привлекателен в общении. Это связано с его открытостью к новому опыту общения, взаимодействия и взаимопонимания. Применительно к профессиональной подготовке специалиста в области инженерии коммуникативно-интеллектуальное творчество и развитие коммуникативной креативности приобретают особую актуальность. Это связано с тем, что основы действительного профессионализма и творчества будущего специалиста в этой области должны закладываться уже на этапе профессиональной подготовки. Это значит, что сам процесс овладения иностранным языком должен быть процессом творческим. Однако творческий склад ума, речи, речемыслительной деятельности и общения формируется задолго до периода профессионального обучения [1].

На недостаточную разработанность проблемы креативности, в частности лингвокреативности и коммуникативно-интеллектуального творчества, указывает тот факт, что в современной лингводидактике не существует унифицированного термина для обозначения этого вида активности личности.

Анализ основных подходов к коммуникативно-интеллектуальному творчеству и развитию лингвокреативности в иноязычном общении позволяет предложить описание лингвокреативности, внутреннюю основу которой составляет творческое мышление на иностранном языке [2]. Способность адаптивно реагировать на необходимость в новых подходах и новых продуктах, позволяет осознавать новое в бытии, хотя сам процесс может носить сознательный и бессознательный характер.

Креативность применительно к овладению иностранным языком и иноязычным общением представляет собой творчество иноязычного мышления как умственного процесса, обеспечивающего в иноязычном общении возможность личности оперативно находить, гибко и эффективно применять нестандартные, оригинальные, творческие решения ситуаций межличностного взаимодействия, создавать фантастические идеи при сохранении объективной связи с исходной проблемной ситуацией, умение в простом видеть сложное, в сложном – простое (метафоричность) [3].

Основой для целенаправленного развития данной способности является система свойств, составляющих творческий потенциал (система интеллектуальных, мотивационных, эмоциональных, волевых свойств личности, создающих возможность находить новое, принимать решения и действовать нестандартно), коммуникативный потенциал (система свойств и способностей, обеспечивающих участие личности в общении и взаимодействии с другими людьми), интеллектуальный потенциал личности [4]. В данном исследовании интеллектуальный потенциал является ведущим, поскольку определяет понимание проблемы, эффективность выбора решения в проблемной ситуации. С другой стороны, развитие интеллектуального потенциала представляет собой условие формирования ценностно-смысловой сферы личности, способствует выработке самостоятельной оценки в профессиональной сферы деятельности и создает благоприятные предпосылки для успешного овладения иноязычной речевой деятельности и иноязычным общением.

Для эффективного развития иноязычных способностей обучаемых, творчества мышления на иностранном языке и лингвокреативности мощным инструментом, в частности, выступает метафора. Использование метафоры в речи ускоряет процесс поиска смысла, стимулирует и развивает лингвокреативность для решения проблем, мобилизует скрытые ресурсы (потенциалы) личности, активизирует высшие уровни мыслительных процессов. При творении метафоры необходимо ориентироваться не только на игру фантазии, но и представлять, будет ли сотворенный образ понятен и интерпретирован другими, иначе созданная метафора будет являться только собственным изобретением и не поможет иноязычной коммуникации. Эффективность применения и создания метафоры заключается в заложенной идее, изменении деталей и стилей мышления, которые не разрушают многогранность смысла [5].

С лингвистической точки зрения метафора как яркое языковое средство способна выступить в качестве клише, окрашенного как положительно, так и отрицательно, которое будет храниться достаточно долгий период в сознании. Чем чаще недавно сотворенная метафора используется в языке, речи, тем быстрее она теряет свою яркость и мы не замечаем, как она становится обыденностью речи. Эффективность влияния на сознание личности метафорических словоупотреблений происходит на основе создания метафор единого исходного понятийного поля (концепта) [6]. За счет образования стабильных языковых связей, которые создаются на основе одного концептуального поля, появляется равенство созданного, авторского образа и действительности, к которому относятся метафорические употребления слова. Креативные образы или созданные личностью метафоры располагаются в сознании структурированно и взаимосвязанно. Например: жизнь человека - поле. Моделирование метафоры является объединением, совокупностью слов на основе одного исходного концептуального поля, требует определенных интеллектуальных усилий, является не «банальным приемом украшением речи, а естественным способом творческого мышления» [7]. Одними из важных характеристик здесь выступают лексическая комбинаторика и «примерка» родного языка с изучаемым. Хотя степень сложности и неординарности мысленных преобразований на уровне «примерки» низка, тем не менее комбинирование является подлинно творческим процессом, поскольку связано с активизацией умственной деятельности, ростом интенсивности творческого мыслительного поиска и преодолением ярко выраженной «инерционности» мышления [8]. Соответственно лексическое комбинирование выступает переходным этапом в динамике ума к высокому уровню творческих преобразований – творческому совмещению существующих и преобразованных систем знаний иностранного языка, основным параметром которого является укрепление, то есть происходит взаимная многообразная логическая ориентация относительно друг друга. Это не значит, что уже преобразованная система знаний устраняется, она лишь модифицируется. Положительно здесь может сыграть сопоставление образов восприятия с предвосхищающим образом и предположительно выступить механизмом, с помощью которого происходит процесс отражения противоположных знаний [9].

Последующей основой в процессе иноязычных мысленных преобразований на уровне комбинирования выступает рефлексия, благодаря которой постоянно рассматриваются собственные мыслительные действия, тем самым личность опосредует одно из действий другими, раскрывая их внутренние взаимодействия. Не важно, будет ли рефлексия выступать в роли продолжения к действию или к креативности мысли, если продолжение не будет началом к следующей мысли или следующему действию. Редко обращается внимание на то, что рефлексия носит не только интеллектуальный, но и эмоциональный характер. Эмоциональная оценка приобретает характер эмоционального предвосхищения, то есть становится отправной точкой к творческому интеллектуальному действию [10]. Но достаточно часто случается, что задача длительный период никак не решается, все усилия остаются напрасны, тогда «отпускаются вожжи», предоставляя возможность задаче решиться как бы само собой. Этот способ в творчестве называется приемом «пусть случится заранее», т. е. задача решается на начальном этапе так, как она есть. Даже неудачный характер первоначального итога решения может оказаться залогом успеха в последующих попытках подступить к этой задаче [11]. По мнению В. П. Зинченко, разумное решение приходит не во время интенсивного, ожесточенного действия, а во время его остановки. Существенно, что творческая мысль появляется во время паузы, покоя. Более точно ее можно назвать активным покоем. «После появления мысли, или, точнее, появление мысли может вызвать новый прилив ожесточенного действия... Это место "между" (активный мыслительный поиск) есть место зарождения особого вида активности (деятельности), направленной на создание аппарата для думанья мыслей» [12]. Таким образом, другая не менее важная характеристика лингвокреативности при постановки мыслительной задачи на иностранном языке - прекращение, остановка действия.

Неоспоримым фактом в процессе изучения иностранного языка является взаимодействие языковых и энциклопедических знаний человека [13]. Воспринимаемая информация иноязычных дискурсов и текстов взаимодействует с когнитивной сферой личности, которая подвергается глубокой трансформации. Слово в качестве единицы лексикона является средством доступа к единой информационной базе человека и играет особую роль в понимании иноязычного дискурса [14]. Представляется вполне естественным рассматривать в качестве единиц, формирующих информационный тезаурус реципиента, сами концепты [15]. Концепт - это «несомненно дискретная и структурированная единица знания, основанного на разных способах и каналах восприятия и осмысления действительности: на основе ощущений, чувств или опыта, предметно-практической, экспериментально-познавательной, теоретико-познавательной деятельности» [16]. Объем и границы концепта индивидуальны. Вероятно, поэтому М. В. Никитин определяет концепт как дискретную, многофакторную, ментальную единицу с вероятностной структурой. Его единство и отдельность обеспечиваются равенством того денотата, с которым он соотнесен в каких-то ментальных мирах [17]. Интересно отметить, что слово как основная единица номинации «представляет обычный концепт не полностью, а передает своим значением один или несколько концептуальных признаков». По мнению И. А. Стернина, концепт – это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека <...> представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету». Значение является частью концепта, и оба они есть явления когнитивной природы. И. А. Стернин отмечает, что содержание концепта шире и лексикографического, и психологически реального значения. В его содержание включается информация, отражающая общую информационную базу человека, т. е. знания, которые могут не обнаруживаться в его речи. Знания, образующие концепт, «представлены в виде компонентов - когнитивных признаков» [18].

Итак, развитие лингвокреативности неразрывно связано с совершенствованием умений коммуникативной деятельности на иностранном языке и основано на формировании в сознании обучаемых лингвокогнитивных структур, обеспечивающих адекватную интерпретацию иноязычного дискурса и решения речемыслительных задач. Важнейшим инструментом, средством рубрикации представлении оценки определенного фрагмента действительности или дискурса является метафора, интегрирующая когнитивную, образную и вербальную составляющую информационного тезауруса. Ключевые метафоры прилагают образ одного фрагмента действительности к другому ее фрагменту. Они обеспечивают его концептуализацию по аналогии с уже сложившейся системой понятий [19].

Примечания

- 1. *Голованова Л. Н., Рыжов В. В.* Развитие творческого иноязычного мышления студентов: монография / НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Н. Новгород, 2012. 142 с.
- 2. *Бурлова Л. Н.* Психологические условия развития творческого иноязычного мышления студентов в обучении иностранным языкам: дис. ... канд. психол. наук. Н. Новгород. 2010. 212 с.
- 3. *Мартышкина Н. В., Рыжов В. В.* Развитие коммуникативного творчества дошкольников. Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. 220 с.; *Голованова Л. Н., Рыжов В. В.* Указ. соч.
- 4. Шамов А. Н. Языковое сознание в овладении лексической стороной иноязычной речи: монография. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО НГЛУ, 2014. 323 с.
 - 5. Кипнис М. Тренинг креативности. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Ось-89, 2008. 128 с.
- 6. *Зарипов Р. И.* Метафорическое манипулятивное воздействие как элемент информационной войны // Вопросы психолингвистики. 2015. № 1(23). С. 95–106.
 - 7. Там же. С. 102.
- 8. *Эсаулов А. Ф.* Активизация учебно-познавательной деятельности студентов: науч.-метод. пособие. М.: Высш. шк., 1982. С. 54.
- 9. *Брушлинский А. В.* Управление мышлением и обратная связь. Теоретические проблемы управления познавательной деятельностью человека. М.: Знание, 1975. 96 с.
- 10. *Зинченко В. П.* Теоретическое и/или полифоническое мышление // Психологическая наука. 2010. № 4. С. 8–27.
 - 11. Эсаулов А. Ф. Указ. соч. С. 42.
- 12. 3инченко В. П. Теоретическое и/или полифоническое мышление // Психологическая наука. 2010. № 4. С. 21.
 - 13. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000. 382 с.
 - 14. Там же.

- 15. Ипполитов О. О., Ипполитов О. М. О когнитивных зеркалах в пространстве концептосферы и аналогах некоторых математических задач в современной лингвистике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 64.
- 16. Кобрина Н. А. О соответствии ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 61.
- 17. $\it Huкumuh M. B.$ Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. C. 53.
- 18. Ствернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: ВГУ, 1985. С. 38, 257, 259; Панкратова Е. Н. Обучение профессионально ориентированному чтению как когнитивно-информационной деятельности на старших курсах неязыкового вуза: монография / НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Н. Новгород, 2009. 126 с.
 - 19. Арутюнова Н. Д., Журинская М. А. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 14.

Notes

- 1. Golovanova L. N., Ryzhov V. V. *Razvitie tvorcheskogo inoyazychnogo myshleniya studentov: monografiya* [Development of foreign language creative thinking of students: monograph] / N. Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev. N. Novgorod. 2012. 142 p.
- 2. Burlova L. N. *Psihologicheskie usloviya razvitiya tvorcheskogo inoyazychnogo myshleniya studentov v obuchenii inostrannym yazykam: dis. ... kand. psihol. nauk* [Psychological conditions of development of creative thinking of foreign language students in learning a foreign language: dis. ... Cand. Psychology]. N. Novgorod. 2010. 212 p.
- 3. Martyshkina N. V., Ryzhov V. V. *azvitie kommunikativnogo tvorchestva doshkol'nikov* [Development of the communication creativity of preschool children]. N. Novgorod. Publishing house of Nizhny Novgorod State Linguistic University n. a. N. A. Dobrolyubov. 2008. 220 p.; Golovanov, L. N., Ryzhov V. V. Op. cit.
- 4. Shamov A. N. *YAzykovoe soznanie v ovladenii leksicheskoj storonoj inoyazychnoj rechi: monografiy* [Language awareness in the foreign language acquisition of lexical party of speech: monograph]. N. Novgorod. FSBEE HPE Nizhny Novgorod State Linguistic University. 2014. 323 p.
 - 5. Kipnis M. Trening kreativnosti [Creativity training]. 3d publ., rev. and add. M. Os'-89. 2008. 128 p.
- 6. Zaripov R. I. *Metaforicheskoe manipulyativnoe vozdejstvie kak ehlement informacionnoj vojny* [Metaphorical manipulative impact as an element of the information war] // *Voprosy psiholingvistiki* Questions of psycholinguistics. 2015, No. 1(23), pp. 95-106.
 - 7. Ibid. P. 102.
- 8. Esaulov A. F. *Aktivizaciya uchebno-poznavatel'noj deyatel'nosti studentov: nauch.-metod. posobie* [Activation of educational-cognitive activity of students: scient.-method. manual]. M. Vyssh. Shk. 1982. P. 54.
- 9. Brushlinskiy A.V. *Upravlenie myshleniem i obratnaya svyaz'. Teoreticheskie problemy upravleniya poznavatel'noj deyatel'nost'yu cheloveka* [Management of thinking and feedback. Theoretical problems of management of human cognitive activity]. M.. Znanie. 1975. 96 p.
- 10. Zinchenko V. P. *Teoreticheskoe i/ili polifonicheskoe myshlenie* [Theoretical and/or polyphonic thinking] // *Psihologicheskaya nauka* Psychological science. 2010, No. 4, pp. 8-27.
 - 11. Esaulov A. F. Op. cit. P. 42.
- 12. Zinchenko V. P. *Teoreticheskoe i/ili polifonicheskoe myshlenie* [Theoretical and/or polyphonic thinking] // *Psihologicheskaya nauka* Psychological science. 2010, No. 4, p. 21.
 - 13. Zalevskaya A. A. Vvedenie v psiholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]. M. RSHU. 2000. 382 p.
 - 14. Ibid.
- 15. Ippolitov O. O., Ippolitov O. M. *O kognitivnyh zerkalah v prostranstve konceptosfery i analogah nekotoryh matematicheskih zadach v sovremennoj lingvistike* [About cognitive mirrors in space sphere and analogues of some mathematical problems in modern linguistics] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* ssues of cognitive linguistics. 2005, No. 1, p. 64.
- 16. Kobrina N. A. *O sootvetstvii mental'noj sfery i verbalizacii: vzaimozamenyaemost' / otnositel'naya avtonomnost' / neodnoznachnost' vektornoj zavisimosti* [On the compliance of the mental sphere and verbalization: interchangability / relative autonomy / ambiguity of vector dependence] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* Issues of cognitive linguistics. 2005, No. 3, p. 61.
- 17. Nikitin M. V. *Razvernutye tezisy o konceptah* [Developed arguments about the concepts] // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* Issues of cognitive linguistics. 2004, No. 1, p. 53.
- 18. Sternin I. A. *Problemy analiza struktury znacheniya slova* [Problem of analysis of the structure of the meaning of the word]. Voronezh. Voronezh State University. 1985. Pp. 38, 257, 259; Pankratova E. N. *Obuchenie professional'no orientirovannomu chteniyu kak kognitivno-informacionnoj deyatel'nosti na starshih kursah neyazykovogo vuza: monografiya* [Teaching professionally oriented reading as a cognitive and information science for undergraduates of non-language higher education institution: monograph] / N. Novgorod State Technical University n.a. R. E. Alekseev. N. Novgorod. 2009. 126 p.
 - 19. Arutyunova N. D., M. A. Gurinskaya *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. M. Progress. 1990. P. 14.

УДК 378

Е. В. Птицына, С. А. Останина

Особенности использования педагогических технологий в системе высшего образования

Современные тенденции развития высшего образования определяют изменение подходов к организации образовательного процесса. В каждой конкретной ситуации профессионального обучения меняется роль преподавателя высшей школы, который должен уметь выбирать стратегию преподавания, обеспечивать оптимальность и эффективность решения профессионально-обучающих задач, использовать образовательные технологии, направленные на подготовку конкурентоспособных выпускников, готовых к непрерывному самообразованию и самореализации в быстро изменяющихся условиях. Причем преподавателю надо уметь выбрать именно те технологии обучения, которые в данной ситуации наиболее целесообразны и обеспечивают высокую действенность их реализации в работе со студентами. В статье анализируются различные подходы к понятию «технология», рассматриваются историко-теоретические и практические аспекты педагогических технологий, раскрываются особенности использования педагогических технологий в системе высшего профессионального образования.

Modern trends in higher education determine the change of approaches to the organization of educational process. In each situation of vocational training is changing the role of the teacher of the high school, which should be able to choose a teaching strategy, to ensure the efficiency and effectiveness of solutions and vocational training objectives, to use educational technology aimed at the preparation of competitive graduates, ready for continuous self-education and self-realization in a rapidly changing environment. The teacher must be able to choose exactly those technologies training which in this situation the most appropriate and ensure high effectiveness of their implementation in working with students. The article analyzes different approaches to the concept of «technology», discusses theoretical and practical aspects of teaching technologies, discloses the use of educational technologies in higher professional education.

Ключевые слова: технология, современные педагогические технологии, образовательный процесс вуза, высшее профессиональное образование, проблемное обучение, проектное обучение, игровые технологии.

Keywords: technology, modern educational technology, educational process of the University, higher professional education, problem training, project-based learning, game technology.

В последние годы в стране произошли существенные перемены, обусловленные интеграцией России в мировое сообщество. Современные тенденции развития высшего профессионального образования определяют изменение подходов к организации образовательного процесса в высшей школе. Создание единого образовательного пространства, введение системы уровневого образования, переход на федеральные государственные образовательные стандарты обусловливают необходимость переориентации педагогического процесса на идеи гуманизации и реализации новых подходов к организации образовательного процесса в высшем учебном заведении.

Гуманизация образования направлена на конструирование содержания, технологий, форм и методов обучения и воспитания, которые обеспечивают эффективное развитие индивидуальности каждого студента, его познавательных интересов, личностных качеств. В этих условиях изменяется роль преподавателя высшей школы, который должен выполнять не только функцию транслятора научных знаний, но и уметь выбирать оптимальную стратегию преподавания, эффективно использовать инновационные образовательные технологии, направленные на подготовку выпускников, готовых к непрерывному самообразованию и самореализации. Решить поставленные выше задачи может помочь внедрение технологических инноваций в образовательный процесс высшей школы [1].

Под технологиями понимаются такие стратегии образования, которые требуют усвоения не только определенных знаний, но и навыков их получения, что предполагает особую методическую оснащенность образовательного процесса. Данное понятие вошло в научный лексикон, стало достоянием педагогической науки и практики образования во второй половине XX в. Повсеместно начавшиеся реформы, обновление содержания и методических систем образования остро поставили вопрос не зачем учить, чему учить и как учить, а каким образом обеспечить эффективный результат обучения?

__

В настоящее время имеется достаточно много работ по данной проблеме, в которых понятие «педагогическая технология» трактуется неоднозначно, более того, мнения исследователей подчас диаметрально противоположны. Так, одна группа ученых трактует данное понятие довольно широко, отождествляя его с системой и соотнося с образованием в целом. Другие, напротив, отмечают узкий характер функционирования понятия, считая, что технология – это определенная совокупность педагогических приемов, педагогическая техника. Третьи исследователи связывают рассматриваемое понятие с его первоначальным значением и представляют технологию как искусство, мастерство. Еще одна группа ученых в своих определениях делает акцент на вопросах управления образовательным процессом.

Педагогическая технология – это четко продуманные и связанные в одно целое содержание, виды, методы, формы, средства, способы, обеспечивающие достижение цели и оценки результатов обучения. Технология – это все, что находится между целью и результатом. Особое место в этом процессе занимает уровень квалификации преподавателя, реализующего технологии. В самом общем виде технология – это продуманная пошаговая система деятельности преподавателя и обучающихся, отвечающая на вопрос «как?» и «каким образом?» цель воплощается в «конкретный вид продукции» [2].

Сегодня преподавателей не устраивает качество продукта, поэтому идут поиски новых технологий, созвучных духу времени, уровню развития знаний и возможностей. Поэтому в определении «современные педагогические технологии» отражаются те новые открытия науки, гарантирующие достижение более высокого уровня обучения и воспитания. Основными признаками технологий являются: детальное описание образовательных целей; поэтапное описание (проектирование) способов достижения заданных результатов; использование обратной связи с целью корректировки образовательного процесса; гарантированность достигаемых результатов; воспроизводимость образовательного процесса вне зависимости от мастерства педагога; оптимальность затрачиваемых ресурсов и усилий.

Любая технология должна соответствовать определенным критериям. Исследователи выделяют следующие критерии технологичности: концептуальность, процессуальность, управляемость, продуктивность. В современных условиях представляют ценность те педагогические технологии, которые дают высокие результаты в образовательном процессе, оптимальны по затратам и удобны в обращении, при этом они гарантируют достижение требований, предъявляемых государственными образовательными стандартами [3]. Технологичность учебного процесса состоит в том, чтобы сделать образовательный процесс полностью управляемым.

В связи с многоуровневостью понятия «педагогические технологии» существуют и разные подходы к классификациям технологий высшей школы. В соответствии с доминирующей целевой направленностью они подразделяются на информационные, коммуникативные, гуманитарные. Информационные технологии направлены на овладение новыми средствами поиска, применения и переработки учебной или научной информации средствами компьютерной, аудио-, видеотехники и Интернета. Коммуникативные – сконцентрированы на совершенствовании способов взаимодействия с людьми и связаны с организацией парной, групповой, коллективной работы.

Гуманитарные технологии обеспечивают формирование социально значимых качеств, необходимых человеку независимо от уровня получаемого образования и профиля подготовки. В соответствии со структурой образовательного процесса выделяют следующие технологии: диагностики; управления процессом освоения учебной информации, применения знаний на практике, поиска новой учебной информации; организации совместной и самостоятельной деятельности субъектов; контроля качества и оценивания результатов образовательной деятельности.

По доминирующим методам и принципам организации обучения: проблемного, модульного, дистанционного, развивающего, личностно-ориентированного, программированного и других типов обучения. По основным видам и формам деятельности педагогов: игровые, проектирования, тестирования; организации групповой работы, организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности. По основным формам организации образовательного процесса: чтение лекций, проведение практических занятий, организация самостоятельной образовательной деятельности, организация и проведение консультаций, экзаменов и зачетов.

Развитие высшего образования сегодня определяется следующими тенденциями, которые обусловливают выбор педагогических технологий в высшей школе [4]:

1. Федеральные государственные образовательные стандарты базируются на компетентностном подходе в образовании, который требует иного технологического оснащения. Цель профессиональной подготовки студентов – становление профессиональной компетентности как интегративного качества личности. Такая целевая установка определяет ориентацию на технологии знаково-контекстного обучения, позволяющие приобщать студентов к способам решения

профессиональных задач в процессе обучения, а именно: технология анализа ситуаций, кейс-метода, «мозгового штурма», организации имитационных игр, научно-исследовательской работы студентов.

- 2. Переход к кредитной системе повышает значимость субъектности и самостоятельности студентов в образовании. Соответственно все большее место должны занимать в учебном процессе технологии, которые позволяют организовать самостоятельную деятельность студентов по освоению содержания высшего образования. Это технология балльно-рейтинговой оценки результатов образования, решения проблемных заданий, развития критического мышления, технология портфолио, технология становления авторской позиции.
- 3. Возрастающая роль информации в современном мире требует развития способов работы с различными источниками информации. Это обусловило выбор технологии развития критического мышления, технологии развития латерального мышления, создания карт умственной деятельности, информационных технологий.
- 4. Необходимость достижения эффективного уровня деловой коммуникации. Целесообразно применять технологию организации группового взаимодействия (групповой работы), коллективного способа обучения, организации дискуссии, дебатов, имитационных и не имитационных игр, интерактивных методов обучения, технологию организации тренингов.
- 5. Повышение наукоёмкости образования. Для решения этой задачи следует активно использовать технологии, включающие студентов в различные виды продуктивной деятельности, технологии организации научно-исследовательской работы, организации творческой деятельности.

К числу условий, определяющих успешность применения технологий, относятся:

- учет психофизиологических особенности обучающихся;
- профессиональные и личностные качества преподавателя;
- создание устойчивой психологической атмосферы в образовательной организации в целом и в группе в частности; способность преподавателя установить доверительный контакт со студентами, сформировать интерес и мотивацию к предмету;
 - создание творчески-ориентированной образовательной среды.

Образовательный процесс в вузе тяготеет к поисково-исследовательским технологиям, предусматривает при этом ситуационное проектирование, игровое моделирование, включение учебных задач в контекст жизненных и профессиональных проблем. При традиционном обучении преподаватель сообщает готовые знания: он объясняет новый материал, показывает новые положения, подкрепляет их примерами, иллюстрациями, добивается понимания этого материала, связывает его с уже изученным, проверяет степень усвоения. Деятельность преподавателя носит объяснительно-иллюстративный характер, а сам преподаватель является транслятором знаний. В свою очередь, студенты воспринимают сообщаемое, осмысливают, запоминают, заучивают, воспроизводят, упражняются, их деятельность носит репродуктивный характер.

Поисково-исследовательские технологии, наоборот, позволяют студентам самостоятельно приобретать умения и навыки при решении особого рода задач, проблемных вопросов, ситуационного проектирования. Их суть в следующем: выявление и понимание студентами недостаточности ранее усвоенных знаний и способов действий, постановка учебной задачи, совместная с учителем поисковая деятельность, оценка, обоснование найденного способа и самооценка собственной деятельности. Студенты самостоятельно ищут знания, испытывая удовлетворение от процесса интеллектуального труда, от преодоления сложностей и найденных решений, догадок и озарений.

Преподаватель при этом организовывает среду, в которой студент имеет возможности самореализоваться в соответствии с индивидуальными особенностями. Он является участником совместного поиска, его предложения должны быть открыты для критического анализа и оценки [5]. В традиционной дидактике основой любой педагогической технологии является объяснение, главная идея состоит в переходе от объяснения к пониманию, от монолога к диалогу, от социального контроля – к развитию, от управления – к самоуправлению. Творчество, исследовательский поиск являются основным способом существования студентов в высшей школе.

Основной формой поисковой деятельности является диалог, в ходе которого определяется содержание учебной задачи и анализируются пути решения. Преподаватель в процессе наблюдения за студентами постепенно создает его «познавательный портрет», включающий особенности мотивационно-потребностной, эмоциональной и операциональной сторон учебной деятельности. Сильной стороной реализации поисково-исследовательских технологий является осмысление обучающимися своей деятельности, что позволяет им перестраивать действия, опыт, мотивы и потребности.

Остановимся на некоторых технологиях в образовательном процессе вуза: проблемное и проектное обучение, игровые технологии. Технология проектного обучения является компонентом системы продуктивного образования и ориентирована на самостоятельное приобретение и применение новых знаний, умений, навыков творческой деятельности. Она включает в себя совокупность исследовательских, поисковых, проблемных, коммуникативных методов, творческих по самой своей сути. Технология проектного обучения предлагает построение обучения на активной основе: студенты выбирают тему, распределяют роли, анализируют информацию, обсуждают результаты, работают над ошибками.

Учебный творческий проект – это самостоятельно разработанный и изготовленный продукт от идеи до её воплощения, выполненный при консультации педагога. Так, в вузе можно использовать следующие типы проектов: исследовательские; творческие; коммуникационные; социально значимые. Работа над научно-исследовательскими проектами формирует готовность студентов к инновационной деятельности. Для решения проблем в ходе проектной деятельности они применяют ранее полученные знания и добывают новые. Преподаватель же помогает сформулировать и развить тематику проекта, спланировать сроки и наметить индивидуальные задачи для каждого участника [6].

Проблемное обучение – это тип обучения, которое обеспечивает усвоение знаний посредством диалога с преподавателем. Суть интерпретации учебного материала состоит в том, что преподаватель не сообщает знания в готовом виде, а ставит перед студентами проблемные задачи, побуждая искать пути и средства их решения. Проблема сама прокладывает путь к новым знаниям и способам действия, при этом новые знания даются не для сведения, а для решения проблем. Проблемная ситуация на основе анализа преобразуется в проблемную задачу, которая ставит проблемные вопросы или вопрос. При формулировании проблемного вопроса нужно учитывать, что он должен быть: сложным, чтобы вызвать затруднение у обучающихся, и в то же время быть посильным для самостоятельного нахождения ответа; увлекательным, но соответствующим логике науки; емким и предполагающим научный спор. Далее серия проблемных вопросов трансформирует проблемную задачу в модель поисков результата, где рассматриваются пути, средства и методы решения.

Деловые, учебно-ролевые, дидактические игры, игры-тренинги в вузе способствуют формированию профессионально-творческого мышления и навыков профессионального поведения будущих специалистов. Игровая форма занятий создается при помощи игровых приемов и ситуаций, выступающих как средство стимулирования учебной деятельности. Сложность определяется многообразием форм игры, способов участия в них партнеров и алгоритмом ее проведения. В процессе игры осваиваются правила поведения и роли социальных групп, переносимые в жизнь; рассматриваются возможности групп, коллективов-аналогов, различных социальных институтов в миниатюре; приобретаются навыки совместной коллективной деятельности. Опираясь на межпредметные связи дисциплин психолого-профессиональной направленности, деловая игра является средством воссоздания предметно-социального содержания будущей профессиональной деятельности студентов.

Современное образование должно быть направлено на развитие личности, раскрытие ее возможностей, талантов, становление самосознания, самореализации. Развитие студента как личности и его социализация идет не только путем овладения им нормативной деятельностью, но и через постоянное обогащение, преобразование субъектного опыта как важного источника собственного развития [7]. Учение как субъектная деятельность студента, обеспечивающая познание (усвоение), должно разворачиваться как процесс, описываться в соответствующих терминах, отражающих его природу, психологическое содержание; основным результатом учения должно быть формирование познавательных способностей на основе овладения соответствующими знаниями и умениями, так как в процессе такого обучения происходит активное участие в самоценной образовательной деятельности, содержание и формы которой должны обеспечивать студентам возможность самообразования, саморазвития в ходе овладения знаниями.

Подводя итог вышесказанному, можно выделить основные важные характеристики реализации технологий в образовательном процессе вуза:

- создание педагогических ситуаций общения, позволяющих каждому субъекту проявить инициативу и самостоятельность; студенты сотрудничают с преподавателем в диалоге, обсуждают, высказывают свои мысли, делятся содержанием;
- предоставление обучающимся выбора последовательности учебных действий и темпа работы на занятии. Причем именно свобода, а не вседозволенность, поэтому важно проводить регулярный и объективный контроль, ненавязчивое управление;

Педагогические науки

- использование проблемных творческих заданий, сочетание групповой и индивидуальной работы;
- обучение студентов анализу своей деятельности, самоконтролю, оценочным действиям по отношению к себе и другим;
- обсуждение этапов проделанной работы, оценивание не только конечного результата, но и процесса его достижения; анализ не только правильности ответа, но и его оригинальности, самостоятельности выполнения.

Таким образом, в каждой конкретной ситуации профессионального обучения перед преподавателем стоит проблема обеспечения оптимальности и эффективности решения профессионально-обучающей задачи. Надо уметь выбрать именно ту технологию обучения, которая в данной ситуации наиболее целесообразна, и, главное, обеспечить высокую действенность ее реализации в работе со студентами. Мы солидарны с высказыванием Н. В. Бордовской о том, что «самую строгую инструментальную технологию нужно наполнить человеческим содержанием и смыслом, вдохнуть в нее жизнь, сделать ее в какой-то мере авторской, учесть индивидуально-личностные особенности субъектов, группы или коллектива, обстоятельства реального жизненного окружения и образовательной среды, особенности самого педагога» [8].

Примечания

- 1. Останина С. А. Организация самостоятельной работы студентов творческих вузов в условиях реализации ФГОС ВПО третьего поколения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 6(91). С. 68.
 - 2. Пионова Р. С. Педагогика высшей школы: учеб. пособие. Минск: Университетское, 2008. 256 с.
- 3. Подласый И. П. Педагогика: в 2 т. Т. 2. Практическая педагогика: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013.799 с.
 - 4. Пионова Р. С. Указ. соч. С. 17-19.
- 5. Якиманская И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М.: Сентябрь, 2002. 96 с.
- 6. Шерехова О. М. Критерии и показатели сформированности креативной позиции субъекта творческой деятельности в образовательном процессе вуза // Научное мнение. СПб., 2013. № 3. С. 161–166.
- 7. *Федорова Е. Н.* Ценностно-смысловая парадигма профессиональной педагогической деятельности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 8. С. 342–345.
- 8. *Бордовская Н. В.* Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования: учеб. пособие. СПб.: 000 «Книжный Дом», 2007. С. 150.

Notes

- 1. Ostanina S. A. *Organizaciya samostoyatel'noj raboty studentov tvorcheskih vuzov v usloviyah realizacii FGOS VPO tret'ego pokoleniya* [Organization of independent work of students of art universities in the conditions of realization of FSES HPE of the third generation] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* Herald of Volgograd State Pedagogical University. 2014, No. 6(91), p. 68.
- 2. Pionowa R. S. *Pedagogika vysshej shkoly: ucheb. posobie* [Pedagogics of higher school: tutorial]. Minsk. Universiteteskoe. 2008. 256 p.
- 3. Podlasiy I. P. *P. Pedagogika: v 2 t. T. 2. Prakticheskaya pedagogika: uchebnik dlya bakalavrov* [Pedagogy: in 2 vol. Vol. 2. Practical pedagogy: textbook for bachelors]. M. Yurait. 2013. 799 p.
 - 4. Pionowa R. S. Op. cit. Pp. 17-19.
- 5. Yakimanskaya I. S. *Lichnostno-orientirovannoe obuchenie v sovremennoj shkole* [Person-centered education in the modern school]. M. Sentyabr. 2002. 96 p.
- 6. Sherekhova O. M. *Kriterii i pokazateli sformirovannosti kreativnoj pozicii sub"ekta tvorcheskoj deyatel'nosti v obrazovatel'nom processe vuza* [Criteria and indicators of formation of the creative position of a subject of creative activity in educational process of the University] // *Nauchnoe mnenie* Scientific opinion. Spb. 2013, No. 3, pp. 161-166.
- 7. Fedorova E. N. *Cennostno-smyslovaya paradigma professional'noj pedagogicheskoj deyatel'nosti* [Value-semantic paradigm of professional pedagogical activity] // ktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2013, No. 8, pp. 342-345.
- 8. Bordovskaya N. V. *Gumanitarnye tekhnologii v vuzovskoj obrazovatel'noj praktike: teoriya i metodologiya proektirovaniya: ucheb. posobie* [Humanitarian technologies in University teaching: theory and methodology of design: tutorial. SPb. LLC "Book House". 2007. P. 150.

УДК 378.14

П.В.Ананин

Исследовательская компетентность бакалавров социальной работы: этапы формирования

В работе актуализируется компетентностный подход к высшему образованию. Определяются преимущества данного подхода в условиях современных требований к системе образования. Рассматриваются определения понятий «компетентность», «исследовательская компетентность». Теоретические заключения детерминируют авторскую позицию к значению и роли исследовательской компетентности, интегрируя как компетентностные, так и структуралистские характеристики. Рассматриваются существующие подходы к структуре исследовательской компетентности. Показывается авторское понимание исследовательской компетентности бакалавров социальной работы как состоящей из следующих компонентов: мотивационно-целевой, процессуально-деятельностный, креативный, коммуникативный, рефлексивный, когнитивный. Описываются процесс формирования и структурная взаимозависимость компонентов исследовательской компетентности, выделяются этапы формирования исследовательской компетентности, ее формирующие и обеспечивающие компоненты.

In the work of the updated competency-based approach to higher education. Identifies advantages of this approach in conditions of modern requirements to the education system. Discusses the definitions of "competence", "research competence". Theoretical conclusions determine author's position of the value and role of research competence, integrating how the competency and structural characteristics. Existing approaches to the research competence structure. Shows the author's understanding of the research competence of the bachelors of social work as consisting of the following components: motivational-target, processual-active, creative, communicative, reflexive, cognitive. Describes the process of formation and structural interdependence of the components of research competence, highlights the stages of formation of research competence of its forming and providing components.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, профессиональная компетентность, исследовательская компетентность, структура.

Keywords: competence, competence, professional competence, research competence, structure.

Компетентностный подход в высшем образовании, являясь инновационным по своей сущности, открывает широкое поле для исследований в области педагогики высшей школы. Он позволяет отражать в системном и целостном виде результаты образования и формулировать эти результаты в качестве готовности выпускника демонстрировать соответствующие знания, умения и ценности [1].

Современный экономический словарь определяет компетентность в рамках полномочий управляющего органа, должностного лица, знаний, опыта в той или иной области [2]. Другие словари определяют компетентность как «осведомленность, авторитетность» [3], «правоспособность, обладание сведениями, необходимыми для суждения о чем-либо» [4], «способность личности к выполнению какой-либо деятельности на основе жизненного опыта и приобретенных знаний, умений навыков» [5]. То есть речь идет о компетентности как способности к той или иной деятельности.

Новые подходы к определению понятия «компетентность» обозначились в ходе реформирования российской системы образования для вхождения в единое европейское пространство высшего образования. О. М. Карпенко, О. И. Лукьяненко, Л. И. Денисович, М. Д. Берштадская, ссылаясь на доклад В. Хутмахера «Кеу competences for Europe», дают несколько определений компетентности: способность, данные, знания; достаток, материальное обеспечение; компетенция, правомочность [6]. Можно обратить внимание на то, что в данном понимании различаются компетентности и в качестве ее элемента – компетенция. Для разрешения смыслового диссонанса авторы приходят к выводу, что компетенция – понятие более узкое, определяющее качества личности как результат образования, а компетентность – «соответствие субъекта определенной сфере деятельности» [7].

В. А. Исаева и В. И. Воротилова определяют компетенцию как «меру образовательного успеха личности, проявляющегося в ее собственных действиях в определенных профессионально и социально значимых ситуациях», а также как «способность выпускника учебного заведения вы-

-

Педагогические науки

полнять социальные и профессиональные роли на уровне, обеспечивающем его максимальную самореализацию и развитие». В свою очередь, компетентность, по мнению авторов, проявляется в приобретаемом в ходе обучения новом качестве, которое состоит в том, что «увязывает междисциплинарные знания и умения с набором интегральных характеристик качества подготовки, в первую очередь со способностью применять полученные знания и умения в будущей профессиональной деятельности» [8]. Таким образом, компетенция – это элемент кластера определенных характеристик, составляющих единую интегральную характеристику – компетентность.

Аналогичен подход Л. Ю. Зуевой. Автор отмечает, что компетенция – «цель, ожидания образовательного процесса, которые описываются с помощью стандартов и критериев выполнения заданий или поведенческих эталонов, а компетентность – результат обучения, целостная и систематизированная совокупность обобщенных профессиональных знаний и личностных качеств, обеспечивающих реализацию компетенций, необходимых для осуществления успешной профессиональной деятельности» [9].

В то же время Л. К. Иляшко и Л. М. Мешкова, ссылаясь на работы М. А. Чошанова, Е. И. Огарева, Н. Ф. Талызина, В. Д. Шадрикова и др. [10], трактуют компетентность в качестве *процесса*. Это – «процесс освоения и присвоения социальных норм и ценностных ориентиров, способность к их реализации в своей деятельности, отношение к собственной профессии как к ценности» [11].

Учитывая представленные подходы, определим компетентность как находящуюся в динамике интегральную иерархию компетенций, представляющих собой способность и готовность выпускников вузов продемонстрировать соответствующие знания, умения и ценности в ходе профессиональной деятельности.

Требования федеральных государственных образовательных стандартов к подготовке кадров в сфере высшего профессионального образования (далее – ФГОС ВПО) сфокусированы главным образом на формировании исключительно профессиональной компетентности. Хотя не стоит исключать тот факт, что в алгоритм реализации стандартов заложены потенциальные, латентные механизмы формирования социальной компетентности и компетентности в житейской сфере. Так или иначе важным индикатором характера компетентности является деятельность. Она же одновременно является и одним из результатов освоения компетентности.

Очевидно, что подготовка бакалавров социальной работы включает в себя приобретение профессиональной компетентности. ФГОС ВПО предполагает выделять в структуре профессиональной компетентности бакалавра социально-технологическую, организационно-управленческую, исследовательскую и социально-проектную составляющие [12]. Эти составляющие в свою очередь раскрываются через набор компетенций общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и профессионально-прикладных.

Сосредоточим свое внимание на содержании исследовательской компетентности. В ней входят:

- способность исследовать особенности культуры социальной жизни, поведения различных национально-этнических, половозрастных и социально-классовых групп, а также инфраструктуру обеспечения их социального благополучия (ПК-6);
- способность выявлять, формулировать и разрешать проблемы в сфере социальной работы на основе проведения научных исследований, определять научную и практическую ценность решаемых исследовательских задач (ПК-7);
- способность к систематическому использованию результатов научных исследований для обеспечения эффективной деятельности социальных работников, профессиональной поддержки благополучия различных слоев населения, обеспечения их физического, психического и социального здоровья (ПК-8);
- способность представлять результаты исследования в формах отчетов, рефератов, публикаций и публичных обсуждений (ПК-9);
- способность к осуществлению прогнозирования, проектирования, моделирования и экспертной оценки социальных процессов и явлений в области социальной работы и медико-социальной помощи населению (ПК-10) [13].

Из этого следует, что авторы Госстандарта видят в лице будущих специалистов социальной работы профессионалов, которые могут самостоятельно ориентироваться в потоке меняющейся информации, обобщать, сравнивать, анализировать, находить оптимальные варианты решений на основе исследований в конкретных сферах деятельности.

Важнейшими качествами личности специалиста признается готовность к самоуправлению, креативность, способность осуществлять поисковую деятельность, приобретать новые знания, видеть перспективы и планировать стратегию развития социальной сферы. В связи с этим актив-

ная исследовательская деятельность студентов может обеспечить подготовку практико-ориентированной творческой личности, способной к эффективной профессиональной деятельности.

Поэтому особенно актуальна разработка механизмов и технологий формирования исследовательской компетентности как структурного элемента профессиональной компетентности будущих бакалавров социальной работы.

Анализ научной литературы дает возможность выделить в исследовательской деятельности студентов направленность на овладение навыками к самостоятельной теоретической и экспериментальной работе, современными методами научного исследования, техникой эксперимента (М. И. Колдина, С. М. Маркова) [14].

В связи с этим исследовательскую компетентность бакалавра социальной работы можно определить как находящуюся в динамике интегральную иерархию компетенций, в своей совокупности представляющих способность и готовность к целенаправленному поиску, изучению объектов социальной сферы и выработку новых научных знаний о социальной действительности и их применению в практической деятельности.

Помимо структурирования исследовательской компетентности через систему компетенций в литературе выделяются подходы, использующие иные основания для классификаций. Так, Е. В. Набиева вводит в оборот следующие компоненты исследовательской компетентности: мотивационный: потребность в формировании исследовательской компетентности; когнитивный, включающий знание сути и назначение педагогического мониторинга, рефлексии и фасилитации; действенно-операционный: умение изучать, анализировать и прогнозировать результаты деятельности, способствовать повышению индивидуальной активности и работоспособности [15].

По мнению Л. К. Иляшко и Л. М. Мешкова, структура компетентности включает в себя наряду с когнитивно-знаниевым также мотивационный, отношенческий и регулятивный компоненты [16]. И. А. Янюк предлагает схожие по содержанию компоненты: мотивационный (формирование и постановка целей исследовательской деятельности), когнитивный (знание необходимых технологий и методов исследования); деятельностно-практический (навыки и умения применения в практической деятельности техник исследования) [17].

А. А. Губайдуллин вводит в структуру исследовательской компетентности ценностно-ориентировочный, проективно-творческий, предметно-преобразовательный, контрольно-коррекционный компоненты [18].

Ю. А. Комарова определяет три компонента:

- Когнитивный компонент, предполагающий интеллектуальные умения по извлечению, преобразованию и конструированию знания.
- Прогностический компонент включает в себя знания, навыки, умения, обеспечивающие предвидение и предварительную оценку результатов исследования.
- Организационный компонент представлен знаниями, а также практическими навыками и умениями реализации конкретного научного процесса, эксперимента, опыта и т. д. [19]

Расширяют подход к определению структуры исследовательской компетентности В. И. Горовая, О. Ю. Фетисова, добавляя к мотивационно-ценностному, когнитивному, действенно-операциональному и креативному также коммуникативный и рефлексивный компоненты [20].

Принимая во внимание разнообразие подходов к выделению структуры исследовательской компетенции и задачи, которые ставит ФГОС ВПО перед бакалавром, специализирующимся на социальной работе, нами предлагается рассматривать содержание исследовательской компетенции через совокупность следующих компонентов:

- мотивационно-целевой;
- процессуально-деятельностный;
- *креативный* (как способность применять творческий подход в планировании и организации деятельности, решении задач);
- *коммуникативный* (в виде способности к установлению контактов с различными субъектами, корректному восприятию критики, способности тактично подвергать сомнению, а также грамотность устной и письменной речи и т. п.);
- *рефлексивный* (способность к самокритике, самостоятельному контролю исследовательской деятельности, анализу и организации выводов, корректировке деятельности);
- когнитивный (совокупность знаний относительно содержания исследовательской деятельности).

Последний компонент является ключевым и базисным для структуры исследовательской компетенции. Он является также первопричиной, побудительным звеном формирования и развития других компонентов.

Педагогические науки

Следует отметить, что максимальный эффект для развития исследовательских способностей студентов будет достигнут в случае применения специфических для каждого компонента форм и методов работы, неразрывно связанных с содержанием ФГОС ВПО, но при этом не основывающихся исключительно на пассивном получении новых знаний и невозможности или отсутствии необходимости их применения на практике.

Знания, согласно «гносеологическому кругу» Анаксимена, обладают свойством, стимулирующим тягу к новым знаниям. Чем больше человек знает о мире, тем больше вопросов у него возникает. Круг интересов необразованного человека значительно уже человека сведущего. Знания не только основной катализатор мотивационного компонента, который является, в свою очередь, передаточным механизмом между знанием и действием, но и следствие поставленных человеком перед собой целей и задач. Знание без мотива и без цели не превращается в действие. Поэтому важно, чтобы знание обладало следующими определенными свойствами:

- *полнота* определяется его достаточностью, подробностью, необходимой для принятия обоснованных решений;
- *актуальность*, означающая, что знание должна быть получено и реализовано тогда, когда это необходимо;
- *реализуемость*, которая выражается в возможности практического использования знания в реальных ситуациях.

Одновременно с когнитивным формируется коммуникативный компонент. Его развитие обеспечивается в том числе за счет взаимодействия с преподавателем, научным руководителем, роль которого на этом этапе состоит в организации, направленности и контроле за обучающей деятельностью. Коммуникативный компонент катализирует качество получаемых знаний, создавая новые условия для развития мотивации. При этом опыт взаимодействия и восприятия полезен и при организации практической исследовательской деятельности бакалавра социальной работы, работника сферы «человек – человек».

Следующим этапом направленной динамики формирования исследовательской компетентности является процессуально-деятельностный компонент. Практическая реализация деятельности в форме наработки навыков на основе полученных знаний сопровождается социальной перцепцией. С её помощью усилиями преподавателя и научного руководителя контролируется и направляется деятельность обучаемого, не обладающего на данном этапе достаточным опытом организации своей деятельности.

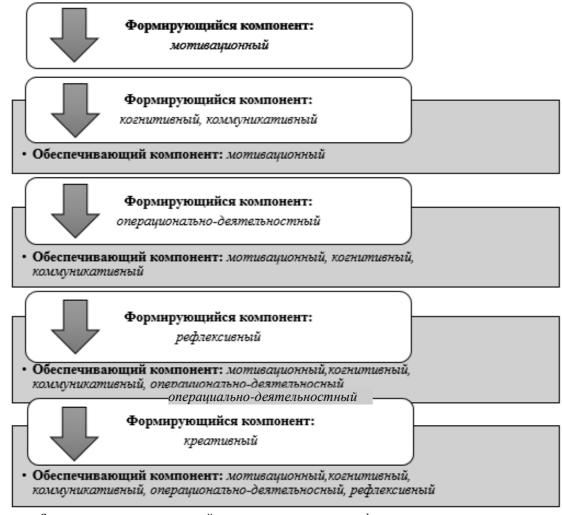
По достижении определенного уровня опыта приобретается способность к самоанализу, самокритике и, как следствие, самоконтролю и самокоррекции. Но алгоритмично повторяющиеся и применяемые на практике знания и умения, превращающиеся в навыки, даже имеющие под собой аксиологические, мотивационные и рефлексивные основания, еще не являются достаточными для суждения о том, что исследовательская компетентность вполне сформировалась.

Ряд авторов (В. Захаров, Е. А. Фисун, В. П. Бабинцев) рассматривают структуру компетентности в основном с точки зрения ценностно-мотивационного, когнитивного и деятельностно-процессуального компонентов. И этого вполне достаточно для определения социально-проектной, организационно-управленческой или социально-технологической компетентности.

Однако исследовательская компетентность представляет собой более сложную структуру, в частности необходимым является выделение дополнительного – креативного компонента. Данный компонент заключается в способности решать проблемные задачи, применять творческий подход, искать нестандартное решение, моделировать, планировать и прогнозировать. По нашему мнению, креативный компонент является вершиной пирамиды компонентов исследовательской компетентности, но формируется он только при условии, что уже сформированы низшие по уровню компоненты исследовательской компетенции.

Представим структуру исследовательской компетентности и этапы формирования компонентов в виде схемы, учитывающей деление компонентов на формирующиеся и обеспечивающие (см. рисунок).

Таким образом, исследовательская компетентность представляет динамическую иерархию последовательно формируемых компонентов, содержательным наполнением которых являются требования ФГОС ВПО, что позволяет делать процесс формирования исследовательской компетентности многоаспектным. Его использование должно привести к повышению качества подготовки научных кадров в сфере социальной работы.

Структура исследовательской компетентности и этапы формирования компонентов

Примечания

- 1. Байденко В. И. Болонский процесс: глоссарий / В. И. Байденко, и др. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 148 c. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/mo/20111108182212.pdf
- 2. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лизовский, Е. Б. Стародубцева. М.: ИНФРА-М, 1999. 476 с.
- 3. Ушаков Д. Н. Толковый словарь Ушакова. 1935–1940. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/838150
- 4. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20451/КОМПЕТЕНТНОСТЬ
- 5. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. URL: http://methodological_terms.academic.ru/692/КОМПЕТЕНТНОСТЬ
- 6. *Карпенко О. М., Берштадская М. Д.* Макеты образовательных программ в области высшего профессионального образования. Кн. 1. Образовательные стандарты и программы: общие проблемы. М., 2004.
 - 7. Там же.
 - 8. Исаев В. А., Воротилов В. И. Образование взрослых: компетентностный подход. СПб., 2005. 91 с.
- 9. *Зуева Л. Ю.* «Компетенция», «компетентность», «профессиональная компетентность» синонимы или взаимоисключающие понятия? // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Кострома: Изд-во КГУ, 2008. С. 8–11.
- 10. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад; редкол. М. М. Безруких и др. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2003. 274 с.; *Чошанов М. А.* Гибкая технология проблемно-модульного обучения: методическое пособие. М.: Народное образование, 1996. 160 с.
- 11. *Иляшенко Л. К., Мешкова Л. М.* Понятийное поле компетентностного подхода: компетентность, компетенции, математическая компетентность, профессиональная компетентность // Глобальный научный потенциал. 2014. № 3(36). С. 15–19.
- 12. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 декабря 2009 г. № 709 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 «социальная работа». URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/4/20111115120540.pdf

- 13. Там же.
- 14. *Басов Н. Ф.* Научно-исследовательская деятельность как средство формирования профессиональной компетентности будущих бакалавров социальной работы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Кострома: Изд-во КГУ, 2011. С. 55–59.
- 15. Набиева Е. В. Формирование исследовательской компетентности студентов педагогического университета через систему спецкурсов по единой программе: дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 1999.
 - 16. Иляшенко Л. К., Мешкова Л. М. Указ. соч. С. 15-19.
- 17. Янюк И. А. Формирование исследовательской компетентности студентов технических вузов: дис. ... канд. пед. наук. Шуя, 2010.
- 18. Губайдуллин А. А. Формирование исследовательской компетентности студентов в условиях проектного обучения: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2011.
- 19. Гарафутдинова Г. Р., Солошенко Л. П. Технология квалиметрического оценивания уровня сформированности компетенций студентов вуза // Современные проблемы науки и образования, 2013.
- 20. *Горовая В. И., Фетисова О. Ю.* Исследовательская компетентность как условие готовности магистра педагогического образования к исследовательской деятельности // Наука и мир. Волгоград: Научное обозрение, 2014. С. 17–19.

Notes

- 1. Baidenko V. I. *Bolonskij process: glossarij* [Bologna process: Glossary] / Baidenko V. I., M. Research center of problems of quality of training. 2009. 148 p. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/mo/20111108182212.pdf
- 2. *Sovremennyj ehkonomicheskij slovar'* Modern economic dictionary / B. A. Rayzberg, L. sh. Lizovskiy, E. B. Starodubtseva. M. INFRA-M. 1999. 476 p.
- 3. Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' Ushakova* [Ushakov dictionary]. 1935-1940. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/838150
- 4. Chudinov A. N. *Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka* [Dictionary of foreign words, which became part of the Russian language]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20451/КОМПЕТЕНТНОСТЬ
- 5. Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyj slovar' metodicheskih terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language training)]. M. IKAR. 2009. Available at: http://methodological_terms.academic.ru/692/ΚΟΜΠΕΤΕΗΤΗΟCΤЬ
- 6. Karpenko O. M., M. D. Bershtadskaya *Makety obrazovatel'nyh programm v oblasti vysshego professional'nogo obrazovaniya. Kn. 1. Obrazovatel'nye standarty i programmy: obshchie problemy* [Models of educational programmes in the field of higher education. Book 1. Educational standards and programmes: common problems]. M. 2004.
 - 7. Íbid.
- 8. Isaev V. A., Vorotilov V. I. *Obrazovanie vzroslyh: kompetentnostnyj podhod* [Adult education: competence approach]. Spb. 2005. 91 p.
- 9. Zuev L. Yu. «Kompetenciya», «kompetentnost'», «professional'naya kompetentnost'» sinonimy ili vzaimoisklyuchayushchie ponyatiya? [Are "Competence", "competency", "professional competence" synonymous or mutually exclusive concepts?] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova Herald of Kostroma State University n.a. N. A. Nekrasov. Kostroma. Publishing house of KSU. 2008. Pp. 8-11.
- 10. Pedagogicheskij ehnciklopedicheskij slovar' Pedagogical encyclopedic dictionary / editor-in-chief B. M. Bim-bad; ed. board M. M. Bezrukikh, etc. M. Great Russian encyclopedia. 2003. 274 p.; Choshanov M. A. Gibkaya tekhnologiya problemno-modul'nogo obucheniya: metodicheskoe posobie [Flexible technology of problem-modular education: methodical manual]. M. Narodnoe Obrazovanie. 1996. 160 p.
- 11. Ilyashenko L. K., Meshkov L. M. *Ponyatijnoe pole kompetentnostnogo podhoda: kompetentnost', kompetencii, matematicheskaya kompetentnost', professional'naya kompetentnost'* [Conceptual field of competence-based approach: competency, competence, mathematical competence, professional competence] // *Global'nyj nauchnyj potencial* Global scientific potential. 2014, No. 3(36), pp. 15-19.
- 12. Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation of 8 December 2009 № 709 "On approval and enactment of Federal state educational standard of higher professional education in the preparation direction 040400 "social work". Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/4/20111115120540.pdf (in Russ.)
 - 13 Ihid
- 14. Basov N. F. *Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' kak sredstvo formirovaniya professional'noj kompetentnosti budushchih bakalavrov social'noj raboty* [Scientific research activity as means of formation of professional competence of future bachelors of social work] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* Herald of Kostroma State University n.a. N. A. Nekrasov. Kostroma. Publishing house of KSU. 2011. Pp. 55-59.
- 15. Nabiyeva E. V. Formirovanie issledovateľskoj kompetentnosti studentov pedagogicheskogo universiteta cherez sistemu speckursov po edinoj programme: dis. ... kand. ped. nauk [Formation of research competence of students of pedagogical University through the system of courses under a single program: dis. ... Cand. P.ed Sciences]. Irkutsk. 1999.
 - 16. Ilyashenko L. K., Meshkov L. M. Op. cit. Pp. 15-19.

- 17. Yanyuk I. A. *Formirovanie issledovateľskoj kompetentnosti studentov tekhnicheskih vuzov: dis. ... kand. ped. nauk* [Formation of research competence of students of technical universities: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Shuya. 2010.
- 18. Gubaidullin A. A. Formirovanie issledovateľskoj kompetentnosti studentov v usloviyah proektnogo obucheniya: dis. ... kand. ped. nauk [Formation of research competence of students in terms of project-based learning: dis. ... Cand. Ped. Sciences]. Kazan. 2011.
- 19. Garafutdinova G. R., L. P. Soloshenko *Tekhnologiya kvalimetricheskogo ocenivaniya urovnya sformirovannosti kompetencij studentov vuza* [Technology of qualimetrical estimation of level of formation of competences of students] // *Covremennye problemy nauki i obrazovaniya* Modern problems of science and education. 2013.
- 20. Gorovaya V. I., Fetisova O. Y. *Issledovatel'skaya kompetentnost' kak uslovie gotovnosti magistra pedagogicheskogo obrazovaniya k issledovatel'skoj deyatel'nosti* [Research competence as a condition to the willingness of master of pedagogical education to research activity] // *Nauka i mir* Science and world. Volgograd. Nauchnoe obozrenie. 2014. Pp. 17-19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНАНИН Павел Валерьевич – ассистент кафедры социальной работы, аспирант Института педагогики и психологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: vpol4@ya.ru

АХМЕТОВА Лейсан Атласовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Елабужского института Казанского федерального университета. 423604, Республика Татарстан, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89.

E-mail: leisan81@mail.ru

БАЙКОВА Александра Васильевна – магистрант Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Olgabaik1996@mail.ru

БАЙКОВА Ольга Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Olgabaik1996@mail.ru

БАРИНОВА Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614600, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29. E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

БОБКОВ Олег Борисович – кандидат психологических наук, доцент кафедра тактики и общевоенных дисциплин филиала Военного учебно-научного центра ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина». 446007, Самарская обл., г. Сыз-

рань, ул. Маршала Жукова, д. 7.

E-mail: habol-oleg@mail.ru

ВНУТСКИХ Александр Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. E-mail: avnut@inbox.ru

ГАГИЕВА Анна Капитоновна – доктор исторических наук, профессор Коми Республиканской академии государственной службы и управления. 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11.

E-mail gngkol2@mail.ru

ГОЛОВАНОВА Людмила Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. 603950, ГСП-41, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24.

E-mail:burlova-nstu@vandex.ru

ДОЛЖИЧ Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов. 117923, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.

E-mail: korte@mail.ru,

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гариевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ЕЛКАНОВ Константин Русланбекович – старший преподаватель кафедры начального и дошкольного образования Северо-Осетинского государственного педагогического института. 362003, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ, ул. К. Маркса, д. 36.

E-mail: k.elkanov@mail.ru

ЕРШОВ Богдан Анатольевич – доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного технического университета. 394026, г. Воронеж, Московский просп., д. 14.

E-mail: bogdan.ershov@vandex.ru

ИЛЬИН Алексей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарного образования и социологии Альметьевского государственного нефтяного института. 423400, Республика Татарстан, г. Альметьевск, ул. Ленина, д. 2.

E-mail: alexeyilyin.74@mail.ru.

КАГУЙ Наталья Васильевна – доцент кафедры иностранных языков Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов. 423806, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, д. 28.

E-mail: n.v.kaguy@yandex.ru

КУЗЬМЕНКО Настасья Вячеславовна – аспирант кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета. 220032, Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, д. 21. E-mail: har_nastya@mail.ru

КУРТЕЕВА Ольга Валерьевна – руководитель Центра студенческих инициатив Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко. 427600, Республика Удмуртия, г. Глазов, ул. Первомайская, д. 25.

E-mail: kurtikolga@mail.ru

КЫЗЬЮРОВ Леонид Аркадьевич – заведующий отделом публикации и использования документов Национального архива Республики Коми. 167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 90.

E-mail arhivkomi@yandex.ru

ОБУХОВА Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Obuchova.75@mail.ru

ОСТАНИНА Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Петрозаводской государственной консерватории имени А. К. Глазунова. 185031, г. Петрозаводск, ул. Ленинградская, д. 16.

E-mail: ostaninasa@mail.ru

ПАНКРАТОВА Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. 603950, ГСП-41, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24.

E-mail: kia@nntu.nnov.ru

ПРОЦУКОВИЧ Елена Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Амурского государственного университета. 675027, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, д. 21.

E-mail: amursea@mail.ru

ПТИЦЫНА Елена Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры технологического образования Петрозаводского государственного университета. 185910, г. Петрозаводск, ул. Ленина, д. 33.

E-mail: ptycina@yandex.ru

Сведения об авторах

РЕШЕТОВ Владимир Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 390000, г. Рязань, ул. Ленина, д. 20.

E-mail: a.reshetova@rsu.edu.ru

САБИРОВА Римма Наилевна – старший преподаватель кафедры английского языка для естественнонаучных дисциплин Казанского федерального университета. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, 2-й корп. КФУ, ауд. 409.

E-mail: farida7777@yandex.ru

СИБГАТУЛЛИНА Альфия Ашрафулловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии Елабужского института Казанского федерального университета. 423600 г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89.

E-mail: a.sibgatullina@bk.ru

СИТДИКОВА Фарида Бизяновна – кандидат филологических наук, стар-ший преподаватель кафедры английского языка для естественнонаучных дисциплин Казанского федерального университета. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, 2-й корп. КФУ, ауд. 409.

E-mail: farida7777@yandex.ru

СИТНИКОВА Марина Петровна – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: solnyschko@mail.ru.

СУЧКОВ Андрей Викторович – старший следователь следственного отделения Кировского ЛО МВД России на транспорте, майор юстиции, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 610001, г. Киров, ул. Горького, д. 67.

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

СУЧКОВА Татьяна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры трудового и социального права юридического факультета Вятского государственного гуманитарного университета. 610002 г. Киров, ул. Красноармейская, 26, т. 953-676-48-28.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

ТИМШИН Вадим Алексеевич – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: timshinvadim@mail.ru

УЛЫБИН Евгений Николаевич – аспирант, ассистент кафедры исторического образования Школы педагогики Дальневосточного федерального университета. 692512, г. Уссурийск, ул. Пушкина, д. 15, к. 421.

 $E\text{-}mail: evgeniy_ulubin1988@mail.ru\\$

ФАТХУТДИНОВА Венера Габдулхаковна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Казанского федерального университета. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: favenera@mail.ru

ЧЕМОДАНОВ Игорь Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и культурной антропологии Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: etnos@vshu.kirov.ru

ЧЕМОДАНОВ Павел Андреевич – аспирант II курса кафедры отечественной истории Института истории и культуры Вятского государственного гуманитарного университета. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: pavelche 1492@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ANANIN Pavel Valer'evich – assistant on the Department of social work, postgraduate student of Institute of Pedagogy and Psychology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov.

E-mail: vpol4@ya.ru

AKHMETOVA Leysan Atlasovna – senior lecturer of the Department of Foreign Languages of Elabuga Institute of Kazan Federal University. 89, Kazanskaya str., 423600 Elabuga, Tatarstan Republic.

E-mail: leisan81@mail.ru

BAYKOVA Alexandra Vasilyevna – graduate student of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov.

E-mail: Olgabaik1996@mail.ru

BAYKOVA Olga Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor in the Department of linguistics and translation of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov.

E-mail: Olgabaik1996@mail.ru

BARINOVA Irina Aleksandrovna – PhD (Philology), Associate Professor of foreign languages, linguistics and intercultural communication of Perm National Research Polytechnic University. 29 Komsomolskiy Ave., 614600, Perm.

E-mail: barinova.i.a@yandex.ru

BOBKOV Oleg Borisovich – PhD (Psychology), Associate Professor in the Department of tactics and General military disciplines of the branch of the Military educational scientific center of air forces "Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin". 7 Marshal Zhukov str., 446007, Samara region, Syzran.

E-mail: habol-oleg@mail.ru

VNUTSKIH Aleksandr Yur'evich – Doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of Perm State National Research University. 15 Bukirev str., 614990, Perm.

E-mail: avnut@inbox.ru

GAGIEVA Anna Kapitonovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of Komi Republican Academy of State Service and Administration. Communist str., 167982, Republic of Komi, Syktyvkar.

E-mail: gngkol2@mail.ru

GOLOVANOVA Liudmila Nikolaevna – PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of foreign languages of Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alekseev. 24 Minin str., 603950, GSP-41, Nizhny Novgorod.

E-mail:burlova-nstu@yandex.ru

DOLZHICH Elena Anatolievna – PhD (Philology), Associate Professor of Department of foreign languages of the Russian University of Friendship of Peoples. 3 Ordzhonikidze str., 117923, Moscow.

E-mail: korte@mail.ru

DOMRACHEV Dmitry Garievich – PhD (Legal Sciences), head of the Department of state and legal disciplines of the Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ELKANOV Konstantin Ruslanbekovich – senior lecturer of the Department of primary and preschool education of North-Ossetian State Pedagogical Institute. 36 K. Marks str., 362003, Republic of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz.

E-mail: k.elkanov@mail.ru

Informatin about authors

ERSHOV Bogdan Anatolievich – Doctor of Historical Sciences, Professor of Voronezh State Technical University. 14 Moskovsky Ave., 394026, Voronezh.

E-mail: bogdan.ershov@yandex.ru

ILYIN Alexei Nikolaevich – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Humanitarian education and sociology Department of Almetyevsk State Oil Institute, 2 Lenin str., Almetyevsk, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

E-mail: alexeyilyin.74@mail.ru.

KAGUJ Natalia Vasilyevna – Associate Professor of Department of foreign languages of the Naberezhnye Chelny Institute of Social Pedagogical Technologies and Resources. 28 Nizametdinov str., 423806, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan.

E-mail: n.v.kaguy@yandex.ru

KUZMENKO Nastasya Vyacheslavovna – postgraduate student of the Department of General linguistics of Minsk State Linguistic University. 21 Zakharov str., 220032, Minsk, Belarus.

E-mail: har_nastya@mail.ru

KURTEEVA Olga Valerievna – head of the Center for student initiatives of Glazov State Pedagogical Institute n.a. V. G. Korolenko. 25 Pervomayskaya str., 427600, Glazov, Republic of Udmurtia. E-mail: kurtikolga@mail.ru

KYZJUROU Leonid Arkadyevich – head of the Department of publication and use of documents of the National Archive of the Republic of Komi. 90 Pervomayskaya str., 167000, Syktyvkar, Republic of Komi.

E-mail arhivkomi@yandex.ru

OBUKHOVA Olga Nikolaevna – PhD (Philology), senior lecturer of the Department of linguistics and translation of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov.

E-mail: Obuchova.75@mail.ru

OSTANINA Svetlana Aleksandrovna – PhD (Pedagogics), Associate Professor of the Department of humanitarian and socio-economic disciplines at Petrozavodsk State Conservatory named after A. K. Glazunov. 16 Leningradskaya str., 185031, Petrozavodsk.

E-mail: ostaninasa@mail.ru

PANKRATOVA Elena Nikolaevna – PhD (Pedagogics), Associate Professor of Department of foreign languages of Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R. E. Alekseev. 24 Minin str., 603950, GSP-41, Nizhny Novgorod.

E-mail: kia@nntu.nnov.ru

PROTSUKOVICH Elena Alexandrovna – senior teacher of Department of Foreign Languages of The Amur State University. 21 Ignatjevskaya str., 675027, Blagoveshchensk, Amur region.

E-mail: amursea@mail.ru

PTICYNA Elena Victorovna – PhD (Pedagogics), Associate Professor of technological education at Petrozavodsk State University. 33 Lenin str., 185910, Petrozavodsk.

E-mail: ptycina@yandex.ru

RESHETOV Vladimir Grigoryevich – Doctor of Philology, Professor of the Department of literature at Ryazan State University named after S. A. Yesenin. 20 Lenin str., 390000, Ryazan.

E-mail: a.reshetova@rsu.edu.ru

SABIROVA Rimma Nailevna – senior lecturer of the Department of English for natural sciences of Kazan Federal University. 35 Kremlyovskaya str., 2nd bldg. Kazan Federal University, room 409, 420008, Kazan.

E-mail: farida7777@yandex.ru

SIBGATULLINA Alfiya Ashrafullovna – PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of German Philology of the Elabuga Institute of Kazan Federal University. 89, Kazanskaya str., 423600 Elabuga, Tatarstan Republic.

E-mail: a.sibgatullina@bk.ru

SITDIKOVA Farida Bizyanovna – PhD (Philology), senior lecturer of the Department of English for natural sciences of Kazan Federal University. 35 Kremlyovskaya str., 2nd bldg. Kazan Federal University, room 409, 420008, Kazan.

E-mail: farida7777@yandex.ru

SITNIKOVA Marina Petrovna – postgraduate student the Department of criminal law disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov.

E-mail: solnyschko@mail.ru.

SUCHKOV Andrey Viktorovich – senior investigator of the Investigative Department of the Kirov Dept. of the Ministry of Internal Affairs of Russia on Transport, mayor of justice, postgraduate student of Department of criminal process and criminalistics of the Law Faculty of Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky. 67 Gorky str., 610001, Kirov.

E-mail: ansuchkov@rambler.ru

SUCHKOVA Tatiana Evgenievna – senior lecturer of the Department of labor and social law of the Law Faculty of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov, mobile number 953-676-48-28.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

TIMSHYN Vadim Alekseevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, doctoral candidate of the Department of Philosophy of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov.

E-mail: timshinvadim@mail.ru

ULIBIN Evgeny Nikolaevich – postgraduate student, assistant on Department of history education of the School of education of far Eastern Federal University. Room 421, 15 Pushkin str., 692512, Ussuriisk.

E-mail: evgeniy_ulubin1988@mail.ru

FATKHUTDINOVA Venera Gabdulhakovna – Doctor of Philology, Professor of Russian language and teaching methodology at Kazan Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.

E-mail: favenera@mail.ru

CHEMODANOV Igor Vladislavovich – PhD (History), Associate Professor of the Department of archeology, Ethnology and cultural anthropology of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmevskava str. 610002, Kirov.

E-mail: etnos@vshu.kirov.ru

CHEMODANOV Pavel Andreevich – postgraduate student of the II course of the Department of Russian history of Institute of history and culture of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya str. 610002, Kirov.

E-mail: pavelche1492@mail.ru

Вестник

Вятского государственного гуманитарного университета

Научный журнал № 10 (2015)

Подписано в печать 30.09.2015 г. Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,00. Тираж 1000. Заказ № 159.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета, 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26 (8332) 208-964

Отпечатано в полиграфическом цехе издательства ООО «Радуга-ПРЕСС» 610044, г. Киров, ул. Лепсе, 69-48 (8332) 262-390